

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Confined to Library

~~B. PG 3113. K57 (8)~~

PG 3113. P47. K5. Ed. 1 (8)

302495626.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Выпускъ 8.

МОСКВА.

Въ Типографіи П. Вахметова, на Сретенкѣ, д. Карлони.

1870.

Confined to Library

~~B. PG 3113. K54 (8)~~

PG 3113. P47. K5. Ed. 1 (8)

302495626.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Выпускъ 8.

МОСКВА.

Въ Типографіи П. Вахметова, на Срѣтенскѣ, д. Карлони.

1870.

По опредѣленію Общества:

1868, Февр. 23, и 1870 года, Апр. 24.

Секретарь и редакторъ П. Безсоновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ III.

ВЫПУСКЪ 8-й.

Выписки изъ протоколовъ засѣданій общества Л. Р. Сл.

Пѣсни Вышевыя и Историческія:

Русь Петровская.

Государь-царь Петръ Алексѣевичъ,
Царь Великій Петръ Первый,
Первый императоръ по землѣ.

	<i>Стран.</i>
I-я половинна Пѣсней Петровскихъ	1 — 113
Отдѣлъ I. Рожденіе.	1, 2
Рожденіе, первые годы и отъѣздъ на чужую сторону.	3 — 15
II. Возстаніе и казни Стрѣльцовъ.	16 — 21
Фазъ Князя, Большаго Боярина, Атамана Стрѣлецкаго	22 — 30
III. Правежъ.	30 — 36
IV. Государь борется съ драгуномъ.	37, 38
V. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ	39 — 50
Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками.	51
VI. Азовскіе походы.—Донскіе Козаки. Иванъ Заморянинъ	52 — 54
Самъ царь.	54 — 56
Ѣдетъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ	56, 57
Пріѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Москву: народъ зна- комится съ атаманомъ	57, 58
Атамановъ приказъ по Дону: сборы Донцовъ.	56, 59
Сборы солдатъ, новаго войска.	59, 60

II

	<i>Стран.</i>
Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда.	60 — 63
Плынуть подъ Азовъ: взяли городъ и поздравляютъ царя	64, 65
VII. Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Миняевичъ. . . .	65 — 68
Сенька Маноцковъ	69, 70
• Некрасовъ и князь Долгорукий.	71 — 75
Оплошность Донцовъ подъ Азовомъ и погоня имъ	75 — 78
Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.	78 — 85
Донской козакъ въ плѣну Турецкомъ	85, 86
VIII. Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ.	— 87
Жалоба Дона.	— 88
Челобитная Донцовъ	88, 89
Сворлыгинъ-Карыгинъ.	89 — 93
Ефремовъ	93, 94
Донской козакъ передъ царемъ. Тюрьма, допросъ, праведъ и милость.	95 — 105
IX. Царица Евдокія Федоровна Лопухина. Пѣсня Царицы. . . .	106 — 113

II-я половина Пѣсней Петровскихъ. . . . . 114 — 302

Война Сѣверная. Походы Шведскіе.

Отдѣлъ X. Русскій сонъ	114, 115
Видѣнье королю Шведскому	115, 116
Сборы Шведскіе.	116, 117
Сборы Русскіе.	117, 118
Выступъ войска	118, 119

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Отдѣлъ XI. Сборы и выѣздъ Шереметева. Пѣсня его.	119 — 125
XII. Шереметевъ и Шлиппенбахъ. Маіоръ земли Шведской. . . .	125 — 135
Тѣ же и Левенгауптъ	135, 136
XIII. Левенгауптъ и Краснощокъ	137
XIV. Орѣхъ—Орѣшекъ, Нетебургъ—Нюссбургъ, Шлюссельбургъ—Шлюшенъ.	138 — 146
То же (иначе).	146, 147
То же. Убить полковникъ	147, 148
Рычковъ на морѣ Варяжскомъ	148 — 153
Донцы на морѣ Верейскомъ, передъ самимъ королемъ Шведскимъ. . .	154, 155
XV. Царь на пути къ Шлюссельбургу. Козаки не узнали его. . .	156 — 160
XVI. Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно	160 — 167
XVII. Осада Выборга	167, 168

III

Стр.к.

XVIII. Сборнъ подъ Полтаву. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ	168 — 170
Полтавское дѣло	170 — 173
Полтава, Король Шведскій и Мазепа	173, 174
Плата Запорожцамъ за Полтаву	174, 175
XIX. Пѣсни Малорусскія . . . . . 176 — 211	
Поплатились Запорожцы за Полтаву.—Гордѣенко.—Царь Восточный и Голлицынъ	176 — 178
Замыслы Мазепы. Искра, Кочубей, Палий	178 — 185
Палий на свободѣ, битва подъ Полтавой. Король утекаетъ за одно съ Мазепою	186, 187
Погоня за Шведами до Бендеръ. Палий съ Гречкою	188
Съездъ Русскихъ. Свобода Палию и походъ его съ Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ бѣгство	189 — 196
Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разоренъ Батуринъ	197 — 200
Мазепа подъ Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство къ Бендерамъ и смерть Мазепы	200 — 202
Палий въ Сибирь	203 — 205
Старина про Палия и прочіе Малорусскіе отзывы о томъ времени	206 — 211
Отдѣлъ XX. Опять война 212	
XXI. Походъ Шереметева подъ Ригу	213
Государь ѣдетъ по морю. Рига взята	213, 214
XXII. Колывань—Ревель	215, 216
XXIII. Походы въ земли Шведскія и Турецкія, возвратъ и уроны	217 — 229
XXIV. Петровскія Канты . . . . . 230 — 260	
Слюсенбургъ	231 — 234
Нарва	234 — 236
Переходъ Шведовъ въ Малую Русь, Полтава, Мазепа	236 — 254
Рига	254 — 256
Прочія канты	256 — 260
Отдѣлъ XXV. Ладожскій кантъ . . . . . 261 — 264	
XXVI. Пѣсни Петровскія у Сербовъ	263 — 272
Отдѣлъ XXVII. Петръ Первый кончается . . . . . 273 — 276	
Смерть государя	276, 277
Плачь государыни	277, 278
Плачь войска	278 — 294
—	
XXVIII. Князя (Репнинъ) Меншиковъ, Гагаринъ	294 — 302
—	

IV

Дополненія

къ прежнимъ выпускамъ

и

Приложенія

къ VIII-му выпуску пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

	<i>Стран.</i>
Г.—Илья Муромецъ на Соколѣ кораблѣ	305 — 308
Добрый Молодецъ теряетъ жену	309, 310
Грозный царь Иванъ Васильевичъ и казаки Гребенскіе	310
Смутное Время. Поля Емеля	311
Убитъ Карамышевъ	312
Убитъ Астраханскій Воевода	313, 314
Стоянка Разина	315 — 317
Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань	317, 318
Пѣсня Разинская	319
Пѣсня Разинцевъ	320, 321
Татарскій полонъ	321 — 325
Канты передъ Петровскими	325 — 332
Безвременный Молодецъ	333 — 335
Плачи	335 — 338
Сказки о Петрѣ	339, 340
II. Замѣтка П. А. Безсонова къ 8-му выпуску (первая половина). I —	CXIX
Оглавленіе 8-го выпуска	I — IV

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1868 года, Февраля 23-го, ССL заседание, пунктъ 4.—Д. Ч. П. А. Безсоновъ представилъ, что имъ уже приготовленъ въ чернѣ текстъ 8-го выпуска «Пѣсенъ Кирѣвскаго,» заключающій въ себѣ *Пѣсни Вылевыя и Историческія о Петръ 1-мъ.*—Представленія Д. Ч. П. А. Безсонова были утверждены Обществомъ.

— 1870 года, Апрѣля 24-го, ССLXXV заседание, пунктъ 3.—Д. Ч. П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ изданный имъ по порученію Общества *восьмой* выпускъ «Пѣсеней, собранныхъ П. В. Кирѣвскимъ,» обнимающій *Пѣсни Вылевыя и Историческія изъ эпохи Петра 1-го,* съ цѣною для продажи въ 1 р. 50 к., при чемъ представилъ отпечатанные чистые листы и счета по изданію, а также доложилъ, что въ черновыхъ матеріалахъ имъ собранъ и подготовленъ къ изданію *выпускъ 9-й, съ Историческими Пѣснями отъ Петра 1-го до Александра 1-го и 1812 года,* предполагаемый къ печатанію въ теченіе предстоящаго лѣта и по объему матеріаловъ имѣющій стоить до 1 рубля сер. за экземпляръ; по прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь своему сочлену признательность за успѣшно выполняемое имъ изданіе, Общество постановило: выдать по счетамъ...; 8-й выпускъ по выходѣ разослать..., а относительно выпуска 9-го утвердить предположенія издателя и предоставить ему немедленно приступить къ печатанію.

---

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ виду повторяющихся прискорбныхъ явленій и во избѣжаніе неприятныхъ разбирательствъ впредь, покорнѣйше просить гг. сочинителей разныхъ теоретическихъ и историческихъ обзоровъ словесности, составителей хрестоматій и учебниковъ, издателей сего рода руководствъ, пособій и извлеченій: изъ подлежащаго изданія или прочихъ подобныхъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ Обществу Л. Р. Сл., *не перепечатывать цѣликомъ образцовъ или памятниковъ народной словесности, хотя бы краткихъ, но составляющихъ—каждый—отдѣльное цѣлое и особый номеръ, въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые, ибо симъ недозволительнымъ способомъ нарушается собственность Собрателей или ихъ наслѣдниковъ, право Общества и трудъ первыхъ Издателей, а продажа, возвращающая расходы и доставляющая фондъ для будущаго теченія дѣлу, подрывается къ явному ущербу.*

Выпускъ 8.

Пѣсни Вылевыя и Историческія,

Русь Петровская:

Государь-царь Петръ Алексѣевичь,

Царь Вѣдый, Петръ Первый,

первый императоръ по землѣ.

Во весельи въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младаго царевича,
Петра Алексѣевича.

*

Туть распахана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
Добрыхъ коней коньками;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонована была пашня
Еще тѣми же Мурзавецкими ковыями;
Поливана была пашня
Тюю ли христіанской кровью.

*

О семъ преславномъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ неслыханномъ,
Пѣти будетъ весельникъ по морю пространномъ,
Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
И проповѣсть иногда, лѣты изуренный,
Старецъ внукошъ: и, яко своими очима
Видя то, вѣдѣи старца нарекутъ блажна.

*

**ПОСВЯЩАЕТСЯ ИЗДАТЕЛЕМЪ
ДВУХСОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ**

30 МАЯ 1672 ГОДА.

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ.

I.

Рожденъе.

1.

(Кирша Давидовъ).

Когда ¹⁾ свѣтелъ-радошенъ во Москвѣ ²⁾
Благовѣрный ³⁾ царь Алексѣй царь ⁴⁾ Михайловичъ:
Народилъ Богъ ⁵⁾ ему сына царевича,
[Царевича] Петра Алексѣвича,
5. Перваго императора по землѣ ⁶⁾.

Всѣ-то Русскіе какъ ⁷⁾ плотники-мастеры ⁸⁾
Во всю ноченьку ⁹⁾ не спали,—
Колыбель-люльку ¹⁰⁾ дѣлали
Они младому царевичу.
10. А и нянюшки-мамушки,
Сѣвныя красныя ¹¹⁾ дѣвушки
Во всю ноченьку ¹²⁾ не спали,—
Шириночку ¹³⁾ вышивали
По бѣлому рытому ¹⁴⁾ бархату
15. Они ¹⁵⁾ краснымъ золотомъ.

¹⁾ Сахар. А что;—*Кост.* Ужъ какъ;—*Люб.* Какъ.—²⁾ *Кост.* въ Москвѣ.—*Люб.* въ каменной Москвѣ.—³⁾ *Кост.* Ласковый (небывалое прозвище, неловко перенесенное отъ Владиміра).—⁴⁾ *Кост.* сударь.—⁵⁾ *Кост.* Господь.—⁶⁾ *Кост.* Этого стиха нѣтъ: „Что царевича Петра Алексѣвича“.—⁷⁾ То есть: какъ и всѣ то; *Люб.* нѣту „какъ“.—⁸⁾ *Кост.* Какъ и всѣ-то Русскіе плотнички, Что плотнички—сами мастера (разбавлено).—⁹⁾ *Кост.* Они почку.—¹⁰⁾ Тождество (эпическая тавтологія).—¹¹⁾ *Кост.* сѣвны.—¹²⁾ *Кост.* Онѣ почку.—¹²⁾ У Калайдовича ошибочно прочтано: „Шинкарочку;“ *Кост.* исправлено, а Сахар. (придуманно по обычаю) „одѣлаицо“.—¹⁴⁾ *Люб.* Что по бѣл. рыт.;—*Сахар.* По бѣлу рыту.—¹⁵⁾ *Кост.* и *Люб.* опущено.

- [А и] тюрьмы съ покаянными ¹⁾—
 Они ²⁾ всё распущались ³⁾,
 А и погребы царскіе—
 Они всё растворялись ⁴⁾.
 20. У царя благовѣрнаго ⁵⁾
 Еще ⁶⁾ пиръ и столъ на радости,
 А князи собиралися,
 Бояра ⁷⁾ съѣзжались
 И дворяне сходилися ⁸⁾;
 25. А все ⁹⁾ народъ Божій на пиру
 Пьютъ—ѣдятъ, прохлаждаются ¹⁰⁾
 Во весельи въ радости ¹¹⁾
 Не видали, какъ дни прошли ¹²⁾,
 Для младаго ¹³⁾ царевича.
 30. Петра Алексѣевича,
 Перваго императора ¹⁴⁾.

(Ср. „Древн. Росс. Стихотворенія,“ подъ заглавіемъ: „Свѣтель-радошень царь Алексѣй Михайловичъ.“—Разворота: 1) *Сахарова* „Сказанія,“ т. 1; 2) *Костомарова* и *Мордочевой* сборникъ въ „Лѣтописяхъ Р. литер. и древн.“ т. IV; 3) *С. М. Любцака*:^q въ сборникъ, пѣсни, неизвѣстно гдѣ и когда записанная).

* *

¹⁾ „А и тюрьмы съ покаянными:“ такъ у *Люб.*, такъ по составу стиха и согласно стиху слѣдующему; *покаянные*—то же, что вышѣ *несчастные*, тюремные, затворники, заключенные. — ²⁾ Онѣ, тюрьмы, какъ и выше *они*—дѣвушки. — ³⁾ *Кост.* приправлено: „А втапоры затюремнички они всё распущались;“ — *Сахар.* сочинено: „Бояре тюрьмы съ покаянными всё распущали.“ — ⁴⁾ *Кост.* Царскіе погребы они всё растворялись; *Сахар.* А погребы царскіе они всё растворяли (И. П. Сахарова смѣшало слово *они*).—⁵⁾ *Кост.* у ласковаго (какъ и выше).—⁶⁾ *Кост.* Шель;—*Люб.* Пошоль.—⁷⁾ *Люб.* и *Сахар.* Бояре.—⁸⁾ Стихи приблизительно должны быть:

А князи-бояра собиралися,
 Сбиралися-съѣзжались
 И дворяне сходилися.

Кост. (разбавлено) Всѣ князья, бояре къ царю собиралися, Всѣ дворяне ко ласковому съѣзжались.—⁹⁾ Д. б. „Весь;“ такъ и исправлено *Кост.*—¹⁰⁾ Множественное при собирательномъ „народъ.“—*Сахар.* А все народъ Божій. На пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются.—¹¹⁾ По стиху д. б. „во радости;“ *Кост.* одно: „Въ весельи.“—¹²⁾ *Люб.* Въ томъ ли весельѣ, на великой радости, Не видали они, какъ дни прошли.—¹³⁾ *Кост.* Все для младшаго (!).—¹⁴⁾ Какъ и

Рожденъе, первые годы и отъѣздъ на чужую сторону.

1.

(Симбирск. губ., у. Смаранскаго, село Рѣльѣвка).

Что у насъ въ каменной Москвѣ приуныли,

Во большой колоколь звонили ¹⁾:

Породила ²⁾ царевича

Свѣтъ Петра Алексѣевича.

5. Нянюшки-мамушки

Всеё ночь не спали.—

Одѣяльце простегали

На чистыемъ сѣребрѣ,

На красныемъ золотѣ.

10. Плотнички-мастеры

Всеё вочку простукали,—

Колыбелку продѣлали ³⁾.

*

выше, прибавка позднѣйшая.—*Кост.* прибавлено, пропущенное въ 5-мъ стихѣ, „Перваго императора по землѣ.“—У *Люб.* окончаніе:

Для млада царевича Петра Алексѣевича.

Для того ли славнаго перваго императора.

То старина, то и дѣяніе.

Какъ бы снему морю на утѣшенъе,

Молодымъ молодцамъ на перѣманъе (перешманъе),

Еще намъ; Веселымъ Молодцамъ (скоморохамъ, смѣнившимъ древнихъ пѣвцовъ), на потѣшенъе.

Сидючи во бесѣдѣ смиренныя,

Испиваючи медъ, зелено вино.

Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ

Тому боярину великому

И хозяину своему ласковому (ср. этотъ конецъ въ прежнихъ выпускахъ).

¹⁾ Это „унылое“ начало, несоответственное веселью рожденъя, взято отъ многочисленныхъ Былевыхъ пѣсенъ о смерти царей (см. ихъ ниже и въ другихъ выпускахъ); внезапный звонъ большого колокола пугалъ одинаково, ибо могъ возвѣщать, и чаще, чѣмъ рожденъе, напротивъ смерти, пожары и прочія бѣдствія какъ набать.—²⁾ Государыня.—³⁾ Переходъ постепенный отъ сего начала къ дальнѣйшему, къ Добрыѣ, Безымянному Молодцу, вноска-завѣтъ и олицетвореніямъ, связь и смыслъ подобныхъ переходовъ см. съ

1*

- Отломилася вѣточка
Отъ сахарнаго дѣревца;
15. Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго дѣревца ¹⁾:
Отъѣзжалъ Добрый Молодецъ
Отъ отца своего—матери;
Лишился же ²⁾ Добрый Молодецъ
20. Своей родной страны;
Пріѣхалъ же Молодецъ
Къ быстрой рѣчкѣ Смородинкѣ;
Переѣхалъ же Добрый Молодецъ
Черезъ быструю рѣчку Смородинку.
25. Переѣхавши Молодецъ
Сталъ похвалиться:
«Охъ ты гой еси, рѣчинька,
«Рѣка быстра Смородинка!
«Ты въ славѣ была, рѣчинька,
30. «Рѣка была славная.»
И сталъ надъ ней смѣяться:
«Хуже озера стоячаго,
«Поганой калужины ³⁾!»
- Позабылъ Добрый Молодецъ
35. На той странѣ два ножа,
(Два ножа) два булатные;
Воротился же Молодецъ
За ножами за булатными.
Онъ на первую ступень ступилъ—

подробностию въ „Замѣткѣ“ на концѣ выпуска. Здѣсь же различный составъ обозначенъ различными шрифтами.

¹⁾ Д. б. „Отъ садовой отъ яблоньки.“—²⁾ Выѣхалъ изъ.—³⁾ Стока лужь, соединенія ихъ; лужи извилистой (въ сихъ случаяхъ у насъ приставка *ка* то же, что нѣмецкое *ge*).

40. Потопилъ коня добраго;
На другую ступень ступилъ—
Потонулъ Добрый Молодецъ.

- Пріѣзжаетъ его матушка,
Говоритъ быстрой рѣчинькѣ:
45. «Охъ ты гой еси, рѣчинька,
«Рѣка быстра Смородинка!
«Потопила ты моего сына,
«Сына любимаго,
««Любимаго, единаго.»»
50. Говоритъ-то ей рѣчинька
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
—Охъ ты гой еси, баба старая,
—Стара баба—матѣрая!
55. —Не я его потопила,
—Потопила его похвала молодецкая.—

(Записано Язиковымъ).

*

2.

(Сызрань).

- Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь весель былъ,
Онъ и весель, и радощепъ:
5. Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки, и мамушки
Всеё ночьку просидѣли,—
Сороченьку прошили
10. По атласу, по бархату,

- По чистому по золоту,
 По мелкому серебру;
 Тутъ-то плотнички-мастеры
 Всес ночьку простукали,—
 15. Колыбелушку строили.

*

- Отломилася вѣточка
 Отъ садовой отъ яблонки,
 Откатилось яблочко:
 Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
 20. На чужу-дальну сторону,
 На чужу-дальну сторону—
 За рѣку за Смородину.

- Подъѣзжаетъ же молодецъ
 Ко рѣкѣ ко Смородинѣ:
 25. Онъ воскликнетъ же—возгаркнетъ
 Громкимъ голосомъ:
 «Охъ ты рѣчушка, рѣчушка,
 «Мать быстра рѣка Смородина!
 «Широкимъ ты не широкая,
 30. «Глубокимъ ты глубокая!
 «Есть ли на тебѣ на рѣчушкѣ
 «Переходы-то частые,
 «Переброды-то мелкіе?»
 Возговорить рѣчушка
 35. Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красною дѣвицей:
 —Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
 —Добрыня Никитъевичъ!
 —Нѣтъ-то на мнѣ на рѣчушкѣ
 40. —Переходовъ-то частыхъ,
 —Перебродовъ-то мелкихъ;

- Только есть на мнѣ на рѣчушкѣ
 —Два мѣсточка калиновыхъ,
 —И то они во далечѣ
45. —Во чистомъ полѣ.—
 Возговорить молодецъ,
 Добрыня Никитъевичъ:
 «Что же ты, рѣчушка,
 «Съ перевозу съ насъ берешь?»
50. Возговорить рѣчушка
 Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красной дѣвицей:
 —Охъ ты гой еси, молодецъ,
 —Ты Добрыня Никитъевичъ!
55. —Съ перевозу-то съ васъ беру:
 —По добру коню наступчату ¹⁾,
 —По сѣделечку Черкасскому,
 —По удалу-добру молодцу;
 —А тебя я, добрый молодецъ,
60. —Я тебя и такъ перещуцу
 —За слова твои за ласковы,
 —За поклоны за низкіе.—

- Переѣхалъ же молодецъ
 Черезъ рѣку чрезъ Смородину
65. И сталъ похвалятися,
 Надъ рѣкой посмѣхатися:
 «Сказали про рѣчушку,
 «Сказали про быструю,
 «Что эта рѣчушка
70. «Широкимъ широкая,
 «А глубокимъ глубокая:
 «Анъ эта рѣчушка

¹⁾ Что выступаетъ впередъ бодрой и твердой поступью.

«Хуже озера стоячаго.

«Какъ дождева калужина!»

75. Какъ возговорить рѣчушка

Душой красной дѣвицей:

—Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,

—Ты Добрыня Никитъевич!

—Воротись ты за меня, за рѣчушку:

80. —Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,

—Два ножа, два булатныхъ.—

Воротился молодецъ

За рѣку за Смородину:

Онъ на первую ступень ступилъ,—

85. Онъ добра коня потопилъ;

Онъ на другую ступень ступилъ,—

Сѣделичко Черкасско потопилъ;

На третью ступень ступилъ,—

Самъ тутъ утонулъ.

(Записано Языковымъ; ср. у насъ выпускъ 2-й).

*

3.

(Кирша Даниловъ)¹⁾.

Когда было Молодцу

пора-время великое²⁾,

честь-хвала молодецкая,

Господь-Богъ миловалъ,

Государь-царь жаловалъ,

¹⁾ Старина эта, по связи содержания, въ самомъ сборникѣ Кирши поставлена *рядомъ* съ рожденьемъ Петра; особенная форма Старины, переходящей въ рассказъ говоркомъ, сдѣлала то, что каждый почти второй, и даже третій стихъ, теряя самостоятельность склада, присоединяется къ первому какъ прибавка; мы и печатаемъ эти разрушенные стихи особымъ способомъ.—²⁾ Когда все было въ пору и въ время, съ великою удачей.

- Отець-мать Молодца у себя
во любви держаль ¹⁾,
А и родъ-племя на Молодца
не могутъ насмотрѣтися,
5. Сусѣди-ближніе
почитають и жалуютъ,
Друзья и товарищи
на совѣтъ съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать,
крѣпку думушку думати,
Они про службу царскую
и про службу воинскую ²⁾.

*

- Скатилась ягодка
съ сахарнаго деревца,
10. Отломилась вѣточка
отъ кудрявья отъ яблони:
Отстаеъ Доброй Молодець
отъ отца—сынъ—отъ матери;

*

- А нынѣ ужъ Молодцу
безвременье великое:
Господь-Богъ прогнѣвался,
государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отець и мать Молодца у себя
не въ любви держать,
15. А и родъ-племя Молодца
не могутъ и видѣти,
Сусѣди-ближніе
не чтуть—не жалуютъ,
А друзья-товарищи
на совѣтъ не съѣзжаются,

¹⁾ Согласовано съ „отець,“ какъ выше со „временемъ.“ — ²⁾ За симъ перерывъ, ибо слѣдующіе три стиха составляютъ собственно начало втораго отдѣла Старинны.

Совѣту совѣтовать,
 крѣпку думушку думати,
 Про службу царскую
 и про службу воинскую.
 20. А вынѣ ужъ Молодцу кручина великая
 и печаль немалая ¹⁾).

Съ кручины, де, Молодецъ,
 со печали великія,
 Пошелъ, Доброй Молодецъ,
 онъ на свой конюшенной дворъ.
 Бралъ, Доброй Молодецъ,
 онъ добра коня стоялаго,
 Наложилъ, Доброй Молодецъ,
 онъ уздицу тесмянную,
 сѣделечко Черкесское,
 25. Садился Доброй Молодецъ
 на добра коня стоялаго,
 Поѣхалъ Доброй Молодецъ
 на чужу-дальну сторону.

Какъ бы будетъ Молодецъ
 у рѣки Смородины,
 А и взмолился Молодецъ:
 «А и ты, мать быстра рѣка,
 ты быстра рѣка Смородина!

---

¹⁾ Все это начало относится уже къ другимъ Безвременнымъ или Молодецкимъ пѣснямъ, о Безвременномъ или Неудачливомъ Молодцѣ, о женѣ его неудачливой, объ отъѣздѣ въ Литву къ Королевнѣ Политовской, о Горѣ и т. п.: эта связь указана уже не разъ въ прежнихъ выпускахъ и въ нашемъ изданіи сборника Рыбниковскаго. Второй же отдѣлъ Старины, слѣдующій за симъ, о гибели въ Смородинѣ, начинается собственно стихами, вѣзавшимися выше: „Скатилась ягодка;“ а первый отдѣлъ той же Старины, о рожденіи, имѣющійся въ двухъ предшествующихъ образцахъ, здѣсь уже утраченъ.

30. «Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
ты про броды кониные,
про мосточки калиновы,
перевозы частые.»

Провѣщится быстра рѣка
человѣческимъ голосомъ
да и душой красной дѣвицей.

—Я скажу тѣ, быстра рѣка,
Доброй Молодецъ,

—Я про броды кониные,
про мосточки калиновы,
перевозы частые.

—Со броду конинаго я беру
по добру коню,

35. —Съ перевозу частаго
по сѣделечку Черкесскому,

—Со мосточку калинова
по удалому Молодцу:

—А тебя, Безвременнаго Молодца ¹⁾,
я и такъ тебя пропушу.—

Переѣхалъ Молодецъ
за рѣку за Смородину,

Онъ отѣхалъ, Молодецъ,
какъ бы версту—другую,

40. Онъ своимъ глупымъ разумомъ,
Молодецъ, похваляется:

«А сказали про быстру рѣку
Смородину,

««Ни пройти, ни проѣхати
ни пѣшему, ни конному:»

¹⁾ Когда прошло его „время,“ сталъ онъ „Безвременнымъ,“ неудачливымъ, несчастнымъ.

«Она хуже, быстра рѣка,
 тое лужи дождевыя ¹⁾»
 Скричить за Молодцемъ, какъ въ сугонь ²⁾,
 быстра рѣка Смородина

45. Человѣческимъ языкомъ,
 душой красной дѣвицей:
 —Безвременной Молодецъ!
 ты забылъ за быстрой рѣкой
 —Два друга сердечные—
 два остра ножа булатные,
 —На чужой-дальной сторонѣ
 оборона великая.—

- Воротился Молодецъ
 за рѣку за Смородину:
 50 Не лзя что не ѣхати ³⁾
 за рѣку за Смородину,—
 Не узналъ Доброй Молодецъ
 того броду конинаго,
 Не увидѣлъ Молодецъ
 перевозу частаго,
 Не нашель, Доброй Молодецъ,
 онъ мосточку калинова;
 Поѣхаль, де, Молодецъ,
 онъ глубокими омуты.
 55. Онъ перву ступень ступилъ,—
 по черевъ конь утонулъ;
 Другу ступень ступилъ,—
 по сѣделечко Черкесское;

---

¹⁾ Читайте: „другую;“ „дождевыя;“ „дѣвицей“ и т. п.—²⁾ Въ слѣдъ, въ погоню.—³⁾ Испорчено вмѣсто: „нелзя ни йти, ни ѣхати;“ изъ этого образовался новый отгѣнокъ смысла: „нелзя же ему не вернуться, по такимъ словамъ, за друзьями.“

Третью ступень конь ступилъ,—
уже гривы не видѣти.

А и взмолился Молодецъ:

«А и ты, мать быстра рѣка,
ты быстра рѣка Смородина!

60. «Къ чему ты меня топишь,
Безвременнаго Молодца?»

Провѣщитса быстра рѣка
человѣческимъ языкомъ,
она душой красной дѣвицей:

—Безвременной Молодецъ!

—Не я тебя топлю,

Безвременнаго Молодца:

—Топить тебя, Молодецъ,
похвальба твоя—пагуба.—

65. Утонулъ Доброй Молодецъ
во Москвѣ рѣкѣ, Смородинѣ;

Выплывалъ его доброй конь
на крутые берега;

Прибѣгалъ его доброй конь
къ отцу его и матери;

На лукъ на сѣдельныя
ярычекѣ, написанной:

««Утонулъ Доброй Молодецъ
во Москвѣ рѣкѣ, Смородинѣ¹⁾.»»

(Др. Росс. Стихотвор.).

*

¹⁾ По преданію, здѣсь подтвержденному, это древнее имя Русское при другомъ, еще болѣе древнемъ, Чудскомъ (Финскомъ) имени рѣки „Москвы;“ ср. въ концѣ выпуска „Замѣтку.“

(Губ. Олонецкой, въ Тихвинскомъ погостѣ, Каргопольскаго у.).

- Богъ Молодца не милуетъ,
 Государь Молодца не жалуеъ,
 Дружья-братья-товарищи
 На совѣтъ не сѣзжаются,
5. И нѣтъ на Молодцѣ ни чести-похвалы молодецкія.
 Жениль-то его родной батюшка
 На чужой на дальной сторонущѣ
 И бралъ за женою приданаго
 Три черленыхъ три карабля:
10. Первый грузонъ карабль златомъ и серебромъ,
 А другой грузонъ карабль скатнымъ жемчугомъ,
 А третій грузонъ карабль женнымъ приданнымъ.
 Тутъ-то Добру Молодцу молода жена
 Не въ любовь пришла, не по разуму.

*

15. Бралъ онъ себѣ добра коня наступчива,
 И сѣделышко Черкасское, и плетку шелковую,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
 «Лучше мнѣ сѣделко Черкасское всего женинаго приданаго,
20. «Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены.»
 Да взялъ-то съ собою Добрый Молодецъ
 Два товарища, два надѣйные,
 Два ножичка, два булатніе;
 Поѣхалъ на чужую-дальнюю сторонущу.
25. Доѣхалъ до рѣчки Смородинки,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
 «Есть ли чрезъ тебя, рѣку Смородинку,
 «Перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе?»

30. Отвѣчала она чѣловѣческимъ голосомъ:
 —Есть чрезъ меня перевозки-то узкіе, переброды-то мелкіе,
 —Есть три мосточка; три калиновыхъ;
 —На первомъ беру на мостъ сѣделко кованое,
 —На другомъ беру на мостъ коня наступчива,
 35. —На третьемъ самого Добра Молодца;
 —А тебя, Добра Молодца, и такъ пущу.—

Переѣхалъ Добрый Молодецъ чрезъ рѣку Смородинку,
 Самъ говорилъ таково слово:

- «Сказали мнѣ, Добру Молодцу,
 40. «Что течетъ рѣка Смородинка быстра и грозна:
 «А нынче рѣка Смородинка течетъ будто вода болотняя,
 «Болотня вода со ржавчинкой.»

Да забылъ Добрый Молодецъ за рѣчкой Смородинкой

- Два товарища, два надѣйные,
 45. Два ножичка, два булатніе,
 И поѣхалъ за рѣчку Смородинку.
 На первомъ мосту брала сѣделко кованое,
 На другомъ брала добра коня наступчива,
 На третьемъ брала самого Добра Молодца.
 50. Взмолился Добрый Молодецъ:
 «Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
 «Не топи, не губи меня, Добра Молодца!»
 Говорила рѣка Смородинка такovy слова:
 —Ай ты, удалый-дородный Добрый Молодецъ!
 55. —Не я тебя топлю, не я гублю,
 —А топить тебя—губить честь-похвала молодецкая!—

Только Добрый молодецъ и живъ бывалъ:
 Оставалась его нелюба жена.

(Ср. *Рыбник*. ч. 1, № 82, тамъ же Быльми о Добрыиъ и сердитой Пучай-рѣкѣ, а
 также у насъ выпуски 2-й и 7-й).

* * *

II.

Возстанія и казни Стрѣльцовъ.

1.

(губ. Симбирской, с. Головино).

Бывало, де, православный царь
 Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:
 Нынче государь на насъ прогнѣвался
 И хочетъ стрѣльцовъ казнить—вѣшати.
 5. Съ самаго съ атамана голову рубить.

Сходились стрѣльцы во единый кругъ,
 Они думали крѣпку думу за единую,
 Посылали атамана къ самому царю:
 «Поди-ка, атаманъ, къ самому царю,
 10. «Кланяйся царю въ рѣзвы ноженьки,
 «Проси у царя большой милости:
 «Не можно ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?
 «Возьмемъ мы ему городъ, который надобно.
 «Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху.
 15. «Безъ его снаряду государева ¹⁾,
 «Возьмемъ городъ грудью бѣлюю.»

Тутъ пошолъ атаманъ къ самому царю,
 Пошолъ онъ вдоль по улицѣ,
 Подходить онъ къ государеву Двору.
 20. На то время государь-царь по дворицу гуляетъ.
 Онъ и палъ, молодець, на колѣночки,
 Сталъ кланяться царю въ рѣзвы ноженьки,
 Сталъ просить у него большой милости:
 «Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
 25. «Всея Руси царь Петръ Ѳедорычъ ²⁾!

¹⁾ Безъ нововведеній, принятыхъ въ новомъ войскѣ.—²⁾ У новаго пѣвца
 прежнее имя уже замѣнено богѣ новымъ.

- «Не можно ли насъ, стрѣльцовъ, простить?
 «Возьмемъ мы тебѣ городъ, который надобно,
 «Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
 «Безъ твоего снаряду государева,
 30. «Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»
 Выходитъ царь-государь на Красенъ Крылецъ,
 Возговоритъ онъ громкимъ голосомъ:
 —Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
 —И нѣтъ отъ меня вамъ милости.
35. —Ступай, собирай стрѣleckое свое войско,
 —Гони-ты ихъ на Красну Площадушку,
 —А которыхъ на поле на Куликово-то ¹⁾:
 —Кого стану казнить, кого вѣшати,
 —Съ тебя, съ атамана, голову рубить.—
40. Тутъ у молодца рѣзвы ноги подогнулися,
 Бѣлы руки его опустилися,
 Буйна его головушка съ плечь долой катится,
 Соболина его шапочка изъ рукъ выпала,—
 Соболина шапка на немъ во сто рублей,
45. А кунья шуба на молодцѣ во тысячу.
- Пошолъ молодець съ широка двора,
 Съ того двора съ государева.
 Входитъ во Стрѣleckу большу улицу;
 Тутъ не золота трубонька вострубила,
 50. Не серебряна сплѣвинка ²⁾ возъигрывала,
 Тутъ вскричалъ атаманъ громкимъ голосомъ,
 Чтобы слышно было по всему городу:
 «Охъ вы гой еси, стрѣльцы, добры молодцы!
 «Вы ступайте, убирайтесь вонъ изъ города:
 55. «И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя большой милости,
 «Велѣлъ гнать на Красную Площадушку,

¹⁾ Московскія Былны повсюду перевели эту мѣстность въ Москву (смѣшная „поле Кучково“): ср. вып. 6-й.—²⁾ *Силовка, соплъь, народный и войсковой духовой инструментъ.*

«А которыхъ на поле на Куликово-то,
«Кого хочеть казнить, кого вѣшати,
«А съ меня, съ атамана, голову рубить.»

(Записано Языковымъ).

*

2.

(Сызрань).

- Во далечѣ, во далечѣ во чистомѣ полѣ,
А еще того подалѣ во раздольицѣ,
Тутъ на красное солнышко выкаталося:
Выѣзжаетъ-то удалый-добрый молодецъ,
5. Еще тотъ же стрѣлецкій атаманушка.
Хороша-больно на молодцѣ приправушка:
Подъ нимъ добрый конь ровно лютый звѣрь,
Кольчуга-то на молодцѣ серебряная,
Соболина на немъ шапка до могучихъ плечъ,
10. На немъ тугій лукъ какъ свѣтѣль мѣсяцъ,
Калены стрѣлы какъ часты звѣзды.
Онъ и держить путь-дороженьку въ каменну Москву,
Онъ и горы и доли въ перескочъ скакаль,
Темные лѣсы между ногъ пускаль,
15. Быстрыя рѣки перепрыгиваль.
Возѣзжаетъ онъ во матушку каменну Москву,
Прѣѣзжаетъ ко дворечушку ко судареву.
Караульщиковъ онъ не спрашиваль,
Приворотничкамъ не билъ челомъ,
20. Онъ и бьетъ своего добра коня—не жалуеть,
Его добрый конь осержается.
Отъ сырой мати-земли отдѣляется,
Перепрыгиваль онъ стѣнушку бѣлокаменну;
Подѣѣзжаетъ онъ ко крылечушку ко судареву.
25. Воскрикнетъ онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
«Во всеѣ Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичь!
«Ты за что про что на насъ, сударь, прогнѣвался,

- «Ты за что нашъ зеленый садъ хочешь выжечь—вырубить.
 30. «Всѣ и вѣтвицы—кореньицы повысушить?
 «Не можно ли тебѣ, сударь, насъ стрѣльцовъ простить?
 «Мы возьмемъ тебѣ городъ, какой надобно,
 «Безъ свинцу—то мы—безъ пороху сударева,
 «Мы безъ ружеецъ, безъ сабелекъ безъ вострыхъ,
 35. «Мы возьмемъ тебѣ городъ своей грудью бѣлюю.»
 Выходилъ—то тутъ батюшка православный царь,
 Во однихъ—то онъ чулочкахъ, онъ, безъ чоботовъ,
 Во одной—то онъ сорочкѣ, онъ, безъ панцуровъ;
 Воскричить—то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
 40. —Охъ ты гой, стрѣлцкой атаманушка!
 —Ужь и вотъ—то я съ боярами подумаю,
 —Съ сенаторами съ фельмаршалами перевѣдаю.—
 Ужь возговорить тутъ стрѣлцкой атаманушка:
 «Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
 45. «Во всеѣ Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичь!
 «Въ глазахъ ты меня, сударь, обманывашь;
 «Не видать тебѣ меня у себя ¹⁾ въ дворцѣ!»

- Онъ и бьетъ своего добра коня—не жалуетъ,
 Его добрый конь осержается,
 50. Отъ сырой мати—земли отдѣляется,
 Перепрыгивать онъ стѣнушку бѣлокаменну,
 Онъ и держитъ путь—дорожку во далече во чисто поле;
 Возъѣзжаетъ онъ во стрѣлцкую армеюшку,
 Воскричить—то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
 55. «Охъ вы гой: еси, стрѣлцкія головушки!
 «Еще хочеть насъ православный царь всѣхъ жаловать,
 «Жаловать хоромами, хоромами высокими,—
 «Двумя столбами дубовыми
 «И петлями шелковыми!»

(Языковъ).

¹⁾ Это дурно записано и вѣроятно подправлено.

- Дотолѣва зѣленъ ¹⁾ садъ зѣленъ стоялъ:
 А нонче зѣленъ садъ присохъ—приблѣкъ,
 Присохъ—приблѣкъ, къ землѣ прилѣгъ,
 Приуныли въ садочкѣ вольны пташечки,
 3. Всѣ горькія кукушечки.

- На зарѣ было на утренней,
 На восходѣ солнца краснаго,
 Государь—царь по дворцу гулялъ,
 Онъ въ однѣхъ чулкахъ безъ чоботовъ,
 10. Товенькій созымчикъ ²⁾ на спашечку.
 На всѣ сторонки обзирался:
 Никто неидеть къ Бѣлу царю съ повинной,
 Ни князья, ни бояре, ни сильны могучи богатыри:
 Только одинъ изъ нихъ пошолъ добрый молодець,
 15. По имени Иванушка Ивановичъ,
 Стрѣлецкій атаманушка.
 Несеть съ собой топоръ и плаху.
 Подходилъ онъ къ Бѣлу царю близѣхонько,
 Кланялся Бѣлу царю низѣхонько,
 20. Рѣчь возговорилъ добрый молодець Бѣлу царю:
 «Гой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
 «Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
 «Никто неидеть къ тебѣ, къ Бѣлу царю, съ повинною,
 «Только я пришолъ къ тебѣ съ повинною,
 25. «Принесъ съ собой топоръ и плаху.»
 Рѣчь возговорить православный царь:
 —Да Богъ проститъ тѣ за всѣ вины, да и я прощу!—

Послалъ въ силу—ратію ³⁾ послашника,
 Шла бы шла ратія къ Бѣлу царю съ повинною:

---

¹⁾ Зеленый.—²⁾ *Озымъ* (ознать, ознимать) то же, что *зымъ* (снять, занять, заппнать), сначала на застежкахъ, потомъ завашной полный каготанъ халатомъ; частіиѣ *зымъ*—застежкою, *озымъ* завашкою.—³⁾ Рать.

30. Опять никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинною.

На то же православный царь осержанлся,
Приказалъ ихъ всѣхъ казнить-вѣшать.

(Кир.).

Сравните Ивана Ивановича ниже, въ Ковакахъ.

*

4.

(Съ Урала).

Тонко-звонко во Успенскій большой колоколъ ударилъ.

У крыльца-крыльца было параднаго,

Стоялъ тутъ стрѣлецкій атаманушка:

Во правой рукѣ держитъ коня добраго,

5. Собориную шапочку подъ пазушкой.

Со крыльца идетъ надежа православный царь,

Въ одномъ ситцевомъ халатѣ на распашечку,

Въ однихъ шелковыхъ чулочкахъ и безъ туфелькъ.

Какъ возговорить стрѣлецкій атаманушка:

10. «Охъ ты гой еси, надежа, православный царь!

«Не возможно-ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ престить?»

Что возговорить надежа православный царь:

—Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!

—Поѣзжай ты скоро во Слободы Стрѣлецкя,

15. —И я тамъ буду кого любить, кого жаловать,

—И кого буду казнить и вѣшать.—

Еще тутъ-то стрѣлецкій атаманушка призадумался:

Подогнулися у стрѣльца рѣзвы ноженьки,

И опустилися бѣлы рученьки,

20. И выпадаетъ изъ рукъ шапочка.

(Отъ В. Н. Дала).

* *

Казнь Князя, Большаго Боярина, Атамана Стрѣ-
лецкаго.

1.

- Изъ Кремля-Кремля, крѣпка гóрода,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
5. Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Кажь ведутъ казнить тутъ добра молодца,
Добра молодца, Большаго Барина ¹⁾,
Что Большаго Барина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго Величества ²⁾.
10. Онъ идетъ ли молодець—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется ³⁾.
Передъ нимъ идетъ грозѣнъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остѣръ топоръ,
15. А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьѣ выговариваютъ ⁴⁾:
20. «Ты дитя ли наше милое!
«Покорися ты самому царю,
«Принеси свою повинную,

¹⁾ Въ другихъ „боярина.“—²⁾ *Дмитр.* „къ отечеству.“—³⁾ *Дмитр.* „И въ измѣнѣ не катса.“—⁴⁾ Въ изд. *Якушкина*, 1865 г. (записано А. А. Григорьевымъ у Цыганъ):

Позади пять отецъ съ матерью,
Отецъ съ матерью, молодая жена.
Отецъ-мать во слезахъ слово молвилъ.—*Дмитр.* „Они взрыдъ
говорать ему.“

«Авось тебя государь-царь пожалуетъ ¹⁾,
«Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ»»

25. Каменѣетъ сердце молодецкое ²⁾,
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
30. Привели его на Площадь Красную,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи ³⁾.

(Пѣсенникъ Чулковскій и Новиковскій; Дмитриева и др.).

Конецъ пѣсни явно подправленъ.

*

¹⁾ Въ другихъ:

Авось тебя Богъ помилуетъ,
Государь-царь пожалуетъ.

Якушк.:

Царю Бѣлому, Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную;
Авось тебя тогда Господь-Богъ помилуетъ,
Государь-царь тебя пожалуетъ.

²⁾ За снѣгъ *Якушк.:*

Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуетъ,
Что и тутъ онъ царю не покоряется.

³⁾ *Дмитр.* разбавлено:

Сердце въ немъ было каменно,
Не внималъ отцу съ матерью,
Не тужилъ о женѣ своей,
Не вздыхалъ о сироточкахъ
И царю не покорствовалъ.
Приведи его на площадь,
Не успѣлъ народъ воззрѣться...
Отхватилъ палачъ молодцу
Въ одинъ разъ буйну голову
По его могучи плеча.

2.

- Голова ль ты моя, головушка,
 Голова моя послуживая!
 Послужила моя головушка
 Ровно тридцать лѣтъ и три года,
 5. Со добра коня не слѣзаючи,
 Изъ стремянъ ногъ не вынимаючи.
 Ахъ, не выслужила головушка
 Ни корысти себѣ, ни радости,
 Какъ ни слова себѣ добраго ¹⁾,
 10. И ни рангу себѣ высокаго ²⁾:
 Только выслужила головушка
 Два столбика высокіе,
 Перекладинку кленовую,
 Еще петельку шелковую.
15. По Мясницкой славной улицѣ,
 За Мясницкими за воробѣями,
 Ведутъ князя-боярина.
 Передъ нимъ идутъ поны, дьяконы,
 Во рукахъ несутъ большу книгу,
 20. А за нимъ идетъ солдатъ рота,
 На голо несутъ шпаги ³⁾ острия;
 А по правую по сторонушку
 Идетъ его грозной палачъ,
 Во рукахъ несетъ саблю острую ⁴⁾;
 25. А по лѣвую по сторонушку,
 Тутъ идетъ его родна сестра;
 Она плачетъ, что рѣка льется,

---

¹⁾ Начиная съ Данила Заточника, чрезъ всю нашу древнюю Словесность до пословицъ, повторяются эти выраженія.—²⁾ Сахаровъ подправилъ: „И ни славы высокія.“—³⁾ Сахаровъ подправилъ: „стрѣльцовъ рота;“ „бердыши.“—⁴⁾ Сахар. „топоръ широкій.“

Возрыдаеть, какъ ручьи текутъ.

Унижаетъ ее родной братъ:

30. «Ты не плачь, не плачь, родна сестра.
«Не слези свои очи ясныя,
«Не руди ¹⁾ своего лица бѣлаго,
«Не надсажай своего сердца ретиваго.
«Какъ чего же тебѣ хочется:
35. «Иль помѣстій моихъ, иль вотчины.
«Иль имѣнія тебѣ—богатства ²⁾,
«Или злата, или серебра,
«Иль моего тебѣ здоровьица?»
—Ахъ ты свѣтъ же, мой любезной брать!
40. —Ничего-то мнѣ не хочется,
—Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,
—Ни имѣній твоихъ—богатства,
—Ни злата, ни серебра:
—Ужь какъ только мнѣ, братецъ, хочется,
45. —Твоего, сударь, здоровьица.—
Да что взговорить родимой братъ:
«И ты свѣтъ, моя родна сестра!
«Тебѣ плакать,—не выплакать,
«Молить Бога,—не вымолить,
50. «У царя просить,—не выпросить.
«И такъ меня Богъ помиловаль,
«Государь-царь пожаловаль:
«Велѣль срубить буйну голову
«По мои плеча могучія.»
55. Какъ взвели князя на срубъ высокъ,
На его мѣсто показанно;
Онъ молился Спасу—чудному ³⁾ образу.
Онъ на всѣ стороны ⁴⁾ низко кланялся:

---

¹⁾ Не кровавь или не парай.—²⁾ По складу—„богатства;“ • въ другихъ „богатаго.“—³⁾ Въ другихъ „образу“ отброшено.—Это на Спасской башнѣ, Красной Площади.—⁴⁾ Въ другихъ: „Онъ кругомъ всѣмъ.“

- .. «Ахъ прости, прости. міръ и народъ ¹⁾ Божій!
60. «Помолитесь за мои грѣхи,
 «За мои грѣхи тяжкіе.»
 Не уснѣлъ народъ лишь взбзрнті,
 Какъ отсѣкли буйну голову
 По его плечи могучія.

(Оттуда же).

*

3.

- Изъ Кремля—Кремля, крѣпка города,
 Отъ дворца—дворца государева,
 Что до самой ли Красной Площади
 Пролегала тутъ путь—дороженька.
5. А по той ли по дороженькѣ,
 Ахъ, казнить вели добра молодца,
 Добра молодца, знатна барина,
 Что главнѣйшаго атамана, де,
 Атамана, де, слышь, стрѣлецкаго,
10. За измѣну, де, клятвы въ вѣрности,
 Клятвы въ вѣрности царю Русскому,
 Царю Русскому и Московскому ²⁾.
 Молодецъ идетъ—не оступится,
 Не оступится, не посупится:
15. Онъ на всѣхъ людей озирается,
 Видомъ гордымъ такъ всѣмъ доказывать,
 Что и тутъ царю нѣтъ повинности.
 Передъ нимъ идетъ злой грозенъ палачъ,
 Онъ въ рукахъ несѣтъ страхъ—остѣръ топоръ;
20. А за нимъ идутъ отецъ съ матерью
 Того добраго удѣль-молдца,
 Удѣль-молдца, знатна барина;

¹⁾ Ошибка вмѣсто „міръ-народъ.“

²⁾ До того доходили исправленія!

- А за матерью шла млада жена,
Его вѣрная сердцу милая.
25. Они плакавъ всѣ, горько всхлипывуть,
Слезы горькія какъ рѣкой текутъ,
А рыданья ихъ, какъ ручей шумить,
Ихъ кручина зла обуяла всѣхъ,
Имъ надежды нѣтъ упросить царя,
30. Царя грознаго, сираведливаго;
Безнадежные жь приговаривуть:
«Ты дитя, дитя ль, дитя милое!
«Покорися самъ предъ царемъ своимъ,
«Ты пади предъ нимъ, поклонись ему,
35. «Повинись ему во повинности,—
«Милосерды всѣ цари Русскіе,
«Наказавъ они и пожалуютъ,
«Отдадутъ тебѣ честь и жизнь твою,
«Не лишишь ты насъ собой радости,
40. «Не оставишь насъ сиротами здѣсь.»
Сердце каменно молодецкое
Леденѣтъ лишь да упорствуеъ,
На царя дышетъ злобой дерзкою,
Злобой дерзкою, богомерзкою.
45. Молодецъ отца не послушался.
Не тронулся онъ воплемъ матери,
Надъ женой своей онъ не сжалился,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуеъ,
Шедши съ гордостью усмѣхаеъся.
50. Привели его къ Красной Площади,—
И буйна глава непокорнаго
Отдѣлилася отъ могучихъ плечъ.

(Названная романтическая передѣлка въ „Русскомъ національномъ пѣснопѣтніи.“ — Слѣдующія за сими передѣлки, забывшія извѣстное лицо и обратившія князя-болярина-атамана въ простаго „добраго молодца“ или остановившіяся уже надъ казеннымъ, принадлежатъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ пѣсни среди самаго народа).

* *

4.

- Ты змѣйка, скоропейка ¹⁾, змѣя лютая!
 Изъ норы ты, змѣя, ползешь—озираешься,
 По песку ползешь—извиваешься,
 По травѣ ты ползешь—всю траву сушишь;
 5. Изсушила въ полѣ всю травушку,
 Да всю травушку, всю муравушку,
 Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые ²⁾.
 Ты душа ль, душа красна дѣвица!
 Изсушила ты добра молодца,
 10. Какъ былиночку въ ³⁾ чистомъ полѣ,
 Довела его ты до погибели,
 Что до той ли ной тѣмницы.

- Что изъ славнаго села Преображенскаго,
 Изъ того Приказу государева,
 15. Что вели казнить добраго молодца,

¹⁾ Скорпионъ; *Сахаровъ*, не понявши, по обычаю исправилъ „скорослѣйка“ и, не смотря на то, что творческій сей образъ выражаетъ снѣдающую грусть, по другимъ образцамъ угрызающую совѣсть преступника, по инымъ азбу несчастной любви, наконецъ и саму „погубительницу дѣвицу,“—напротивъ сочинилъ изъ этого жену (рядомъ съ полк. бовинцею!), а все начало изложилъ такими затѣливыми стихами:

У меня ли, молодца, змѣя жена,
 Змѣя жена, ладо (какъ это гармонируетъ со скорпиономъ!) скорослѣйка.

Моя-то змѣя изъ норы ползеть, озирается,
 По песку ползеть, извивается,
 По травѣ ли ползеть, всю траву сушишь;
 Изсушила моя лада и травушку,
 Да что травушку, муравушку.

²⁾ Таково, можно думать, было вступленіе Былевой пѣсни „Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,“ когда она не перешла еще, отъ историческаго князя, къ простому „молодцу“ и „дѣвицѣ;“ потому что начало окрѣпло лишь при пѣснѣ Безымянной.—³⁾ Въ другихъ „во“.

Что казнить его—повѣснн.

Его бѣлыя руки и ноги скованы ¹⁾,

По правую руку идетъ страшень палачъ,

По лѣвую идетъ его мать рѣдная,

20. Позади идетъ красная дѣвица,

Его милая полюбовница,

Что зазноба его ретива сердца,

Погубительница живота его.

(Самая распространенная пѣсня; ср. пѣсенникъ Чулковскій, Новиковскій и другіе).

* *

5.

Голова ль ты моя, головушка,

Голова ль ты моя молодецкая!

До чего тебѣ дошататися,

По всему ли свѣту бѣлому,

5. По всему ли царствѣ Московскому?

Что у насъ было на святой Руси,

На святой Руси, въ каменной Москвѣ,

На Мясницкой славной улицѣ,

У кружала государева ¹⁾:

10. Какъ лежитъ убитъ добрый молодецъ,

Онъ бѣлымъ лицомъ ко сырѣй землѣ,

¹⁾ По другимъ: „Его бѣлыя руки связаны, Его скорыя ноги скованы.“

¹⁾ За обводъ Города, туда, гдѣ приходились (и нынѣ называются) ворота, на прѣдѣлѣ Мясницкія или Петровскія, вынесены были „кружала, государевы,“—шатеръ съ пятами, а старше народныя круги для гульбищъ, хоровадовъ и—тутъ же публичной казни; пѣсня отъ исторической казни перешла уже просто къ провиншемуся молодцу и, кажется, съ Красной Площади въ Бѣлый городъ.

- Растрепавъ ¹⁾ свои кудри черные.
 Разметавъ ¹⁾ свои руки бѣлыя,
 Протянувши ¹⁾ ноги скорыя.
 15. Что ни ласточка—ни косаточка
 Вкругъ теплѣ гнѣзда увивалася,
 Увивалася его родная матушка.
 Причитавши сію рѣчь промолвила ²⁾:
 «Я давно тебѣ, сынъ, говорила,—
 20. «Не ходите было по чужимъ дворамъ,
 «По чужимъ дворамъ, по чужимъ женамъ!»

(Ср. пѣсенникъ Шиора, изд. 2, Спб., 1791, и „Русск. націон. пѣсенникъ“).

* * *

Творчествомъ связанная съ снѣгъ казней князя Долгорукаго вѣроятно имѣла подлѣйшее историческое происхожденіе и потому пѣсня о ней помѣщена будетъ послѣ.

Обратная сторона казней и милость царя нашла себѣ выраженіе въ другомъ отдѣлѣ подобныхъ пѣсней (ср. ниже „Замѣтку“):

III.

Правезъ.

1.

- У насъ было, братцы, на святой Русь,
 На святой Русь, въ каменной Москвѣ,
 Стояла тутъ палата бѣлокаменна.
 Къ той палатѣ бѣлокаменной
 5. Сѣзжалися князья съ боярами,
 Всѣ сенаторы Московскіе,

¹⁾ Первоначально, разумѣется, было: „растрепалъ“, „разметалъ“, „протянулъ.“—²⁾ Народная рѣчь подправлена на письмѣ.

Грозные воеводы губернскіе.

Изъ той ли палаты бѣлокаменной
Выводятъ бѣсаго добраго молодца,

10. Въ одной сорочкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ;
Становятъ его на бѣль-горючъ камень;
Стали его судить-допрашивать:
«Ты скажи, не утайвай, добрый молодецъ:
15. «Ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ.
«Ты съ кѣмъ разбивалъ золоту казну,
«Того монастыря Румянцева?»»

(Кяр.; не дончово).

*

2.

(въ Сѣвн. Губѣ, Олон. губ.).

А ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту полю,

Искалъ себѣ поединщикова,

И находилъ во чистомъ полѣ:

Сидятъ шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодецъ

5. И подбѣгаютъ сны золоту казну.

И приходитъ этотъ дороднѣй-добрый молодецъ,

Самъ говорить таковы слова:

«Ай же вы, удалы-дородни-добры молодецъ!

«Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны

10. «Хоть малый жеребеечекъ?»

И проговорятъ всѣ удалы-добры молодецъ:

««Голечекъ ты, удаленькій молодецъ!

««Не можешь нажить себѣ золотой казны!

««А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,

15. ««А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,

««А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!»»

Показалось ему это слово

- За досаду, за обиду за великую.
Ухватилъ черленый вязъ
20. И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
25. И оставили ѣны золоту казну.
Взялъ удалый—добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву.

- Приходить въ каменну Москву на царевъ кабакъ.
И купилъ—бралъ зелена вина,
30. Самъ говорилъ таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина!
«Не пропить моей золотой казны:
«Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей.»
И пригодилися служки монастырскія,
35. И доносили его царскому величеству.
И приводятъ этого удалаго—добра молодца,
И сталъ царь его допрашивать:
—Скажи, скажи, удалый—дородній—добрый молодецъ:
—Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
40. —И былъ ли ты нести золотой казны?—
Говорить удалый—добрый молодецъ:
«Ай же ты, царь Петръ Алексіевич!
«А не былъ я красть монастыря Румянцева
«И не былъ я нести золотой казны.
45. «А ходилъ—гулялъ по чисту полю
«И находилъ во чистомъ полѣ
«Шестьдесятъ удалыхъ—добрыхъ молодецвъ,
«И подѣляютъ ѣны золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
50. «И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя малаго жеребечка.
«А ѣны говорятъ, удалые молодцы:

- «—Голечёкъ ты, удаленькій молодець!
 «—Не можешь нажать себѣ золотой казны!»
55. «—А не дадимъ тебѣ малаго жеребёчка,
 «—А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
 «—А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!—
 «Показалось мнѣ это слово
 «За досаду за обиду за великую;
60. «Ухватилъ я черленый вязъ
 «И ударилъ черленнымъ вязомъ по сырой землѣ:
 «Отъ того удара богатырскаго
 «Мать сыра земля сколыбалася,
 «А добры молодцы испугалися,
65. «По чисту полю разбѣгалися,
 «И оставляли ёны золоту казну.»
 Проговорить его царское величество:
 —Ай же ты, удалый—дородній—добрый молодець!
 —Ходи—гуляй по чисту полю
70. —И стой за вѣру христіанскую!—

(Отъ Козьмы Романова; записано 13 Янв. 1861 г.; ср. сборн. Рыбник. т. II, № 42).

*

3.

(Село Павлово, Нижегород. губ.).

- Били добраго мѡлодца на правсѣжѣ,
 На жемчужнымъ перехрѣстычкѣ,
 Во морозы во Хрещенскіе,
 Во два прутішка желѣзные.
5. Онъ стоитъ, удалинкой.—не тряхнетса
 И русы кудри не шолохнутса:
 Только горючі слезы изъ глазъ катятса.

Наѣжасаетъ къ нему православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ.

10. Не золотая трубынка вострубила,
 Не серебряна синовычка возыграла,
 Тутъ возговорить царь Петръ Алексѣевичъ:
 «Вы за што добротнаго казните,
 «Бьете—казните казною смертною?»
15. Тутъ возговорятъ мужики приходскіе ¹⁾:
 «Ужь ты гой еси, православный царь,
 «Царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Мы за то ёво бьемъ—казнимъ,—
 «Онъ покралъ у насъ Николу—ту Можайскаго
20. «И унесъ казны сорокъ тысячей.»
 Тутъ возговорить добрый молодець:
 —Ужь ты гой еси, православный царь,
 —Православный государь Петръ Алексѣевичъ!
 —Не вели меня за слово казнитъ—вѣшати.
25. —Прикажи мнѣ слово молыти,
 —Мнѣ сея, добра молодца, поправити:
 —Не я покралъ у нихъ Николу—ту Можайскаго
 —И не я унесъ у него золоту казну,
 —А покрали ёво мужики кашилы ²⁾.
30. —Только лучилося мнѣ, доброму молодцу,
 —Это дѣло самому видѣти.
 —Гулялъ я, молодець, по бережку,
 —На жолтымъ песку, при мѣлкимъ лѣску,
 —И увидѣлъ, што онъ дѣлятъ казну,
35. —Не шнитаячи дѣлятъ, отгребаячи:
 —У меня, у молодца, сердце разгорѣлося,
 —Молодецка кровь раскипѣлася:
 —Ломалъ я, молодчикъ, мотовилочку ³⁾ дубовую,
 —Перебилъ я мужиковъ до полу—смерти,
40. —Иныхъ—прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
 —И взялъ я у нихъ золоту казну,

¹⁾ Члены приходской общины, церковнаго прихода.—²⁾ Коробейники, перехожіе торговцы.—Кашилы?—³⁾ Костыль съ развилкою; въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ ошибочно „мостовничку.“

—Взявши казну, сталъ перешитывать:

—Нашшиталъ казны сорокъ тысячей.—

- Тутъ не зóлота трубышка вострѣбила,
 45. Не серебряна синовычка возыграла,
 Какъ возгóворить надѣжа православный царь,
 Православный государь Петръ Алексѣевичъ:
 «Ты куда такову казну дѣвалъ?»
 Тутъ возгóворить добрый молодецъ:
 50. —Ужь ты гой еси, православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 —Прогулялъ я во кружалѣ
 —Со голыдьбою со кабацкою!—

(Запис. свид. Баворский; ср. Изв. А. Н., т. I; у насъ выпускъ 6, стр. 194 и далѣе;
 вып. 7-й, стр. 53 и дал.).

* *

Слѣдующая пѣсня перешла уже отсюда въ простую Баварскую:

4.

- Ахъ ты сердце мое, сердце молодецкое,
 Крѣпче твердаго булата, крѣпче камени ¹⁾!
 Ты *трепещешь повсечасно* во бѣломъ тѣлѣ,
 А доселѣ не вѣщало, не сказывало,
 5. Что быть доброму дѣтинѣ во поиманьѣ,
 Что рукавъ его *могучимъ быти связаннымъ*,
 Что ногамъ его проворнымъ быти скованнымъ,
 Что сидѣть ему, дѣтинѣ, въ темной тѣмницѣ
 За запоромъ и *рѣшоткой за желѣзными*.
 10. Ахъ, мнѣ завтра ²⁾ горемыкѣ во допросѣ быть,

¹⁾ Въ другихъ: „ламена.“—²⁾ „завтрѣ.“

Передъ грознымъ судію, предъ самимъ царемъ.

Станетъ царь нашъ *правосудный* меня спрашивать:

«Ты скажи, скажи, дѣтинка, добрый молодець ¹⁾,

«Повинись мнѣ, съ кѣмъ ты грабилъ, съ кѣмъ разбой
держалъ?»»

15. «Донесу я, государь ²⁾, со всей истинной:

«Воровали-разбивали со мной четверо,—

«Первый другъ мнѣ и товарищъ былъ мой добрый конь,

«А по немъ второй товарищъ мой булатный ножъ,

«На посылку же послати ³⁾ калены стрѣлы,

20. «Куда я ихъ посылаю, туда самъ найду.»

«Исполать тебѣ,»» царь скажетъ, ««добрый молодець!

««*Надлежитъ* тебя дѣтину мнѣ пожаловать:

««Что высокими хоромами ⁴⁾ въ чистомъ полѣ,

««На двухъ столбикахъ дубовыхъ съ перекладиной,

25. ««Съ перекладиной кленовой и со петлею ⁵⁾.»»

(Пѣсенникъ *Дмитріева* и другіе; помимо письменной подкладки, обозначенной здѣсь, гдѣ слишкомъ явно, курсивомъ, повторяется на разные лады въ дальѣйшихъ пѣсенкахъ Безымянныхъ и оживаетъ въ знаменитой пѣснѣ Васьки Калва, о чемъ ниже).

* * *

¹⁾ „дѣтинка, крестьянской сынъ.“—²⁾ „государю.“—³⁾ „На посылку посылаю я.“—⁴⁾ „высокою полатою.“—⁵⁾ „вязовой и съ петлицею.“

IV.

Государь борется съ драгуномъ.

1.

(Съ Урала).

- У дворца-дворца было государева,
 У того крыльца у Крашопова ¹⁾,
 Стоялъ тутъ раздвижной стулъ,
 На стулу сидитъ православный царь,
 5. Православный царь Петръ Алексѣевичъ;
 Передъ нимъ стоять князь-баре.
 Рѣчь возговорилъ православный царь:
 «Ой вы гой еси, князь-бояре!
 «Нѣтъ ли изъ васъ охотничка
 10. «Со Бѣлымъ царемъ поборотися,
 «За прокладъ ²⁾ царя потѣшити?»
 Всѣ князь-бояре испужалися,
 По палатушкамъ разбѣжалися.
 Передъ нимъ стоитъ молодой драгунъ,
 15. Молодой драгунъ лѣтъ пятнадцати;
 Рѣчь возговорить онъ Бѣлу царю:
 —Гой ты, гой еси, православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 —Не прикажи ты меня казнить-вѣшать,
 20. —Прикажи мнѣ слово молвити,
 —Слово молвити, рѣчь возговори:
 —Я охотничекъ съ тобой, со Бѣлымъ царемъ, поборотися,
 —За прокладъ царя потѣшити.—

¹⁾ Краснаго.—²⁾ Скуки ради, для удовольствія в отдыха (проклады), чтобъ провести время (откуда „про-клада“).

- «Когда поборешь ты меня, молодой драгунъ,—милую тебя,
 25. «А я поборю,—казнить буду тебя.»
 Рѣчь возговорилъ молодой драгунъ:
 —Есть воля Божья и твоя царѣва.—

- Подноясывалъ православный царь шелковъ кушакъ,
 Выходили они, съ молодымъ драгуномъ, сухватѣлися
 30. Рѣчь возговорилъ ему молодой драгунъ,
 Бѣлу царю Петръ-Алексѣвичу:
 —Гой ты батюшка, православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣвич!
 —Да я тебя, православнаго царя, побороть хочу ¹⁾!—

35. Лѣвой рукой молодой драгунъ побарывалъ,
 Правой рукой молодой драгунъ подхватывалъ,—
 Не пушалъ царя на сыру землю.

- Рѣчь возговорилъ православный царь:
 «Сполать ²⁾ тебѣ, драгунъ, боротися!»
 40. Подходилъ къ нему молодой драгунъ близѣховько:
 —Гой ты, гой еси, батюшка православный царь,
 —Православный царь Петръ Алексѣвич!
 —Не погнѣвайся на мое бороньще.—
 «Благодарю тебя, молодой драгунъ, за бороньще!

45. «Чѣмъ тебя, молодой драгунъ, дарить-жаловать:
 «Сѣлами ли те—деревнями,
 «Али те золотой казной?»
 —Не падо мнѣ ни селовъ, ни дѣрешевъ,
 —Ни матушки золотой казны:

50. —Дай ты мнѣ безденежно
 —По царевымъ кабакамъ вино пить.—

(Отъ В. Н. Дала; связь сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже въ „Запискѣ“).

* * *

¹⁾ Передъ тѣмъ, какъ повалить: смотри-ка, сей-часъ повало тебя!—²⁾ Исполать, спасибо, молодецъ: съ греческаго „ис полла эти“, на многа лѣта (= спаси Богъ), которое слышадось постоянно въ церкви и удержалось особенно благодаря близости къ народному (столь же однако иностранному, но древнѣйшему) „исполнѣ“, „сполнѣ“, богатырь, молодецъ.

V.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

1.

(Воропежскій уѣздъ).

- Какъ ни куликъ по болотамъ куликаеть ¹⁾:
 То князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ
 Со своими со стрѣлецкими полками.
 Онъ думаетъ, князь,—гадаетъ,
 5. Про все размышляетъ:
 «Гдѣ бѣ пройти ему—проѣхать?
 «Если полемъ князю ѣхать,
 «Ему будетъ пыльно;
 «По глухимъ дорогамъ ему ѣхать,—
 10. «Будетъ князю стыдно.»
 Вотъ поѣхалъ князь Голицынъ
 На Тверскую заставу.

- У Тверской ли у заставы
 Его окликали:
 15. «Какъ кто это по дорожкѣ,
 «Кто изволить ѣхать?»»
 Отвѣчаетъ князь Голицынъ:
 «Здѣшній вашъ начальникъ!»

---

¹⁾ Кромѣ своей фигуры и маперы, куликъ, благодаря связи своего имени съ древне-праздничными, обрядовыми и торжественными—куличъ, колачъ и т. п., далъ свое имя длиннымъ воѣздамъ коладскимъ и масленичнымъ (гусень, „куличомъ“—говорятъ Поляки и Бѣлоруссы), гордымъ выступлениямъ (медленнымъ, подъемнымъ шагомъ), потѣхамъ и ликованью („куликовать“), даже длинному, разгорѣвшемуся отъ праздника, носу и т. д.

- Подѣзжаетъ князь Голицынъ
20. Къ Казанску собору:
Скидаваетъ князь Голицынъ
Шапочку соболью,
Полагаетъ князь Голицынъ
Три поклона въ землю;
25. Помолившись, князь Голицынъ
Во Кремль-городъ ѣдетъ.

- Какъ подѣхалъ князь Голицынъ
Ко Кремлевскимъ палатамъ,
Какъ и вышла-та ему на встрѣчу
30. Матушка царевна,
Матушка царевна—Софья Алексѣевна...

(Ср. „Воронежск. Бесѣду“ 1861 г.).

*

2.

(Фрловск. губ. у. Малоярханг.).

- Эхъ да ни кулика-тъ ¹⁾, братцы, во чистомъ полѣ ку-
ликантъ:
Охъ аль-на ²⁾ молодой князь Голицынъ по лужкамъ гу-
ляйтъ,
Юнъ гуляйтъ-разгуляйтъ на ворономъ кóни,
Ни одинъ князь гуляйтъ,—съ своими съ полками,
5. Што съ своими со полками, съ Донскимъ казаками ³⁾.

¹⁾ Произнесенный ъ: *кулика-тъ*; ср. наше изданіе „Болгарскихъ пѣсень“ и замѣчанія объ языкѣ.—²⁾ То же, что *ажь ко*, анъ вотъ.—³⁾ Въ этомъ періодѣ пѣсней „Донскіе казаки“ постоянно чередуются именемъ со „стрѣльцами“, по своей формѣ-за это время и по сходству положенія, о чемъ см. ниже при Азовѣ и грозѣ на казаковъ.

Вотъ онъ думать-гадать:

«Гдѣ ему пройтись-проѣхать?

«Если лугомъ князю ѣхать,—лугомъ очень мокро;

«Если лѣсомъ князю ѣхать,—лѣсомъ очень темно;

10. «Вотъ и полямъ князю ѣхать,—черно-пыльно;
«Што Москвою князю ѣхать,—Москвой очень стыдно.»
Вотъ онъ крался, князь,—пробирался улицей Тверскою,
Што и улицей Тверскою, Охотнаймъ Рядомъ ¹⁾).

Подъѣзжаютъ князь Голицынъ близко ко Собору:

15. Скидавантъ князь Голицынъ шапочку соболѣю,
Вотъ онъ Богу-то молился на всѣ три сторонки,
На четвертую сторонку царю поклонился:
«Здравствуй, царь-государь, съ своими съ полками!»

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

3.

(Оттуда же, с. Сабурово).

Что ни куликъ куликаетъ:

Ни ²⁾ молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ,

Онъ ни одинъ князь гуляетъ, съ своими полками,

Со любезными сы полками, больше съ козаками.

5. Да онъ думаетъ; князь,—гадаетъ,
Про все размышляетъ:
«Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать?
«Вотъ и подемъ князю ѣхать,—подемъ было-пыльно,
«Вотъ и подемъ ѣхать князю,—да всё былая;

¹⁾ Тамъ же, гдѣ Охотный рядъ по нынѣ; дальнѣйшій путь обозначается Казанскимъ Соборомъ и отсюда уже Успенскій.—²⁾ Еще особый видъ отрицательнаго сравненія: съ двойнымъ отрицаніемъ, при обѣихъ половинкахъ.

10. «Вот и лѣсомъ князю ѣхать,—ему было тѣмно;
«Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно.»
Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ.

Вотъ и ѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, Слободой Ямскою,

15. Слободою все Ямскою, къ новому Собору.
Онъ скидаетъ, князь Голицынъ, шапочку соболью,
Шапочку соболью несетъ онъ съ собою,
Юнъ снялъ, князь Голицынъ, сталъ Богу молиться,
Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился:
20. «Ужъ ты здрастуй, царь-государь, со своей царницей ¹⁾!
«Ужъ ты жалуи, царь, господь разными чинами,
«А меня, князя Голицына, малымъ городочкомъ,
«Да вотъ малымъ городочкомъ,—славнымъ Ярославомъ.»

(Запис. тѣмъ же).

*

4.

(Сибирск. губ., Усть-Урень).

Но куличенка куликаетъ:

Небольшой—то ли ²⁾ князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
Онъ думаетъ—гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
«Лѣсомъ князю ѣхать,—очень тѣмно;

3. «А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
«Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорво;
«Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно ³⁾;
«А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;

¹⁾ Царевной—Софией Алексѣвной. — ²⁾ Набольшій (набольшій), главный изъ „Большихъ“ князей-бояр. — ³⁾ „Быль“ и „чернобыль“ возникла изъ „чернопыльно“, см. № 2.

«А Москвою князю ѣхать,—очень стыдно!»

10. У князя есть карета,—худыя лесоры.

«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»

И подѣзжаетъ князь Голицынъ къ большому собору...

(Окончано какъ въ слѣдующемъ образцѣ; запис. П. В. Шейномъ отъ Евр. Полякова 70 лѣтъ; ср. „Чтенія“ 1859).

5.

(Оттуда же).

Не куликъ куликаетъ:

Небольшой—то ли самъ князь Голицынъ

Во лужахъ ли гуляетъ;

Не одинъ—то князь гуляетъ,

5. Гуляетъ—то со своими полками,

Да все съ казаками.

Онъ думаетъ—гадаетъ:

«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?»

Дороженькой князю ѣхать пыльно,

10. Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать очень страшно,

А зелеными лужами ѣхать тонко ¹⁾:

«Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»

И выѣзжаетъ князь Голицынъ на Московскую дорогу,

Подѣзжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,

15. Какъ у князя Голицына худыя лесоры:

Онъ думаетъ князь,—гадаетъ: «какъ Москвой проѣхать?»

Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,

Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,

Ко Спленскому Собору.

20. Подѣзжаетъ князь Голицынъ ко Спленскому Собору,

Скидаетъ свою шаночку соболью,

¹⁾ Ошибка вм. тонко, мокро (лужами заливыми).

- И приходитъ князь въ соборную церковь,
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться;
Помолился князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
25. Самому императору поклонился пониже:
«Охъ ты, государь нашъ, императоръ!
«Всѣхъ ты господь жаловалъ чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ?»
—Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославля.—

(Отъ ратника Николая Картавенка, лѣтъ 40, запис. тѣмъ же).

*

6.

(Губ. Олонецк., Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость).

- А не куличенька по болоту куликаеть:
Какъ самъ большой князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
Не одинъ—то князь ѣздитъ—гуляетъ,—со полкамы,
Что со тыма со полкамы, съ конными егарямы.
5. Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ—гадаетъ,
Ужъ какъ думаетъ—гадаетъ, срозмышляетъ:
«Още гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣхать?
«Если полюшкомъ ѣхать,—ему очень князю пыльно;
«Если лѣсушкомъ князю ѣхать,—ему очень страшно;
10. «Что болотамы князю ѣхать,—ему было грязно;
«Что Москвою князю ѣхать,—ему было стыдно;
«Что поѣду я, князь Голицынъ, Ямскою—Тверскою,
«Что Ямскою—Тверскою, глухимъ переулкомъ.»
- Прѣзжаетъ—то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
15. Скидываетъ—то князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился онъ, князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился самому государю, всѣхъ ему пониже:

- «Ужь ты здравствуй, нашъ государь императоры!
20. «Още жалуешь насъ, государь, малыма чинамы,
«Още жалуешь насъ, государь, мелкима селамы:
«Пожалуй-ко, государь, Малымъ-Ярославцемъ ¹⁾?»
—Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ прилюбился?—
«Прилюбился мнѣ онъ: стоитъ на прикрасы.»

(Отъ Леонтія Богданова, запис. П. Н. Рыбниковымъ; ср. ч. III).

*

7.

(Тульск. губ. и уѣзда).

Во лужкахъ-то князь Голицынъ гуляетъ,
Онъ со тѣми, вѣдь, со полками, всё съ егорями
Онъ и думаетъ, князь Голицынъ:
«Гдѣ пройтить лучше,—проѣхать?»

5. «Дорѳгою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тѣмно.»
Ѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Улицей Тверскою, славною ²⁾ Ямскою,
Славною Ямскою, глухимъ переулкомъ.

Подѣзжаетъ князь Голицынъ прямо ко Собору,

10. Скидаѳетъ князь Голицынъ шапочку соболью;
Вотъ и сталъ, князь Голицынъ, Богу онъ молиться,
На всѣ стѳроны князь Голицынъ поклонился:
«Вотъ и здравствуй, государь-царь, съ своею царевной!
«Вотъ ты жалуешь, государь-царь, князьѳвъ и бояревъ»,
15. «Вотъ ты жалуешь, государь-царь, малыма чинами:
«А ты пожалуй-ко меня, государь-царь, меня городочкомъ,
«Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ,—Малымъ-Ярославцемъ?»

¹⁾ Вмѣсто: „славнымъ Ярославцемъ.“—²⁾ Вмѣсто: „слободой.“

— Вот и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ показался?—

- «Хорошо Ярославъ городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ,
20. «Вотъ во томъ ли городокѣ много зеленыхъ садочковъ,
«Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки,
«Гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки ¹⁾»

(Отъ солдата, изъ показанной мѣстности, записано П. В. Кирѣевскимъ 11 Сент. 1834 г. въ Новгородѣ).

*

8.

(Моск. губерніи, с. Воронки).

Не куликъ по болотамъ куликаеть:

Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ;
Не одинъ князь гуляетъ,—съ разными со полками,
Со Донскими козаками, еще съ егарями.

5. И онъ думаетъ—гадаетъ:

«Гдѣ пройтить—проѣхать?

«Ему лѣсомъ ѣхать,—очень темно;

«Мнѣ лугами, князю, ѣхать,—очень было мокро;

«Чистымъ полемъ князю ѣхать,—мужикамъ обидно ²⁾);

10. «А Москвой князю ѣхать,—было стыдно.»

Ужъ поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Тверскою—Ямскою, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухимъ переулкомъ.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору,

15. Скидаваетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился князь Голицынъ на колѣнки,
На колѣнки становился, самъ Богу молился,

¹⁾ Видѣвъ пѣвецъ—солдаты.—²⁾ Затопчетъ пиву.

Богу помолился, царю-государю низко поклонился:

«Ужь ты здраствуй, государь-царь, со своими боярами,

20. «Со своими боярами, съ большими князьями,
«А еще ты, государь-царь, съ голубыми лентами ¹⁾,
«А еще ты, государь-царь, съ разными полками!
«Охъ ты батюшка, государь-царь, ты нашъ православный!
«Ты за чѣмъ, государь-царь, червя-тъ ²⁾ разорешь?
25. «Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь ³⁾?
«Ты пожалуй, государь-царь, меня городочкомъ,
«Не большимъ городочкомъ; Малымъ-Ярославцемъ?»
—Нѣту, нѣту тебѣ, князю, нѣтъ ни городочка,
—Ни малаго, ни большаго нѣту Ярославца!—

(Запис. П. В. Кир. Юля 23).

*

9.

(Губ. Калужской. у. Лихвинскаго, дер. Андроновское).

Ю насъ только вы болоти куликъ куликан:

Вотъ нашъ да князь Голицинъ сы полкомъ гуляи.

Думаль-думаль князь Голицинъ, думаль, гдѣ проѣхать?

«Толька лѣсомъ, только князю, ѣхать лѣсомъ,—очень тѣмно;

3. «Толька полемъ князю ѣхать,—полемъ очень пыльно;
«Вотъ Москвою князю ѣхать,—Москвой очень стыдно.»
Толька ѣхалъ князь Голицинъ, ѣхалъ все провулками,
Все провулками-заковулками, низли ⁴⁾ въ Москву ѣхать.

Подѣзжаитъ князь Голицинъ къ цареву къ Собору ⁵⁾.

10. Юнъ скидаетъ, князь Голицинъ, ѣнъ шапку соболью,

¹⁾ Здѣсь видѣнъ пѣвшій, новаго времени.—²⁾ То же, что „червь-тъ“ (переходъ ъ въ я, какъ въ а).—³⁾ Угодны они тебѣ и ты угождаешь имъ, по праву, удовлетворяешь.—⁴⁾ Нежели, ежели (старинное негли).—⁵⁾ Въ другомъ спискѣ: «къ церкви ко Собору.»

- Ионъ Богу, Богу молился, низко поклонился,
 Низко, низко только поклонился и юпаль ¹⁾ на колѣнѣ:
 «Ожь чѣмъ, государь-царь, чѣмъ жа насъ пожалуешь?»
 —Я пожалую тебе, князь Голицинъ, мелкими деревнями,
 15. —Мелкими деревнями, новыми городами:
 —Они тѣсомъ ни 'бложоны ²⁾, небомъ 'ни ³⁾ покрыты.—

(Запис. Якушк.).

*

10.

(Губ. Орловск. и того же уѣзда).

- Ни куличенька по болоту куликаеть:
 Князь Голицынъ по лужечку гуляетъ;
 Ни одинъ онъ гуляетъ,—съ своими полками,
 Со своими полками, всё съ егарями.
 5. «Думаеть-гадаеть: гдѣ въ Москву проѣхать?
 «Полеми князю ѣхать,—чернобыльно;
 «Лужкомъ князю ѣхать,—трава павелика ⁴⁾;
 «Лѣсомъ князю ѣхать,—будеть тѣмно;
 «Большой дорогой князю ѣхать,—будеть пыльно;
 10. «Большой улицей князю ѣхать,—будеть отъ господъ стыд-
 но.»

Поѣхалъ князь Голицынъ глухимъ переулкомъ.

- Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Успенскому собору;
 Скидаеть князь Голицынъ шапочку соболью,
 Кладеть онъ ее передъ собою,
 15. На колѣни князь становился, Богу онъ молился,

¹⁾ И упаль.—²⁾ Не обложоны.—³⁾ Оня.—⁴⁾ Придumана въ пополненіе къ чернобылю: см. выше.

Богу онъ молился, царю поклонился:

«Здравствуй, государь-царь, надежа моя!

«Чѣмъ ты, государь-царь, господь жалуешь?»

—Господь я жалую чинами, купцовъ жалую городами.—

20. «А меня, государь-царь, жалуй городочкомъ,

«Жалуй городочкомъ, Малымъ-Ярославцомъ.»

—Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославъ-городъ показался?—

«Показался мнѣ Ярославъ-городъ садами:

«Во первомъ во садикѣ гуляли генеральски дочки,

25. «Во другомъ во садикѣ гуляли купечески дочки.»

—Я тебя, князь Голицынъ, жалую

—Двумя столбами съ перекладиной,

—На шею на твою шелковую петельку.—

(Запис. П. В. Кир.).

11.

(той же губернии, у Бодковского).

Не куличушки въ полѣ куликами:

Не ¹⁾ Голицынъ князь по рошѣ гуляетъ;

Про все думаетъ и гадаетъ, про все размышляетъ:

«Гдѣ же князю ѣхать, гдѣ ему проѣхать?

5. «Чистымъ полемъ князю ѣхать,—ему будетъ пыльно;

«Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать,—ему будетъ темно;

«Улицею ѣхать,—ему будетъ стыдно;

«Ужъ и лугомъ князю ѣхать,—трава спавелика.

«Ужъ и ѣхать ему, не ѣхать,—глухимъ переулкомъ,

10. «Что глухимъ переулкомъ, улицей Москвою,

«Улицей Москвою, славною Тверскою.»

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ церкви ко Собору,

На колѣннхъ становился, самъ Богу молился ²⁾:

¹⁾ То же двойное отрицаніе при сравненіи, какъ выше.—²⁾ За симъ должно быть: „Самъ Богу молился, царю поклонился.“

- «Ужь ты батюшка, государь, вся наша надёжа!
 15. «Ужь ты жаловалъ всѣхъ господъ всѣми городами:
 «А меня пожалуй однимъ городочкомъ.»
 —Я пожалую тебѣ, воръ собака, во полѣ хоромы,
 —Что въ чистомъ полѣ хоромы, ни крыты, ни мшѣны
 —Ни крыты, ни мшѣны, столбы не твержѣны.—

(Записано и доставлено намъ М. П. Лисицынымъ).

*

12.

(губ. Московской, с. Ильинское).

- По лужкамъ князь Голицынъ гуляетъ,
 Не одинъ—то князь гуляетъ, съ своими полками,
 Съ своими полками, ещё егарями.
 Думалъ—думалъ князь Голицынъ, гдѣ лучше проѣхать?
 5. «Ужь и подемъ князю ѣхать,—ему пыльно;
 «Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно;
 «А дорогою князю ѣхать было стыдно.»
 Ужь поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.
- Подъѣзжалъ—то князь Голицынъ ко Собору.
 10. Скидовалъ—то князь Голицынъ пуховую шляпу,
 Становился князь Голицынъ на колѣни,
 И онъ кланялся царю Бѣлому (Николаю Павловичу),
 Кланялся князь Голицынъ господамъ всѣмъ—боярамъ:
 «Вы состройте мнѣ, бояре, каменны палаты,
 15. «Что не крытыя, не мшоны, совсѣмъ не свершоны.»

(Запис. Н. В. Квр. 1882 г.).

* *

Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками.

1.

(Сибирск. губ., с. Усть-Урень).

- Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
 Пролегала путь-дороженька;
 Никто по ней не прохаживаль
 И никто по ней не проѣзживаль:
5. Только шель-прошелъ одинъ полкъ козаковъ.
 Напередъ у нихъ ѣхаль злой полковничекъ,
 Злой полковничекъ ѣхаль, князь Стрѣлковскій.
 «Прикажи ты намъ здѣсь ночевати?»
 Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
10. И поѣхаль онъ на крутыя горы,
 И беретъ во правую рученьку подзорную трубоньку,
 И поглядываль на чисто поле далекохонько:
 Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
 Только и видно ему—быстрая рѣчка,
15. Какъ по рѣчушкѣ растетъ камынь-травка;
 Какъ со вечера травка притихаетъ,
 Ко полуночи травка зашумѣла,
 Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Отъ Н. Картавенка, запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтения“ 1859.—О связи сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже „Замѣтку“).

* * *

При слѣдующемъ отдѣлѣ предварительно нужно вспомнить, по Былинамъ, первыя покушенія на Азовъ, соборы о томъ (подобные соборамъ о Смоленскѣ) и плѣнъ древнѣйшихъ козаковъ въ Азовѣ, о чемъ см. ч. II, выш. 7, стр. 116, 117, 133, 135—137, и Рыбник. ч. II, № 40, ч. III, №№ 46 и 47.

VI.

Азовскіе походы. Донскіе Козаки. Иванъ Заморянинъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

У насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на Тихомъ Дону,
На Тихомъ Дону на Иванычѣ,
Соходился тутъ хорошъ-пригожъ козацій кругъ,
5. Донское козачьё со Яицкими,
Гребенскіе съ Запорожскими.

По кругу ходитъ Иванъ Заморянинъ,
Онъ и рѣчь-ту говоритъ,—во трубу трубить:
«Вечоръ-то намъ, братцы, указъ пришель,
10. «За утро намъ добрымъ молодцамъ во походе итти,
«Подъ тотъ ли подъ Азовъ городъ,
«Подъ тую ли подъ стѣну бѣлокаменну.
«Ой гой еси, добрые молодцы,
«Донскіе козаки со Яицкими,
15. «Гребенскіе козаки съ Запорожскими!
«Вы возьмите, молодцы, по топорикѣ,
«Сдѣлайте телѣженьки карлинскія ¹⁾,

¹⁾ Въ смыслѣ „иностранныхъ“, не обычныхъ, на особый способъ, съ палубами, по образцу судовъ (въ постройкѣ которыхъ доселѣ есть техническій терминъ „карлингъ“). Иначе „бурмистровскія“, бурмистровъ и бурмистровъ (также иностранная), или „бурмицкія (отъ „бурма“),“—съ подъемомъ, съ крышкой, съ запястьемъ, съ запоромъ.

«Карлинскія телѣги со палубами:

«Во телѣженьки кладите живой товаръ,—

20. «По восьми молодцевъ.

«А по девятому въ провожалыники,

«По десятому въ повозчики.

«Вхатъ же намъ, добрымъ молодцамъ,

«Во Азовъ городъ.»

25. Не доѣхатчи Азова, становилися,

Пушчали они въ зелены луги заповѣдныя,

Добрыхъ коней,

Вотъ луга княженецкіе ¹⁾.

Изъ того же изъ славнаго города изъ Азова

30. Выходили тутъ Турецки цѣловальнички:

««Что́ это за диво, за дивовище,

««Что́ у насъ въ лугахъ за народъ стоитъ,

««Попушчали они ²⁾ добрыхъ коней на стреножники ³⁾?»»

Не золотая трубынька вострубила,

35. Не серебряне сиповочки возговорили,

А возгворитъ Иванушка Заморянинъ:

«Ой вы гой еси, вѣрны ключницы ⁴⁾,

«Турецки цѣловальнички!

«Я стою, Иванъ, со товарами со дорогильными ⁵⁾»:

40. «Очищайте вы дворы въѣзжіе,

«Гдѣ со товаромъ раскластися,

«А я самъ стану, Иванъ, середь города,

«Средь города, середь Азова.»

¹⁾ Относятся къ предыдущему: „въ зелены луги заповѣдныя, вотъ (въ) луга княженецкіе (заповѣдныя—княженецкіе, въ Выдланяхъ со времянь Владиміра).—

²⁾ Народъ.—³⁾ Спугавъ ноги; другой смыслъ: „не стреноживши.“—⁴⁾ Множ. отъ „ключникъ.“—⁵⁾ Шелковыми: не отъ „дороговизны“ сихъ товаровъ (доброты), какъ думаютъ иные, а скорѣе это товары 1) травчатые, съ узорами, полосатыя, и 2) полосами, какъ извѣстно, у насъ поставшіеся по царскому и вообще праздничному пути, откуда ихъ имя „дороги“ и „пути;“ были почетныя лица „съ путемъ“ и т. п.). Поздѣе это имя утвердилось за товаромъ „шелковымъ.“

- Не золотая трубынька вострубила,
 45. Не серебряная сишовочка возговорила,
 Возговорить Иванушка Заморяннѣ:
 «Ой гой еси, удалы-добры молодцы!
 «Чтобы были у васъ ружья ¹⁾ чистыя,
 «И кремни вострые,
 50. «И во бѣлыхъ ²⁾ рукахъ сабли вострыя!»

- На зарѣ было—на зоренькѣ,
 На зарѣ было на утреней,
 Не золотая трубынька вострубила, ,
 Не серебряна сишовочка возговорила,
 55. А возговорить Иванушка Заморяннѣ:
 «Вставай ты, вставай, мой живой ³⁾ товарь,
 «Во бѣлы руки берите сабли вострыя,
 «Вы рубите со Татарь буйны головы!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

Былина очень хорошая и по языку древняя; къ сожалѣнiю подлежащiй образецъ на половину разрушенъ въ стихѣ.

Именно эта Былина и подкрашена, въ книжной обработкѣ, именемъ Скопина, а потому перенесена ко влѣтiю Астрахани, къ Одоевскому изъ времянь Разина, къ Шереметеву изъ времянь Петра. См. вып. 7, стр. 116, 117, 161 и дал.

* *

Самъ царь.

1.

(Губ. Нижегородской, с. Павлово).

Собирается православный царь
 подъ крѣпкой Азовъ-городъ,
 Собираеть онъ телѣжинекъ
 Сорокъ тысячей,

¹⁾ Въ другомъ спискѣ „рукавы.“ — ²⁾ „въ обѣихъ.“ — ³⁾ „новой,“ — то же, что свѣжій, живой.

Въ кажную телѣжку сажалъ
 по пяти молодчиковъ,
 По шестому приставливалъ
 по извошничку,

5. Укрывали сукнами
 багрецовыми,
 Убивали гвоздочками
 полужонными.

Подѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
 ворѣтичкамъ.

Возгѣворитъ православный царь
 таково слово:

«Оуъ вы гой естя, Азовскіи
 караульщицки!»

10. «Доложите во Азовѣ
 свымъ начальничкамъ:

«Пріѣхалъ къ вамъ богатой гостъ
 Ѡддоръ Ивановичь,

«Съ тѣми ли съ товарами
 со заморскими,

«Со куницами пріѣхалъ
 и съ соболицами ¹⁾»

Отвориши ему Азовски
 крѣпки воротички:

15. Онѣ ²⁾ ѣхали во Азовъ-городъ
 трои суточки,

На четвѣртыи суточки
 уставились.

Тутъ возгѣворитъ православный царь
 таково слово:

«Оухъ вы гой естя, извошнички,
 добры мѣлодцы!»

¹⁾ Какъ отъ „куна“ и „кунь“ образована „куница“, такъ отъ „соболь“—
 „соболица.“—²⁾ Пріѣзжіе.

- «Отдирайте суконцы
во единой махы!»
20. Отдирали они суконцы
скоро на скоро,
Вылетали из кажней изъ телѣжки
по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры
на голо держуть.

- Испужалися Азовскіи
начальнички:
- «Ужь ты батюшка нашъ,
православный царь,
25. ««[Православный царь]
Петръ Алексѣевичъ!
«Не мути ты нашъ
Тихой Донъ:
«Мы станемъ тѣ¹⁾ служить вѣкъ
вѣрой—правдою,
«Вѣрой—правдою и какъ тѣ надобно²⁾.»»

(Запис. сваяц. Ѳаворскихъ; ср. Ивд. А. Н. т. 1).

* *

Вдѣтъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ.

1.

(Оттуда же).

- Ужь ты славное село Павлово,
Слобода графа Шереметева!
Про тея, село, идетъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
5. Будто ты, село, на краси³⁾ стоишь,

¹⁾ Тебѣ.—²⁾ Влагаются тѣ же слова, какъ Донскимъ козакамъ.—³⁾ На красѣ (какъ въ другихъ): крась, высь, ширь и т. п.

- На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
 На крутой горѣ, по раздольицу ¹⁾,
 Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыхъ,
 Промежь тея бѣжить рѣчка Тарышка;
 10. Возлѣ бокъ ²⁾ бѣжить Ока-матушка.

- По Окѣ-рѣкѣ бѣжить лотычка ³⁾,
 Лѣгка лотычка раскрашѣная,
 Всѣ гребцами лѣтка ³⁾ усажѣная,
 Какъ на восьмера на весѣлички.
 15. Въ этой лотычкѣ самъ графъ гулялъ,
 Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ...

(Не кончено; запис. тѣмъ же).

* *

Прїѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Мос- скву: народъ знакомится съ атаманомъ.

1.

- Мимо славнаго города Воронежа
 Пролежала тутъ широкая дороженька
 [Что ко славному ко городу ко Санктпитуру ¹⁾].
 Что по той было по широкой по дороженькѣ
 5. Ужь какъ шли-прошли козаки со Тиха Дона,
 Со Тиха, братцы, Дона со Ивановича.
 Ужь какъ всѣ, братцы, козаки сивозь Москву: прошли ⁵⁾:

¹⁾ Обычное начало, обращаемое и къ Ярославлю, и къ друг.—²⁾ По бокамъ, вдоль боковъ, о бокъ.—³⁾ Одна изъ формъ, указывающая на корень *лот-* (*лот-ока, лот-из, лот-ка* и т. п., плоскость выгнутая, или согнутая).—
⁴⁾ Позднѣе вставленный стихъ.—⁵⁾ Такъ какъ въ ту пору не было еще Санктпитера (и стихъ о немъ вставочный), то путь и слова самой пѣсни были конечно не „сквозь Москву,“ а „на Москву,“ потому и первое некомпство, удивляющее дѣловальниковъ, вѣроятно имѣло мѣсто въ Воронежѣ (безъ того не за чѣмъ было и выводить его).

- Что одинъ изъ нихъ козакъ остается ¹⁾,
 Онъ заходитъ на кружало государево ²⁾,
 10. Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна соболя,
 Онъ и молится Спасителю образу,
 Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
 Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ:
 «Ахъ вы здраствуйте, государевы цѣловальники!
 15. «Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ рублѣвъ,
 «А товарищамъ моимъ на тысячю.»
 Промежу ¹⁾ собой цѣловальники взглянулися:
 ««Ужь какъ ёкова питуха у насъ не было,
 ««Ужь какъ знать это, братцы, не Донской козакъ,
 20. ««Ужь какъ знать это атаманъ ихъ!»»
 Вывозили имъ поила, сколько надобно:
 «Ужь вы пейте, мои робята ¹⁾, сколько вамъ хочется!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

* *

Атамановъ приѣзъ по Дону: сборы Донцовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Не ясенъ соколъ летать по поднебесью:
 Донской есаулъ бѣгалъ по Дону;
 Казаковъ-то онъ рѣчью *привѣтствовалъ* ³⁾:
 «Вы вставайте, добры мѳлодцы,
 ѓ. «Господу Богу помѳлитесь:
 «Да не пусти Господь руки варвара
 «На Петра царя Бѣлаго, *православнаго!*

¹⁾ у Сахарова, какъ водится, исправлено: „остается.“ „промежду;“ „ребята.“—²⁾ См. выше.—³⁾ Отзывается книжною поправкою: ее и ниже мы отмѣчаемъ въ печати курсивомъ.

- «Вы вставайте, други, пробудитесь,
«Борзыхъ коней, други, вы сбдайте,
10. «Подъ Азовъ-городъ, други, поѣзжайте
«Ой мы городъ разоримъ *съ головы до ногъ*,
«Много казны возьмемъ, много золота,
«Войсковую казну ¹⁾ знатно поисправимъ.»
««Атамана своего семъ ²⁾ да послушаемъ ³⁾,»
15. ««Послушаемъ да пойдёмъ въ походъ!»»
Самъ сизой орелъ пробуждается:
Самъ Петро ⁴⁾ царь подымается,
Съ своими князьями-боярами,
Съ своими Донцами,
20. Съ своими Запорожцами.

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866, СПб.).

* *

Сборы солдатъ, новаго войска.

1.

(Симбирск. губ. с. Ставицкое).

- Намъ пора-та, робятушки, съ кабаку итти!
Не вечерняя заря потухать стала,
Не утренняя заря занимается:
Бѣжить-то изъ Москвы скорый посоль,
5. Держить во рукахъ грозный указъ,
Чтобы были мы солдатухи приубраные,

¹⁾ Свою, Девскую.—²⁾ Давайте-ка, ну-ка.—³⁾ Это уже отвѣтныя рѣчи ко-
заковъ.—⁴⁾ То есть „Пѣтра, Пѣтръ-тъ (оглашеніе коновачнаго в, при зарож-
давшемся у насъ, подобно болгарскому, членѣ).“

- Перевязи-портупей были бы бѣленныя
 И ружьейцы были бы чинцовыя.
 Намъ завтра, солдатушкамъ, въ походъ итти,
 10. Въ походъ итти подь Азовъ-городъ:
 Намъ стоять-то, солдатушкамъ, подь Азовомъ три года !)...

(Отъ А. М. Языкова).

* *

Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда.

1.

- Ахъ ²⁾ бѣдныя головушки солдатскія,
 Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
 Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи солдаты ружья чистили,
 5. Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.
- Что не золотая трубушка ³⁾ вострубила,
 Не серебрена сиповочка возыграла,
 Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
 «Ахъ вы гой еси ⁴⁾, всѣ князья и бѣяри!
 10. «Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
 «Еще какъ намъ Азовъ-городъ взяти?»
 Еще ⁵⁾ князья и бѣяри промолчали:
 Еще жъ самъ ⁶⁾ нашъ батюшка прослезился.
 «Ахъ вы гой еси, солдаты и драгуны!
 15. «Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
 «Еще какъ-то намъ Азовъ-городъ взяти?»

¹⁾ Обыкновенное въ Былинахъ предупрежденіе, послѣ котораго въ пѣсни следовало конечно описаніе самой стоянки.—²⁾ *Сказар.* „Ахъ вы“ *Костюмар.* „Охъ“—³⁾ *Кост.* „трубонька.“—⁴⁾ *Кост.* „есте (1).“—⁵⁾ *Кост.* „Какъ.“—⁶⁾ *Кост.* „А и самъ.“

Какъ не ярыя пчолушки зашумѣли,
 Что взговорять ¹⁾ солдаты и драгуны:
 «Взять ли намъ, не взять ли,—бѣдой грудью!»»

20. На восходѣ было краснова солнышка,
 На закатѣ было свѣтлова мѣсяца,
 На зорѣ они на приступъ пошли,
 Подъ тотъ ли подъ славной подѣ Азовъ-городъ,
 Что подѣ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
 25. Ахъ ²⁾ подѣ тѣ ли подѣ раскаты подѣ высокіе.
 Что не съ горѣ ли бѣлы камни ³⁾ покаталися:
 Покаталися со стѣнъ *непріатели*;
 Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися:
 Забѣлѣлися бѣлы груди бассурманскія;
 30. Ахъ ⁴⁾ не съ дождичка ⁵⁾ ручьи разливалися,
 Разливалася тутъ кровь *нечестивая* ⁶⁾.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій; то же повторяется въ другихъ позднѣйшихъ; конецъ отъывается,—гдѣ у насъ *курсива*,—книжною подправкой; не много *исправили* Сахаровъ и гг. Костомаровъ съ Мордовцевой—„Дѣтск. Р. литер. и др.“ Гораздо больше И. В. Дмитриевъ въ своемъ пѣсенникѣ, откуда перешла слѣдующая, вторая редакция и въ позднѣйшихъ):

*

2.

Еще съ вечера солдатамъ
 Приказъ отданъ былъ:
 Со полуночи солдаты
 Ружья чистили;

¹⁾ Сахар. и Кост. „возговорять.“—²⁾ Кост. „Что.“—³⁾ Любопытно Сахаровъ исправилъ синтаксисъ: „Что съ горѣ не бѣлы камни (такъ ятѣе!)“.—⁴⁾ Кост. „Что.“—⁵⁾ Сахар. „не съ дождика.“—⁶⁾ У Цартелева въ рукописи: „Азовъ *кряккій*.“—„Что возговорять солдаты и драгуны: Ахъ ты батюшка, православной Руской царь! Прикажи ты намъ скорѣй итти на приступъ, Мы возьмемъ тотъ Азовъ-городъ своей грудью.“—„Не съ крутыхъ горѣ камни покаталися.“—„Ахъ не дождички ручьями разливалася.“—„Не дятлары Турецки раздалася, Раздалось ура Россійское побѣдное (подправлено).“

5. Ко бѣлу свѣту солдаты
 Во строю стоятъ.
 Не трубушка золотая
 Вдругъ вострубила.
 Не серебряна синовка
10. Вдругъ воскликнула,
 То возговорить отецъ нашъ
 Православный царь:
 «Ой вы гой еси, всѣ князи
 И боярева!
15. «Придумайте-пригадайте
 Вы мнѣ думушку:
 «Какъ бы взяти поскорѣ
 Намъ Азовъ-городъ?»
 Всѣ князья-бояре нишкнутъ ¹⁾.
20. Самъ ли батюшка
 Прослезился, и, вздохнувши,
 Къ нимъ возговорилъ:
 «Ой вы гой еси, драгуны
 И солдатушки!
25. «Вы придумайте мнѣ, други,
 Крѣпку думушку:
 «Какъ бы взяти поскорѣ
 Намъ Азовъ городъ?»
 Какъ рой пчель зашумѣли,
30. Такъ солдатушки
 Въ одинъ голосъ закричали:
 «Царь нашъ батюшка!
 «Взять ли намъ его, не взять ли,—
 «Грудью бѣлю!»»

---

¹⁾ Такъ старались подладиться къ народному языку: *нишкны*—молчи.

35. До заката еще было
 Свѣтла мѣсяца ¹⁾,
 Еще утренней зарею ¹⁾
 На приступъ пошли,
 Что подъ тѣ ли крѣпки стѣны
40. Бѣлокаменны,
 Что подъ тѣ ли подъ роскаты
 Подъ высокіе.
 Не съ крутыхъ горъ сѣры камни
 Покатилися:
45. Съ стѣнъ высокихъ покотились
 Непріатели;
 Не въ поляхъ широкихъ снѣги
 Забѣлилися:
 Забѣлилися то груди
50. Непріательски;
 И не съ дождика потоки
 Разливалися:
 Разливалася ручьями
 Ихъ багрова кровь.

(„Карманный Пѣсенникъ“ Н. Н. Дмитриева, М. 1796 г.; если уже допустить было передѣлку,—одна изъ самыхъ мастерскихъ, достойная лучшей цѣны; замѣчательно, какъ талантъ писателя и чуткій слухъ угадалъ и воспроизвелъ подлинный складъ, господствующій въ Былинахъ этого періода,—см. образцы выше, съ особымъ способомъ печатанія *строфъ*).

* * *

---

¹⁾ Поправка умна, хотя и безъ знанія приѣмовъ народнаго творчества.

Плывутъ подъ Азовъ: взяли городъ и поздравля-
ютъ царя.

1.

(Москва).

Ахъ, по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому ¹⁾,
Плыли-воспывали три военныхъ корабля.
На передъ корабль бѣжить,—

5. Что соколъ летить:

Во томъ во корабликѣ,
Императоръ-царь сидитъ;
Во другомъ корабликѣ
Всѣ князья-бояра сидятъ;

10. Во третьемъ корабликѣ

Всѣ солдатушки сидятъ,
Солдаты сидѣли Преображенскаго полку.
Охоту имѣли ²⁾ подъ Азовъ городокъ.

Подкопы копали все глубокіе,

15. Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,

[Съ лютымъ зельемъ] съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни все угольчатия ³⁾.

20. Стали поздравляти императора-царя:

«Здравствуй ⁴⁾, государь-императоръ, съ Азовомъ (горо-
домъ!)»

(Запис. П. В. Кир. отъ Московской вѣщанки, 70-ти лѣтней старухи, изъ Рогожской).

*

¹⁾ Осмыслено изъ „моря *Варяжскаго*“, которое получило въ сей періодъ главную роль и куда перенеслись въ слѣдъ за нимъ пародные взоры; дальнѣйшее осмысленіе городомъ *Вереи* см. ниже.—²⁾ Направлялись, стремились; козакъ, шедшіе въ подобные походы, технически именовались *охотниками*.—

³⁾ Это совершенно одинаково съ описаніемъ взятой Казани, см. вып. 6-й.—

⁴⁾ Поздравляешь тебя.

2.

(Самбирск. губерніи, с. Станичное).

По морю—морю ¹⁾

Плывутъ—выплываютъ тутъ тридцать кораблей.

На корабличкахъ распущены тонки парусы,

Тонки парусы распущены полотняные,

5. И флаки распущены разноличные,

А подъ парусами матросы земли Пруцкой ²⁾.

Подступали онѣ подъ славный подъ Азовъ—городъ,

Открывали онѣ окошечки всё боевые,

Заряжали они пушечки всё ломовыя ³⁾,

10. Пушчали они во славный во Азовъ—городъ.

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

VII.

Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Ми-
няевичъ.

1.

(Кирша Давыловъ).

Приуныли—приутихли ⁴⁾

на Дону Донски да козаки,

А Яицкіе, Донскіе,

Донскіе (Донски), Запорожскіе.

• А и по чемъ они ⁵⁾ уныли?

Потому они приуныли,

на Дону Донски да козаки,

5. Ахъ что взялъ у нихъ

государь—царь городъ ⁶⁾,

¹⁾ Тутъ уже не знали, какъ и назвать море.—²⁾ Иностранцы.—³⁾ Осадныя, для проломки стѣнъ; тяжолыя.—⁴⁾ Образцы этого же склада см. выше. При расколовшихся двухъ половинкахъ стиха, чтобы дополнить вторую, меньшую и прибавочную, повторяется иногда конецъ первой; это отмѣчено было и въ рукописи, и сообразно тому мы печатаемъ.—⁵⁾ Сахарову показалось лучше исправить: „А и что казаки.“—⁶⁾ Черкасскій.

Со трети съ тѣми со малыни
съ пригородками,²
А и со славною со Кубаньей,
съ крѣпкимъ Лютикомъ

А во славномъ да во Черкасскомъ
во земляномъ городкѣ
А стоиць у козаковъ
золотой бунчугъ,

10. А на бунчугѣ стоиць
чуденъ-зѳлотъ крестъ,
А передъ крестомъ туто стоиць
Войсковой ихъ атаманъ,
А по имени ли Флоръ
сынъ Минаевичъ.
Ко кресту тутъ собиралися
Донски козаки,
А и Донскіе, Гребенскіе,
Запорожски хохлачи;

15. Становились молодцы
во единой войской кругъ,
Среди круга стоиць
войсковой атаманъ,
А по имени ли Флоръ
сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи ¹⁾ говориць,
будто въ трубу ¹⁾ трубиць:
«А и вы, братцы, козаки,
вы Яицкіе, Донски,
Донски, Запорожскіе!

20. «Пособите мнѣ, атаману, вы
думу думати:
«Челобитну ли намъ писати,
государю подавать?»

¹⁾ По складу должно быть: „рѣчь;“ „въ трубушку.“—Сказар. для разнообра-
зія поставилъ: „говорить; трубить.“

«Самому ли мнѣ, атаману,
въ Москву ѣхати?

«Перемирье бы намъ взять
передъ самимъ царемъ ¹⁾»:

«Залегли пути-дороги
за сине море гулять,

25. «Еще отъ вора отъ Васьки
отъ Голицына съ дѣтьми ²⁾,

«Залегли пути-дороги
за сине море,

«А и не стало намъ добычи
на синемъ морѣ

«И на тихомъ Дону
на Иванычѣ.»

И поѣхалъ атаманъ
въ каменну Москву.

¹⁾ Если царь Петръ Алексѣевичъ, то все-таки перемирье разумѣется съ Турецкимъ царемъ, ибо послѣ похода Голицынскаго натаянты были отношенія и казаки стѣснены „въ промыслахъ“ военною сторожкой Турокъ, особенно отъ Азова, равно какъ присмыльными съ Москвы отрядами.—²⁾ Почтительный Калайдовичъ, при изданіи Кирши, какъ самъ говоритъ, оставивши одинъ *Г.* напечаталъ точками „два слова, означающія известную фамилію, не справедливо повоснимую казаками (Сахаровъ потому и вовсе ее выкинулъ).“ Конечно это знаменитый *Голицынъ*: честили же такъ, одинаково и откровенно, всѣхъ посланцевъ, конми были недовольны, начиная съ Карамышева до Долгорукаго, Гагарина и т. д. „Съ дѣтьми“—обычное выраженіе (см. ниже о Гагаринѣ): съ его родичами, сообщниками, преемниками. Послѣдовательная связь такова: 1) присяга Донцовъ Петру; 2) походъ В. В. Голицына, въ которомъ участвовалъ Флоръ, старшій современникъ и потомъ дѣятельный, вѣрный сподвижникъ Петра; но вслѣдствіе похода, при неудачѣ, только запутались отношенія; за тѣмъ 3) сборы на Москву, чтобы явиться къ новому царю и кстати высказать нужды и жалобы (Флоръ ѣздилъ первый разъ 1694 года); туда же, в еще ближе на Воронежъ, приходилось собираться начальникамъ для новаго побѣдоноснаго, похода (см. выше первый пріѣздъ атамана и знакомство съ нимъ,—это конечно былъ Флоръ). Но пѣсня сложена вѣроятно еще позднѣе, когда, по взятіи Азова и за подаркомъ золотого бунчука (1706), еще строже были взяты въ руки казаки съ ихнимъ Черкасскомъ и настала пора смуты, разразившаяся вскорѣ открытымъ бунтомъ Булавина и отъѣздомъ Некрасова. „Грозенъ“ царь и весь тонъ Былинны, къ великому сожалѣнію потерявшей конецъ, указываютъ уже „грозу“ на Донцовъ, о которой ниже.

30. Еще будетъ атаманъ
       въ каменной Москвѣ,
 Поклонился государю
       о праву руку,
 Еквозь слезы онъ словечко
       едва выговорилъ:
 «Ахъ ты свѣтъ нашъ, надежда,
       благовѣрный царь,
 «А и грозенъ, сударь ¹⁾),
       Петръ Алексѣвичъ!»
35. «Прикажи намъ, на Дону,
       чѣмъ кормится?
 «Залегли пути-дорожки
       за сине море,
 «Отъ вора отъ Васьки
       отъ Голицына съ дѣтьми,
 «Еще тѣ ²⁾)... дороги увойные ³⁾)...
 «... царствѣ ... крѣпк..... ⁴⁾).»
40. —А и гои есть, атаманъ,
       и съ Донскими козаки!
 —У тебя, у атамана,
       вѣдь козачій судъ:
 —Если ... непорядочно.
       живеть ба..... ⁵⁾—.....

(Др. Росс. Стихотвор.; Сахар. и друг.).

* *

¹⁾ Сахар. „сударь.“—²⁾ За сямъ означенное точками въ подлинникѣ слышно.—³⁾ Вѣроятно: „Еще тѣ ли путь-дороги, увойные (уводные, воровскіе, краденые) пути.“—⁴⁾ Сообразно съ другими того же рода пѣснями можно предполагать: „А на царствѣ на Московскомъ крѣпки караулы стоятъ.“—⁵⁾ По тѣмъ же признакамъ, можно предполагать отвѣтъ въ родѣ: „Если баба живеть непорядочно, стерегутъ же ее и наказываютъ.“ Сахаровъ желалъ пособить, придумавши конецъ (перешедшій и въ новѣйшіе пѣсенники):

„У тебя, у атамана, есть козачій судъ:
 „Если не порядочно живеть (кто?),
 „Суди правдой по тому суду,
 „По тому суду да правому;
 „Живи съ козаками на Дону во миру.“

- «Ой не дай Боже Азовцамъ
ума-разума того,—
—«Не поставили бь они башенки ¹⁾,
на усть-рѣчки каланчи,
15. —«Не перекинули бы цѣпи
черезъ славный Тихій Донъ,
—«Не подволи бы они струны
ко звонкимъ колоколамъ,—
—«Ужь нельзя намъ, братцы, будетъ
во сине море пройтить,
—«По синю морю гулять,
зыпуновъ-то доставать.»»—

- Какъ у насъ было на Дону,
во Черкасскомъ городу,
20. Войсковой нашъ атаманъ
во всю ночушку не спалъ;
Какъ со вечеру соколъ нашъ ²⁾
Роговыя прощывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ
по синю морю гулялъ ³⁾,
По синю морю гулялъ,
кораблики разбивалъ.

(Ср. Сахарова, потомъ Савельева и др.; до отысканія другого подлинника въ устахъ народа или въ рукописи, пѣсню можно еще считать сомнительною).

* *

¹⁾ Слово лишнее (и по складу пѣсни), ибо *каланчи* и есть тѣ же башенки (глосса, внесенная въ текстъ, интерполяція); Сахаровъ *каланчи* счелъ за имя «рѣчки.»—²⁾ Атаманъ.—³⁾ Испорчено.

30. «Захотѣлъ старикамъ
       усы-бороды сбрить,
 «И молодыхъ дѣтей
       во солдаты брать;
 «Ты пріѣхалъ къ намъ
       на Тихой Донѣ,—
 «Безъ указу-то насъ
       разорять сталъ;
 «Ужъ мы бросили свое
       бытьѣ-богатство ¹⁾,
 35. «Съ того-то мы со Тиха Дона
       долой пошли,
 «Мы пошли къ Турецкому *хану* ²⁾
       въ подданство,
 «Онъ принялъ насъ
       со честію, со славою,
 «И пожаловалъ намъ по коню,
       коню хорошему,
 «И сѣделечку
       Черкасскому.»

(Оттуда же, и то же должно сказать о сомнительномъ происхожденіи пѣсен).

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Кто бы намъ сказалъ, братцы,
       про батюшку Тихій Донѣ,
 Про того козачка
       Игнатку измѣншичка?

¹⁾ Д. б. „Житьѣ-бытьѣ, богатство.“ — ²⁾ Опять, вмѣсто „султану,“ явобм ошибка, но едва ли возможная у Донцовъ.—Поддѣлки на концѣ еще хуже.

Какъ измѣнилъ онъ служить
 царю Бѣлому ¹⁾,
 Провѣръ ²⁾ сдѣлалъ нашей
 государынѣ ³⁾:

8. На вышку взлѣзъ,
 взялъ царску значечку ⁴⁾,
 Съ этимъ значечкомъ
 за Дунай ⁵⁾ бѣжалъ,
 Не одинъ бѣжалъ съ Дону,—
 козачковъ увелъ,
 Не служилыхъ ⁵⁾ старыхъ,
 а глухыхъ малолѣтчиковъ.

- Переправушку имѣлъ онъ
 на быстромъ броду,
 10. Не въ бредкѣ они брели,
 все въ плавкиплыли,
 Знамя царское
 на рукахъ несли.
 Переплывши Дунай,
 во кругъ собиралися,
 Во кругу поставили
 знамя царское,
 Приказъ сталъ дѣлать ⁶⁾
 нашъ измѣншичекъ:
 15. «Кидайте, козачки, вѣру
 христіанскую,
 «Понимайте ⁷⁾ вѣру
 басурманскую!»

¹⁾ Въ пѣсняхъ почти всюду имя «царя Бѣлаго», какъ могутъ замѣтить читатели, усвоено по преимуществу Петру I-му, и по этому признаку, даже безъ личнаго имени, можно легко отгадывать многія пѣсни изъ сего періода.—²⁾ Измѣну: „изневѣрлся (per-fidia).“—³⁾ Вставка позднѣйшаго пѣвца.—⁴⁾ Но произношенію (и по соблазнительному примѣру Сахарова) вм. „значечко“, какъ ниже.—⁵⁾ См. предыдущій образецъ.—⁶⁾ „Держать?“—⁷⁾ Примите: обычное народное выраженіе въ семь смыслѣ, иначе „поймите, поймайте.“—Сахаровъ непременно исправилъ бы.

Малые малолѣтчики
   перепугались,
 По темнымъ лѣсамъ
   разбѣжались;
 Одинъ у нихъ стоитъ—
   не полóбится ¹⁾:
 20. —Стойте, малые малолѣтчики,
   не пужайтесь,
 —По темнымъ лѣсамъ
   не разбѣгайтесь!
 —Мы отрубимъ Игнаткѣ
   буйную ²⁾ голову,
 —Пойдемъ опять служить
   царю Петру Первому!—

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.; эта чисто-народная, характерная пѣсня представляетъ одинъ изъ тѣхъ подлинниковъ, которые обдѣланы Сахаровымъ въ предыдущемъ образцѣ).

* * *

Оплошность Донцовъ подъ Азовомъ и полонъ имъ.

1.

(Губ. Симбирской, село Головино).

Шли казаки съ моря Чернаго,
 Лузjami-болотами топились,
 Азова крѣпкаго города тамлися.
 Не доѣхатчи Чагану становилися,
 5. Становилися казаки во единый кругъ,
 Они думу думали крѣпкую за единую:
 Выбирали атамана походнаго.

¹⁾ Не пугается, не знаетъ переполоху. — ²⁾ Д. б. „буйну“ по складу.

- Атаманъ у нихъ по кругу похаживаетъ,
Онъ камышею ¹⁾ своей тросточкой помахиваетъ,
10. Казакамъ братцамъ работать наказываетъ:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
«Моего слова атаманскаго:
«Поѣдете гулять чрезъ большую степь,
«Чрезъ такую чрезъ большую степь Азовскую,—
15. «Не стреножимши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
«Не поставимши караула не ложитесь спать,
«Безъ денного часового чтобы не было.»

- Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши добрыхъ коней попускали въ степь,
20. Не поставимши караула сами спать легли.
Наѣзжали на нихъ Кайсаки,
Всѣхъ казаковъ въ полонъ побрали.

(Отъ П. М. Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

- Шли тутъ казаки съ моря Чернаго,
Они лугами-болотами топились,
Азова крѣпкаго города таилися.
Не доѣхатчи Чагану становилися,
5. Соходились казаки, братцы, во единый кругъ,
Во единый соходились кругъ, на зеленый лугъ,
Они думали крѣпку думу за единую.
- Атаманушка у нихъ по кругу похаживаетъ,
Онъ камышею тросточкой своей помахиваетъ,

¹⁾ Камышевою.

10. Казакамъ свои слова приказываетъ:
 «Ой вы слушайте, робята, моего слова.—
 «Не стреноживши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
 «И безъ крѣпкаго караула не ложитесь спать.»

Казаки-то его слова не послушали,

15. Не стреноживши добрыхъ коней попускали въ степь
 И безъ крѣпкаго караула спать ложилися.
 Наѣзжали на нихъ собаки злы Киргицины,
 Всѣхъ ли казаковъ въ полонъ побрали.
 Одинъ оставался у нихъ добрый молодецъ,
 20. Скорѣхонько онъ садился на добра коня
 И скорѣхонько онъ метался на Тихой Донъ,
 На Тихой Донъ къ атаманушкѣ:
 —Ой ты гой еси, нашъ батюшка, атаманушка!
 —И у насъ ли несчастье случилося:
 25. —И всѣхъ ли насъ, казаковъ, въ полонъ побрали.—

(Отъ него же).

*

3.

(съ Урала).

Изъ подъ Турскаго изъ подъ славнаго Азова изъ подъ
 города,

Пролежала тутъ широка-больша дороженька.

- Какъ по этой по широкой большой дороженькѣ
 Туто шли-прошли козаченьки, добры молодцы.
 5. Не доѣхавшц до урочества ¹⁾ становилися,
 Не стреноживши добрыхъ коней въ степь попускали,
 Не выбравши крѣпкаго сторожа сами спать легли.

¹⁾ Имя мѣста, по отдаленности, уже затеряно и замѣнено „урочьемъ.“

Нападали на нихъ мѣлодцевъ злы Татарища.

Они билися—рубилися троя суточки,

10. Не пиваючи, добры молодцы, не ѣдаючи,
Со добрыхъ коней, добры молодцы, не слѣзаячи.
На сонныхъ на нихъ, добрыхъ мѣлодцевъ, понаѣхали,
Сонныхъ добрыхъ мѣлодцевъ всѣхъ порубили,
Козачьева атаманушка въ полонъ взяли.
15. Посадили его, добра молодца, въ темну тѣмницу:
Морять его, разудалаго, на уморъ морять,
Не дають ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть.

(Отъ В. П. Дала).

* *

Подобные случаи повторялись во весь этотъ періодъ, и даже послѣ, отъ Флора до Краснощюкова. Но пѣсни получаютъ здѣсь мѣсто особенно потому, что концомъ своимъ переходить къ полону Донскаго козака въ Азовъ и объясняютъ происхождение пѣсенъ въ родѣ слѣдующей:

Донской козаекъ въ плѣну Азовскомъ.

1.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ ¹⁾,
Или участь моя горькая!

Ты звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда восходила:

5. Выше свѣтлаго ²⁾ младѣ мѣсяца,
Что затмила ³⁾ солнце красное.

- Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли мнѣ написано,
10. На дѣлѣ ли ⁴⁾ мнѣ досталось,

¹⁾ Образецъ сей послужилъ подлинникомъ для множества послѣдующихъ пѣсенниковъ, откуда приводимъ *разморьчія*; Сахаровъ, какъ водится, подправилъ.—*Разн.* „такой.“—²⁾ *Разн.* „свѣтла.“—³⁾ *Разн.* хуже: „затмил.“—⁴⁾ *Даль*, какъ доселѣ у Ю. Славянь,—доля, участь, судьба: на долю, по жеребью. Сахар. „на дѣлѣ (!);“ *разн.* поправляютъ: „на бѣду;“ „по дѣломъ.“

Что со младости до старости,
 До сѣдого бѣла вѣлоса,
 Во весь вѣкъ мнѣ горя ¹⁾ мыкати,
 Что до самой гробовой доски ²⁾!

15. Во Азовѣ славномъ городѣ,
 Во стѣнѣ ³⁾ бѣлокаменной,
 Какъ была ⁴⁾ тутъ тѣмна тѣмница
 Безъ дверей и безъ окошечекъ.
 Ахъ во той ли тѣмной тѣмницѣ
20. Что сидѣлъ ⁵⁾ тутъ добрый мѡлодецъ,
 Добрый мѡлодецъ, Донской козакъ,
 Въ заключеньѣ ровни двадцать лѣтъ,
 Ровно двадцать лѣтъ и двѣ года.

- Лучилось ⁶⁾ тутъ мимо вѣхати
25. Самому царю Турецкому,
 Что султанекому величеству.
 Что возгѡворить добрый мѡлодецъ:
 «Ахъ ты гой еси, Турецкой царь,
 «Ты султанское величество!
30. «Прикажи меня поить—кормить!
 «Не прикажешь ты поить—кормить,—
 «Прикажи меня скорѣй казнить;
 «Не прикажешь ты меня ⁷⁾ скорѣй казнить,—
 «Прикажи на волю выпустить;
35. «Не прикажешь ты вонъ выпустить,—
 «Напишу я вскорѣ ⁸⁾ грамоту ⁹⁾,
 «Не перомъ и не чернилами,—

¹⁾ Разн. „горе.“—²⁾ Все это начало сложено самимъ козакомъ въ неволѣ: оно переходитъ въ разсказъ о событїи, какъ это обычно въ другихъ образцахъ и какъ именно можно видѣть на знаменитой пѣснѣ Разина, см. вып. 7-й; послѣ это послужило уже „вступленїемъ“ и такъ связалось съ другими однородными, безъимянными пѣснями.—³⁾ Разн. „Во стѣнѣ лн.“—⁴⁾ „Какъ стоитъ.“ „Тутъ стояла.“—⁵⁾ У Сахар. разнообразїе: „сидитъ.“—⁶⁾ Разн. „Слутилось.“—⁷⁾ Выпущено, и лучше.—⁸⁾ Ожидалось бы „скору.“—⁹⁾ Разн. „грамотку.“

- «Я своими горячьми слезьми,
 «Ко товарищамъ на Тихой Донъ:
 40. «Славной Тихой Донъ взовлнуется,
 «Весь козачей ¹⁾ кругъ ²⁾. вобунтуется,
 «Разобьютъ силу Турецкую
 «И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ.»

- Ай что взгворить Турецкой царь,
 45. Что султанское величество,
 Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ ³⁾:
 —Выпускайте добра молодца,
 —Добраго молодца, Донскаго козака ⁴⁾.
 —Во его ли землю Русскую,
 50. —Ко его да царю Бѣлому ⁵⁾!—

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; потомъ дальѣйшіе в Сахаровъ: всюду образецъ немножко подправленъ книжниками противу народнаго языка).

*

Эта знаменитая пѣсня, которую встрѣтитъ еще ниже, и съ развѣтвленіями, прошла весь длинный періодъ и остановилась на самыхъ любимыхъ народнымъ именяхъ, отъ Ермака до Равина (см. вып. 7, стр. 135—137), потомъ до Краснококова, Чернышова и даже Платова, въ томъ или другомъ видѣ, а съ передвиженіемъ мѣста дѣйствій, въ слѣдъ за обращающимися взорами,—отъ Азова до Шведскаго стана, Кистрина, Берлина и даже Парижа. На такомъ протяженіи времени и пространства она конечно легко освобождалась отъ историческихъ именъ, переходила въ Безымянную и, какъ любимая, въ Безымянныхъ все болѣе и болѣе обобщалась чертами, пока дошла до всякой „темничной“, „военной“, всякой почти „любвонной“. Въ приведенномъ образцѣ весь строй и складъ (редакция), по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежать эпохѣ Петровской; но вотъ кстати нѣсколько и ближайшихъ развѣтвленій:

1) „козачій.—2) „полкъ.“—3) Эта черта времени утвердилась особенно въ пѣсняхъ по переиесеніи поприща событій и военныхъ дѣйствій съ Азовскаго моря къ Варяжскому и Шведамъ: см. ниже.—4) *Разн.* весь стихъ: „Козака Донска удалаго.“—5) Между прочимъ одинъ изъ признаковъ, что окрѣпшій строй, если не отдаленное происхожденіе пѣсни, принадлежитъ именно эпохѣ Петра I-го.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко звѣзда восходила,

5. Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,

Или участь моя горькая:

На роду ли то написано,

10. Чтобъ во всѣ дни горе мыкати,
Съ молодыхъ ли дней печаль узнать!
Старый вѣкъ мой приближается,
Моя младость сокрушается ¹⁾:
Сокрушила красна дѣвица,

15. Что ни день, ни ночь покою нѣтъ,
Я не знаю, какъ разстатися;
Довела она добра мѡлодца
До погибели великiя;
Разорился я, добрый мѡлодецъ,
20. Отъ души ли красной дѣвицы.

Какъ у насъ было, на Тихомъ Дону,

Что на устьицѣ синя моря,

Какъ поставлена свѣтла свѣтлица

И еще тутъ темна тѣмница ²⁾.

25. Какъ во той ли темной тѣмницѣ
Что сидитъ ли добрый мѡлодецъ,

¹⁾ Сравните за симиъ, какой крутой поворотъ отъ исторiи внѣшней ко внутренней.—²⁾ Желающiе могутъ на этомъ образцѣ съ любопытствомъ наблюдать, какъ, при выходѣ съ почвы исторической, забытой въ туманѣ прошлаго, на свѣтъ простой и современной действительности, въ самомъ твор-

- Онъ повѣся ¹⁾ буйну голову.
 Приходила красна дѣвица,
 Вызывала добра молодца.
30. Выходилъ къ ней добрый молодець
 Какъ изъ той ли темной тѣмницы,
 При печали при великой бѣвѣ ¹⁾
 Во оковахъ во желѣзныхъхъ.
 Усмотрѣла красна дѣвица
35. Удалаго добра молодца,
 Что въ такой тоскѣ-кручинушкѣ,—
 Говорила она добру молодцу:
 —Не печалься, добрый молодець!
 —Всѣ оковы желѣзныя
40. —Они съ ногъ твоихъ долой пойдуть ²⁾.
 —Какъ пойдёмъ мы въ(во) чисто поле,
 —Что на устьице синя моря,
 —Разгуляемъ мы печаль свою,
 —И мы пустимъ во чисто поле,
45. —По всему ли свѣту бѣлому
 —И по устьицу синя моря.—

(Оттуда же).

*

На этой ступени пѣсня постепенно связывается съ Разинскою, объ известной—по преданию—подругѣ Разина (ср. вып. 7-й, стр. 140); но тамъ, въ отличіе всѣхъ Разинскихъ, обычное начало и признакъ—„Вы гѣса ль мон.“ или „Вы туманы.“ или „Ты взойди, взойди, солнце красное“ и др. (см. ихъ въ своемъ мѣстѣ), между тѣмъ какъ собственное отличіе Азовской—Донской, и притомъ въ Петровскомъ складѣ, составляетъ именно начало „Ахъ таланъ.“ Въ такомъ видѣ пѣсня важна здѣсь особенно тѣмъ, что представляетъ постепенный переходъ и объясненіе къ Донскому козаку въ тѣмницѣ передъ Петромъ и къ Козацкому Правежу при Петрѣ,—вскорѣ въ слѣдъ за снѣмъ.

Независимо отъ снѣхъ „исторически-былевыхъ“ судьбъ, пѣсня имѣетъ и свои особенныя, въ области и признакъ творчества:

честъи и въ его образахъ совершается борьба—рядомъ—между свѣтомъ и тьмою, свѣтлицею и тѣмницею.—¹⁾ Книжное.—²⁾ Испорчено вм. „спадуть.“

3.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко звѣзда восходила:

5. Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Какъ далече во чистомъ полѣ,
Что стоялъ тутъ высокъ терѣмъ ¹⁾.

10. Подъ косящетымъ окошечномъ,
За стеклянную оконницей,
Что сидѣла тутъ боярыня,
Передъ ней стоитъ ей рѣднѣй сынъ.
Говорить ли она плачучи:

15. —Ты дитя ли мое милое,
—Ты дитя мое разумное!
—Съ чего, дитятко, состарѣлся?
—Не жена ли тебя, дитятко,
—Не жена ль тебя состарила,

20. —Или малы твои дѣтушки?—
«Государыня ты матушка!
«Не жена меня состарила,
«Что не малы ли дѣтушки,
«А состарила меня, матушка,

¹⁾ Запятые переходъ отъ темницы.

25. «Что чужая-дальна ¹⁾ сторонушка,
«Грозна служба государева,
«Что часты-дальные походы всѣ ²⁾.»

(Оттуда же).

*

Здѣсь уже мѣсто Азовской темницы постепенно занялъ простой теремъ, а воспыта тягость принудительной, частой и далекой службы: переходъ отъ обязательной службы XVII вѣка къ солдатской и рекрутской, переходъ, совершившійся еще въ эпоху Петра (особо о сихъ пѣсняхъ въ своемъ мѣстѣ). Есть шагъ далѣе:

4.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко звѣзда восходила,

5. Выше свѣтлаго мѣсяца,
И затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:

На роду ли мнѣ написано,

10. На дѣлу ли мнѣ досталось,
Во всю жизнь ³⁾ несчастье видѣти!

Али въ людяхъ людей нѣ было,

Полюбить ли было нѣкого?

Но несчастьемъ ⁴⁾ то случилось,

1) Въ другихъ, и лучше, „чужа-дальная.“ — 2) „Что часты-дальны походы.“ — 3) *Разноръчїе* въ другихъ позднѣйшихъ: „Чтобъ всю жизнь.“ — 4) *Сахар.* поправилъ: „По несчастьямъ.“

15. Что въ мила друга влюбилася ¹⁾.
 Онъ казался мнѣ милѣй всего,
 Такъ взяла вѣру божьё его ²⁾:
 А нынѣче ³⁾ мой сердечный другъ
 Покидаетъ меня бѣдную,
 20. Измѣняетъ мнѣ душа моя ⁴⁾.

(Оттуда же).

Того же происхожденія и разряда, какъ „Талавъ“, но въ другой обстановкѣ и съ новыми характеромъ пѣсни:

Донской козаць въ плѣну Турецкомъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- По тому-то было морю, морю синему,
 Тамъ плыли-воспльвали пять сотъ кораблей,
 А одно-то изъ нихъ суденышко на передь бѣжить.
 Хорошо-то это суденышко изукрашено:
 5. У ней ⁵⁾ носъ сы кормой по звѣриному ⁶⁾.
 На этомъ на суденышкѣ стояла палатушка,
 Во этой-то палатушкѣ сидѣлъ Турецкій паша,
 Передь нимъ-то стоитъ младъ Донской козаць,
 [Младъ Донской козаць] невольничей.
 10. Стоитъ-то онъ, молодець,—какъ свѣча горить,

¹⁾ Разг. „Что въ такого я влюбилася, Что прельстилася я измѣнникомъ.“—
²⁾ „Онъ казался мнѣ милѣе всѣхъ, Всѣхъ привѣтливѣй, всѣхъ ласковѣй,
 Я повѣрила божьё его.“—³⁾ Сахар. „А нынѣ я.“—⁴⁾ „А теперь мой милый
 другъ—Измѣняетъ супостатъ злодѣй.“—⁵⁾ По причинѣ произношенія—
 „суденышка“, жемч. рода.—⁶⁾ Попытка воротиться къ древнимъ богатѣй-
 шимъ краскамъ: ср. корабль Илья и Соловья, вып. 1 и 4.

Онъ рѣчи-то говорить,—какъ въ трубу трубить:

«Какъ ты славный Турецкій паша!

«Отпусти меня на волюшку!»

Отвѣчаетъ ему Турецкій паша:

15. «Загадаю я тебѣ, Донской казакъ, три загадочки:

«Отгадаешь ты мнѣ три загадочки,

«Тогда-то я отпущу тебя на Тихій Донъ:

«Чего ¹⁾ у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзко ²⁾ бѣжить?

«Чего у насъ на свѣтѣ безъ крыль скоро летить?»

20. «Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горить?»

Отвѣчаетъ ему Донской казакъ:

—Безъ ногъ у насъ бѣжить твое судно легкое,

—А безъ крыль-то летить буйный вѣтеръ,

—Безъ огня-то печеть на свѣтѣ красное солнышко.—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Переходъ отъ исторіи къ простымъ вѣсямъ „съ загадками“ въ сущности древнѣйшаго происхожденія, старте всякой нашей исторіи, о дѣвцѣ на морѣ и кораблѣ, предлагающей загадки молодцу, и освобожденіе его отъ сѣтиса разгадкой; см. ниже въ своемъ мѣстѣ).

* * *

Послѣ этихъ промежуточныхъ переходовъ, при возвратѣ къ историческимъ вѣсямъ и къ Петровской эпохѣ, слѣдующія Былины, о Донскомъ казакѣ въ темницѣ или на правѣхъ передъ Петромъ Первымъ, переносятъ на Донъ черты возстанія и казни Стрѣльцовъ, и также точно какъ тамъ, переходить отъ казней къ образу прощавшаго царя-освободителя; съ тѣмъ вѣстѣ Донской казакъ, какъ было и на самомъ дѣлѣ, передвигается постепенно съ Юга на Сѣверъ, отъ Азова и съ Дону къ другимъ ставнямъ и столицамъ государынь.

¹⁾ Особый видъ народнаго родительнаго „раздѣлительнаго (genitīvus distributivus):“ чего много, чего есть и т. п.—²⁾ Рѣзко.

VШ.

Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ.

1.

- Ахъ служили мы на границѣ ¹⁾ три годочка:
 Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону нѣту,
 Ни словеснаго челобитьяца намъ *не прислано* ²⁾.
 На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
5. Не полуночная звѣзда съ небесъ упала,
 А скорая *почта* ³⁾ прибѣгала
 Ко походному нашему атаману,
 Ко Иванушкѣ *Ивановичу* Фролову ⁴⁾:
 «Ужь ты здравствуй, походный наш атаманъ,
 10. «Ужь ты здравствуй съ походными старшинами,
 «Ужь ты здравствуй со служащими казаками!
 «Какъ у насъ—то на Тихомъ Дону нездорово:
 «Какъ прѣехали къ намъ на Тихой Донъ все *разсыльщики* ⁵⁾,
 «Во разсыльщикахъ были два боярина,
 15. «Безъ указа—то они государева насъ разоряють.
 «И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылають,
 «Молодыхъ, *де*, малолѣтокъ берутъ во солдаты.
 «Отъ того—то нашъ славный—Тихій Донъ возмутился,
 «Возмутился славный—Тихій Донъ вплоть до *устыца* ⁶⁾,
 20. «Какъ и до славнаго до города *Черкаскаго* ⁷⁾.»»

(Сахар. и за нѣтъ подвѣйшіе; до открытія другаго подлинника, подробности сомнительны).

* *

¹⁾ Сѣверозападной, въ первыхъ годахъ XVIII вѣка. — ²⁾ Курсивомъ означены у насъ сомнительныя выраженія, принадлежащія вѣроятно самому Сахарову. — ³⁾ Посылка? — ⁴⁾ Одинъ изъ сыновей извѣстнаго Флора, но ужь ни какъ не *Ивановичъ*, ибо всѣ они по отцу и назывались *Фроловыми*: признавши это за фамилію въ родѣ нынѣшней, Сахаровъ конечно придумалъ другое отчество.—⁵⁾ Разсыльщики?—⁶⁾ До устья (не складу; Сахаровъ всюду любилъ подслащивать).—⁷⁾ Черкаска.

Жалоба Дона.

1.

Какъ ¹⁾ ты батюшка, славный—Тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичь!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:

5. Какъ, бывало, ты всё быстёръ бѣжишь,
Ты быстёръ бѣжишь, всё чистѣхонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, всё *мутѣнз* течешь,
Помутился *ты*, Донъ, сверху до низу.
Рѣчь возговорить славный—Тихій Донъ:
10. «*Ужъ какъ-то* ²⁾ маѣ *всѣ* ³⁾ мутну не быть,—
«Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
«Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ,
«Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
«Высыпаются *безъ нихъ* косы желтымъ пескомъ.»

(Оттуда же и то же должно заимѣть).

* *

Челобитная Донцовъ.

1.

«Ахъ ты батюшка, *воеводушка* ³⁾!
«Ты за что на насъ прогнѣвался?
«Или сдѣлали тебѣ *измънушку*;
«*Измънушку*, *перемънушку*?

---

¹⁾ Ахъ?—²⁾ Любимое у Сахарова „уснащиванье“ рѣчи.—³⁾ И въ слѣдующихъ образцахъ, „изъ приличія,“ Сахаровъ сдѣлалъ „воеводушку“ вместо „православный царь.“

5. «Ты за чѣмъ у насъ коней обралъ,
«Ты коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
«Ты по тѣмъ полкамъ по *гусарскимъ* ¹⁾?
«Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
Бсаулушкова на часы ставилъ:
10. «Аль мы въ чемъ тебѣ прослужились?»
—Я за тѣмъ у васъ коней обралъ,
—Я коней обралъ, по полкамъ роздалъ,—
—А ²⁾ на всѣхъ полкахъ кони вѣпали,
—*Генералушки* всѣ приопѣщали,
15. —*Капонерушки* пѣшкомъ идутъ,
—Они ляпочки на плечахъ несутъ,
—А орудія на себѣ везутъ.—

(Оттуда же и то же).

* *

Скорлыгинъ-Карыгинъ.

1.

(Губ. Сибирской, с. Головино).

- На зорѣ было на зорюнкѣ ³⁾,
На восходѣ краснаго солнышка,
Государь-царь по дворцу гулялъ,
Онъ гулялъ-гулялъ, самъ разгуливалъ,
5. Въ одной тоненькой сорочкѣ и безъ пояса,
Въ однѣхъ чулкахъ ⁴⁾ и безъ чоботовъ;
Не одинъ гулялъ,—съ боярами,
Со Московскими офицерами:

¹⁾ Если это не прибавочное „объясненіе,“ то во всякомъ случаѣ ожидается во крайности „гусарскій.“—²⁾ Что?—³⁾ Разборъ: „на зорюнкѣ.“ Начало сходное съ плачемъ по Разнѣ, вып. 7, стр. 41.—⁴⁾ „чулочкахъ.“

- Во рукахъ держитъ грозной указъ.
 10. Онъ и сталъ указъ прочитывать,
 Казакъ ¹⁾ братцевъ перекликивать;
 Всѣ казаки сошлись:
 Одного казака нѣтъ лучшева ²⁾,
 [Не лучшева], атаманушки,
 15. А по прозванью Скорлыгина ³⁾.

- У Иванушки ⁴⁾ была жена умная
 Жена умная, разумная;
 Выходила она на красенъ крылецъ,
 Воскричала она громкимъ голосомъ:
 20. «Гой еси, слуги вѣрные!
 «Запрягите вы вороныхъ коней,
 «[Вороныхъ коней] что не лутчихъ ⁵⁾:
 «Вы поѣдете гулять въ каменную Москву,
 «Во проѣзжую славную улицу,—
 25. «Не увидите ль могъ друга милаго,
 «Горьку пьяницу Иванушку Скорлыгина,—
 «Привезите его въ государевъ дворецъ!»....

(Отъ Языкова).

*

2.

На зорѣ-то бывало—на зоренькѣ,
 На зорѣ утренней ⁶⁾,
 На восходѣ солнца краснаго,
 Воевода большой ⁶⁾ по садку ⁷⁾ гулялъ,

¹⁾ Козаковъ.—²⁾ Намлучшаго: что ни лучшаго.—³⁾ Объ этомъ „голомъ и пьяномъ“ см. ниже „Замѣтку.“—⁴⁾ Вѣроятно изъ него-то сдѣлалъ въ предыдущемъ образцѣ Сахаровъ „Иванушку Флорова“, вмѣсто Василья или Максима.—⁵⁾ „На зорѣ было на зоренькѣ, На зорѣ было на утренней.“ Мы принуждены повсюду отиѣчать курсивомъ названныя увлеченія Сахарова.—⁶⁾ „Государь-царь“ или „православный царь:“ изъ любезной деликатности, какъ и выше, и дагѣе, Сахаровъ сдѣлалъ „воеводу большаго“ или „воеводушку“, вопреки даже явному складу пѣсни.—⁷⁾ Вмѣсто: „по дворцу.“

5. Онъ гуляль-погуливалъ,
 Въ однихъ чулкахъ безъ чоботовъ ¹⁾,
 Азямчекъ ²⁾ на распашечку.

Дотолѣва зелѣный садъ зелѣнь стояль,
 А нынѣ зеленый садъ присохъ-приблѣкъ

10. И прѣуныли въ саду пташечки.
 Дотолѣва-то воевода большой казаковъ любилъ,
 Онъ любилъ ³⁾ и много жаловалъ,
 А нынче воевода на казаковъ прогнѣвался,
 На казаковъ прогнѣвался, разсѣрдился,
 15. И сталъ казаковъ казнить-вѣшати,
 И сажать по темнымъ тюрьмамъ.

Выходилъ нашъ большой воевода на широкій дворъ,
 Во рукахъ держалъ бумаженьку,
 Имяной указа, повелѣньице ⁴⁾,

20. Ужь онъ всѣхъ казаковъ пересматривалъ,
 Понмянно ихъ перекликивалъ:
 Одного-то изъ нихъ не досчитывался,
 Что ни лучшаго въ полку боярина ⁵⁾,
 Козачьяго ихъ атаманушку,
 25. Иванушку Ивановича,
 По прозваньицу сына Карыгина.
 Какъ у казачьяго атаманушки
 Была жена умная-разумная,
 Узнала она о несчастьицѣ,
 30. Выходила она на красѣнь крылець,
 Закричала громкимъ голосомъ:
 «Ужь вы гой еси, слуги вѣрные
 «И казаки ординарные!
 «Вы кидайтесь и бросайтесь на конюшенъ дворъ,

¹⁾ У Сахарова „безъ чоботовъ.“ — ²⁾ См. выше, въ казняхъ и правехъ Струльцовъ, съ чѣмъ очень близко сродна пѣсня по самымъ даже выраже-
 нямъ. — ³⁾ „Козаковъ любилъ.“ — ⁴⁾ Такъ изворачивался Сахаровъ, минуя про-
 стой „грознай указъ.“ — ⁵⁾ Это уже черезъ чуръ затѣйливо.

35. «*Вы запрегайте-ка ¹⁾ коней воронныхъ во каретушку золотую:*
 «Я поѣду по Москвѣ гулять,
 «По Московской большой улицѣ
 «И по мелкимъ переулочкамъ,—
 «Буду искать своего друга милаго.
40. «*Иванушку сына Ивановича.*»
 Какъ на встрѣчу ей идетъ пьяница,
 Горькій пьяница-пропѣнца.
 «Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
 ««Ужь ты гой еси, горькій пьяница,
45. ««*Разудаленькій добрый молодецъ!*
 ««Не видалъ ли ты друга моего милаго,
 ««*Иванушку Ивановича,*
 ««*По прозванью сына Карыгина ²⁾?*»»
 —*Твой-то милый другъ, казацкой атамануша,*
50. —*Въ кабацкѣ сидитъ за кружальцомъ ³⁾ государевымъ,*
 —*Онъ пьетъ вино все безденежно ⁴⁾.*—

Подъѣзжала она ко цареву кабаку,

Подъѣхавши она воссалакала:

«Ужь ты гой еси, милый другъ,

55. «*Иванушка Ивановичъ,*

«*По прозванью сынъ Карыинъ!*

«*Несчастье надъ нами случилось:*

«*На насъ воевода большой осердился и прогнѣвался,*

«*Все твои друзья-братья порублены,*

60. «*[Порублены] и все повѣшены.»*

¹⁾ Подобными „вульгарными“ рѣчами и quasi-обмолвками полагалъ Сахаровъ выставить подлинную народность и скрыть свои поддѣлки.—²⁾ Такъ, вмѣсто простыхъ поименованій мужа пьяницы и гола о (см. „Замѣтку“), сдѣлалъ Сахаровъ прогулку по Москвѣ „въ золотой каретѣ“, особеннаго встрѣчнаго пьяницу и указаніе на мужа, котораго не хотѣлъ признать пьяницей, поселяку возвелъ въ мелодраматическаго героя.—³⁾ Не догосыно было одного „несчастья“ изъ кружала сдѣлано „кружальцо“, ради народной сладости.—⁴⁾ Слѣдующее за снмъ переходитъ рѣшительно въ область вымысловъ и, не въ со-

- Онъ взялъ съ собою *топоръ и плаху*,
 Пошелъ къ *вовеодъ* съ повинною;
 —Ужь ты батюшка, *вовеода большой!*
 —Я пришелъ къ тебѣ съ повинною,
 65. —*Принеси съ собой топоръ и плаху* ¹⁾.
 —Мои друзья и братья все порублены,
 —[Все порублены] и все повѣшены:
 —Прикажи я мнѣ отрубить буйну мою голову!—

Эта прекрасная пѣсня, къ сожалѣнiю слишкомъ воздѣланная Сахаровымъ, представляетъ потому лишь немного достовѣрныхъ положенiй къ предыдущей и къ остальной, особенно въ концѣ, за неимѣнiемъ другаго подлинника, остается пока сомнительною.

* * *

Ефремовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

По напрасну моя буйная головушка пропадаетъ,
 Безъ вины—то мое сердце отвѣчаетъ ²⁾!

- Нанесли на сына Ефремова ³⁾ славушку несносную:... ⁴⁾
 «И за то на меня государь прогнѣвался... ⁴⁾
 5. «Посадили меня, молодца, въ темную темницу,
 «[Въ темну темницу], въ тюрьму заключевницу.

стоянiи будучи отличить какую ни будь правду, мы отмѣчаемъ курсивомъ только „слишкомъ“ затѣйливыя выдумки.—¹⁾ Безъ этихъ словъ было не видно.—
²⁾ Вѣроятно это начало имѣло известный намъ заглавiй: „Ахъ тамъ ли мой“ или „Голова ль моя, головушка (см. выше!“—³⁾ Однего изъ сыновей атамана Ефрема Петрова, дѣтала той эпохи послѣ Флоре.—⁴⁾ Къ сожалѣнiю первый издатель, вѣроятно соблазненный той же Сахаровской сахарностью, выпустилъ крайне интересныя намъ строки.

- «Только я не годъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
 «[Не годъ сидѣлъ] и не два года,
 «Сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ:
 10. «Побѣдила моя буйная головушка,
 «Изныло мое ретивое сердечушко.
 «При счастіи при бесѣдушкѣ ¹⁾
 «Друзьявъ-братьявъ много,
 «При горѣ при кручинѣ
 15. «Друзьявъ-братьявъ нѣту ²⁾:
 «Всѣ-то отъ меня, Степана Ефремова, отступилися,
 «Всѣ думчія старшинушки въ совѣтъ ³⁾ не йдутъ ⁴⁾»

- Только одна молодая жена,
 Меланья Карповна не отступилася:
 20. Пишетъ она бѣлую грамотку
 Своею горючей слезой,
 Припечатываетъ ее
 Своимъ крѣпкимъ разумомъ...

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Къ сожалѣнію не кончено: по сравненію знаемъ, что эта грамотка—къ мужу съ убѣжденіемъ повиниться и къ царю о милости).

* * *

Подлинное мѣсто этой были при устьѣ Дона и въ Чернаскѣ, гдѣ имъ и происходятъ:

¹⁾ При весельѣ, при пиру при бесѣдушкѣ. — ²⁾ Это сходится и съ пѣснями казака Кирина Данилова, и Краснощожова, о чемъ см. въ слѣдующемъ выпускѣ. — ³⁾ На совѣтъ ко мнѣ, придумать-пригадать въ бѣдѣ. — ⁴⁾ Переходъ отъ самого себя и отъ пѣсни заключеннаго къ разсказу событія указать нами выше и разъяснить при пѣсняхъ Разинскихъ, вып. 7, стр. 153—160.

Донской ковакъ передъ царемъ.

Тюрьма, допросъ, правезъ и милость.

1.

(Оттуда же).

Да по край моря сняго,
 на усть батюшки Дона Тихаго ¹⁾,
 Тамъ стояла избушечка ²⁾,
 мальишъ-мала, таволжаная ³⁾.
 Да покрыта эта избушечка
 рытымъ бархатомъ,
 Всѣ стѣночки у ней устланы
 погребцовскими сукнами ⁴⁾,
 5. Позлащёнными гвоздичками
 они позаприбиты,
 Да и столики стоятъ—
 дубовыя ноженки,
 Всѣ проножечки ⁵⁾—
 изъ слоновыхъ костей.

 Да никто къ этой избушечкѣ
 съ роду не захаживалъ,
 [Съ роду не захаживалъ],
 съ роду не заѣзживалъ:

¹⁾ Ср. точъ въ точъ начало пѣсни объ Ермакѣ, вып. 7, стр. 135. — Усть соединяется несклоняемо: „Усть-Дону, на усть-Волги, Усть-Сысольскъ“ и т. п. —
²⁾ Изъ нея творчествомъ создана то палата судная, то дворецъ государя, то тюрьма, и обратна. —³⁾ Изъ кустарнииа таволги, плетеная, мазанка; сдѣлавши та членомъ, пѣсни часто называютъ избушку „валажкою“, сырою, мазанкою, и на оборотъ. —⁴⁾ Такъ разставляемъ, по складу, вмѣсто „погребц. суки. устланы;“ оосмыслено вмѣсто „багрецовыми,“ багрянными. —⁵⁾ Связи ноженскъ.

10. Случилось ъхать самому-то царю,
Петру Первому,
Со любимыми-то казаками своими ¹⁾,
со гвардейскими.
Захватили въ этой избушечкѣ
добра мѳлодца,
Его разобутаго, его разодрѳтаго,
въ одной его во черкесочкѣ ²⁾,
У черкесочки рукавчики
позасучены,
15. Басурманскою кровью
позабрызганы ³⁾.
Стали добраго мѳлодца
распрашивать:
«Ты скажи, добрый мѳлодецъ,
чѳмъ царю служилъ?»
—Я не сотничкомъ, не полковничкомъ,
—А на синемъ морѣ былъ охотничкомъ ⁴⁾.—

(Ср. тамъ же).

*

Эта главная и средняя пѣсня, изъ всѣхъ ближайшихъ и подобныхъ, соединяетъ собою и самую древнюю обь Ермакъ—выпускъ 7, стр. 135, и всѣ дальнѣйшія Петровскія, сколько ни будь историческія, и выше помянутыя стрѣлцкія.—Любопытно видѣть за ней передѣлку Сахарова:

¹⁾ Вѣроятно: „Со любимыми со казаками“ или „Со любимы-то казаки“ и т. п. — ²⁾ Извѣстная Черкесская и Черкасская куртка. — ³⁾ Такъ изъ „голаго“ пѣсни дѣлаютъ „раздрѳтаго на правожѣ“, изъ проза басурманской—кровь вытка, и на оборотъ (см. „Замѣтку“); отсюда же вѣроятно возникъ и образъ разодрѳтаго, въ рубашкѣ, самого царя.—⁴⁾ См. выше: изъ казацкой „вольницы“, въ родѣ Новгородскихъ поводильниковъ.

—Пріѣхалъ ты къ намъ разорять въ городъ,
—Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.—

(Сахар. и. подвійніе).

* *

Отъ Азова, отъ Черкасска и съ Дону пісня постоянно передвигается къ Северу въ столицы. Переходить служить Безъимянныя, приведенныя выше, „Таланъ.“ „На зарѣ.“ „Ты зѣвада моя.“ „Высоко зѣвада восходила“ и т. п. (см. ихъ еще послѣ). Помянутый выше обитязъ „Азовской темницы“ на тяжесть „службы государевой.“ обращаясь къ піснямъ солдатскимъ и рекрутскимъ, видѣть между прочимъ особое специальное начало „Сторона ль моя, сторонушка (чужа-дальная, походная)“ и связывается съ піснями другого начала— „Ты зѣва ль“ или „Ты зѣйка.“—съ піснями, которые описываютъ гибель молодца и его службу „отъ дѣвцы“ или „отъ жены.“ а въ свою очередь сливаются съ піснями Стрѣлецкини (ср. ихъ выше). Есть однако пісьм. съ тѣми же нѣсколькими началами, но о „Козакѣ Донскомъ“ и „въ темницѣ Московской.“ на примѣръ:

3.

(Губ. Саратовской).

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакома!
На сторонушкѣ слободушка,
5. На слободушкѣ квартерушка ¹⁾,
На квартерушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка—красна дѣвица,
Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая:
10. Ужь не ты ль меня высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студенаго?

¹⁾ Это черты пісень рекрутскихъ, солдатскихъ, походныхъ.

*Высоко звезда восходила,
Выше лѣсу, выше темнаго,
15. Выше садику зеленаго ¹⁾.*

*Пролежала тутъ дороженька,
Ширною она не широкая,
А долиною конца-краю нѣтъ ²⁾.*

*На дорожкѣ нова улица.
20. Нова улица—Московская,
Московская, посадская;
Какъ построена тутъ тюрьма темная,
Въ ней дубовая дверь тяжолая,
Запертая замкомъ крѣпкимъ,
25. Замкомъ крѣпкимъ, Нѣмецкимъ.
Въ ³⁾ тюрьмѣ сидитъ невольничекъ,
Невольничекъ, добрый молодець,
Добрый молодець—Донской козакъ.
Во желѣзахъ ноги скованы,
30. Въ кандалахъ руки заклѣпаны.
Сидитъ молодець задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись;
Ужь какъ тужить онъ о своей сторонущкѣ,
О своей сторонѣ, молодой женѣ ⁴⁾...*

(Ср. сборн. *Костомар. и Мордовц.*).

* *

Такии-то постепенными переходами снова возстають историческія черты и являютя уже Былины въ столицѣ, передъ Петромо:

¹⁾ Начало второе: ср. выше.—²⁾ *Дороженька* отводить къ улицѣ и т. д.: постепенность такая означена у насъ курсивомъ въ печати.—³⁾ Д. б. „во.“—

⁴⁾ Последняя черта, жена, связующая снова съ историческимъ лицомъ: ср. выше.

4.

(съ Урала).

- Подъ стѣной—стѣной было каменной,
 Подъ другой стѣной было дѣрновой ¹⁾,
 Стояла тутъ темна тюрма,
 Безъ дверей тюрма, безъ окошекъ,
 5. Съ одной дымовой трубой.
 Во той тюрмѣ сидѣлъ тюремщикъ,
 Со Тиха Дона молодой козакъ,
 [Молодой козакъ] лѣтъ пятнадцати ²⁾.
 Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
 10. [Ровно тридцать лѣтъ], еще три года:
 Посѣдила его бородушка
 Со буйной его головушкой ³⁾;
 Отростилъ онъ русы кудри
 По могучи плеча;
 15. Не слыхалъ онъ звону колокольнаго,
 Читья—пѣтя церковнаго.

- Случилось царю по тюрмамъ ѣхать,
 Возвѣстили молодцу караульщики;
 Доѣзжалъ царь до его тюрмы
 20. И сталъ царь его спрашивать:
 «Гой ты, гой еси, тюремщикекъ,
 «Донскóго войска молодой козакъ!
 «Ты за што про што во тюрмѣ сидишь.
 «За какія бѣды безголовныя ⁴⁾?»

¹⁾ Изъ дѣрву,—земляная тюрма: но вѣроятно здѣсь обмолвка или ослышка. И вмѣсто „было каменной“ скорѣе „бѣлокаменной.“ Такъ, потерявъ историческія имена, по отдаленности мѣста, пѣсня старается наверстать общими чертами изображеніе поприца дѣйствія.—²⁾ Ср. выше борьбу съ драгуномъ.—

³⁾ Не совсѣмъ народно и противорѣчитъ „русымъ“ кудрямъ; съ ними вѣроятно и было связано, въ родѣ: „Отростилъ онъ русы кудри со буйной его головушки;“ ср. ниже.—⁴⁾ То же, что „уголовныя“, лишаяющія головы, падающія на голову: безголовье—напасть, бѣда уголовная.

25. —За первую я за бѣду сижу:
 —Зарѣзалъ я своего отца рѣднаго;
 —За другую я вину сижу:
 —Зарѣзалъ я молодую жену;
 —За третью за бѣду сижу:
30. —Зарѣзалъ я своего брата рѣднаго,
 —Изъ за одного коня винохѣднаго ¹⁾,
 —Изъ ²⁾ ружейца винтовочки.—
 Тутъ возгѣворитъ православный царь:
 «Ой ты гой еси, тюремщикъ ³⁾!»
35. «По винамъ твоимъ тебя казнить—вѣшать:
 «Я припасъ тебѣ два столба дубовы,
 «Третью кладочку соснову,
 «Четверту петлю шелкову.»
 Тутъ добрый молодецъ испуганъ ⁴⁾,
40. Испустилъ слезы изъ ясныхъ очей,
 Сталъ просить царя Бѣлаго ⁵⁾:
 «Гой ты, гой еси, батюшка,
 «Православный царь!
 «Выпусти меня изъ тошной тюрьмы,
45. «Заслужу я тебѣ свою вину,
 «Я сослужу тебѣ службу царску:
 «Возьму я тебѣ славный Азовъ—городъ,
 «Возьму я тебѣ его своей бѣлой грудью,
 «И возьму его безъ свинца, безъ пороху ⁶⁾»
50. Выводили молодца изъ тошной тюрьмы,
 Подводили его къ рѣлушкамъ ⁷⁾,

¹⁾ Иноходца: „въ ино-ходъ“, въ иную, особую поступь, или „въ единую ступню“, въ одинъ слѣдъ (такъ „еднорогъ—инорогъ“, „инокъ—единокъ“ и т. п.).—²⁾ Изъ-за, ради.—³⁾ Согласно предыдущему, слѣдуетъ, какъ и выше: „тюремщикекъ;“ „безъ окошечекъ;“ и ниже: „казнить—вѣшати, дубовые, сосновую, шелковую, царскую, грудью бѣлою.“—⁴⁾ Этими усиленно поддержанъ складъ пѣсни, уже разрушавшійся въ устахъ.—⁵⁾ Петра, по известному намъ признаку.—⁶⁾ Ср. выше слова стрѣльцовъ при онагѣ.—⁷⁾ Перекладинамъ висѣлицы; все, что „рѣбеть“ въ висинѣ, виситъ или качается.

- Надѣвали ему на бѣлу шею
Петлю шелковую,
Подымали его выекохонько.
55. Тутъ счастьецо съ молодцомъ случилось:
Отрывалась петля шелковая,
Упаданлъ ¹⁾ молодець на сырѹ землю.
Подходила къ нему государыня ²⁾,
Подымала его за бѣлы руки
60. И просила царя Бѣлаго:
«Ой гой еси, православный царь!
«Ты не дѣлай молодку второй казни!»
Тутъ осмѣливался добрый молодець,
Подходилъ къ царю близѣхонько
65. И кланялся низѣхонько:
—Ой ты гой еси, батюшко,
—Православный царь!
—Дай мнѣ волю
—По царѣвымъ кабакамъ гулять,
70. —Безденежно вино пить ³⁾.—
Возговорилъ православной царь:
«Ой ты гой еси, добрый молодець!
«Я вижу въ тебѣ сердце доброе:
«На што ты зарѣзалъ своего отца рѣднаго?
75. «Молись Богу за государыню:
«Она просила тебя у Бога и у меня царя;
«Богъ проститъ тебя, молодець,
«И я прощаю, православный царь,
«Во всѣхъ винахъ!»

«Отъ В. Н. Дала».

*

¹⁾ Опять то же усиліе возстановить складъ.—²⁾ Такъ изъ жены виновнаго (см. выше) сдѣлана жена государева.—³⁾ Этого, по видимому не кстатѣ и неожиданнѣй оборотѣ получидъ мѣсто по памяти о виновномъ „дьяницѣ;“ этимъ же связывается пѣсня съ приведеннымъ выше Правежомъ.

5.

(Оттуда же).

Какъ во славномъ во городѣ во Питерѣ,
 Во крѣпости Петроавловской,
 У воротъ было Канверскіихъ ¹⁾,
 Тутъ стояла нова тѣмница

5. Безъ дверей и безъ окошечекъ,
 Безъ щелочекъ, безъ протѣсочекъ.
 Тутъ сидѣлъ въ ней добрый мѡлодецъ,
 Добрый молодецъ Донекой козакъ.
 Онъ сидѣлъ въ ней ровно тридцать лѣтъ:
10. Отростилъ свою бородушку
 Онъ по самый по шелковъ поясъ;
 Отростилъ свои русы кудри
 Онъ по самы могучи плеча.
 Тутъ случилось царю ѣхати
15. Мимо славной темной тѣмницы;
 Закричалъ въ ней добрый мѡлодецъ:
 «Эхъ, батюшка, православный царь!
 «Прикажи меня поить-кормить;
 «Не прикажешь ты поить-кормить,—
20. «Прикажи на волю выпустить ²⁾»....

(Отъ него же).

*

¹⁾ Кавалерскіихъ?—²⁾ Ср. основную Былину о Донскомъ козакѣ передъ султаномъ.

6.

(Симбирск. губ., с. Головино).

- Ты злодѣй-злодѣй, земляна тюрма!
 Не для меня, добраго мѡлодца, крѣпко строена:
 А нонече мнѣ, доброму мѡлодцу, пригодилася:
 А дотолѣва ты, тюрма, людми-людна:
 5. А нонече ты, земляна тюрма, пустынь пуста,
 А нонче мнѣ, доброму мѡлодцу, пригодилася ¹⁾,—
 Одишь-то я, добрый мѡлодецъ, во тебѣ сижу,
 Ровно тридцать лѣтъ и три года ²⁾!

- Появилась во русыихъ кудряхъ сѣдинушка,
 10. А бородушка у мѡлдца—ровно бѣлый лень.

- По двору-то дворочку государеву
 И ходить-гуляеть тутъ православный царь,
 [Православный царь] Петръ Алексѣевичъ.
 Онъ увидѣлъ невольничка во неволюшкѣ:
 15. «О гой еси вы, мои затюремныѣ,
 «[Затюремные] главные сторожи!
 «Что это гуляеть за невольничекъ?»
 И возговорить удалый-добрый мѡлодецъ:
 —Я сижу во неволюшкѣ
 20. —И тридцать лѣтъ и три года,
 —И появилась въ мѡнхъ во русыихъ кудряхъ сѣдинушка,
 —Бородушка—ровно бѣлый лень.—

---

¹⁾ „Пустынь пуста?“—А вынче, какъ ты мнѣ досталась, сижу только я одишь...—²⁾ Это, мы знаемъ по предъдущимъ образцамъ, пѣсня самого невольничка и отъ перваго лица его постепенно переходитъ къ разсказу въ лицѣ третьемъ.

И возговорить православный царь Петръ Алексѣвичъ:
 «И Богъ тебя прощаетъ, и сударь ¹⁾ жалуетъ:
 25. «Выпусти ²⁾ добраго молодца изъ неволкошки!»

(Отъ Н. М. Языкова).

* * *

Вместѣ съ событіями в Быльяхъ другого рода, эта пѣсня также движется въ Малую Русь, связываясь съ судьбою Палги (см. ниже): то промежуточные звѣнья творчества между Азовомъ-Донемъ съ одной, Сѣверомъ или Новою Русью съ другой стороны.

Но пѣсня въ образцѣ, сей часъ приведенномъ, имѣетъ и свои присныя судьбы въ области Безъимянныхъ, съ тѣмъ же началомъ, „Ты злодѣй-злѣдѣй, земляна тюрьма,“ или „Сторова-ль моя сторонушка (другая вѣтъ)“ и т. п.; это уже простыя „Темничныя,“ и вотъ одинъ изъ отырысковъ, пока до будущаго:

7.

(Губ. той же, с. Станичное).

- Не для ради меня, молодца, тюрьма строена,
 Одному же мнѣ, доброму молодцу, пригодилася.
 Сажу-то я въ ней, добрый молодець, тридцать лѣтъ,
 И тридцать лѣтъ и трѣ года.
5. Появилась сѣдинушка во русыхъ кудряхъ,
 А бородушка у молодца какъ бѣлый лёнъ;
 На рѣзвыхъ-то ногахъ желѣзушки перержавили,
 Всѣ дверюшки-верёюшки развалилися.
 Пошелъ то я, добрый молодець, изъ тюрьмы-то вонъ:
10. «Ты прости, прости, воръ-злѣдѣюшка,
 «Воръ-злѣдѣюшка, земляна тюрьма,
 «И ты ли меня, молодца, состарила!»

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

¹⁾ Государь.—²⁾ Безлично: выпустить! Подобно: „пускай, давай, бери!“ и т. д.—Отъ того-то, обратно, въ нашемъ Западномъ и Южномъ нарѣчій, со Слова о п. И. доселѣ, неокончательное слилось съ повелительнымъ 2-го лица („вонзять“ вм. „вонзите,“ и т. п. ср. ниже).

IX.

Царица Евдокія Федоровна Лопухина.

Пѣсня Царицы.

1.

(Москва).

- Возлѣ рѣченьки хожу млада,—
 Меня рѣченька стопить хочеть;
 Возлѣ ѳгничка стою млада,—
 Меня ѳгничекъ ¹⁾ спалить хочеть;
- 5. Возлѣ милаго сижу млада,—
 Меня милый другъ журить—бранить,
 Онъ—то журить—бранить,
 Въ монастырь ити вѣдять:
 «Постригись, моя немилая,
10. «Посхймися, постылая!
 «На постриженье выдамъ сто рублей,
 «На посхименье тебѣ тысячу,
 «Я поставлю нову кѣлейку,
 «Въ зеленѳмъ саду подѣ яблоней,
15. «Прорублю я три окошечка,—
 «Первое ко Божьей церкви,
 «Другое—то во зеленый садъ,
 «Третье—то во чисто поле:
 «Въ Божьей церкви ты намодишься,
20. «Въ зеленѳмъ саду нагуляешься,
 «Во чисто поле насмотришься ²⁾»

¹⁾ Ошибкой было напечатано: „ѳгничка, ѳгничекъ.“—²⁾ Отсюда, по известному намъ способу творчества, пѣсня заключенной переходитъ въ разсказъ Былинны.

Случилось вхать князьямъ-бѣврамъ.

Они спрашиваютъ: «Что за келейка,

«Что за келейка, что за новенька,

25. «Что въ ней за монашенка за молоденька?

«Еще кѣмъ она пострижена?»»

Отвѣчала имъ монашья:

—Я пострижена самимъ царемъ,

—Я посхѣмлена Петромъ Первымъ,

30. —Черезъ его змѣю лютую.—

(Записана кн. В. С. Одоевскимъ въ половинѣ 1862 года съ голоса 80-лѣтней дамы, а та въ дѣтствѣ перенала отъ няни, слѣдственно съ пѣнія 1790-хъ годовъ; издава княземъ съ напѣвомъ въ 1863 г., во 2-мъ № „Р. Архива.“—Ср. въ 6-мъ вым. Былныи и Плачь сосланной Грознымъ Царицы, а въ 7-мъ Пѣсню и Плачь Ксеніи).

*

Въ слѣдъ за снѣмъ ими торжествъ:

2.

(Москва).

Возлѣ рѣченьки стою млада,—

Меня рѣченька потовить хочеть;

Возлѣ огонька хожу млада,—

Меня огоньчикъ спалить хочеть;

5. Возлѣ милаго сижу млада,—

Меня милый журить-бранить;

Ужь онъ журить-то-бранить,

Постричься велить:

«Постригись ты, моя немлада,

10. «Посхѣмся, разпостылая!

«На постриженье дамъ тебѣ сто рублей,

«А на посхѣменье тысячу;

«Я построю тебѣ нову келейку,

«При пути при дороженькѣ,

15. «Во зеленомъ саду подъ яблоней;

«Прорублю три окошечка,—

- «Первое окно ко Божіей церкви,
 «А второе окно во чисто поле,
 «А третіе во зелёный садъ:
 20. «Въ Божіей церкви помолишься,
 «Во зелёномъ саду разгуляешься,
 «А въ чистомъ полѣ со мной увидишься ¹⁾»

(Записано и намъ сообщено В. Н. Далемъ въ 1861 году: „прилагаю недавно записанную пѣсню, какъ народъ увѣруетъ, на первую супругу Петра I.“)

*

3.

(Самарскій край).

- Я по бѣрежку хожу-хожу,
 Я на быструю гляжу-гляжу:
 Меня рѣченька топить хочеть;...²⁾
 Немилый мужъ журить-бранить,
 5. Журить-бранить, постричься велить:
 «Постригись, моя немилая,
 «Ты посхишься, распостылай!
 «За ³⁾ постриженье дамъ сто рублей,
 «За посхиленье дамъ тысячу;
 10. «Я поставлю тебѣ кѣлейку,
 «Что новѣхоньку, малѣхоньку,
 «Во оградушку ⁴⁾ окошками,
 «Во зелёный садъ краснымъ крыльцомъ,
 «И накрою чернымъ бархатомъ,
 15. «Разувѣшу ⁵⁾ цвѣтами алычи.»
 Мимо кѣлейки Старцы ѣхали,
 Старцы ѣхали Перехожіе ⁶⁾,

¹⁾ По смерти, въ могилѣ. — ²⁾ За смѣхъ пропускъ. — ³⁾ На. — ⁴⁾ Монастырскую: передѣлано изъ „огорода“—сада. — ⁵⁾ Вѣроятно „разцѣчу.“ — ⁶⁾ Калѣйки Перехожіе, пѣвцы, что разносили по свѣту вѣсти, подслушивали пѣсни, слагали Былны.

Перехожіе, переѣзжіе;

Моей келейкѣ дивовалися:

20. «Ужь и что это за келейка,
«Что во келейкѣ за старичка ¹⁾,
«За молоденька монашенка?
«Что во кельѣ за монашенка,—
«Молодехонька пострижена,
25. «Что пострижена-посхимлена,
«За какой грѣхъ Богу молится,
«За великій, знать, спасается?»»
—Ахъ вы, Старцы Перехожіе,
—Перехожіе, переѣзжіе,
30. —Неразумные, недогадливы!
—Вы спросите, разузнайте-ка ²⁾?—

Да ужь Богъ съ тобой, немилый мужъ!
На роду мнѣ такъ написано!

(Ср. сборникъ г. Варенцова 1862 г., гдѣ собиратель замѣчаетъ, что „такое невольное постриженіе было дѣломъ обыкновеннымъ въ Русской семьѣ до XVIII ст.“).

4.

(Саратовской губерніи).

Возлѣ рѣченьки я хожу, молода,—
Меня водоньки потопить хотять;
А немилый мужъ всё журить-бранить,
Всё журить-бранить, постричься велить:
5. «Постригися, моя жена немилая,
«Постригися, моя жена постылая!

¹⁾ Монашенка, старца.—²⁾ Здѣсь такъ замѣтенъ покровъ тайны; народъ доселѣ подобенъ пѣсян, какъ на примѣръ о князѣ Волконскомъ и кляшничкѣ, неохотно ноеть, ссылаясь на запрещеніе.

- «За ¹⁾ постриженье тебѣ дамъ сто рублей,
 «За поسخименья дамъ тебѣ тысячу;
 «Я построю тебѣ нову келейку,
 10. «Обообью ее чернымъ бархатомъ:
 «Ты въ ней будешь жить да спасатися,
 «Что спасатися—Богу молнитися.»

- Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые,
 Какъ увидѣли они нову келейку,
 15. Дивовалися новой келейкѣ:
 ««Ахъ и что это, братцы, за келейка?
 ««Хорошо келья построена,
 ««И малѣхонька, и новѣхонька:
 ««Ужь и кто же въ ней спасается,
 20. ««Или вдовушка, или дѣвушка?»»
 Выходила къ нимъ младая старочка,
 Хорошохонька, малодѣхонька,
 Поклонилася имъ низѣхонько.
 Поклонившися слово молвила:
 25. —Тутъ спасается не дѣвушка,
 —Не дѣвушка и не вдовушка,
 —А спасается тутъ жена мужняя.—
 —Не въ любви жила—не въ согласіи ²⁾.—

- Какъ и взмолился тутъ немилый мужъ:
 30. «Разстригися ты, жена моя милая!
 «За разстриженье дамъ тебѣ тысячу,
 «За расхименье—все ниѣныце;
 «Я построю тебѣ новъ-высокъ теремъ,
 «А со красными со окопцами,
 35. «Со хрустальными со стекольцами:
 «Будешь жить въ немъ—прохлаждатися,

---

²⁾ На.—²⁾ Слѣдующій оборотъ представляется послѣ того, какъ вѣсть о постриженной разнеслась и мужъ устыдился.

«Во цвѣтнѣ платьѣ наряжатися.»

Какъ возговорить молода старочка:

—Что не надо мнѣ твоей тысячи,

40. —Ни всего твоего имѣньяца,

—Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:

—Я остануся въ этой келейкѣ,

—Ужь я стану жить-спасатися,

—За тебя Богу молитися.—

(Запис. гг. Костомаровымъ и Нордовцевою, ср. „Литоп. Р. литер.“ т. IV).

*

Вышла съ запрещеннымъ именемъ, постепенно его терла и скоро уже перешла отрывкомъ въ простыя пѣсни бесѣды:

5.

Возлѣ садикѣ млада хожу,

Возлѣ зеленѣ млада гуляю,

Соловьѣвыхъ ¹⁾ пѣсень слушаю:

Хорошо въ саду соловей поеть,

5. Онъ поеть-поеть припѣваючи,

Къ моему горю примѣняючи,

Къ моему житью ко несчастному.

Не пѣняю я, молодѣшенька.

Ни на батюшку, ни на матушку.

10. Ни на братца—на яснаго сокола,

Ни на сѣстрицу—лебедь бѣлую;

Что пѣняю я, младѣшенька,

На свою ли участь горькую,

На свои ли очи ясныя:

15. Ахъ вы очи-очи ясныя!

¹⁾ Разговорчѣ поидѣе: „Соловьѣныхъ.“

Вы глядѣли да оглядѣлися,
 Вы смотрѣли да осмотрѣлися ¹⁾:
 Не по мысли вы друга выѣбрали,
 Не по моему по обычаю!

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, следовательно записано въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, а пѣлось передъ тѣмъ; за ними другіе позднѣйшіе).

*

Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому пришла своя пѣсня царца:

6.

Какъ прошла ли про дѣвицу небылица,
 Будто бы я батюшку обезсудила ²⁾,
 Родную матушку обесчестила,
 Что сама-то я ко милу другу приходила.
 5. Ахъ за то на меня батюшко ³⁾ осердился,
 Родимая матушка распрогнѣвилася.
 Что построилъ мнѣ сударь-батюшка темницу,
 Безъ дверей-то онъ построилъ, безъ окошекъ,
 Что одна только у темницы трубица.
 10. И я стану своего батюшку просити:
 «Проруби ты мнѣ, сударь-батюшко, три окошка,—
 «Ужь какъ первое окошко—въ чѣсто поле,

¹⁾ Сахаровъ со свойственнымъ остроуміемъ исправилъ: „заглядѣлся, засмотрѣлся.“—²⁾ Обезславляла.—„Обезсудить“—лишить суда, т. е. по старому пред- ставленію—жеребья и счастья, доля (откуда со-судъ, вышотылище жеребья).— Понятіе же „безславя“ привелось къ этому слову такимъ путемъ: лишить кого возможности—стать передъ судомъ „съ лицомъ свѣтлымъ.“ Это подтверждается народнымъ творчествомъ Сербовъ, по которому главное счастье—свѣтлый образъ передъ судомъ („на дивану“), а главная бѣда человѣку—образъ чер- ный, „цри образъ“ лицо обесчещенное.—³⁾ Переходъ звательнаго па о въ имен- нительный, какъ у Южныхъ Славянъ (и Итальянцевъ).

- «А другое-то окошко—въ садъ зелёный,
 «Ахъ какъ третье-то окошко—на сине море.
 15. «Какъ по ўтру я, красна дѣвица, рано встану,
 «Погляжу-то я, красна дѣвица, въ чисто поле:
 «Ничего-то я, красна дѣвица, не видала;
 «Погляжу-то я, красна дѣвица, въ садъ зелёный:
 «Жалобнёхонько въ саду пташки распѣвали;
 20. «Погляжу-то я, красна дѣвица, на сине море:
 «Какъ плыветь тутъ—выплываетъ новъ корабликъ,
 «Какъ на томъ корабликъ мой дружечикъ.

- «Я въ окошечко милу другу кричала,
 «Я платкомъ милу другу махала:
 25. «Какъ не слышитъ мой сердечный другъ, не видитъ.
 «Такъ я рѣчущей милу другу махнула,
 «Въ окошечко милу другу поклонилась:
 ««Ты прости, моя надежа, милъ-сердечный другъ ¹⁾,
 ««Ужь какъ знать, что ²⁾ мнѣ съ тобою не видаться!»»

(Оттуда же).

* * *

Здѣсь кончается *первая* половина Былевыхъ пѣсенъ изъ времёнъ Петровскихъ и начинается за снѣмъ *вторая*, нѣсколько отличнаго характера, о чемъ см. „Замѣтку.“

¹⁾ Должно быть: „другъ сердечный.“—²⁾ Вѣроятно: „Ужь какъ знать-то.“

Война Сѣверная. Походы Шведскіе.

Х.

1.

Русскій сонъ.

«Вечоръ—то мнѣ, матушка,
малымъ—мало спалося,
«Что малымъ—мало спалося,
много видѣлося:
«Какъ привидѣлась мнѣ, матушка,
крута гора во снѣ;
«Что на крутой на горѣ
бѣль—горючъ камень лежитъ;

5. «А на камнѣ выросталъ
часть—ракиновый кустъ;
«Какъ на кустику сидитъ птица
младъ—сизой орелъ,
«Во когтяхъ своихъ онъ держитъ
черна ворона ¹⁾».

Что возгворить родная ея
матушка:
—Ты дитя мое, дитя милое!

---

¹⁾ Въ нашей древней словесности видятъ обыкновенно такой сонъ „дѣвица,“ или въ ея образѣ „земля:“ здѣсь—дѣвица, а мать ея—земля Русская, сыра мать земля.

10. —Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
 —Что крута гора,—
   то каменна Москва;
 —Бѣль-горючь камень,—
   то нашъ Кремль-городъ;
 —А ракитовъ кустъ,—
   то Кремлевскій дворецъ;
 —Сизой орёлъ,—то нашъ батюшка,
   православный царь;
15. —А черной воронъ,—
   то Шведской король.
 —Побѣдитъ нашъ государь
   землю Шведскую
 —И самого короля
   во полонъ возьметъ,—

(Песенники Чулковскій и Новиковскій, за ними позднѣйшіе и Сахаровъ).

* *

2.

Видѣнье королю Шведскому.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

- Ты дорожка ли моя, дорожка,
   торна-широкая!
 Долиною ты, дорожка,
   конца-краю нѣту;
 Што никто ли, вить, по этой
   дорожкѣ не ѣздить,
 Только ѣздить-проѣзжать
   одинъ король Шведскій.
5.   Закричалъ ли король Шведскій
   громкимъ голосочкомъ:

8*

- «Поглядите вы, ребята,
на свою сторонку,—
«Вотъ на нашей на сторонкѣ
всѣ темнѣ и чѣрно:
«У насъ только, братцы, чѣрно,—
жить младцамъ невольнѣ
«Поглядите жъ вы, ребята,
въ Русскую сторонку,—
10. «У, какъ тамъ ли, во Россіи,
ясно всѣ и краснѣ:
«Ясно всѣ и краснѣ,
жить младцамъ прекрасно ¹⁾»

(Записано кн. Костровымъ).

* *

3.

Сборы Шведскіе.

(съ Урала).

- Во матушкѣ каменной Москвѣ,
Тутъ бѣжитъ рѣчка быстрая;
По правой сторонкѣ войско царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго;
5. По лѣвую сторонку всѣ [Французское] ²⁾.
Среди силушки ³⁾ генеральъ стоитъ,

¹⁾ Въ сихъ образцахъ Сонъ и Видѣніе составляютъ такое же точно вступленіе къ великой творческой быль, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ Сказаніи о Мамаевомъ побойщѣ.—²⁾ „Войско Шведское.“ Во Французовъ все переделано по отдаленности мѣста (ср. и выше подобныя случаи въ пѣсняхъ съ Урала).—³⁾ Шведской.

Генеральъ стоитъ [молодой Французъ] ¹⁾;
 Въ рукахъ держитъ золоту́ трубу,
 Золоту трубу подзорную;

10. Онъ глядитъ-смотря въ чисто поле,
 Во чисто поле, во синё море.
 Не пыль-то въ полѣ запылилася:
 Запылилася сила-армія [Французская! ²⁾.
 Побьютъ-то, побьютъ силу-армію

15. Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
 «Сударыня, барыня ³⁾!
 «Откажи намъ всѣ Низовы города,
 «Всѣ Низовы города, всѣ ширóки острова,
 «Всѣ широки острова, всѣ глубóки озера,

20. «Всѣ глубоки озера, всѣ и чистыя поля,
 «Всѣ и чистыя поля, всѣ и тёмные лѣса!»

(Отъ В. И. Дала.—Ср. выше Книги Сурѣлковскаго и ниже Графа Шереметева).

* *

4.

Сборы Русскіе.

(Норчинскъ).

На канунѣ было Петровѣ дни, царскаго ангела,
 Какъ не золотая трубышка вострубила,
 Не серебрянна сипóвочка возыграла ¹⁾,
 Какъ возгóворить нашъ батюшка православный царь,

¹⁾ Сравнительно съ другими образцами вѣроятно пѣлось въ подлинной пѣснѣ: „самъ король стоитъ, Самъ король стоитъ земли Шведскія.“—²⁾ „Земли Шведскія“ или „Войско Шведское.“—³⁾ Это письмо короля Шведскаго и вѣроятно „Ужь ты гой еси, матушка, православная государыня“ и т. п., а это отъ того, что всѣ подобныя пѣсни дальнѣйшей эпохи (см. вып. 9) начинаются такими обращеніемъ Шведовъ, Прусаковъ и Турокъ къ государынямъ.—⁴⁾ Ср. выше сборы подъ Азовъ.

5. Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ:
 «Охъ вы гой еси, князья со боярами!
 «Пьете вы—ѣдите всё готовое,
 «Цвѣтное платьице носите припасёное,—
 «Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете:
10. «Еще пишетъ король Шведскій ко мнѣ грамотку.
 «Онъ будетъ, король Шведскій, ко мнѣ куншати.
 «Ужь мы столики разставимъ,—Преображенскій полкъ,
 «Скатерти разстелемъ,—полкъ Семеновскій,
 «Мы вилки да тарелки,—полкъ Измайловскій,
15. «Мы поильце ¹⁾ медяное,—полкъ драгунушекъ,
 «Мы кушанья сахарны,—полкъ гусарушекъ,
 «Потчивать заставимъ,—полкъ пѣхотушекъ.»

(Записано Юрьевскимъ. дост. И. П. Погодинимъ).

* *

5.

Выступъ войска.

- По конецъ было славна города,
 Славна города коенной Москвы,
 Что на самомъ ли на выѣздѣ,
 На рѣзстаняхъ ко Всесвятскому ²⁾,
5. Не туманъ, братцы, затуманился,
 Не роса пала на травушку,
 Что катилися горячі слезы,
 Горючи слезы солдатскія,
 Идучи, братцы, въ землю Шведскую.

¹⁾ Поильце, пойло, питье.—²⁾ Извѣстное подмосковное село, по дорогѣ на Тверь и Новгородъ.

10. Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
 Во слезахъ идутъ возрыдаючи:
 Что прощаются ль солдатушки
 Какъ съ отцами и со матерями,
 Что съ женами и со дѣтками,
 15. Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.
 Лишь одинъ изъ нихъ весѣль идетъ,
 Что весѣль идетъ, не кручинится:
 Оставляетъ онъ отца и мать,
 Оставляетъ молодую жену,
 20. Оставляетъ малыхъ дѣтушекъ,
 Оставляетъ весь и родъ-племя ¹⁾.

[Но имѣетъ весьма храбрый духъ,
 Исполняетъ волю царскую,
 Вооружается за вѣру онъ,
 25. Идетъ ратью за отечество].

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

* * *

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

XI.

Сборы и выѣздъ Шереметева. Пѣсня его.

1.

(Губ. Арханг., Шенкурскъ).

По дороженькѣ по Московской
 Шли-прошли три полка солдатъ,
 Три полка солдатъ, молодыхъ ребятъ.

¹⁾ Слѣдующее за самъ явно сочинено книжникомъ.

- Впереди-то идутъ.—въ барабаны бьютъ,
 5. За нима-то ¹⁾ идутъ со знаменемъ,
 А во всемъ полку артикуль мечутъ,
 Замкѣ крѣпко бьютъ, ружьица свѣтлѣютъ ²⁾
 Замкѣ взбрыкали, солдаты всплакали:
 «Гдѣ намъ день днѣвать, ночь коротать?»
 10. «Намъ денѣкъ днѣвать—во чистомъ полѣ,
 «Во чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ:
 «Ночь коротати,—во темномъ лѣсу,
 «Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору;
 «Намъ постелечка—мать сыра земля,
 15. «Намъ зголовьицо—зло кореньицо,
 «Умываньицо—частый-мелкій дождь,
 «Утираньицо—шелковѣ трава!»»

Позади полка идутъ—коня ведутъ,
 Лошадь добрую, сивогривую:

20. На конѣ сидитъ самъ полковничѣкъ ³⁾,
 Самъ полковничѣкъ—Шереметевъ графъ.
 Во рукахъ держитъ саблю острую,
 Во устахъ держитъ рѣчь хорошую ⁴⁾:
 «Сряжается ⁵⁾ мой батюшка ⁶⁾ изъ Москвы въ походъ,
 25. «Какъ во ту ли землю Шведскую, за границу государеву:
 «Меня, добра молодца, съ собой берѣтъ:
 «Не хотѣлось мнѣ, добру молодцу, изъ Москвы итти,
 «Хотѣлось мнѣ, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
 «При Москвѣ пожить, во дворцѣ служить,
 30. «Московскимъ чудотворцамъ молитися.

¹⁾ За ними-то.—²⁾ Свѣтлѣютъ.—³⁾ См. выше Князя Стрѣлковскаго и короля Шведскаго.—⁴⁾ За симиъ, замѣчаетъ записавшій, „нашѣвъ перемѣняется, и, голосомъ прежнихъ нашихъ раисодистовъ, которые нѣкогда пѣвали о „убогомъ Лазарѣ“ и объ „Алексѣѣ, человекѣ Божіемъ“, продолжается монотонно эта пѣсня.“ Очень естественно, ибо за симиъ, видѣ были или, лучше, внутри ея вставлена пѣсня—Плачь самого Шереметева (ср. подобныя приемы творчества выше).—⁵⁾ Въ другомъ спискѣ: „Сваряжался.“—⁶⁾ Государь.

- «Остался ¹⁾ у добраго молодца сирь зелёный садъ,
 «Во садикѣ оставался три деревца:
 «Первое деревцо—кипарисовое,
 «Другое деревцо—яблонь кудрявая,
 35. «Третье деревцо остаётся—груша зелёная.
 «Кипарисъ растетъ—родной батюшка,
 «Яблонь кудрявая—Богоданная матушка,
 «Груша зелёная остаётся—молода жена.
 «Отъ того мнѣ—ка не хотѣлось изъ Москвы итти,
 40. «А хотѣлось мнѣ при Москвѣ пожить,
 «При Москвѣ побить, при дворцѣ служить,
 «Чудотворцамъ Московскимъ покланяться,
 «Отца рѣднаго на старости печаловать ²⁾,
 «За матерью въ немогутъ ³⁾ ухаживать,
 45. «Молодой женой любоватися!»

(Записано г. Борисовымъ и доставлено через М. П. Погодина).

*

Подобная пѣсня, какъ и предыдущія такіа же, легко терала имя и безъ обстановки
 расказъ дѣлалась одною жалобой на службу. Вотъ постепенность:

2.

- Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
 Что куда нашъ государь-царь снаряжается:
 Снаряжается государь-царь въ землю Шведскую;
 Онъ меня ли, добра молодца, съ собой беретъ.
 5. Ужь какъ мнѣ ли, добру молодцу, не хотѣлося:
 Мнѣ хотѣлось, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
 При Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
 При дворцѣ служить при государевомъ.

¹⁾ „Остается.“—²⁾ Заботиться, печься.—³⁾ Въ немочи, въ болѣзни.

- Какъ не жаль-то мнѣ, молодцу, золотой казны,
 10. Только жаль-то мнѣ, молодцу, зеленá сада;
 Что во зѣленомъ во садикѣ три деревца:
 Ужь какъ первое въ саду деревцо—кедровое,
 А другбе въ саду дерево—кипарисное,
 А третье въ саду древо—сладка яблонька.
 15. Что кедрово древо въ саду—родной батюшко,
 Кипарисъ древо въ саду—родна матушка,
 Сладка яблоня въ саду—молода жена,
 Отросточки у яблонки—малы дѣтушки.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

*

3.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго, с. Слобода).

- Какъ нуды же нашъ православный царь собирается?
 Собирается православный царь во нынѣ земли,
 Во нынѣ земли во Шведскія,
 Изъ за Шведскихъ-то въ Турецкія.
 5. Какъ меня, добраго молодца, за собой беретъ:
 Ужь и мнѣ-то, доброму молодцу, не хотѣлося,
 Ужь хотѣлось мнѣ, доброму молодцу, при Москвѣ пожить,
 Въ славной улицѣ въ Воскресенской ¹⁾.

(Запис. П. В. Кир.).

*

---

¹⁾ „Въ Воскресенскія.“

4.

(Съ Урала).

Ни въ умѣ-то было, ни въ разумѣ,
 Въ помышленьицѣ моемъ не было,
 Куды-то нашъ батюшка,
 Православный царь, собирается.

5. Собирается-соряжается въ дальнюю сторону,
 Въ Низовой [корпусъ] ¹⁾,
 Меня, чобраго мѡлодца, съ собой беретъ.
 Не хотѣлось доброму мѡлодцу въ походъ итти,
 Хотѣлось мнѣ, доброму мѡлодцу, во Москвѣ пожить,
10. Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.
 Не жаль-то мнѣ, доброму мѡлодцу, свою сторону,
 Не жаль мнѣ, доброму мѡлодцу, зелѣный садъ,
 Только жаль мнѣ, доброму мѡлодцу,
 Во саду три дѣревца:
15. Первое дѣревце—кипарисное,
 Другое дѣревце—сладкая яблонь,
 Третье дѣревце—зеленá груша,
 Подъ грушицей подъ зеленой есть отросточки.
 Кипарисъ древо—родной батюшкá,
 20. Сладкая яблонь—родная матушка.
 Зелена груша—молода жена,
 А отросточки—малы дѣтушки.

(Отъ В. Н. Дала).

*

5.

(Оттуда же).

Эхъ, куды ты, православный царь, собираешься?
 Собирается православный царь во Низовы городы,

¹⁾ Старше конечно: „Въ Низовой-то полкъ“ или „Въ Низовы полки.“

- Меня ли, добраго молодца, съ собой беретъ.
 Не жаль-то мнѣ, доброму молодцу, ни житья-бытья,
 5. Только жаль мнѣ, доброму молодцу, зеленá сада,
 Въ зеленѣмъ саду жаль мнѣ трехъ яблонокъ,
 А больше жаль мнѣ сладкой грушицы,
 А еще больше жаль мнѣ разстаться съ родными дочерьми!

(Отъ него же).

*

6.

(Губ. Сибирской, с. Ставицкое).

- Никто про то не знасть, не вѣдасть,
 Что куды-то нашъ православный царь собирается,
 На Казань городъ сбирается, или въ Астрахань.
 Меня, добраго молодца, за собой беретъ,
 5. Ивана Леонтьевича Севрюгина ¹⁾.
 А мнѣ было, доброму молодцу, не хотѣлося:
 Мнѣ хотѣлося, доброму молодцу, во Москвѣ пожить,
 Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.

(Отъ А. М. Ламкова).

7.

- Не черной воронъ высоко леталъ,
 Высоко леталъ, жалобно кричалъ,—
 Добрый молодецъ по Москвѣ гулялъ.
 По Москвѣ гулялъ, тяжело вздыхалъ:
 5. «Мнѣ не жаль-то, не жаль самому себя,
 «Только жаль-то мнѣ, жаль зеленá сада!»

¹⁾ Сообразно Низовымъ городамъ, появляются снова и прежніе герои: ср. выше Ивана Скордыгина.

- «Въ зеленѣмъ саду есть три дѣревца
 «Перво деревцо—кипарисное,
 «Друго деревцо—сладка яблонка,
 10. «Третье деревцо—зеленá груша.
 «Кипарисъ древо—родной батюшко,
 «Сладка яблонка—родна матушка,
 «Зелена груша—молода жена.
 «Родной батюшка плачетъ,—какъ рѣка льется,
 15. «Родна матушка плачетъ,—какъ ключи шумять,
 «Молода жена плачетъ,—роса утрення:
 «Какъ солнце взоидеть, росу высушить.»

(Запис. П. В. Квр.).

Пѣсня эта своимъ началомъ, а особенно концомъ, переходитъ уже въ совершенно особый разрядъ многочисленныхъ Молодецкихъ Безъдмннхъ пѣсень.

* * *

ХII.

Шереметевъ и Шлиппенбахъ.

Маюръ земли Шведской.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году,
 Да и шестаго мѣсяца Юня ¹⁾,
 Какъ шестаго на десять во числахъ ²⁾,
 Какъ во томъ было во чистомъ полѣ,
 5. Пролегала тамъ дороженька широкая,
 Долиною, пробойная,—краю нѣту ³⁾.

¹⁾ По другимъ „Юля.“—²⁾ Въ числахъ, по числу—Юня 16-го.—³⁾ Дороженька пробойная, долиною—краю нѣту.

- Какъ по той по ширóкой по дорожкѣ,
Тамъ шелъ—прошелъ царскій Большой Бояринъ,
Кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
10. Со своимъ онъ со коннымъ эскадрономъ,
Со своимъ онъ пѣшеходнымъ батальономъ,
Со своими козацкими полками,
Со своими Донскими козаками.

- Приходили они на Шведскую границу,
15. Вокругъ Краснаго Мыса ¹⁾ становились,
Козаковъ посылали грабить городъ Илтаво́ры ²⁾:
Они Красный Мысъ разорили,
Въ полонъ Шведскаго маіора посадили...

(Не кончено; ср. сборникъ Савельева, 1866 г.).

Пѣсня важна тѣмъ, что, кромѣ числа, соединяетъ сей отдѣлъ съ предыдущимъ описаніемъ „дороженьки широкой.“

*

2.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андрюховское).

Собирался-то Большой Баринъ,
Онъ со тѣмъ ли войскомъ со Россейскимъ,
Что на Шведску-то границу.

- Не дошедши онъ границы, становился,
8. Становился въ чистомъ полѣ при долинь,
Россейскимъ войскомъ поле изуставилъ,
Россейскими знаменами поле изукрасилъ.

¹⁾ Красной Мызы.—²⁾ Ерестѣеры (Егтѣсоры—Илтаво́ры).

Какъ увидѣлъ король Шведскій:

«Что-й-то въ полѣ всё за люди?

10. «Нѣ ¹⁾ торгожь прѣхали они торговати,
«Или нашего городу глядѣти?»

Что приходили только й силы ²⁾,

Что ни люты звѣрки проревѣли,—

Что чугунные ядры проревѣли;

15. Сходилися туто й двои силы,

Что шибкіе громы гремѣли,

Что ни люты звѣри проревѣли,—

Прогремѣли чугунные ядры;

Что между ихъ протекали рѣки,—

20. Протекали рѣки, рѣки кровавья ³⁾;

Что и силы полягло,—что и смѣты нѣту.

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

3.

(Сыранъ, Симбирск. губ.).

При край было синяго моря,

При усть ⁴⁾ было Тихаго Дунаю ⁵⁾.

Туть роспахана была пашня:

Не плугами и не сохами,—

5. Добрыхъ коней копытами;

¹⁾ Нисъ, нѣсть ли?—²⁾ Какъ только приходили силы.—³⁾ Начало сравненія, разыгравшагося далеко въ слѣдующихъ образцахъ.—⁴⁾ См. выше объ этой формѣ.—⁵⁾ Тихаго Дону: участіе Донскихъ козаковъ разсѣло ихъ черты по всѣмъ вѣснамъ этой эпохи, ср. выше. Но любимый Дунай явился еще потому, что все это начало восходить къ глубокой древности образовъ.

- Посѣяна была пашня
 Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
 Взборонована была пашня
 Еще тѣми же Мурзавецкими ¹⁾ кошьями;
 10. Поливана была пашня
 Тою ли хрстіянскою ²⁾ кровью).

- Собирался Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ князь
 Подъ тотъ ли подъ городъ подъ Мызу.
 Онъ исправилъ провіанты не большіе,
 15. Въ походъ пошелъ,—онъ и шель всё топями,
 Всѣ топями, всё грязями,
 Всѣ темными лѣсами.
 Не дошедши онъ Мызы, становился,
 Не дошедши онъ Мызы за пятнадцать версть:
 20. Онъ разѣзжихъ козаковъ разсылаеть,
 Разѣзжіе козаки разѣзжаютъ.
 Шведскіе караулы разбиваютъ,
 И Шведскаго маіора поимали,
 Къ Борису Петровичу приводили.
 25. То Борисъ сударь Петровичъ сталъ его пытати.
 Крѣпкими допросами допрашати:
 «Охъ ты гой еси, маіоръ Шведскій!
 «Скажи—не утай всеё правду:
 «Много ли у васъ силы?» :
 30. Возговоритъ маіоръ Шведскій:
 —Охъ ты гой еси, Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ
 князь!
 —У насъ силы много:
 —Со мною со маіоромъ сорокъ тысячь,
 —А съ самимъ съ королемъ много—смѣты нѣту.—
 35. Какъ возговоритъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ
 князь:

¹⁾ Мурзавецкими, ср. Былины Богатырскія.—²⁾ Образы и красны Слова о П. Игореви.

«Охъ ты' врѣмя—плутуешь, говоришь не дѣло!

«Я этого не боюся,

«Я съ конницей съ драгунами не ворочуся:

«Собью я Мызу всю съ корня,

40. «До самой до пошты 1)»

(Запис. Ямковъ).

*

Слѣдующій образецъ отлично развѣтъ и сохранился:

4.

Не грозная туча возставала 2),

Не часть—крупень дождякъ выпадаетъ:

Изъ славнаго изъ города изъ Пскова 3)

Подымался царѣвъ Большой Бояринъ,

5. Грасъ Борисъ сударь 4) Петровичъ Шереметевъ,

Онъ съ конницею и со драгуны 5),

Со всею Московскою пѣхотой.

Не дошедъ онъ Красной Мызы становился 6),

Хорошо—добръ 7) полками приполчился 8),

10. Онъ и пушки, и мортиры всѣ уставилъ 9).

Не ясенъ соколъ по подвѣбесью летаетъ,

То Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ:

Что не золотая трубушка вострубила 10).

1) До вочы.—2) И. И. Дмитриевъ, въ своемъ „пѣсенникѣ“, исправилъ эту Бѣдину (какъ и многія другія пѣсни); отмѣтимъ эти „исправленія“ въ разворѣчяхъ. — „сбиралася.“—3) „Изъ славнаго города изъ Пскова.“—4) Опущено.—5) „Со конницею, со драгунами.“—6) „становится.“—7) Больно хорошо.—8) „онолчается.“—9) „Ужь и пушки, и мортиры,—все уставлено.“—10) „вострубила.“

- То возгóворить царёвъ Большой Бояринъ,
 15. Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ:
 «Онъ вы дѣтушки, драгуны и солдаты!
 «Мнѣ лъзя ли на васъ надежду положить,—
 «Супротивъ непріятеля постояти?»
 Тутъ возгóворятъ драгуны и солдаты:
 20. ««И мы рады ¹⁾ государю послужити,
 ««И одинъ за одного ²⁾ умерети!»»

- Тутъ скоро Бояринъ подымался
 Со конницею и со пѣхотой.
 Нашли они на Шведски караулы:
 25. Они Шведски караулы сами скрали ³⁾
 И маіора во полонъ къ себѣ взяли ⁴⁾.
 Привели они маіора къ генералу;
 Приказалъ его генералъ допросити:
 «Скажи ты, маіоръ земли Шведской ⁵⁾,
 30. «Скажи намъ всю истинную правду,
 «Не могъ ты у царя ⁶⁾ утаити:
 «Далече ли стоитъ ваша сила,
 «И много ли силы съ генераломъ,
 «Съ самимъ генераломъ Шлиппенбакомъ ⁷⁾»
 35. Что возгóворить маіоръ земли Шведской:
 —Ахъ ты гой еси, царёвъ Большой Бояринъ,
 —Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ ⁸⁾!
 —Не могу я у царя утаити,
 —Скажу я всю истинную правду:
 40. —Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
 —За тѣми за мхами—за болоты,

¹⁾ „Мы ради.“—²⁾ Вполнѣ народно; *Дмитр.* „за другога.“—³⁾ Техническое выраженіе того времени: сняли пакеты.—⁴⁾ „Нашли они на караулы Шведскія, Они скрали ихъ и съ маіоромъ самимъ.“—Удивительно, какъ Дмитріевъ, въ другихъ случаяхъ необычайно тонкій чутъемъ, глухъ былъ здѣсь къ народному, слишкомъ замѣтному складу.—⁵⁾ „Шведскія.“—⁶⁾ Петра.—⁷⁾ Въ другихъ: „Шлиппенбакомъ.“—⁸⁾ Соображая, что маіоръ могъ не знать имени, Дмитріевъ его опустилъ.

—За тою за великой переправой ¹⁾,

—По-край-близъ ²⁾ Варяжскаго моря;

—А силы съ генераломъ сорокъ тысячъ,

45. —Съ любимымъ ³⁾ генераломъ Шлиппенбахомъ.—

Бояринъ тѣхъ словъ не испугался,

Онъ скоро съ полками подымался.

Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили ⁴⁾:

Сражались два войска тутъ большія,

50. Что Московское войско со Шведскимъ ⁵⁾.

Запала ⁶⁾ Шереметева пѣхота

Изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ ⁷⁾.

Тутъ не страшный громъ изъ тучи грянулъ,

Не звонкая пушка разродилась:

55. У Боярина тутъ сердце разъярилось.

Не сырая мать-земля разступилась,

На синее море всколебалось ⁸⁾:

Примыкали штыки тутъ на мушкеты,

Бросали всѣ ружья на погоны,

60. Вынимали тутъ ⁹⁾ вострыя сабли,

Циклоняли тутъ булатныя копы,

¹⁾ „За тѣми ли за мхами и болотами, За тою великою переправомъ.“—²⁾ Какъ одно нарѣчіе: близко возлѣ краю.—³⁾ У короля и Шведовъ: вполнѣ народно; Дмитріевъ выпустилъ какъ невольность.—⁴⁾ „тучи собиралися.“—⁵⁾ „Два тутъ сильныя войска сразилися, Московское войско и Шведское.“—⁶⁾ „туть.“—⁷⁾ „Изъ пушекъ, мортиръ, ружья мелкаго.“ Вслѣдствіе этой поправки, по народному складу вышло бы, что мортиры—мелкое оружіе.—⁸⁾ Нѣсколько перекрѣто, и это скорѣй слѣдовало бы поправить Дмитріеву; въ подлинномъ образцѣ вѣроятно было:

Тутъ не страшный громъ изъ тучи грянулъ;

Ино звонкая пушка разродилась;

Не сырая мать-земля разступилась,

Не синее море всколебалось:

У Боярина тутъ сердце разъярилось;

Примыкали штыки... и т. д.

⁹⁾ У Дмитр. опущено.

Гналися за Шведскимъ генераломъ
До самага до города до Дерпта ¹⁾.

Какъ расплачутся тутъ Шведскіе солдаты,
65. Во слезахъ они чуть слово промолвятъ:
«Лихая, де, Московская пѣхота!
«На вылазку часто выступаетъ
«И тѣмъ насъ жестоко побѣждаетъ ²⁾!»»³⁾

Тутъ много мы ³⁾ Шведовъ порубили,
70. А въ трое того въ полонъ ихъ взяли:
Тѣмъ прибыль государю учинили ⁴⁾.

(Пѣсенники. послѣ Новиковскаго, съ конца прошлаго столѣтія до 20-хъ годовъ нынѣшняго; Дмитріева 1796 года).

*

Въ слѣдующихъ образцахъ складъ уже появился или ослабѣлъ:

5.

Изъ славнаго изъ ³⁾ города изъ Цокова
Подымался царевъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ,
Онъ со конницею и со драгуны,
5. Со пѣхотными солдатскими полками.

Не дошедши Красной Мызы, становился,
Хорошо—добрѣ полками приполчился.

¹⁾ „Преклоняли коня меткія И гналися за Шведскимъ воинствомъ до самага Дерпта города:“ сладость Карамзинской эпохи.—²⁾ Дмитр. вмѣсто всего этого: „Какъ расплачутся солдаты Шведскіе: Лихая, де, пѣхота Московская!“—³⁾ Эти, и многія другія, черты убѣждаютъ, что Былина сложена тотчасъ за былью; слышенъ строй военного марша и весь складъ рѣчи современной эпохи.—⁴⁾ Этотъ стихъ, опять выпущенный Дмитріевымъ, совершенно отзывается рѣчью тогдашнихъ реляцій.—⁵⁾ У Сазарова ощущено, какъ „лишнее“ повтореніе.

Не ясень соколъ по поднебесью летаетъ,
То Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;

10. Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговорить царевъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ:
«Ой вы дѣтушки, драгуны и солдаты!
«Можно ли мнѣ на васъ понадѣяться ¹⁾,—
15. «Супротивъ непріятеля постояти?»
Да что взговорять драгуны и солдаты:
«Мы ради государю послужити,
«Единъ за единого умерети!»»

Тутъ скоро Бояринъ подымается

20. Со конницей и со пѣхотой.
Нашли они на Шведскіе караулы:
Они Шведскіе караулы сами скрали,
Маіора въ полонъ къ себѣ взяли.
Привели они маіора къ генералу,
25. Къ полевому кавалеру ²⁾;
Приказалъ его генералъ допросити:
«Скажи ты, маіоръ земли Шведской,
«Скажи намъ всю истинную правду,
«Не могли ты у царя утанти:
30. «Далече ли стоитъ ваша сила,
«И много ли силы съ генераломъ,
«Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ?»
Что возговорить маіоръ земли Шведской:
—Ахъ ты гои еси, царевъ Большой Бояринъ,
35. —Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ!
—Не могу я у царя утанти,
—Скажу я всю истинную правду:
—Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,

---

¹⁾ Какъ это слабо и нечѣтно складу сравнительно съ предыдущимъ образцомъ.—²⁾ Оцѣтъ хуже.

- За тѣми за мхами—за болоты,
 40. —За той превеликой переправой.
 —По-край-близъ Варяжскаго моря;
 —А силы съ генераломъ сорокъ тысячъ,
 —Съ любимымъ генераломъ Шлипенбахомъ.—
 И тутъ ¹⁾ Бояринъ не утрашился,
 45. Онъ скоро съ полками подымался.

- Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили:
 Сражались два войска большія,
 Московское войско со Шведскимъ;
 Запалила тутъ Шереметева пѣхота
 50. Изъ мелкаго ружья и изъ мортпировъ.
 Какъ не громъ предъ тучею ²⁾ грянулъ,
 Тронъ-пушка разродилась,
 У Боярина сердце разъярилось.
 Не сырѣ мать-земля разступилась,
 55. Не синее море всколебалось:
 Примыкали штыки на мушкеты,
 Бросали ружья на погоны,
 Вынимали вострыя сабли,
 Приклоняли булатныя копья ³⁾,
 60. Гнались за Шведскимъ генераломъ
 До самаго города до Дерпта.

- Какъ расплачутся Шведскіе солдаты,
 Во слезахъ они едва сіе ⁴⁾ промолвятъ:
 «Лихая, де, Московская пѣхота!
 65. «Что часто на вылазку выступаетъ
 «И тѣмъ ⁵⁾ насъ жестоко побѣждаетъ!»»

---

¹⁾ Сахар. „И того.“—²⁾ Опять хуже.—³⁾ Сахар. оразнообразилъ: „копья булатныя.“—⁴⁾ Сахаровъ догадался: „слово.“—⁵⁾ Исправилъ: „безъ бою.“ Хороши Шведы послѣ горячей битвы и „лиха“ пѣхота „безъ бою!“

Туть много мы Шведовъ порубили,
А въ трое и больше въ полонъ взяли:
Государю тѣмъ прибыльъ учинили.

(Писан. Чулковскій и Новиковскій, а за ними другіе и Сахаровъ).

*

Тѣ же и Левенгауптъ.

6.

(Губ. Архангельской, у. Шенкурскій).

Серѣдъ было краснаго лѣта,
Въ первыхъ числахъ въ Іюль,
Что изъ славнаго города Петербурга
Подымался царевъ Большой Бояринъ,
5. Генералъ, и кавалеръ, и фельдмаршалъ,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ,
Подымался подъ Шведскую Красную Мызу.

Не дошедъ до Красной Мызы, становился,
Онъ крѣпкія батареи на Шведа наладилъ,
10. Онъ пушки-мортиры разоставилъ.

Не двѣ тучи на небѣ сходились:
Сходились два войска въ чистомъ полѣ,
Русское войско со Шведскимъ;
Что не молнія на небѣ проблеснула:
15. Голубецъ, наша пушка, разряжалась;
Не громкій громъ на небѣ взгрянулъ:
Запалила Шереметьева пѣхота.
Ни дѣнно, ни ночно нѣтъ покою,
Ни много, ни мало не отступать.
20. Они крѣпко къ Шведу приступаютъ,
Шведскую силу побиваютъ ¹⁾

¹⁾ Очевидно переставлены части Бланны.

- Полонили майора земли Шведской,
 Повели они майора звать-пытати:
 «Ты скажи, скажи, майоръ, всю сушу правду,
 25. «Что по этому крестному цѣлованью:
 «Много ли стоитъ силы въ Красной Мызѣ?
 «Много ли силы-войска съ Левенштомъ?»
 —Ахъ ты батюшка, царёвъ Большой Бояринъ!
 —Ты дай сроку, сударь, на единый часъ,
 30. —Разскажу я тебѣ, сударь, сушу правду,
 —Поруюко крестное цѣлованье:
 —Стоитъ силы въ Красной Мызѣ тридцать тысячъ,
 —Съ генераломъ съ Левенштомъ сорокъ тысячъ.—
 Отвѣчаетъ царёвъ Большой Бояринъ,
 35. Генералъ, и кавалеръ, и фельдмаршалъ,
 Графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ:
 «У меня, генерала, двадцать тысячъ,
 «А и тутъ, вѣдь, я Шведа не боюся,
 «А подъ Красную Мызу становлюся!»
 40. Генералъ Шмилъпебахъ испугался,
 Изъ подъ Красной Мызы убирался.

(Записано адмираломъ Кузьмищевымъ и доставлено М. П. Погодинымъ).

* * *

Ср. подобныя части творческаго разсказа въспелъно разв. ниже.

Случай съ майоромъ переходитъ обратно на Краснощочкова и этотъ знаменитый герой
 выступаетъ здѣсь въ первые:

XIII.

Левенгауптъ и Краснощоконъ.

Приуныло—приумолкло войское Дѣонское,
Приужаснулась армейюшка царя Бѣлаго,
Безъ вѣрнаго служителя государева,
Безъ Ивана Матвѣича Краснощокова.

5. Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,

Повели добраго молодца къ Левенгаупту.

Какъ и сталъ его Левенгауптъ спрашивать:

«Ты скажи, скажи, добрый молодець, не утай ничего:

«Ты чѣмъ служилъ царю Бѣлому, какъ ты жалованъ,—

10. «Сотникомъ, полковникомъ или бригадирушкой ¹⁾?»

Рѣчь возговорилъ Краснощоконъ Левенгаупту:

—Я служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,

—И не сотникомъ—полковникомъ—бригадирушкой,

—Я служилъ царю Бѣлому—рядовой козакъ.—

15. «Нѣтъ, не правду, разудалый, открываешь мнѣ:

«На тебѣ, молодець, управушка не козачая,

«На тебѣ—то управушка командирская.

«Я хочу тебя, молодеца, просить просьбою:

«Ты служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,—

20. «Послужи ты царю Шведскому хоть три года?»

Какъ воскликнулъ Краснощоконъ Левенгаупту:

—Ахъ если бы была при мнѣ сабля острая,

—Послужилъ бы я надъ твоей буйной головошкой!—

«Русская Старина» Корниловича, Сахаровъ и г. Савельевъ: перепечатавали другъ отъ друга; въ старшихъ и лучшихъ изданіяхъ нѣтъ. Кромѣ выраженій, отпечатанныхъ курсивомъ и противныхъ складу народному, замѣтна вообще искусственность, а если и была подлинная основа, то вѣроятно и таъ по сходству Левенгаупта съ Ласси, Шведскаго плѣна съ Турецкииъ, въ которомъ точно увидимъ героя ниже, при подробностяхъ о немъ въ творчествѣ послѣдующей эпохи. Ср. „Замѣтку“).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ связывается съ предыдущими—образомъ тѣхъ же явленій, съ наборомъ:

¹⁾ Въ означеніи отъ другихъ старшинъ, полковниковъ, Краснощоконъ именовадся „бригадиромъ.“

XIV.

Орѣхъ—Орѣшекъ,

Нютебургъ—Нюссбургъ,

Шлюссельбургъ—Шлюшенъ.

1.

(Кирша Данцловъ).

- Во славномъ городѣ въ Орѣшкѣ,
 По нынѣшнему званію ¹⁾ Шлюшенбургѣ,
 Пролегла туто широкая дорожка.
 По той по широкой дорожкѣ
5. Идетъ тутъ царевъ Большой Боаринъ,
 Князь ²⁾ Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
 Со тѣми онъ со цѣхотными полками,
 Со конницей и со драгунами,
 Со удалами ³⁾ Донскими козаками.
10. Вошли они во Красную Мызу,
 Промежу тѣми высокими горами,
 Промежу тѣми широкими долами,
 А всѣ полки становилися.
 А вѣпоры Борисъ сынъ Петровичъ
15. Въ объѣздъ онъ Донскихъ козаковъ посылаетъ,
 Донскихъ, Гребенскихъ да Яницкихъ:
 Какъ скрали ⁴⁾ они Шведскіе караулы,
 Маіора себѣ во полонъ полонили,
 Привезли его въ лагери царскіе.

¹⁾ Признакъ сложенія Былины вскорѣ по взятіи и переименовкѣ города.—

²⁾ Сборникъ *Костом. в Мордови.*, перепечатавши эту Былну, исправилъ „графъ“, а „князь“ воставилъ *из саріалмака*.—³⁾ Вѣроятно опечатка вм. „удалми.“ Такъ и исправилъ *Кост.*—⁴⁾ *Кост.* „снлц.“

20. Злата ¹⁾ труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ,
Государь Московскій, первый императоръ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
«Изволь ты маіора допросити
25. «Тихонько, помалешеньку ²⁾):
«А сколько, де, силы въ Орѣшкѣ
«У вашего короля Шведскаго?»
Говорить тутъ маіоръ не съ упадкою ³⁾,
А сталъ онъ силу рассказывать:
30. —Съ генераломъ въ полѣ нашимъ ⁴⁾ сорокъ тысячей,
—Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.—
А втапоры царевъ Большой Бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
А самъ онъ царю рапортуетъ:
35. ««Что много, де, силы въ полѣ той Шведской,
«Съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
«Съ королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.»»
Злата труба въ полѣ—въ лагерь протрубила,
Прогласилъ первый императоръ:
40. «А и гой еси, Борисъ Петровичъ!
«Не утрашися маіора допросити,—
«Не корми маіора цѣлы сутки;
«Еще вы его повторите ⁵⁾,—
«Другіе вы сутки не кормите:
45. «И сладко ⁶⁾ онъ расскажетъ,
«Сколько у нихъ силы Шведскія.»
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ
На то-то больно догадливъ:
А двое, де, сутки маіора не кормили,
50. Во третьи винца ему подносили;

¹⁾ Косм. „не злата“, а „злата“ поставлено въ *вариантахъ*.—²⁾ „Допросити помалешеньку, тихонько.“—³⁾ Косм. „не съ утайкою“, а „не съ упадкою“ въ *вариантахъ*.—⁴⁾ „нашихъ“, для разнообразія.—⁵⁾ Косм. „допросите.“—⁶⁾ Косм. „тогда.“

А втапору маіоръ разсказалъ,
 Правду истинну разсказалъ ¹⁾:
 —Всѣхъ съ королевъ нашихъ и генераловъ
 —Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.—
 55. И тутъ государь взвеселился:
 Велѣлъ ему, маіору, голову отлѣпять ²⁾.

(„Др. Росс. Стихотвор.“).

* *

Пѣсни подлинно и собственно объ Орѣшкѣ слѣдуютъ за снѣгъ:

2.

Ты злодѣй-злѣй, ретиво сердце,
 Ретиво сердце молодецкое!
 Къ чему ты ныло-занывало?
 Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
 5. Предвѣщало ты, а не сказало:
 Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекрутѣхъ,
 Что въ рекрутѣхъ быть мнѣ ³⁾ и въ солдатахъ,
 А въ солдатахъ быть мнѣ ³⁾ и въ походѣ
 Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
 10. По нынѣшнему званію Шлиссальбургомъ ⁴⁾.

Весьма скоро Шведы догадались:
 Они ударили тотчасъ въ барабаны.
 Да что взгѣворить нашъ батюшка императоръ:
 «Ахъ вы любимые мои генералы!

¹⁾ При другихъ признакахъ юрчи въ текстѣ, это уже самый наглядный.—
²⁾ *Вест.* предлагаетъ „замѣчательный“ *вариантъ*: „отлѣпять.“ Болѣе дѣйствительный *Сажарова* совсѣмъ выбросилъ послѣдній стихъ.—³⁾ Въ *нѣтъ* нѣтъ „нѣтъ.“—⁴⁾ Признавать, что пѣсня сложена современно, немедленно за событіемъ: нѣтъ *старое* и прибавка *нового, нынѣшняго*.

15. «Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
«Еще братъ ли мнѣ городъ Орѣшекъ,
«Иль не лучше ль отъ него намъ отступити?»
Что возгóворять всѣ генералы:
«Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!»
20. ««Еще сила намъ будетъ нада ¹⁾:
««Что не лучше ли намъ отсюда отступити?»»
Что возговорить надежа государь-царь:
«Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
25. «Еще братъ ли намъ городъ Орѣшекъ?»
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возгóворять Россійскіе солдаты:
—Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
—Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
30. —Намъ сухимъ путѣмъ итти,—не достигнути:
—А что братъ или не братъ ли,—бѣлой грудью ²⁾!»—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворились ворота непродѣльны,
35. А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобной.

(Пѣсенники съ 1818 года, Театральный, Глазуновскій, П. Ш., Гурьянова и друг.).

Складъ пѣсен, постепенно возобладавшій въ ту эпоху.

*

¹⁾ Женскій родъ отъ мужескаго *надъ* (ср. *ма-ди-на*, *ма-дема-а*, серб. *ма-да-ми-се* и т. п.): основа для дальнѣйшаго развитія *надоба*, *надобена*, *надобна* (ср. *радъ*—*Радосавъ*, *миль*—*Милосавъ*).—²⁾ Ср. выше думу о походѣ Азовскомъ. Отсега складъ пѣсни измѣняется и, если выше попадаютъ выраженія книжныя, письменныя, то конецъ почти несомнѣнно придалавъ послѣдующихъ книжниковъ.

3.

Ты злодѣй-злодѣй, ретиво сердце,

Ретиво сердце молодецкое!

Къ чему ты ныло-занивало?

Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,

5. Предвѣщало, а не сказало:

Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,

Что въ рекрутахъ быть мнѣ и въ солдатахъ,

А въ солдатахъ быть и въ походѣ

Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,

10. По нынѣшнему званію Слиссельбургомъ.

Весьма скоро Шведы догадались:

Они ударили тотчасъ въ барабаны.

Да что взговорить нашъ батюшка императоръ:

«Ахъ вы любимые мои братцы, генералы!

15. «Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:

«Еще братъ ли намъ Орѣшекъ,

«Иль не лучше ль отъ него отступити?»

Что возговорятъ всѣ генералы:

«Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!

20. ««Еще сила намъ будетъ на́да:

««Что не лучше ль намъ отступити?»»

Что возговоритъ надежа государь-царь:

«Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!

«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:

25. «Еще братъ ли намъ городъ Орѣшекъ?»

Что не ярыя тутъ пчолы зашумѣли,

Что возговорятъ Россійскіе солдаты:

—Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!

—Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,

30. —Намъ сухимъ путемъ итти,—не достигнути:

—А что братъ ли иль не братъ ли,—бѣлой грудью!—

- Тронулося войско ко стѣнѣ,
 Полетѣли башни на берегъ,
 Отворилися ворѣта не продѣланны,
 35. А проломаны изъ пушекъ ядрами.
 Побѣдили силу Шведскую,
 Положили городъ надобной.

(Изъ свѣдѣній Чулковскій и Новиковскій, за ними послѣ нѣкоторые другіе: хуже предъ-
 идущаго разворѣчія, именно словомъ „непродѣланны“, хотя и старше времени напе-
 чатана. Замѣтно, что всѣхъ служилъ образцомъ подлинникъ третій и старшій, къ кото-
 рому послѣдовали придѣли; рукопись кн. Церетелева подтверждаетъ еще то же самое):

*

4.

- Злодѣй—злодѣй, ретиво сердце!
 Что ты ныло, ретивое, занывало,
 Ничего ты мнѣ, сердечко, не сказало?
 Да что быть мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
 5. Во солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ
 Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
 А по нынѣшнему званію Шлиссербургомъ.
 Что слышавъ воры—Шведы догадались,
 Что ударили они въ барабаны,
 10. Наши Русскіе солдатушки въ литавры.
 Да что взговорить нашъ государь—царь:
 «Ахъ вы гой еси, братцы, генералы!
 «Вы придумайтѣ мнѣ, братцы, пригадайте;
 «Еще какъ намъ будетъ взять Орѣшекъ?»
 15. «Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка, государь—царь!
 «Что не лучше ль намъ отъ города отступити?»
 Что возговорить государь—царь ко солдатамъ:
 «Ахъ вы гой еси, мои дѣтушки солдаты!
 «Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:

20. «Еще брать ли намъ иль нѣтъ Орѣхъ-городъ?»
 Что не ярыя пчолушки во ульѣ загнушли,
 Да что взговорятъ Россійскіе солдаты:
 —Ахъ ты гои еси, намъ батюшка, государь-царь!
 —Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
 25. —Намъ сухимъ путѣмъ итти,—не достигнути:
 —Мы не будемъ ли отъ города отступати,
 —А будемъ мы его бѣлою грудью брати,
 —А что брать ли иль не брать ли,—бѣлой грудью!—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
 30. Полетѣли башни на берегъ,
 Отворилися ворота не продѣланы,
 А проломаны изъ пушекъ ядрами.
 Побѣдили силу Шведскую,
 Покормили городъ надобный.

(Рукоп. кн. *Цереталева*: въ какого-то пѣсенника, откуда повторилъ в г. *Костомаровъ* съ г. *Мордовца*.)

* * *

Ср. выше, думы о походѣ и походы подъ Смоленскъ и Азовъ, вып. 7-й и предстоящій 8-й.

Восьма уже рано Былина эта перешла въ пѣсню Безъименную и Молодецкую, даже Женскую, благодаря особенно лирическому ея началу, подобно какъ выше „Талантъ“ или „Знѣна скоропейка.“

Б.

Ты злодѣй-злодѣй, чужая-дальна ¹⁾ сторона!
 Ужь сколько мнѣ ни жати,—воѣ тужити,
 Мнѣ родимыя сторонки не забыть.
 Ты злодѣй-злодѣй, ретивое мое сердце!

¹⁾ Д. Б. „чужа-дальна“ или „чужедайна.“

5. Къ чему ты, сердце мое, ноешь-унываешь?
 Не скажешь ты ни радости, ни кручины:
 Не можешь ты мила друга забыть,
 Ни денною порою, ни ночью,
 Ни утренней зарею, ни вечерней.
10. Со той ли тоски великия, злой кручины,
 Пойду-пойду, младѣшенька, погуляю,
 Я найду-найду два камышка алмазны,
 Я камышекъ о камышекъ ударю ¹⁾.
 Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра:
15. Не во всякомъ добромъ молодцѣ любовь-правда.
 Любилъ меня милъ-сердечной, да покинулъ.
 Я на шуточки милу другу отказала ²⁾:
 «Тебѣ полно, милъ-сердечной другъ, гуляти!
 «Ужь пора ли, милъ-сердечной другъ, жениться
20. «Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ.»

Что у душечки у красной у дѣвицы

- Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило,
 Не морозомъ бѣлое личико ознобило:
 Смочило бѣлое лицо слезами,
25. Ознобило ретивѣ сердце кручиной.
 Тужить-плачетъ по миленькомъ дружечкѣ,
 По ласковомъ-привѣдливомъ по словечкѣ:
 Хорошь-пригожь мой миленьмой уродился,
 Онъ не долго со мною, съ дѣвицей, поводился,—
30. Какъ сказана милу другу царская служба,
 Показана широкая путь-дорожка
 Ко славному ко городу Петербургу ³⁾.

¹⁾ Народный обычай искать каменьевъ съ алмазами подъ корой и не считать
 быть такіе камни другъ о друга.—²⁾ Отвѣчала.—³⁾ Такъ легко было передѣ-
 лать въ Шлиссельбурга.

- Со всіми милъ-сердечной другъ простился,
 Со мной съ одной, красной дѣвицей, не простился,
 35. Съ половины пути-дороженьки воротился,
 Подъ косящетымъ окошечкомъ колотился ¹⁾:
 —Ты прости, прости, душа моя дѣвица,
 —Наживай ты себѣ друга милаго ²⁾;
 —Если лучше наживешь, меня забудешь,
 40. —Если-жь хуже наживешь, меня вспомянешь,
 —Вспомянѣшь, — сама, красная дѣвица, слезно запла-
 чешь ³⁾.—

(Изъ 2-й части Пѣсешника Широкостаго, изд. 2-е въ С.-П.-Б. 1791 г.; во другихъ образцахъ пѣсни пошла еще дальше въ область бытовую и личныхъ чувствъ; примѣры ниже, въ своемъ мѣстѣ).

* *

То же.

1.

- Какъ по славной матушкѣ Невѣ рѣкѣ,
 Подлѣ устьяца ея широкаго,
 Что при саномъ ли истокѣ быстромъ ⁴⁾,
 Какъ плавали-гуляли три легкіе стружка:
 5. На первомъ стружкѣ Шереметевъ былъ,
 На другомъ стружкѣ офицеры сидятъ,
 А на третьемъ стружкѣ всё солдатушки,
 Преображанскіе и Семеновскіе.
 По рѣкѣ они бѣжали къ круту-красну бережку,
 10. Къ круту-красну бережку, ко Слюссальбургскому ⁵⁾.

¹⁾ Стучался.—²⁾ „Наживай ты себѣ мила друга много.“—³⁾ „Вспомянѣшь,— сама, красна дѣвица, слезно всплачешь.“—⁴⁾ Въ другихъ „быстромъ.“—⁵⁾ Въ другихъ: „Шлюссальбургскому.“

- Подбирали они парусы полотняные,
 Что того ли полотна все Оловецкаго;
 Они якоря метали все булатные,
 Что того ли булата Сибирскаго ¹⁾,
15. Приставали къ круту—красну бережку;
 Они дѣсенки метали все дубовыя,
 Выходили на желты пески—сыпучіе,
 Начинали рыть подкопы глубокіе,
 Накатили бочки съ лютымъ зеліемъ,
20. Съ лютымъ зеліемъ—съ чернымъ порохомъ;
 Становили свѣчи воску яраго ²⁾;
 Зажигали тѣ подкопы глубокіе:
 Отъ того ли красной берегъ взбѣвало,
 Развалило стѣну бѣлу—каменну,
25. Потрясло всю крѣпость Шведскую,
 Устрашило храбрыхъ неприятелей.

• (Изъ епископа Чулковскаго и Нозинскаго, за ними другіе, между прочимъ гг. Костомаръ съ Мордвѣцъ.—Есть еще ирѣсны старыя, но и прибавки новѣйшія книжки, напр. послѣдній стихъ, по поводу котораго г. Костомаръ съ Мордвѣцъ основательно замѣтили, что въ изломѣ „вариантъ послѣднихъ двухъ строкъ нѣтъ“).

* *

То же. Убить полеовникѣ.

1.

Что подѣ славнымъ было городомъ подѣ Шлюшеномъ,
 Ахъ не люта змѣя, братцы, извивалася:
 Возвилася тутѣ пулечка свинцовая;
 Она падала не на воду, не на землю:

¹⁾ Попытки подняться къ пріемамъ древнихъ богатырскихъ Былинъ.—

²⁾ Ср. выше осаду Азова и еще выше—Казани, вып. 6-й.

5. Она падала во армию Россійскую,
Молодаго Полковника на бѣлую грудь;
 Она взрыла—разметала грудь всю бѣлую,
 Она вынула румянецъ изъ бѣла лица.

Что возговорить Полковникъ *таковы слова:*

10. «Ахъ, вы здѣсь ли, гранодеры моего полку!
 «Не попомните вы, други, моей грубости,
 «Вы возьмите мое тѣло на свои руки,
 «Отнесите мое тѣло во бѣлой шатерь,
 «Вы обмойте мое тѣло горючей слезой,
 15. «Положите мое тѣло въ грововы доски,
 «И *предайте* мое тѣло мать—сырой—землѣ.
 «Отпишите потомъ, братцы, въ домъ мой грамотку,
 «*Чтобы знали, что я умеръ за отечество.*»

(Пѣсня эта начинается съ пѣсенника Н. Н. *Дмитріева* 1796 года и, судя по выраженіямъ, въ концѣ наиболее чуждыя народу отлѣчены у насъ курсивомъ, переправлена съ подлинника,—но какого, досадѣ не знаемъ. По историческимъ чертамъ, удѣлѣвшимъ народнымъ оборотамъ и по самой мѣстаости, сюда всего ближе отелетъ пѣсня о *Рычковѣ*, которая и поминается въ слѣдъ за снѣгъ, хотя конечно по своему обращенію принадлежитъ иной, во всякомъ случаѣ ближайшей, эпохѣ).

*

Рычковъ на морѣ Варяжскомъ.

1.

(Губ. Сибирской).

По морю—морю *Варайскому* ¹⁾,
 Плывуть—выплываютъ тридцать кораблей:
 Одина—тъ корабличекъ на передъ бѣжить,
 На томъ на корабличкѣ *Рычковъ* атаманъ.

¹⁾ Такъ въ Былинахъ постоянно зовется море Варяжское, Балтійское, и почти исключительно со времянь Петра, когда перешю въ ту сторону поприще дѣйствій и устремилось вниманіе.

8. Что возговорилъ молодецъ атаманъ Рычковъ:
 «Гребите вы, молодцы, не робѣйте,
 «Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
 «Трехъ-гранныхъ веселичекъ не сушите!»
 Подъ бережкомъ-бережкомъ подь крутьимъ.
10. Стояла тутъ силушка западная,
 Западная силушка—воровская.
 Что возговорилъ молодецъ Рычковъ атаманъ:
 «Охъ вы гой еси молодцы, Донски казаки,
 «Донскіе, Гребенскіе, всѣ Яицкіе!
15. «Заряжайте, молодцы, въ три заряда,
 «Первый зарядчикъ чистымъ серебромъ,
 «А другое-тъ зарядчикъ крупнымъ жемчугомъ,
 «А третіе-тъ зарядчикъ свинцомъ-порохомъ,—
 «Палите вы въ силушку западную!»
20. Не люта змѣя въ полѣ зашипѣла,
 Просвистѣла пулечка свинцовая,
 Убила у ярыжныхъ ¹⁾ атамана,
 Его въ молодецкую во бѣлу грудь,
 Въ его ретивое злое сердце.

(Отъ Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

По морю-мѣрю по Верейскому
 Плыли-выплывали тридцать кораблей:
 На первомъ карабикѣ Рычковъ атаманъ.

---

¹⁾ Подначальныхъ, рабочихъ слугъ на службѣ (совсѣмъ не то, что поздне-е—безпутный, мотъ и плутъ).

По кораблику Рычковъ атаманъ показиваетъ,

5. Онъ своимъ бурлачонькамъ приказываетъ:
 «Гребите вы, молодцы, не робѣйте,
 «Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте!
 «Гонятся за молодцемъ три погони:
 «Первая погоня всё солдаты,
 10. «Вторая погоня всё гусары,
 «Третья—то погоня Донски козаки,
 «Донски, Гребенскіе, Запорожскіе ¹⁾»

Не успѣлъ добрый молодець слово молвити,
 Вѣстовая пушечка выпаливала,

15. Свинцовая пѣлечка просвистывала;
 Никого на корабликѣ не убивала,
 Вышибала на корабль карабельну доску,
 Ушибала доскою Есаула,
 Ушибала Есаула не до смерти.
 20. Возговорить молодець:
 «Берите вы молодца за бѣлы руки,
 «За бѣлы руки, за рѣзвы ноги,
 «Кидайте вы молодца въ сине море ²⁾»
 Возговорить молодець своимъ громкимъ голосомъ:
 25. «Заряжайте въ молодца три заряда:
 «Первый зарядецъ чисто серебро,
 «Другой—то зарядецъ чистымъ золотомъ,
 «А третій зарядецъ чистымъ жемчугомъ,
 «Придайте мнѣ, молодцу, вы скорую смерть!»

(Отъ него же).

*

¹⁾ Гдѣ козаки „Донскіе,“ тамъ по привычному выраженію обыкновенно являются, по требованію самого склада въ стихѣ, „Гребенскіе, Запорожскіе, Яцкскіе“ и т. п.—²⁾ Здѣсь уже пѣсня начинаетъ отличать есаула и молодца отъ самого атамана Рычкова.

3.

(Г. Новгородской, Валдайскаго уѣзда, дер. Сосница).

Охъ по морю-морюшку, по морю по Верейскому,
Плыли-восплывали тридцать корабльевъ:
Нашъ первый корабличекъ на передъ бѣжи',
На передъ бѣжи', какъ соколъ лети'.

5. Въ эвтогъ во корабличкѣ Рычковъ генералъ,
Рычковъ генералъ рѣчь говорилъ съ намъ:
«Гребите, ребятушки, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
«Поѣдемте, ребятушки, ко всей страсти-ужасти,
10. «Ко всей страсти-ужасти, къ бережочку,
«Ко желтому ко сыпучему ко песочку!»

- Туть стояла силушка западная,
Выналяла пушечка ломовая ¹⁾,
Никого въ корабличкѣ не ушибло,
15. Толькя вышибло одну верхнюю доску ²⁾.
Вси нашимъ солдатушки испужались,
По малкимъ шлюпочкамъ разбѣжались,
Опослѣ страсти-ужасти на корабличекъ собирались;
Опослѣ того Рычковъ генералъ
20. *Бладаренье отдавалъ*
И по рюмькѣ водки наливалъ.

(Записано П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ отъ трубачиста Савелья, 1834 года,
6 Сентября).

*

Слѣдующій образецъ переноситъ событіе съ Варяжскаго моря, тамже Синяго (см. предъидущіе выпуски), на Синее море Хвалынское, Каспійское:

¹⁾ См. выше.—?) Эта черта дала возможность спасти отъ смерти Рычкова, подобно какъ другіе образцы отдѣлили его отъ убитаго есаула. Потому же въ концѣ прибавлены несообразные стихи, отпечатанные у насъ курсивомъ.

4.

По морю, по морю, морю синему,
 По синему морю по Хвалыцкому,
 Плыли-выплывали тридцать кораблей:
 Какъ одинъ корабличекъ по передь бѣжить,
 5. По передь бѣжить, какъ соколъ летитъ;
 На томъ на корабличкѣ Рыжковъ атаманъ.

Какъ возговоритъ Рыжковъ громкимъ голосомъ:
 «Вы гребите, ребятушки, удалѣе!
 «За нами, ребятушки, три погоня,—
 10. «Первая погоня всё солдаты,
 «Вторая погоня всё гусары,
 «А третья погоня Донски козаки,
 «Донски, Гребенскіе, Запорожскіе.»

(Изъ рукописи кн. Церетелова, завѣс. Н. А. Полежага).

*

Наконецъ, переходя въ Безъимянную, пѣсня вѣстѣ съ тѣмъ приближается тѣснѣе и съ передѣлкой (или лучше подлиннѣе) Дмитріева, но утверждаетъ событие именно за *Донцона*:

5.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ-то было на зорюшкѣ,
 На зорѣ-то было на утренней,
 На восходѣ было солнца краснаго ¹⁾,
 Не буйные вѣтры подымалися,

¹⁾ Вотъ какими образами пользуется пѣсня, замѣняя время и мѣсто Шлюс-сельбурга или моря Верейскаго.—Ср. подобное начало Петровскихъ пѣсень выше.

5. Не синее море векомыхалось,
 Не фузеюшка ¹⁾ въ полѣ програнула,
 Не лютая змѣя въ полѣ просвиснула,
 Просвиснула пулечка свинчатая:
 Она падала, пулька, не на землю,
 10. Не на землю, пуля, и не на воду,
 Она падала, пуля, въ козачій кругъ,
 На урочную-то ²⁾ на головушку,
 Что да на перваго есаулушку;
 Попадала пулечка промежь бровей,
 15. Что промежь бровей, промежь ясныхъ очей.

Упалъ молодець коню на черну гриву:

- «Охъ вы братцы мои, товарищи!
 «Поднимите меня на воронѣ коня,
 «Повезите меня во бѣлъ шатеръ,
 20. «Положите меня на кбечку.
 «Кому изъ васъ судить Богъ на Тихій Донъ ³⁾,
 «Поклонитесь всему Дону Тихому,
 «Отцу-матери, молодой женѣ,—
 «Пущай она въ тоску не убивается,
 25. «Въ свое-то платье убирается,—
 «Не покидайте родителей ⁴⁾ моихъ!»

(Ср. Сборникъ г. Савельева, 1866).

* * *

Къ снѣгъ же отдѣланъ принимается, какъ прибавка, слѣдующая пѣсня по своему началу:

¹⁾ Извѣстное военное ружье. Здѣсь, кажется, не произошло изъ *ино*, *иль*,— „Иль фузеюшка въ полѣ програнула,“ и этимъ кончается одно сравненіе, за которымъ слѣдуетъ уже другое—змѣя и пуля.—²⁾ Обреченную рокомъ.—³⁾ Воротиться.—⁴⁾ Отца-мать, но скорѣе всѣхъ вообще „родныхъ (какъ и доселѣ употребляется это слово).“

**Донцы на морѣ Верейскомъ,
передъ самимъ королемъ Шведскимъ.**

1.

По морю-морю по Верейскому,
По тому морю—по морю *Турецкому* ¹⁾,
Плывуть-выплывають три кораблика:
Одинъ корабль на передъ плыветь,
5. Какъ соколъ летить;
У него носъ корма по звѣриному ²⁾,
Водяные ³⁾ бока по змѣиному.

Въ томъ кораблѣ раскрашенъ чердакъ,
Въ томъ чердакѣ столики стоять, *черны дубовые* ⁴⁾,
10. На столахъ разостланы скатерти бѣлы-бранныя,
На скатертяхъ стоять яства сахарныя
И пойлицы медовыя,
За столомъ сидитъ Шведскій король;
А предъ нимъ стоять два невольничка,
15. Со Тиха Дона два полковничка.
*Одинъ держитъ царское знамечко позлащенное,
А второй держитъ золотой подносъ,
На подносѣ стоять двѣ рюмочки серебряныя,
Въ рюмочкахъ пойлицы медовыя.*
20. «Ты ужь гой еси, Шведской король!
«Изволь принять, изволь выкушать!
«Да не намъ бы предъ тобою-то стояти
«И не намъ бы тебѣ поднести ⁵⁾!»»

¹⁾ Народная пѣсня этого не смѣшала бы; Сахаровъ или не знаетъ различія, или, какъ это бываетъ у него не рѣдко, наивной негнѣпостью хотѣлъ доказать подлинность пѣсни. Выдающіяся странности отмѣчены у насъ курсивомъ.—

²⁾ Взяты на прокатъ образы изъ старшихъ Былинъ.—³⁾ Вмѣсто „сведенны,“ отъ „сводить:“ вотъ до чего доходило „исправление!“—⁴⁾ У народа „бѣлы дубовые“ или „бѣлодубовы:“ но сочинителю помѣшали послѣдующія бѣлы скатерти и онъ „забѣгъ“ повторенія.—⁵⁾ Къ какой стати эта грубость, незастѣно.

Да возговорилъ Шведскій король:

25. «Мнѣ пить-ѣсть не хочется,
 «Гульба-прохлада на умъ не идетъ.
 «Номъсь вечеръ ¹⁾ мало спалось
 «И во снѣ много видѣлось,
 «Привидился мнѣ некорыстный сонъ:
 30. «Во снѣ привидѣлась мнѣ крутая гора,
 «На той на горѣ часть-ракетовъ кустъ *стоитъ*,
 «На томъ кустѣ тепло гнѣздышко,
 «Тепло гнѣздышко соколиное.»

Да возговорить душечка Шведской король:

35. «Ужь вы гой еси, мои невольнички,
 «Со Тиха Дона полковнички!
 «Кто сонъ мой отгадаетъ,
 «Того я выпущу *на волюшку*.»
 Да возговорили *раздушечки* два полковничка,
 40. Со Тиха Дона два невольничка:
 ««Устоишь ли въ своемъ словѣ королевскомъ?
 ««Выпустишь ли насъ невольничковъ *на волюшку*?
 ««Ужь мы сонъ твой отгадаемъ:
 ««Крута гора—наша *Россіюшка*,
 45. ««А *кустикъ* ракетовъ—наша каменна Москва,
 ««А гнѣздышко соколиное—Россійская *арміюшка*.»»

(Эта, больше чѣмъ сомнительная, пѣсня, приведенная *Сахаровымъ*, явно составлена изъ двухъ—плаванія Донцовъ по Берейскому морю и выше помѣщенного сна, видѣннаго передъ войной Шведской, отчасти съ прибавкою Былыми о Краснощочковѣ. Не говоря уже о негнѣности выражений,—самый складъ нигде не годится, какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Сахарова. Мы не выбрасываемъ потому лишь, что найдется, можетъ быть, подлинникъ старшій или болѣе народный).

* * *

Съ этимъ отдѣломъ связаны два послѣдующихъ, о плаваніи государя по Невѣ и морю Варяжскому:

¹⁾ Противорѣчіе въ двухъ словахъ.

XV.

Царь на пути въ Шлюссельбургу. Козаки не
узнали его.

1.

Какъ по крутому по красному
бережку,
Какъ по желтому—сыпучему
песочку,
Туть ходилъ—гулялъ батюшко
православный царь.
Онъ садился, государь—царь,
на лежокъ стружокъ,
5. Размахнули—разгребнули
въ верхъ Невы рѣки,
Что ко славному ко городу
ко Шлюшину.

Какъ на встрѣчу государю
Донскіе козаки,
Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе.
Что козаки государя
не опознали:
10. Имъ подумалось—король
земли Шведскія ¹⁾,
Заряжали свои ружья
огнёвыя,
Приготовились стрѣлять
по своему царю.

¹⁾ Доказательство раннего, тогдашняго сложенія пѣсни: на Невѣ и взморьѣ
можно еще было встрѣтить Шведскаго короля.

Какъ не золотая трубушка
вострубила,
Что промолвилъ ли нашъ батюшко
православный царь.

15. Козаки голосъ услышали,
Что кидались-бросались
на легокъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:
«Ты прости, прости, нашъ батюшко,
православный царь!
«Еще мы тебя, государь-царь,
не опознали,
20. «Нашъ подумалось—король
земли Шведскія.»»
Что взговорить нашъ батюшко
православный царь:
«Вашъ спасибо ли, робята,
козаки Донскіе,
«Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе!
«Съ осторожностью ¹⁾ вы по рѣкѣ-Невѣ
гуляете,
25. «Своего царя вы
защищаете.»

(Исконники Чулковскій и Новиковскій, за ними Костомар. съ Мордоч. и другіе).

*

¹⁾ Переходъ уже къ языку письменному.

(Г. Саратовской, у. Петровскаго, село Дашловка).

Да никто-то про то не знает ни вѣдаетъ,
Куда нашъ царь православный снаряжается ¹⁾:
Соряжается-собирается на Неву рѣку.

Корабельное построеньце переглядывать:

5. Полюбился-показался царю легкой корабль,
Со любимыми полками Преображенскими ²⁾,
Съ генералами съ Московскими.
И гребнули они—плеснули ³⁾ по Невѣ рѣкѣ,
До амбаровъ до государевыхъ.

10. Не признали козакъ самого царя,
Заряжали пушечки ломовыя ⁴⁾,
И ломовыя-бойвыя.

И воскликнулъ батюшка православный царь:
«Вы гой еси, люди знамые,

15. «Вы, де, знамые, братцы, знакомые!
«Поднимайте-ка знамяны государевы!»
Донскіе козакъ испужалися,
На колѣнки становилися:

«Ой ты гой еси, нашъ батюшка,

20. «Нашъ батюшка, православный царь!
«Мы, де, не признали самого царя,
«Заряжали пушечки ломовыя
«И ломовыя, и бойвыя.»»

(Записано, на его роднѣ, Ст. П. Шевыревичъ).

*

Изъ этой-то Былины передѣлалъ Н. Н. Дмитриевъ, съ большимъ впрочемъ умѣньемъ и съ замѣчательнымъ, подобно какъ выше, чутьемъ къ складу стиха:

¹⁾ Начало, сходное со сборами на Шведскую войну вообще: см. выше.—
²⁾ Т. е. садился на корабль.—³⁾ Вѣроятно: „И гребнули—всплеснули,“ или въ этомъ родѣ.—⁴⁾ См. выше.

3.

По желтымъ пескамъ сыпучимъ,
 на крутомъ берегу,
 Ходилъ-гулялъ православный
 царь нашъ батюшка;
 Онъ съ боярами садился
 на лебѣкъ стружокъ:
 Размахнули-разребнули
 вверхъ Невы рѣки.

5. Противъ крѣпкія защиты ¹⁾,
 противъ Шлюшена,

Туть на встрѣчу государю
 Донски козакѣ.

Имъ помнѣлось, что король то
 земли Шведскія:

Заряжали свои ружья,
 ружья меткія,

Приготовились стрѣляти
 по своемъ царѣ.

10. Не трубушка золотая
 вострубила имъ,

Голосъ батюшки раздался
 и дошелъ до нихъ ²⁾.

Закидались-заметались
 на лебѣкъ стружокъ,

Преклонили всѣ козакѣ
 буйны головы:

---

¹⁾ Крѣпости, твердыни.—²⁾ Это уже изъ числа неловностей.

«Ты прости насъ, милосердый
православный царь!

15. «Мы готовились стрѣляти
въ царя ²⁾ Шведскаго.»»

«Похваляю васъ, ребята,
Донски козаки,
«Что гуляли осторожно
по Невъ рѣкѣ,
«Что къ защитѣ вы готовы
своею царя ²⁾.»»

Такъ возговорилъ къ козакамъ
православный царь.

(Пѣсешникъ Н. И. Дмитриева 1796 г.).

* * *

Съ этой поѣздкой связана другая, и она-то, своими новыми образами, объясняетъ, почему творчество допустило козаковъ не узжать Петра (ер. въ концѣ „Замѣтку“):

XVI.

Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно.

1.

Ахъ по морю—морю Синему,
По синему морю по Хвалынскому ¹⁾,
Что плывутъ тутъ—выплываютъ тридцать кораблей:
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, на передъ бѣжитъ,

¹⁾ Это смѣшеніе Варяжскаго моря съ Хвалынскимъ—Каспійскимъ, замѣченное и выше, но перенесеніе самого поприща дѣйствій съ Юго-Востока на Сѣверо-Западъ, утвердилось въ творествѣ тѣмъ легче, что Балтійское—Варяжское, подобно Хвалынскому, по преимуществу море *Синее*.—*Черное* у Славянъ и у Русскихъ—одно; *Синее*—Хвалынское и Адриатическое, потомъ вторично—на Сѣверо-Западѣ; *Балое*—Мраморное и Средиземное, потомъ вторично опять на Сѣверѣ, по мѣрѣ шаговъ творчества въ ту сторону (см. о томъ Замѣтки прежнихъ выпусковъ).

5. Впереди бѣжитъ корабль, какъ соколъ летитъ;
Хорошо-больно корабликъ изукрашенъ былъ:
Парусы на кораблѣ были тафтяные,
А тетивочки у корабля Шемаханскаго шелку,
А подзоры ¹⁾ у кораблика рытова бархату ²⁾.
10. На рулю сидѣлъ нашъ батюшка православный царь.

- Что не золотая трубушка вострубила,
Да что въговоритъ пашъ батюшка православный царь:
«Ахъ вы гой еси, матросы, люди легкіе ³⁾!»
«Вы мечитесь на мачты корабельныя,
15. «Вы смотрите во трубочки подзорныя:
«Что далеко ли до Стекольнова ⁴⁾?»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними прочіе).

*

2.

(Губ. Вологодской).

По морюшку-морушку Верейскому,
по Верейскому,
Много кораблей плыло, плыло-выплывало.
Выплывало же тридцать три корабличка,
три корабличка:
Одинъ корабль напередъ идетъ,

¹⁾ Свѣсы, навѣсы (кайма, опушка) — подернуты бархатомъ. — ²⁾ Все это начало то же, что въ предыдущемъ отдѣлѣ. — ³⁾ Это прекрасное выраженіе, утлый обломок старины, исправлено однако и упрощено Сахаровымъ, послѣ гг. Костомаровымъ и Мордовцъ: „матросы легкіе.“ — ⁴⁾ Стокгольма, въ извѣстной, давней Русской передѣлкѣ („обрусьніе“ въ ту сторону двинулось уже давно).

5. Корабль какъ соколъ летить,
 какъ соколъ летить;
 Парусы натянуты, корабль изукрашенъ весь,
 изукрашенъ весь,
 Бока просмоленыя, вёсла дорожныя ¹⁾.
 Что во этомъ во корабликѣ
 Сидитъ благовѣрный царь,
 [Александръ Павловичъ] ²⁾,
10. Со своей слугой со вѣрною, слугой безотмынною,
 безотмынною:
 «Посмотри, Ильюшенька ³⁾, въ трубочку подзорную,
 въ трубу золотную,—
 «Много ли версть отѣхали?...»

(Записано Ф. Студитскимъ, ср. сборникъ 1841 г. СПб.).

*

Слѣдующій за сими любопытный образецъ взложенъ гг. *Костомаровыми* и *Мордосцевой* на основаніи приведеннаго у насъ перваго и при этомъ замѣчено, что въ бышемъ у нихъ *вариантѣ* „вступленія нѣтъ, прочее почти то же, исключая нѣкоторыхъ словъ и безъ окончательныхъ двухъ строкъ, равно царь не зовется по имени.“ Другими словами, къ подлиннику Чулковскому и Новиковскому прибавлены: вступленіе, перемѣна нѣкоторыхъ словъ, окончательныя двѣ строки, равно какъ царь названъ по имени. Такимъ способомъ произошла пѣсня, „собранныя въ Саратовской губерніи.“

3.

(Собрано въ Саратовской губерніи).

Не пыль въ поле запылилася ⁴⁾,
 Не туманъ съ моря подымается:

¹⁾ Дорогами, узорами, травчатая, расписная; рѣзныя.—²⁾ Перемѣна въ устахъ позднѣйшаго пѣвца.—³⁾ Вѣроятно имя извѣстнаго царскаго кучера—
⁴⁾ При изображеніи морскаго дѣла, въ виду моря и кораблей, народъ никакъ не запылился бы сравненіемъ взятымъ съ поля и пыльной дороги.—Подобныя выраженія, какъ всегда, отмѣчаются у насъ курсивомъ.

Подымались съ моря гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, утки сѣрыя;

5. Гуси-лебеди летять со гусятами,
Сѣры *утишки* плывуть со утятами;
Гуси-лебеди съ моря подымались,
Всё синё море всколыхалося:
Бѣла рыбица вся на низъ ушла,
10. Вся на низъ ушла, въ *тихи заводи*,
Вѣ *тихи заводи*, въ *омута глубокие* ¹⁾;
Въ *омута глубокие*, во *мѣста удобныя* ²⁾.

А и по морю-то морю синему,
По синему морю по Хвалынскому ³⁾,

15. Тутъ плывуть-то всплывають *ровно* тридцать кораблей:
Какъ одинъ-то корабликъ напередъ бѣжить,
Напередъ бѣжить корабликъ, что соколъ летить.
Хорошо-больно корабликъ изукрашенъ былъ:
На корабликъ-то парусы всё тафяные,
20. Тетивочки у кораблика *всё шелковыя*,
А подзоры у кораблика рытаго бархата.
Какъ на этомъ на корабликъ православный царь сидить,
Со своими онъ со славными генералами,
Со своими храбрыми офицерами.
25. Какъ возговорить нашъ батюшка православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ:

¹⁾ Тихія заводи совѣтъ не то, что омота глубокие: „на низъ“ нельзя ходить „въ тихія заводи“ и бѣлая рыбица туда не ходитъ; летаютъ на заводи гуси-лебеди-утицы, но онѣ не опускаются въ омота глубокие; здѣсь смѣшаны краски отъ двухъ разныхъ картинъ.—²⁾ Это прекрасное вступленіе занято изъ нѣсколькихъ пѣсней, по нѣскольку выраженій изъ каждой: такъ составлялъ Храповицкій народныя хоры къ Екатерининскимъ драмамъ.—³⁾ Собиратели замѣчаютъ, что „вмѣсто по Хвалынскому однажды пѣли по Балтійскому:“ пѣвецъ очевидно занимался Русскою исторіей; другіе, какъ мы видѣли выше, даже дважды и трижды. поютъ по *Верейскому*.

- «Ой вы гой еси, матросы мои лежіе ¹⁾!»
 «Вы мечитесь на мачты корабельныя,
 «Вы глядите—ка во трубочки подзорныя:
 30. «Далеко ли до города до Стекольнава?...
 «Мы въ Стекольнавъ городочекъ къ вечеру придемъ,
 «Мы Стекольнавъ городочекъ по утру возьмемъ ²⁾!»

(Пѣсни, собранныя въ Саратовской губ. гг. Костомаровымъ и Мордосцевой, ср. „Лѣтоп. Р. Литер. и др.“ т. IV).

*

● Все это лишь начало пѣсни, которая является цѣликомъ въ слѣдующемъ образцѣ:

4.

(Починки, губ. Нижегородской).

- Какъ никто—то про то не знаетъ не вѣдаетъ,
 Что куда—то нашъ государь—царь собирается ³⁾:
 Чистымъ серебромъ кораблики изнаполнилъ,
 Краснымъ золотомъ суденышки изукрасилъ.
 5. Онъ беретъ—то съ собой силушки очень мало,
 Что однихъ только Преображенскіихъ гренадеровъ.
 Какъ приказъ—то даетъ нашъ батюшка царь Бѣлый:
 «Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
 «Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
 10. «А зовите вы меня заморскіимъ купчиной ⁴⁾.»

¹⁾ Объ этомъ искаженіи см. выше.—²⁾ Собиратели объясняютъ касательно сихъ двухъ стиховъ, что „нѣкоторые прибавляютъ еще 2 строки:“ эти „нѣкоторые“ занимались эпохой Разина и монографіей Самозванцевъ, ибо стихи отсюда, ср. у насъ вып. 7-й и 6-й.—³⁾ Обыкновенное начало пѣсней про войну Шведскую: ср. выше.—⁴⁾ Отсюда, вѣроятно, въ подобномъ положеніи при взятіи Азова—Иванъ *Заморянинъ*.

Ужь и грянулъ ¹⁾ государь-царь по морю гуляти.
 Какъ носило-то царя по морю недѣлю,
 Что носило царя Бѣлаго другую:
 Принесло-то его ко Стекольному государству,
 15. Что къ тому ли Шведскому королевству.

Не купчинушка по городу гуляетъ,
 Что никто-то купчину не узнаетъ;
 Узнавалъ только его гетманъ земли Шведской,
 Поскорѣхонько онъ къ королевнушкѣ ²⁾ метался:
 20. —Ахъ ты гой еси, наша матушка королева ³⁾!
 —Не купчинушка по городу гуляетъ,
 —Что гуляетъ-то по городу царь Бѣлый!—

Какъ на красное крылечко королева выходила,
 Она семі земель царей портреты выносила:
 25. По портрету царя Бѣлаго узнавала;
 Закричала королева громкимъ голосомъ:
 —«Ой вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
 —«Запирайте вы ворѣтки покрѣпче,
 —«Вы ловите царя Бѣлаго скорѣ!»—

30. Ужь и тутъ-то нашъ батюшка не пугался,
 Обо всѣхъ онъ Шведскихъ замыслахъ догадался,
 Ко крестьянину онъ на дворъ скоро бросался:
 «Ты бери-ко, бери, крестьянинъ, денегъ вдоволь,
 «Ты вези меня на край синя моря ³⁾!»

35. Скоро вывезъ его крестьянинъ на край синя моря,
 А скорѣй того въ корабликъ государь-царь садился,

---

¹⁾ Пустылся: gradior, гряду; техническое выраженіе объ ударахъ веслами: *грянуть*—однакая форма съ *гребнуть*; кромѣ того при выправахъ обычно на суднѣ „грянуть“ пѣсно.—²⁾ Въ народномъ языкѣ часто смѣшивается *королева* и *королева*: ср. вып. 5-й и примѣчанія къ Рыбникову.—³⁾ Это обращеніе ко крестьянину съ приказаніемъ везти и спасти сходится съ преданіемъ, которое помѣщено нами во II-мъ т. собранія Рыбниковаго; ср. ниже „Сказку“ и „Замѣтку.“

Закричалъ онъ своимъ матросамъ и солдатамъ:
«Ой вы граньте-ко, ребятушки, дружнѣ,
«Вы гребите и плывите поскорѣ!»

40. Какъ и первая погоня царя Бѣлаго догоняетъ,
А другая—то погонюшка настигаетъ ¹⁾;
Какъ возговоритъ погоня къ царю-государю:
««Ты возми-ко, возми, царь Бѣлый, насъ съ собою;
««А не возьмешь ты насъ, батюшка, съ собою,
45. ««Ужь не быть-то намъ, горькимъ, живыми на свѣтѣ!»»

И тутъ же вся погоня въ синѣ море побросалась,
А нашъ царь-государь во святую Русь возвратился.

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ С. М. Любецкимъ; замѣчательная эта пѣсня записана 1791 года, августа 15: весьма рано, когда еще были живы люди Петровскаго времени и въ одну эпоху съ первыми нашими печатными Пѣсенниками.—Она же была доставлена въ Археологическое Общество, отсюда повоиннымъ П. Ст. Савельевымъ Г. Пышну, а имъ напечатана въ Отеч. Зап. 1858, № 1, съ замѣткой: «Она пѣлась въ гор. Починкахъ, Нижегород. губ., въ 1791 г. и списана г. Максютинимъ со словъ его родственниковъ.»—Творческіе образы о передѣвахъ неизмѣнно повторяются отъ Скопина, при взятіи Астрахани и Азова, ср. вып. 7-й и здѣсь выше; о чертахъ историческіхъ см. ниже въ „Сказкѣ“ и въ „Замѣткѣ;“ Шведскую королеву ср. ниже въ *Колывалѣ*).

*

Слѣдующій образецъ представляетъ собою конецъ Быльни—возрастъ, какъ первые образцы—начало:

5.

(Село Павлово, губ. Нижегородской).

А у насъ было на синемъ морѣ,
На синемъ морѣ на Балтійскимъ ²⁾,

¹⁾ Здѣсь находимъ поясненіе вставленнымъ выше спутаннымъ стихамъ „о погонѣ“ за Рычковымъ.—²⁾ Рѣдкое употребленіе слова у народа (вмѣсто Вережскаго — Вяржскаго) объясняется позднею и испорченною редакціей пѣсни, какъ ниже *пасажирушки*.

Выплывагъ—выбѣгагъ Муравей—корабль ¹⁾:
Хорошо корабль изукрашенной,

5. Мелкимъ жемчугомъ изукрашенной,
На корабликѣ всѣ снастѣчки шелковыя,
На немъ мазурушки ²⁾ всѣ полковнички,
А пассажирушки всѣ генералушки.
На носу сидитъ православной царь,
10. Православной царь Петръ Алексѣевичъ;
На кормѣ сидитъ молодой Нѣмецъ.
Онъ бѣжитъ, корабль, изъ иной земли,
Изъ иной земли, земли Шведскія,
Во нашу мать во Россейку.

(Запис. свая. Оаворскитъ; ср. Изв. А. Н. т. I).

* * *

XVII.

Осада Выборга.

1.

Ахъ ты ноченька ³⁾, ты ноченька осенняя,
Надоѣла ты мнѣ, молодцу,—наскучила,
Стоючи, братцы, на караулѣ государевомъ,
Что подѣ славнымъ ли подѣ городомъ подѣ Выборгомъ,

¹⁾ Могло произойти изъ „муравлений (эпитетъ обычный),“ — расписной и рѣзной.—²⁾ Мелкіе торговцы (аэени) и чернорабочіе на суднѣ, то же что выше „арыжные“, и также получило послѣ дурной смыслъ.—Назывались такъ и „воры-разбойники“, помельче, на судахъ, откуда всего ближе было слову перейти къ смыслу плута, мошенника.—Еще старше это ходящія Мазуры изъ Мазовши, по Западной Руси: подобнымъ образомъ *Ярыги* по Русскому словопроизводству и осмысленію сродны съ названіемъ *Варяговъ*.—*Девли* и *Мазуры* больше сухопутные, *Ярыги*—водяные.—Въ Московской, государственной, Руси *арыжки*—мелкіе песцы, также плуты, по мелкимъ дѣламъ и посылкамъ при тажбахъ, на площади.—Нынче *мазурикъ* — арыга, ёрникъ.—³⁾ У гг. *Востомар.* и *Мордовц.* нѣсколько измѣнено: „Ахъ ты ночь дн.“

5. Что подь той ли подь стѣною бѣлокаменной,
Что подь высокой подь башней подь проѣждею!

Не звѣринушка изъ башенки възрыкнула,
Что възрыкнула тутъ пушечка боѣвая,
Боевая—полковая, Шведская.

10. Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли Полковника, какъ пить дала.

Какъ растужутся—расплачутся солдатушки:
««Ахъ ¹⁾ ты свѣтъ нашъ батюшка Полковничекъ!
««Что кому насъ сиротъ будетъ поить—кормить,

15. ««Кому насъ солдатъ содержать будетъ?»»
Ахъ что взговорять маіоры съ подполковникомъ:
—И вы глупые солдаты, неразумные!
—Какъ поить будетъ—кормить православный царь,
—Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.—

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе и гг. Костомаровъ съ Мор-
довцевой).

Ср. выше смерть Полковника подь Шлоссельбургомъ.

* * *

XVIII.

Сборы подь Полтаву. Графъ Борисъ Петровичъ
Шереметевъ.

1.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
На канунѣ былъ Свѣтлаго ²⁾ Воскресенья,
Заунывно въ царь—колоколъ звонили.
Съѣзжались князья и всѣ бояре

¹⁾ Кост. „Охъ.“—²⁾ У Кост. не много измѣнено: „Свѣтла.“

5. Во Успенской во соборъ Богу молиться:
Молились они Господу со слезами.

Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,—
Генераль Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

По частёшиньку ¹⁾ вонъ изъ церкви выступаетъ,

10. Ко бѣлой-каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьи слезами обливался,
Миткалиннымъ ²⁾ онъ платочкомъ утирался:
«Ужь тошно мнѣ, боярину, тошненько,
«Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало!»
15. «Что болить-болить у барина ³⁾ головка,
«Щемить-щемить ретивое сердечко:
«Что сказаца боярину царска служба,
«Указанъ путь—широкая дорожка
«Подъ славной подь городъ подь Полтаву:
20. «Какъ быть-то мнѣ боярину убиту
«Подъ славнымъ подь городомъ подь Полтавой
«На чистомъ на полѣ Лебединомъ ⁴⁾!»

(Прѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними перепечатавали другіе, и Сахаровъ, и
гг. Костомар. съ Мордовц.).

*•

2.

(Село Павлово: губ. Нижегородской).

На царскій праздникъ, на Великъ-день ⁵⁾,
На Свѣтло Христово Воскресенье,
Заунывно во царь-колоколъ заблаговѣстили.
Всѣ князи-бояря приуныли,

¹⁾ „Почастёхоньку.“—²⁾ Также счеть нужнымъ кое-что поправить в *Сахаровъ*: „миткалевымъ.“—³⁾ *Кост.* и *Сахар.* „у боярина.“—⁴⁾ Подь городомъ Лебединомъ, гдѣ былъ сборъ войска и съѣздъ начальниковъ: см. ниже.—

⁵⁾ Древнее, общеславянское имя Свѣтлаго Воскресенья.

5. Собиралися въ Успенскій соборъ Богу молиться:
 Всѣ князи—бояре Богу молились,
 Заздравно ¹⁾ молебны служили.

Одинъ изъ нихъ бояринъ Богу молился,—
 Заздравна молебна не служить:

10. Частѣхонько изъ собору вонъ выходитъ,
 Къ бѣлокаменной оградѣ припадаетъ,
 Бѣль—горючъ камень слезами заливаешь,—
 Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.
 Возгворить бояринъ: «Господа бояря!
 15. «Нѣшта ²⁾ мнѣ больно—тошно,
 «Грустнѣмъ—то мнѣ, боярину, грустнѣнко:
 «Сказана мнѣ, боярину, служба царска,
 «Указана мнѣ, боярину, въ поле дорожка,—
 «Подъ славный городъ подѣ Полтаву,
 20. «Бхать мнѣ, боярину, на поединокъ ³⁾!»

(Записано свѣд. Озверскія; ср. Изв. А. В. т. I.—Въ родовомъ книгѣ Шереметевыхъ сохранилось особенно много пѣсенъ про Бориса Петровича и все Петровское время, ср. выше).

Ср. выше грусть Шереметева передъ первымъ походомъ и общія опасенія при вѣсткѣ сборахъ на Шведскую войну.

* *

Слѣдующая Былина, переходя къ самой Полтавѣ, начинается еще издавна, перечислять предшествующія событія (см. выше, отдѣлъ XI) и началомъ своимъ тѣсно связывается съ Былинами о первомъ походѣ Шереметева, первыхъ дѣлахъ войны Шведской:

Полтавское дѣло.

1.

(Шенкурскъ, губ. Архангельской).

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
 Во мѣсяцъ было во Іюль ⁴⁾,
 Стояли солдаты на границѣ.
 А ни вѣстки, ни грамотки съ Руси нѣту.

¹⁾ Заздравны.—²⁾ Что-то.—³⁾ Не дуэль, а вообще ратоборство.—⁴⁾ Ср. выше начало Былинъ о первыхъ дѣлахъ со Шведами.

5. Въ три годочка перепала скоро вѣстка:
 Что отцовъ и матерей въ живѣ нѣту,
 Молодыя жены за мужъ вышли,
 Малы дѣточки ходять-сиротають.
 «Еще ли намъ, ребятушки, не тошмо?»»
10. Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой,
 Тутъ стоялъ-постоялъ король Шведскій.
 Къ королю кавалеры приходили,
 На рѣчахъ кавалеры доносили:
 —«Ахъ ты батюшка, король земли Шведской!»
15. —«Колько подъ городомъ ни стояти,
 —«Намъ Полтавы города не взяти:
 —«Во Полтавѣ есть Московская пѣхота,
 —«Самъ царь-государь посѣщаетъ,
 —«Онъ со конницей, со драгунами,
20. —«Съ регулярной силой, со пѣхотой ¹⁾»—

Онъ походъ держитъ въ землю Шведску,
 Походъ держитъ подъ праву руку,—
 Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
 Не дошедъ Красной Мызы становился,

25. Всѣхъ солдатъ своихъ испострѣбилъ,
 Пушки-мортирушки изоставилъ.
 «Ахъ въ гой еси, мои генералы,
 «Храбрые мои кавалеры!
 «На службѣ кавалеры не бывали,
30. «Пушечнаго грома не слыхали?»
 «Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
 ««Что изъ славнаго города изъ Обска ²⁾,
 ««Подымается царевъ Большой Бояринъ
 ««Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
35. ««Походъ держитъ во Шведскую землю ³⁾»»

¹⁾ Отсѣлъ слова лицъ переходять въ рассказъ самой Бѣллыны, какъ встрѣчался тому примѣры выше.—²⁾ Изъ Пскова.—³⁾ Опять Русскіе, въ отвѣтъ го-

- Не дошедъ Красной Мызы становился,
 Напередъ казаковъ разсылаеть.
 Напередъ казаки разъѣзжаютъ,
 Цѣзжаютъ на Шведскіе караулы:
40. Шведскіе караулы съ поля сбили,
 Много Шведовъ въ полѣ прирубили,
 Увезли въ полонъ большаго Маіора.
 Шереметевъ взялъ Маіорушка въ допросы:
 — Ты скажи-ко, Маіоръ, Божью правду,
45. — По крестному Божьему цалованью:
 — Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
 — Гдѣ стоитъ благодѣръ ¹⁾ вашъ?
 — Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
 — Много ли у васъ силы у генерала?
50. — Много ли у васъ силы у благодѣра?
 — Много ли силы съ самимъ королемъ?—
 — «У генерала у насъ силы тридцать тысячъ,
 — «У благодѣра силы сорокъ тысячъ,
 — «А съ самимъ королемъ смѣты нѣту.»—
55. — Врешь, Маіоръ, врешь—плутуешь:
 — Я этова не боюся,
 — Въ Обскъ назадъ не вернуся.—
 Приказалъ въ барабаны скоро бити,
 Скорѣй того въ походъ выступати
60. Ко этой рѣкѣ ко Можжѣ,
 Чтобъ король не догадался,
 За Можжу рѣку не перебрался.
 А король догадался,
 За Можжу рѣку перебрался.
65. Шереметевъ за нимъ погонился:
 Состигалъ короля середь поля,
 Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой ²⁾.

сударю, начали было рассказывать про походъ Шереметева, предшествовавшій Полтавѣ: но Былина снова перерываетъ и беретъ рассказъ на себя. Слѣдуетъ повтореніе известнаго обстоятельства про Шереметева и Маіора.—¹⁾ Бригадиръ.—²⁾ Только лишь послѣ этого начинается собственно Полтавское дѣло.

- Подымалась Полтавска баталья.
 Запалить Шведская сила
 70. Изъ большого снаряда—изъ пушки;
 Запалить Московская сила
 Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
 Не крупень чеснокъ разсыпался:
 Сившалася Шведская сила.
 75. Распахана Шведская пашня,
 Распахана солдатской бѣлой грудью;
 Орана Шведская пашня
 Солдатскими ногами;
 Боронѣна Шведская пашня
 80. Солдатскими руками;
 Посѣяна новая пашня
 Солдатскими головами;
 Поливана новая пашня
 Горячей солдатской кровью ¹⁾.

(Записано Н. Ворсовымъ въ Декабрѣ 1845 года).

* *

Слѣдующій образецъ представляетъ уже книжную работу, Западнорусскую, хотя и съ народнымъ складомъ (ср. „Замѣтку“):

Полтава, Король Шведскій и Мазепа.

1.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?
 Подымался Король Шведской даже до Полтавы.
 Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:
 Какъ бы вырыть подъ ²⁾ царемъ на погибель нору;

¹⁾ Опять приемы Слова о Полку Игоревѣ, подобно начальнымъ пѣснямъ о войнѣ Шведской.—²⁾ *Дмитр.* „надъ.“

5. Веселятся и ликуютъ, чаютъ—побѣдили,
И не справившись съ удачей все распорядили.
Король Шведскій говорить: «Какъ я буду паномъ,
«То устрою я Мазепу Короннымъ Гетманомъ.»
А Мазепа возносился выше ¹⁾ своей мѣры,
40. Былъ ²⁾ предатель государевъ, былъ ²⁾ предатель вѣры.
Но что вышло изъ ихъ чванства? Не попали и въ отчиз-
ну ³⁾,
Потерявши ⁴⁾ цѣло войско утекли въ Нѣмчину.

Вивать Бѣлый царь и воинъ, разумомъ богатый!
Вивать храбры генералы! Вивать и солдаты!

(Пѣснники Чулковскій и Новиковскій, за ними Дмитревъ. Глазунова П. Ш. 1819 г.
и другіе.—Въ свое время самая распространенная пѣсня).

* *

Плата Запорожцамъ за Подтаву.

1.

(Губ. Саратовской).

Похвалились славны Запорожцы
Платавъ—городъ взяти.

Эхъ-хе ⁵⁾!

¹⁾ *Дмитр. и Глаз.* „паче.“ — ²⁾ Тамъ же: „бывъ.“ — ³⁾ *Дмитр.* „Но что жь вышло? Не попали и въ свою Турчину.“ — ⁴⁾ *Дмитр. и Глаз.* „А утра- тивъ;“ *Дмитр.* „свое“ вмѣсто „цѣло.“ — ⁵⁾ Въ этой передѣлкѣ на Велико- рускій ладъ только и есть новаго, искусно вымышленнаго, что припѣвъ.

По утру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали.

5. А къ вечеру славны Запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.

Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши метки ружья?

««Наши ружья заряжены,

10. ««А мы въ острогъ посажены.»»

Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?

««Наши кони на пригонѣ,

««А мы, казаченьки, во неволѣ.»»

15. Славны, славны вы Запорожцы,

А гдѣ ваши острия копья?

««Наши копья отобрали,

««Во Дунай-рѣку побросали.»»

(Только лишь у *Костомар.* и *Мордовц.*; нѣтъ никакого склада, не довольно и смыслу; до открытія другаго подлинника, пѣсни сомнительнаго происхожденія и пока есть ничто иное, какъ плохая передѣлка знаменитой Малорусской „Галии“, которая относится не къ Полтавѣ, а къ гибели Запорожской Сѣчи въ 1775. См. ниже на своемъ мѣстѣ).

* * *

Эти двѣ пѣсни служатъ переходомъ къ остальнымъ Малорусскимъ Думамъ и подобнаго рода произведеніямъ, связаннымъ съ Полтавой, кои помѣщаются въ слѣдъ за ними для сравненія. Ближайшая къ „Саратовской“ такова:

XIX.

Малорусскія ¹⁾).

1.

Поплатились Запорожцы за Полтаву.
Гордѣенко.—Царь Восточный и Голицынъ.

Запорожцы небожата!

Пшеница не жата:

Ой пійдите, оглядите,

Пшеницю зажните!

5. «Ой, хочь пійдемъ оглядати,
«Не будемо жати!»»

Хвалилися Запорожцы

Полтавы достати ²⁾:

1.

Бѣдняжки вы Запорожцы!

Пшеница не жата:

Ов, пойдите, огляните,

Пшеницу зажните!

5. „Хоть пойдѣмъ мы и оглянѣмъ,
„Ов, не будемъ жати.“»

Хвалилися Запорожцы,

Добудемъ Полтаву:

¹⁾ Шрифтъ не предназначался для пѣсень Малорусскихъ и потому въ немъ недостаетъ потребныхъ знаковъ для указанія всѣхъ отгѣнковъ произношенія по Малорусскому нарѣчію.—²⁾ Вотъ откуда взято начало для предыдущаго образца (а продолженіе его изъ пѣсни позднѣйшей).—Разумѣется неудачная осада Полтавы, веденная Запорожцами въ 1709 году въ пособіе Шведу и Мазепѣ, за что поплатились они временнымъ разореніемъ Сѣчи.

- Ще Полтавы не достали,
 10. А вже Шведъ издася;
 На бидную головоньку
 Кошовый ¹⁾ зостався.
 Ой умерла въ кошового
 Старенькая мати:
 15. Тай нікому кошовому
 Порадоньки дати ²⁾.
 Восточный царь на Вкраини
 Не дімае виры;
 Посылае Голицына ³⁾,
 20. Щобъ не було змины:

- Еще не взяли Полтавы,
 10. А Шведъ уже сдался;
 На бѣду своей головкѣ
 Кошевой остался.
 Умерла у кошевого
 Мать его старушка:
 15. Никого нѣтъ, кто бы подалъ
 Совѣтъ кошовому.
 Восточный царь Украинѣ
 Вѣры ужъ не емлетъ;
 Посылаетъ Голицына,
 20. Чтобъ не быть нѣмѣ:

¹⁾ Кошевой атаманъ Запорожскій Гордіенко, сотоварищъ Мазепы, вѣрный ему и послѣ Полтавы, спутникъ его въ Бендеры, скоро потомъ погибшій въ одной изъ отчаянныхъ битвъ. — ²⁾ У Срезневскаго переводъ не вѣренъ: „в некому кошевого *утѣшитъ*.“ — ³⁾ „Столь же неправильно, говорить Срезневскій, изображено отношеніе Петра I и Голицына къ Украинѣ; наконецъ за чѣмъ взать Полтавскую битву и Гордіенко съ Голицынымъ? Какою дорогою могъ идти Голицынъ и какимъ слѣдомъ Петръ I за нимъ!“ Это совершенная ошибка: здѣсь разумѣется не фельдмаршалъ Михайло Михайловичъ и не сынъ его Дмитрій, а сомненникъ послѣдняго, Дмитрій Михайловичъ старшій, который именно выражалъ недоувѣріе государя къ Украинѣ и Мазепѣ, слѣдилъ за

«Ой иди жъ ты, Голицыну,
 «Иди жъ ты горою,
 «А я пійду зъ Москалями
 «У слидъ за тобою.»

(Максимовичъ 1834, потомъ Срезневскій въ „Запорожской старинѣ“ 1834—38 и другіе; начало пѣсни ср. съ образцемъ предыдущимъ; вопреки мнѣнію Срезневскаго—совершенно народна. Складъ опредѣлившійся и краткій представляетъ переходъ отъ Думы къ Былевой Пѣснѣ, подобно какъ у насъ отъ Былинъ и Побывальщинъ къ Старинамъ).

* *

Это одинъ изъ эпизодовъ „Полтавскаго“ круга въ Малорусскомъ творчествѣ, помѣщавшійся вѣроятно, въ цѣлой связи, *началомъ* своимъ—на концѣ какой либо длинной и обстоятельной Думы, каковы на примѣръ слѣдующія, *концемъ же*—въ началѣ ихъ.

2.

а)

Замыслы Мазепы, Искра, Кочубей, Палій.

Ой, ты гадаешь, Мазепо,
 Ты гадаешь измѣнати:
 Хочешь царя одступати ¹⁾,
 Въ пень Москву рубати;

„Ой иди-ко ты, Голицынь,
 „Иди ты горою,
 „А я пойду съ Москвичами
 „Слѣдомъ за тобою.“

* *

2.

а)

Ой, гадаешь ты, Мазепа,
 Ты гадаешь измѣнати:
 Хочешь царя отступиться,
 Москву рубить въ корень;

Мазепою, сдерживалъ въ повиновеніи Кіевъ, велъ переговоры о сдачѣ Батурина и т. д. За нимъ-то и Меншиковымъ именно и двинулся Петръ къ Полтавѣ.—Вся пѣсня изъ двухъ отрывковъ: послѣдній есть вступленіе къ Полтавскому дѣлу, первый же — о Гордіенкѣ—эпизодъ, въ сторону и къ концу дѣла Полтавскаго.—Критика, воспитанная *на рукописяхъ*, не примѣнима къ *творчеству народному*.—¹⁾ Читая „оступати (то же самое)“, Срезневскій понималъ это—обступать и переводить „напасть на царя.“

5. Та не тилько що царя одступати,
 Въ пень Москву рубати:
 Ще й самъ хочешь на столици
 Царемъ царствувати.

Ой, у городи у Полтави
 10. Мазепа гуляе;
 Сидить зъ Искрою, зъ Кочубіемъ ¹⁾,
 Все плаче й рыдае ²⁾:
 «Та велю жъ я королю Шведському
 «Та Москаля бити!»
 15. «Гей, велю жъ я Запорожцямъ
 «Москву въ пень рубити!»

Тай уже жъ песь проклятый Мазепа
 У поли наметомъ ставъ:
 Зеленымъ виномъ та медомъ
 20. Солодкимъ потчувавъ.

5. Не царя лишь отступиться,
 Москву рубить въ корень:
 Хочешь самъ ты на престолѣ
 Царемъ царевати.

Ой въ городѣ во Полтавѣ
 10. Мазепа гуляетъ;
 Сидитъ съ Искрой, съ Кочубеемъ,
 Все плачетъ-рыдаетъ:
 „Да велю королю Шведовъ,
 „Велю Москаля бити!“

15. „Эй, велю-ко Запорожцамъ,
 „Москву рубить въ корень!“

Вотъ Мазепа, песь проклятый,
 Въ полѣ сталъ шатрами:
 Потчивалъ виномъ зеленымъ,
 20. Сладкими медами.

¹⁾ Знаменитыя лица, жертва своей ранней догадки и приверженности къ Петру. Дѣло происходило въ Бердичевѣ, 1704 года. — ²⁾ Тонкій намекъ на обычное его притворство, страхи, ссылки на болѣзнь и т. п.

- Ой що взмовить гетьманъ Мазепа
 Палію Семену:
 «Ой ты, Палію Семене ¹⁾,
 «Чи не зрадишь ты мене?»
25. —Якъ же я маю, гетьмане Мазепо,
 —Тебе изражати,
 —Коли ты будешь, Мазепо,
 —Добре починати?—
- «Я думаю, Палію Семене,
 30. «Москву въ пень рубати,
 «А самъ хочу на столици
 «Царемъ царствовати?»
 —Впередъ будешь, гетьмане Мазепо,
 —У стовба ²⁾ стояти,
35. —Ани жъ будешь на столици
 —Царемъ царствовати.—

- Взговорить Мазепа гетманъ
 Палію Семену:
 „А что ты, Паліи Семень,
 „Меня ты не выдашь?“
25. —Какъ же мнѣ, Мазепа гетманъ,
 —Тебя выдавати,
 —Коли будешь ты, Мазепа,
 —Добромъ починати?—
- „Я думаю, Паліи Семень,
 30. „Москву рубить въ корень,
 „А самъ хочу на престолѣ
 „Царемъ царевати?“
 —Прежде гетману Мазепѣ
 —У стовба стояти,
35. —Чѣмъ придется на престолѣ
 —Царемъ царевати.—

¹⁾ Извѣстный, чисто-народный герой: образъ его очерченъ самыми прихотливыми красками—богатыря, чародѣя, пѣвца и т. п. См. ниже.—²⁾ У позорнаго столба преступниковъ.

- Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа,
 Якъ Палія зазвати;
 Ой ставъ же, ставъ проклятый Мазепа
 40. На бенкетъ ¹⁾ запрошати:
 «Ой приидь, приидь, Палію Семене,
 «Да на бенкетъ до мене!»
- Ой скоро ²⁾ Паліенко Семень
 Зъ своимъ війскомъ приїзжае,
 45. Ой такъ скоро ²⁾ проклятый Мазепа
 Чашу меду высылае:
 «Ой, прошу тебе, Палію Семене,
 «По чаши вина пити?»
 —Брешешь, брешешь, проклятый Мазено:
 50. —Хочешь мене згубити!—

- Ой не зналъ проклять Мазепа,
 Какъ зазвать Палія;
 Ой сталъ же проклять Мазена
 40. На пиръ зазвати:
 „Семень Палій, приїзжай-ка
 „Ко мнѣ на пирושку!“
- Ой скоро же Палій Семень
 Съ своимъ войскомъ приїзжаетъ,
 45. Проклятой Мазена тотчасъ
 Чашу меду высылаетъ:
 „Пожалуй-ка, Семень Палій,
 „Выпей вина чару?“
 —Брешешь, проклятой Мазепа:
 50. —Сгубить меня хочешь!—

¹⁾ Банкетъ: пирושка.— ²⁾ Какъ скоро, то; или, по нашему, „Скоро—скорѣй того.“

А той Максимъ Искра сидить,
 Про Мазепу добро знае,
 Паліеви Семенови

Отъ такъ привычае:

55. — «Ой и годи, Семене Палію,
 — «Въ Мазепы вина пити:
 — «Ой, хоче Мазепа проклятый
 — «Тебе зъ карабина вбити!» —

- Ой и пье Семень, ой и пье Палій,
 60. Та головоньку клонить:
 А Мазепинъ чура ¹⁾ ёму
 Кайданы ²⁾ готовить.
 Ой и пье Семень, ой и пье Палій,
 Изъ нигъ извалився:

А сидитъ тотъ Максимъ Искра,
 Онъ Мазепу на сквозь знаетъ,
 Онъ Семену онъ Палію

Приговариваетъ:

55. — „Эй, Семень Палій, постой-ка
 — „Пить вино Мазепы:
 — „Тебя хочеть онъ проклятый
 — „Изъ ружья убити!“ —

- Ой пьетъ Семень, ой пьетъ Палій,
 60. Головушку клонить:
 А ему Мазепинъ чура
 Оковы готовить.
 Ой пьетъ Семень, ой пьетъ Палій,
 Съ ногъ онъ повалился:

¹⁾ Прислужникъ, оруженосецъ, вѣстникъ, на посылкахъ и въ подѣлкахъ, провожатый: въ качествахъ древнѣйшаго *Чура*, то же что Гермесъ;—см. о томъ „Замѣтку“ нашу при 4-мъ выпускѣ.—²⁾ Оковы.

65. Барзо тому гетьманъ Мазепа
 Стоя звеселився ¹⁾.
 Ой и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
 На свои гайдуки:
 «Гей, озьмить Палія Семена
70. «За крипкеньки руки ²⁾!»
 Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
 На свои лейтары ³⁾:
 «Гей, озьмить Палія Семена
 «Закуйте въ кайданы!»
75. Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
 Та на свои мысливци ⁴⁾:
 «Гей, озьмить Палія Семена
 «Та засадить въ стрільниці ⁵⁾!»
-

65. Сильно тому панъ Мазепа
 Стоя взвеселился.
 Ой и крикнулъ же панъ гетманъ
 На свои гайдуки:
 „Гей, возьмите вы Палія
70. „За крѣпеньки руки!“
 Он и крикнулъ панъ Мазепа
 На свои рейтары:
 „Гей, возьмите вы Палія,
 „Закуйте въ оковы!“
75. Вотъ и крикнулъ же панъ гетманъ
 Да на своихъ ловчихъ:
 „Гей вы, взять Палій-Семена,
 „Засадить въ стрѣльниці!“
-

¹⁾ У Срезневскаго: „Задивився.“ Но чему же было дивиться?—²⁾ Максимовичъ: „Да у тисвыи руки,“ во крѣпкія руки.—³⁾ Рейтары, всадники; вариантъ „Янчары,“ янычары.—⁴⁾ Ловчіе, охотники; у Максим. „на свою визницю,“ своему возницѣ.—⁵⁾ Въ башнѣ.—Это, по представленіямъ творчества, первое, мѣстное заключеніе Палія. — Максим. „Да вкните въ темницю.“

- Не давъ Палію гетьманъ Мазепа
 80. Ни пити, ни исти,
 Доки не выславъ, проклятый,
 На столицю ¹⁾ листы.
 [А якъ же выславъ гетьманъ Мазепа
 Листы на столицю,
 85. Веливъ закинуть Палія
 У темну темницю ²⁾.]
 «Отъ-то жъ тоби, промовляе, царю,
 «Есть Палій изминникъ:
 «Винъ тебе хоче вже одступати,
 90. «Въ пень Москву рубати,
 «А самъ хоче та на столици
 «Царемъ царствовати ³⁾.»
 Озоветься ⁴⁾ Палій Семень
 Сидячи въ темници ⁵⁾:

-
- Не давъ Палію Мазепа
 80. Ни пити, ни ѣсти,
 Пока не пославъ, проклятый,
 Грамотъ на столицю.
 [А какъ выславъ онъ, Мазепа,
 Грамоты въ столицю,
 85. Велилъ закинуть Палія
 Въ темную темницу.]
 „Вотъ, тебѣ, царь,—говоритъ онъ,—
 „Палій есть изминникъ:
 „Хочетъ теби отступиться,
 90. „Москву рубить въ корень,
 „А самъ хочетъ на престолѣ
 „Царемъ царевати.“
 Отзовется Палій Семень,
 Сидючи въ темницѣ:

---

¹⁾ Первоначально это значить *престолъ*, столъ судѣнья властителя, а отсюда и самое названіе *столицы*.—²⁾ Эти 4 стиха, у Срезневскаго, лишніе и разбавлены.—³⁾ Варіантъ у Срезневскаго не важный.—⁴⁾ Вар. „Тоди озоветься.“ Максим. „Обизвется.“—⁵⁾ „Зъ темной темницѣ.“

95. —Бреше, бреше гетьманъ Мазепа
 —Въ царя на столицѣ!
 —Отъ же жъ тоби, да праведный царю,
 —Самъ гетьманъ изминникъ:
 —Винъ тебе хоче уже одступати,
 100. —Въ пень Москву рубати ¹⁾,
 —А самъ хоче тѣ на столицѣ
 —Царемъ царствовать ²⁾!—
 Ой що взмовлять мосцівыи ³⁾ паны
 До праведна царя:
 105. «Выпускай ты, да праведный царю,
 «Палія зъ темницы,
 «А то будутъ бусурманы Шведы
 «На твой столицѣ!»»

(Кн. Церетелевъ 1819, Максимовичъ 1834 съ поправками по списку Ходаковского; вотось съ перенѣнами (чаще нарушающими складъ) Срезневскій 1834—38; какъ и выше, замѣтна естественная близость склада къ пѣснямъ Московскимъ того времени, о чемъ см. „Замѣтку“).

*

95. —Брешеть, брешеть панъ Мазепа
 —У царя въ столицѣ!
 —А вотъ тебѣ, царь праведный,
 —Самъ гетманъ измѣнникъ:
 —Хочеть тебя отступиться,
 100. —Москву рубить въ корень,
 —А самъ хочеть на престолѣ
 —Царемъ царевати!—
 Ой что взговорять вельможи
 Царю правосудну:
 105. „Выпускай, царь правосудный,
 „Палія съ темницы,
 „А то бусурманамъ Шведамъ
 „Быть въ твоей столицѣ!“»

*

¹⁾ Вар.: „Ой, царю, каже, Мазепа зминникъ, Хоче Москву рубати.“—²⁾ Слѣдующій за симъ, необходимый конецъ находится у Церетелева и выброшенъ Срезневскимъ: онъ доказываетъ, что *въ этой Думѣ* представлялось только одно, мѣстное заключеніе Палія, ибо въ слѣдъ за тѣмъ непосредственно оны на свободѣ и подъ Полтавой, о чемъ и сказывается далѣе. — ³⁾ Вельможные.

б)

Палій на свободѣ, битва подъ Полтавой.

Король утекаетъ за одно съ Мазепой ¹⁾.

Та ще хмилю ²⁾ та ще зелененькій
На тычину не извився ³⁾:

А вже Палій пидъ Полтавою
Изъ Шведомъ побився.

5. Та ще хмилю та ще зелененькій
Головокъ не схмивъ:

А вже Палій пидъ Полтавою
Тай Шведивъ побивъ ⁴⁾.

б)

Еще хмѣль еще зеленый
Тычинкой не взвился:

А Палій ужъ подъ Полтавой
Со Шведомъ сразился.

5. Еще хмѣль еще зеленый
Головокъ не клонитъ:

А Палій ужъ подъ Полтавой
Шведовъ бьетъ и гонитъ.

¹⁾ Пѣсня эта у Церетелева и Максимовича, какъ и слѣдуетъ, непосредственно соединяется съ предыдущею.—²⁾ Такъ у Церетелева, сообразно съ древнѣйшимъ складомъ; у Срезневскаго повтореніе: „Та ще хмилю, хмилю.“—³⁾ Максим. и Срезн. „не звився.“—Еще до осени, среди лѣта: по Московскимъ пѣснямъ „Середь было краснаго лѣта.“ Палій высвободился 1708 года: по пѣснямъ весною, великимъ постомъ прибылъ въ Москву (какого года, разумѣется, не говорится), а на вешняго Николау прибылъ подъ Полтаву (1709).—⁴⁾ Слѣдующее за симъ только у Срезневскаго: это лишнее повтореніе, когда пѣвецъ разохотѣлся сравненіями.

- [Та ще хмилю та ще зелененькій
 10. Козаківъ не згубивъ:
 А вже Палій зъ пидъ Полтавы
 Тай Шведивъ отбивъ.]
 Ой кликне-покликне да королю Шведській ¹⁾,
 На гармати ²⁾ стоя:
 15. «Утикаймо скорійшъ, гетьмане Мазепо ³⁾,
 «Зъ Полтавського поля!»
 Тоди вони утикали
 Уси зъ пидъ Полтавы:
 «Бо-дай вони не диждали
 20. «Битися зъ козаками ⁴⁾!»
 (Кл. Церетелевъ 1819, Максимовичъ (834, за ними Срезневскій 1834—38, съ поправ-
 нами по спискамъ).

*

- [Еще хміль еще зеленый
 10. Козаковъ не губить:
 А Палій изъ подъ Полтавы
 Шведовъ прочь бьетъ-рубить.]
 Ой кликнетъ-воскликнетъ
 Король земли Шведской,
 15. Стоючи на пушкѣ:
 „Побѣжимъ скорѣи, Мазепа,
 „Съ Полтавскаго поля!“
 Тогда они утекали
 Всѣ изъ подъ Полтавы:
 20. „„Дай Богъ, впередъ не дожидаться
 „„Битвы съ козаками!““

*

¹⁾ У Срезн. „Тоди крикне, крикне ясныи король Шведській.“—²⁾ Армата, арма-
 да—сперва вообще „орудіе,“ потомъ пушка.—³⁾ Срезн. „Утикаймо, Мазепо.“—
⁴⁾ Этимиъ кончается у Церетелева, и явно, что это дѣйствительно конецъ:
 слова бѣгущихъ, въ 3-мъ лицѣ.—Ср. въ нашихъ Былинахъ слова бѣгущихъ
 Татаръ: „Не дай Богъ намъ бывать ко Киеву, Не дай Богъ намъ видать Рус-
 скихъ людей“ и проч. У Срезн. продолжается далѣе, но слабо и растянуто.

в)

Погоня за Шведами до Бендеръ. Палій съ Гречкой¹⁾.

Отъ-то Шведы²⁾ утикали .

Зъ Полтавського поля:

Зхаменулась³⁾, звеселилась

Козацькая доля.

5. Отъ-то вони хутко⁴⁾ утикали

Та не шляхомъ⁵⁾, стежкой:

Була війску порада

Тай Палію зъ Гречкой....

Тоди швидко⁶⁾, швидко Шведы утикали,

10. Дорожку визнавали,

Тай ще тую дороженьку

До Бендеръ держали...

И т. п. Не вносится самъ ничего особаго, ни историческаго, ни замѣчательнаго творчества.

(Срезн. въ „Запор. Стар.“ 1834—38).

* *

Въ томъ же почти порядкѣ, хотя и съ нѣкоторыми особыми чертами, налагаетъ дѣю следующая, самая лучшая и цѣльная Душа:

в)

Вотъ какъ Шведы утекали

Съ Полтавскаго поля:

Проснулась, повеселѣла

Козацкая доля.

5. Вотъ какъ быстро утекали,

Не дорогой, тропкой:

Была войску въ томъ отрада

И Палію съ Гречкой....

Скоро, скоро утекали,

10. Путь себѣ вытали,

Еще ту ли путь-дорожку

Къ Бендерамъ держали...

* *

¹⁾ Какъ сказано, это непосредственно соединяется съ предыдущимъ.—²⁾ Такъ въ строкахъ ниже: для соединенія съ предыдущимъ у Срезн. „Отъ-то вони тоди шибко.“ —³⁾ Очнулась, проснулась. —⁴⁾ Охоче, старательно. —⁵⁾ Schlag, горная, большая бойная дорога.—⁶⁾ Geschwind.

43.

Съѣздъ Русскихъ. Свобода Палію и походъ его съ
Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ
бѣгство.

Шведського року, несчастливого лита,
Не одна-то душа христіянська
Безневинно ¹⁾ пійшла зъ сѣго свѣта.

- То тоди-то у городи у Лебедини ²⁾
5. Цари й князи великимъ вси ³⁾ дивомъ дивовали,
Единъ до единого словами промовляли:
««Про що то, панове ⁴⁾, у землі христіянській
««Не стало порядку ставати?»»
—«Про то, панове ⁴⁾, що стали

3.

Въ ту ль годину Шведску, въ безсчастное лѣто,
Не одна-то душа христіянська
Отошла безвинно съ сего свѣта.

- Во тѣ пору, во городѣ во Лебединѣ,
5. Цари и князи великимъ дивомъ дивовались,
Такими словами другъ ко другу говорили:
„За что-й-то, господа, въ землѣ христіянской
„Не стало порядку становиться?“
—„За то, господа, что стали

¹⁾ Двойное отрицаніе (какъ при сравненіяхъ въ языкѣ народномъ, см. выше).—²⁾ Объ этомъ-то въ Московскихъ пѣсняхъ говоритъ Шереметевъ, предчувствуя себѣ бѣду „на полѣ Лебединомъ,“ см. выше. Здѣсь была въ 1708 г. главная квартира Русскихъ войскъ.—³⁾ *См?*—⁴⁾ У Срезн. странная прибавка—„молодци.“

10. — «Проклятыи бусурманы
 — «Християнъ братами называти.» —
 ««Хто жъ тее зачинавъ?»»
 — «Начинавъ тее проклятый Мазепа,
 — «Якъ Искру и Кочубея
15. — «Безневинно самъ зъ сѣго свита зогнавъ,
 — «Семена Палія на Сибирь завдавъ.» —
 То цари и князи
 Единъ до единого словами промовяли,
 Да ¹⁾ Семена Палія зъ Сибиру
 20. На Москву высылали ²⁾.
- Скоро ³⁾ то ставъ Семень Палій
 Великимъ постомъ, весняною погодою,
 До Бѣлого царя ⁴⁾ на столицю прибувати,
 То свить праведный государь

10. — „Проклятыи бусурманы
 — „Християнъ братьями называти.“ —
 „„А кто жъ это зачалъ?““
 — „Начиналъ то проклятой Мазепа,
 — „Когда Искру съ Кочубеемъ
15. — „Безвинно спровадилъ съ сего свѣта,
 — „Семена жъ Палія въ Сибирь предалъ.“ —
 Такъ цари и князи
 Такими словами другъ ко другу говорили,
 Да Семена Палія съ Сибири
 20. Въ Москву высылали.
- Скоро Семень Палій прибываетъ,
 Въ Постъ Великій, весенней погодою,
 Ко Бѣлому царю на столицю,
 А свѣтъ правосудный государь-царь,

¹⁾ Или *та*: удивительно, за чѣмъ Срезневскій предлагалъ исправленіе *мо*, — не было бы смыслу. — ²⁾ *Выслали*? — Это, по народному творчеству, второе заключеніе Палія — въ Сибири; послѣ заключенія у Мазепы, онъ былъ сосланъ въ Енисейскъ 1804 г. и возвращенъ 1708, ср. выше. — ³⁾ Какъ скоро, когда. — ⁴⁾ И въ Малорусской поэзіи, какъ въ Московскихъ пѣсняхъ, это прозваніе усвоено по преимуществу Петру I-му.

25. Велику (винъ) радость мае,
Що до себе великого лыцаря
Семена Палія у гости сподивае.

То Мазепа тоди якъ почувъ,
30. Що ёго, проклятого Мазепу,
Лихо доганяе,

До короля (винъ) Шведського
Таки ричи промовляе:

«Королю Шведській, добродію,

35. «Найяснійшій ¹⁾ мій пане!

«Чи будемъ мы бильше

«Города Полтавы доставати,

«Чи будемъ зъ-пидъ города ²⁾

«Зъ-пидъ Полтавы уतिकати?

25. Великую радость онъ имѣеть,
Что великаго рыцаря въ гости,
Семена Палія принимаеть.

А Мазепа тогда, какъ почувалъ,
Что его, проклятого Мазепу,

30. Бѣда нагоняеть,
Онъ тогда королю Шведовъ
Говорить такіа рѣчи:

„Благодѣтель, король Шведскій,

„Пресвѣтлѣйшій господинъ мой!

35. „Добывать ли намъ еще Полтаву,
„Или будетъ лучше изъ-подъ града,
„Изъ-подъ той Полтавы утекати?

¹⁾ *Найяснійшій?* Издатели весьма правы, приводятъ въ обычный порядокъ народную рѣчь *на письмѣ*: но въ устахъ, именно при пѣніи, по требованію склада, конечно были и есть отбѣны (какъ всегда на Великой Руси. См. объ основномъ складѣ въ 7-мъ выпускѣ).—²⁾ „Изъ-пидъ“ или „зъ-пидъ града?“ Если дѣлается подобный отрѣзокъ въ 7 или въ 5, вѣрно стихъ былъ подлинно и первоначально въ 8 или 6 слоговъ.

40. «Бо не дурно Москва стала
 «Насъ кругомъ оступати;
 «Бо въ Семена Палія ¹⁾
 «Хоть и не великое вѣйско охотнее ²⁾,
 «Тилько одна сотня,
45. «А буде нашу тысячу
 «Гнати й рубати,
 «Буде намъ, великимъ паномъ,
 «Великій страхъ задавати ³⁾!»
 То король Шведській тее зачувае,
 50. Словами (винъ) промовляе:
 —Мазепо, безумна главо!
 —Чи въ мене вѣйско не збройне,
 —Чи у мене ⁴⁾ вѣйско не панцырне?

-
40. „Вѣдь не съ дуру Москва стала
 „Насъ кругомъ съ тобою обступати;
 „У Семена вѣдь Палія
 „Пусть и не велико охочее вѣйско.
 „Только одна сотня,
45. „А будетъ тысячу нашу
 „Гнати и рубати,
 „Будетъ намъ, панамъ великимъ,
 „Великій страхъ задавати!“
 То заслышитъ король Шведській,
 50. Такими словами говоритъ онъ:
 —Голова безумная, Мазепа!
 —У меня ль вѣйско не въ брѣнѣ,
 —У меня ли не въ панцыряхъ вѣйско?

---

¹⁾ То же о семь стихѣ. — ²⁾ *Охотнее?* Указываетъ слѣдующая рѣма. —
³⁾ Совершенно подобнымъ образомъ, по Московскимъ пѣснямъ, королю „на
 рѣчахъ кавалеры доносили.“ Ср. выше.—⁴⁾ Вотъ еще доказательство: у Мак-
 симовича въ подобныхъ случаяхъ *у* полугласное, что переходитъ въ *е*; такъ
 и печатаетъ обычно Срезневскій *е*: но здѣсь, по складу, не усумнился же
 принять *у*.

- Та я ще ¹⁾ тую Москву
 55. —Могу сикти и рубати,
       —Ще не зарикаюсь ²⁾
       —У Билого царя
 —На столици побувати!—

- Скоро ставъ Палій Семень,
 60. На святого отца Миколая,
 Изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичомъ,
 Пидъ Полтаву прибувати,—
       То ставъ король Шведскій
 Изъ Мазепю тайно втикати,
 65. На царськихъ людей вдаряти.
 Много царськихъ людей побивали ³⁾.

- Еще я ли Москву эту
 55. —Могу сѣчь я и рубити,
       —Еще я не зарѣкаюсь
       —У Бѣлаго царя побувати,
       —На его—царя—столицѣ!—

- На святого отца Миколая,
 60. Подъ ту подъ Полтаву,
 Скоро сталъ ли Палій прибывати,
 Съ нимъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,—
 Тутъ (скорѣй того) король Шведскій
 Сталъ съ Мазепой тайно утекати,
 65. На людей на царскихъ ударити.
 Много царскихъ людей побивали.

¹⁾ „Тай ще?“—²⁾ Обратно предыдущему, у Срезневск. „Ще не зарикаюся (7),“ а Максимовичъ, по чутью склада, печатаетъ „ще не зарикаюсь.“—³⁾ Напрасно полагалъ Срезневскій, что слѣдующее за симъ „должно разумѣть не о Батуринѣ, лежащемъ на Сеймѣ, а о Переволочнѣ.“ Тотчасъ послѣ обличенія Мазепы, 3 Января 1708 г. Меншиковъ взялъ его резиденцію Батуринъ, опустошилъ въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какъ говоритъ пѣсня, побиты жители, даже женщины и младенцы, разорено, взято или попалено все имущество гетмана и жителей, оставшееся здѣсь. Этого не могъ забыть народъ и тотчасъ же поставилъ это въ упрекъ Мазепѣ: въ слѣдующей за симъ Думѣ тѣмъ же порядкомъ переходить къ Батурину, чтобы еще разъ проклясть Ма-

А въ городи у Батурини
 Мужикивъ та жинокъ
 У пень сикли да рубали,
 70. Церкви палили,
 Святсти та иконы
 Пидъ ноги топтали,
 Плиты справляли ¹⁾;
 На той бикъ Днипра утикали.

75. То Семень Палій
 Пидъ Полтаву прибуває:
 Сиче и рубае,
 На вси стороны якъ полову митае.

А въ Батуринѣ во градѣ,
 Мужиковъ да жонокъ
 Въ корень сѣкли и рубали,
 70. А церкви палили,
 Святѣни-иконы
 Подъ ноги топтали
 [А плиты сплавляли];
 На тотъ бокъ Днѣпра всѣ утекали.

75. Такъ-то Семень Палій
 Подъ Полтаву прибываетъ:
 Сѣчетъ онъ и рубитъ,
 Какъ плеву на всѣ стороны разметаетъ.

зепу. Связь такова: Враги бѣжали передъ лицомъ Палія и козаковъ, но царскихъ—Московскихъ—людей они продолжали еще бить и много побили; да и тѣ, съ Меншиковымъ, не пощадили Батурина и, въ разоренъ его, ты же, Мазепа, виновенъ. Послѣ этого эпизода, пѣсня возвращается къ бѣгущимъ и прибавляетъ, что теперь сцена перенесена была за Днѣпръ.—¹⁾ Срезневскій „плоты наводили“ и за тѣмъ уходили. Но Максимовичъ, вопреки правиламъ своего правописанія, пишетъ здѣсь не о со значкомъ, а просто *плиты*. Потому мы соединяемъ это съ предыдущимъ и полагаемъ: самыя плиты, металлические, переплавляли (*сплавляли*) или передѣлывали (*справляли*),—такъ точно и поступали тогда съ плитами помостовъ и гробовъ, окладами, ризами.

До Днипра (винъ) добуває,

80. На той бикъ Днипра поглядає,
Що король Шведскій изъ Мазепю
На тимъ боци Днипра похожає,—
То винъ-то мечемъ махає,

Словами (винъ) промовляє:

85. «—Помоли ты, Мазепо, за мене Бога,
«—Що я тебе не догнавъ:
«—Альбо бѣ посикъ, альбо порубавъ ¹⁾,
«—Альбо живьемъ на вичну каторгу завдавъ ²⁾!»—

*

Земле, земле християнско!

90. Егда ты була смутками
И печальми наполнена,

До Днѣпра онъ достигаєть,

80. На тотъ бокъ Днѣпра поглядываєть,
Какъ съ Мазепю тамъ король Шведскій
По ту сторону похаживаєть,—
Тутъ мечемъ Палій помахваєть,
Словами онъ приговариваєть:

85. „—Ну, моли ты тебѣ, Мазепа, Богу,
„—За мене, что не догналъ я:
„—Либо я тебя посѣкъ бы,
„—Не посѣкъ бы,—зарубилъ бы,
„—А не то тебя живьемъ бы
90. „—Въ вѣчну каторгу пустилъ бы!—“

*

Земля, земля християнска!

- Какъ была ты засмуцона,
Изнаполнена печальми,

¹⁾ „Не посѣкъ, не порубилъ!“ переводить Срезневскій (I).—²⁾ Слѣдующее за симъ—внѣ событія, заключеніе Думы, заключительный пригвѣстъ вѣща.

Не знала (ты), де родина
Объ родини промышляе ¹⁾.

Дай Богъ честь и хвалу

95. Свить-праведному государю,
Да й Семену Палию,
Превеликому пану,

Що не давъ Шведу

Християнъ на поталу ²⁾!

100. Ой дай, Боже, усимъ християнамъ
Многія лита,
Да счастливого прожитія
У симъ свити!

(Срезнев. 1834—38, „со словъ бандуриста;“ Максимовичъ 1849; чисто-народное предание, и потому-то, какъ показаво, сходится съ Быльями Московскими).

* *

За симъ слова, третій разъ, повторяется почти то же, съ нѣсколькими лишь ными чертами и выраженіями:

Ты не знала, какъ родные

95. Объ родныхъ и промышляють.

Дай Богъ честь и славу

Свить-праведну государю,

Еще ль Семену Палию,

Превелику господину,

100. Да что не далъ Шведу

Християнъ въ добычу!

Подай, Боже, и всѣмъ християнамъ

Многія лѣта,

Да счастливо имъ прожити

105. На семъ свѣтѣ!

* *

¹⁾ Ср. Слово о Полку Игоревѣ и заключеніе Быльнъ Сербскихъ, съ намекомъ на Славянскую рознь: „Тешко свуда своеме безъ своего.“ Всюду тяжело своему безъ своего (роднаго)!—²⁾ Половъ; ср. древнее *маль*—заложникъ, военнопленный.

4.

а)

**Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разорёнъ Ва-
туринъ.**

Мазепо гетьмане,
Израдливый пане!
Злее починаешь,
Зъ Шведомъ накладаешь

5. И на царя восточного
Руки пидіймаешь:

Пиднявъ еси орду,
Изробивъ тревогу ¹⁾.

10. А при тій измини
Бувъ Кочубій(да)-Искра:

4.

а)

Ты гетманъ Мазепа,
Пань ты вѣроломный!
Злое зачинаешь,
Сходишься со Шведомъ,

5. На царя восточнаго ты
Руки подымаешь:
Подилъ силу многу,
Учинилъ тревогу.

10. А при той изминѣ
Былъ Кочубей съ Искрой:

¹⁾ Два стиха дурны, новы, для рѣзны.—*Орда*—не Турецкая, а скопъ войска, ополченіе.

- Пошли жъ вони зъ-пидъ Полтавы
 Да до царя знишка ¹⁾;
 А царь виры не динявъ,
 До Мазепы одиславъ.
 15. Скоро жъ ²⁾ ихъ Мазепа взривъ,—
 Барзо звеселився:
 А Кочубій изъ Искрою ³⁾
 Слезами облився.
 Уси паны, сенаторы,
 20. Уси бенкетъ мали ⁴⁾:

- Пошли они съ-подъ Полтавы
 Къ царю потихоньку.
 А царь вѣры имъ не взялъ,
 Ихъ къ Мазепѣ отослалъ.
 15. Скоро узрѣлъ ихъ Мазепа,—
 Сильно звеселився:
 А Кочубей съ Искрой
 Слезами облився.
 Всѣ господа, сенаторы,
 20. Всѣ пиръ пировали:

¹⁾ Ср. наше *нишка*, молчи, притихнн. — ²⁾ Какъ скоро. — ³⁾ Такъ у Максимовича, по чувству склада, въ 8 слоговъ; Среан. „зъ.“—И здѣсь, какъ выше, всѣ стихи въ 7 предполагають подлинникъ въ 8 или 6 слоговъ. Хоть сего склада таковъ: отъ основнаго 8-ми до господствующаго 10-ти, потомъ до 12-ти; 12, не столь любимое, раскалывается по поламъ, 6+6; движеніе продолжается дальше и даетъ 13, т. е. 8+5 (а 5 половина 10-ти),—складъ любимый; но еще далѣе, 8+6, то есть съ отломкомъ половины 12-ти (а 12 само не любимое), рождается 14, и отсюда-то половина—въ 7 слоговъ: это уже уродливость, искаженіе склада. Плохо и 15, 8+7. Складъ на этомъ пути восстанавливается лишь тогда, когда доходитъ до 16-ти, то есть снова основное 8+8 (ср. замѣтки въ вып. 7).—⁴⁾ Банкетъ.—Кажется, должно разумѣть съѣздъ Русскихъ, помянутый выше, при которомъ, говорить пѣсни, вспомнили и судьбу Кочубея съ Искрой, и ссылку Палія: здѣсь, напротивъ, пѣсни хотѣла упрекнуть пирующихъ и выставить вѣрность одного Апостола.

Кочубія жъ изъ Искрою ¹⁾

Барзо забували.

Тильки ты ихъ не забудь,

Миргородській пане ²⁾,

25. Що Кочубій изъ Искрою

За Украйну стали ³⁾!

У Києви на Подоли

Порубаны груши:

• Погубивъ же песь Мазепа

30. Невинныя души.

Ой выгоривъ весь Батуринъ,

Зосталася хата ⁴⁾:

Кочубея жъ они съ Искрой

Скоро забывали.

Только ты ихъ не забудь,

Властель Миргородскій,

25. Не забудь, что они съ Искрой

За Украйну встали.

Во Києвѣ на Подолѣ

Порублены груши:

Погубилъ же песь Мазепа

30. Невинныя души.

Они выгорѣлъ весь Батуринъ,

Осталась лишь хата:

¹⁾ Также народно, но гораздо слабѣе и новѣе предыдущаго; если Дума равняется нашей Быльнѣ или, скорѣе, Мобывальщинѣ (съ полуразрушеннымъ складомъ), то это совершенно то же, что у насъ „бабы Старица,“ Былевая Пѣсня въ вѣдѣннѣи женщинѣ, женская по складу и употребленію; совершенно тотъ же ходъ—отъ 8 къ 12, отъ 12 по поламъ къ 6-ти слогамъ; ср. напр. Стихъ, „Восплакался Адамъ, Передъ раемъ стоя,“ „Кал. Перех.“ вып. 6, а здѣсь выпускъ 7-й.—²⁾ Вѣроятно *Данило Апостоля*, отставшій отъ Мазепы и бывшій послѣ гетманомъ.—³⁾ Народъ не могъ забыть и простить Мазепѣ, по его винѣ, разоренія Батурина: онъ къ этому переходитъ совершенно также, какъ въ предыдущей Думѣ, и зачинаеть, какъ эпизодъ, особымъ сравненіемъ.—⁴⁾ На мѣстѣ разоренія оставалось нѣсколько хатъ до самого возрбновенія въ 1750 г., при Разумовскомъ.

Да вже-жъ твоя, псе ¹⁾ Мазепо,
 И душа проклята.
 35. Бувъ у тебе, псе Мазепо,
 Одинъ хлопецъ Немець ²⁾:
 Пишло жъ твое, псе Мазепо,
 Усе добро ни-ве-ць ³⁾!

(Максимовичъ 1834, оттуда Срезневскій 1834—38).

*

б)

Мазепа подъ Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство въ Вендерамъ и смерть Мазепы ⁴⁾.

Ой трапилось ⁵⁾ проклятому Мазепи
 Та коржики ⁶⁾ исти:

За то твоя, песь Мазепа,
 И душа проклята.
 35. Былъ у тебя, песь Мазепа,
 Одинъ слуга Немець:
 Все добро твое, Мазепа,
 Пошло все ни во что!

*

б)

Удавалось проклятому Мазепѣ
 И лепешки ѣсти:

¹⁾ У Срезн. „твоя-то,“ хотя и замѣчено, что перепечатано изъ Максимовича.—

²⁾ Начальникъ Сердюковъ, гвардін Мазепы, *Книгсена*: пѣсня воспользовалась симъ для рѣзны, но съ разсчитаннымъ вмѣстѣ упрекомъ.—³⁾ Ни-во-что (ни-въ-че).—

⁴⁾ Относится къ предыдущему какъ продолженіе, подобно 2-му и 3-му образцамъ. И складъ сходенъ: второй стихъ въ 6, первый попадаетъ въ 8; только первый чаще растянуть, и преимущественно по желанію налечь на имя *проклятаго Мазепы*.—⁵⁾ Наше *трапилось*: treffen.—⁶⁾ Печенія лепешки. И ему удавалось попить, поважничать, „поѣсть писавыхъ яриновъ.“

А то ще й потрапилося проклятому Мазепи
Пидь Полтавой сѣсти.

5. Та не довго католики
Пидь Полтавой станомъ стояли:
Казавъ царь Московскій,— Ура, хлопци!—
То якъ пухъ розимчали.

10. А де ты, вражій сыну, Мазепа проклятый,
Теперя ¹⁾ усився?
А де ты зъ сердюками-вовчатами,
Вовче, вгораздився?
Кажуть люди, у городи у Бендери
Чого-сь смутно стало:
15. Чи то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало?
Ой то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало ²⁾;

Удавалося и то ему, Мазенѣ,
Подь Полтавой сѣсти.

5. Да католики не долго
Подь Полтавой станомъ постояли:
„Ура, хлопци!“ сказалъ царь Московскій,—
Такъ въ пухъ разметали.
А гдѣ жь, вражій сынъ Мазепа,
10. Теперя усѣлся?
Куда жь угораздило тя, волка,
Съ волчатами-сердюками?
Люди скажутъ, въ городѣ Бендерахъ
Что-то смутно стало:
15. Ужь не то ли, что Мазепу
Лихо доконало?
Точно правда, что Мазепу
Лихо доконало;

¹⁾ „Теперя?“—²⁾ Связь такова. „Куда-то, Мазепа, ты дѣвался? Сказываютъ, какое-то горе, смута въ Бендерахъ: такъ не тамъ ли ты, не тебя ли тамъ постигла бѣда и смерть, не по тебѣ ли горе? Именно такъ, правда: отъ того

Ой то того, що Мазепина слава
 20. Марно ¹⁾ пропала.
 Ой то того, що Мазепина слава
 Марно пропала,
 Якъ ёго тило бусурманське у Бендери
 Земля при(ни)мала.

(Со словъ бандуриста, изъ трехъ списковъ, у Срезн. въ „Запор. Стар.“ 1834—38; народно, но слыхкомъ потерялъ слѣдъ, отъ поманутыхъ причинъ).

* *

Послѣ этихъ трехъ, частями разрушенныхъ, но внутреннею связью цѣльныхъ и полныхъ Былевыхъ Пѣсней, слѣдуютъ уже тѣ, гдѣ передается *отдѣльно и особенно* судьба *Палія*. Первая однако изъ нихъ, и лучшая, художественно округляетъ одинъ, строго определенный моментъ, — заключеніе Палія въ Сибирь: это такой же эпизодъ, какъ напр. о Батуринѣ, но только развитой, подобно какъ развитъ эпизодъ о Гордиенкѣ и Запорожцахъ; вѣроятно, какъ эпизодъ, пѣсня входила *въ составъ цѣльной Былины*, до насъ не дошедшей, на томъ мѣстѣ, гдѣ творчество касалось ссылки Палія, какъ это видимъ по предыдущимъ образцамъ. Можетъ быть даже она входила въ среду предыдущихъ (когда еще цѣла была связь ихъ первоначальнаго состава), на примѣръ послѣ 2 а) и передъ б).

Точно правда, его слава
 20. За даромъ пропала.
 Точно правда, его слава
 За даромъ пропала,
 Какъ его въ Бендерахъ тѣло бусурманско
 Земля принимала.

o *

тамъ смута, тамъ пропала слава Мазепы, тамъ смерть его постигла.—Погребеньъ близъ Бендеръ, въ Варшавѣ.—¹⁾ Суетно, всеу, за даромъ, но напрасну (гр. *мар-со*).

5.

а)

Палій въ Сибири.Высоко сонце ¹⁾ зходить,

Низенько ложиться:

Ой де-сь-то панъ Палій Семень

Тепера журиться?

5. Высоко сонце зходить,

Низенько заходить:

Ой де-сь-то панъ Палій Семень

По Сибиру бродить?

«Ой чуро ²⁾ мій, чуро,

10. «Мій вирный Стоўсю!

5.

а)

Высоко сонце восходить,

Низенько ложится:

Ой гдѣ-то панъ Палій Семень

Тепера горюеть?

5. Высоко сонце восходить,

Низенько заходить:

Ой гдѣ-то панъ Палій Семень

По Сибири бродить?

«Ой чура мой, чура,

10. «Мой вѣрный Стоўсю!

¹⁾ По складу м. б. „совечко?“—Замѣтно примѣненіе образа: высоко под-
нявшійся Палій глубоко уваль бѣдою.—²⁾ См. выше: служба.

- «Ой ходимо у каплицю ¹⁾:
 «Богу помолюся.
 «Ой Богови помолюся,
 «Святимъ поклонюся:
 15. «Зледащивъ, понурый ²⁾,
 «Старенькимъ здаюся.
 «Старенькимъ здаюся,
 «Молитися мушу ³⁾:
 «Хай милуе ⁴⁾ Милостивый
 20. «Мою гришну душу ⁵⁾!»

Ой ⁶⁾ натягнувъ ёму чура
 Да сирую свиту,
 Да давъ ёму да у руку
 Еловую виту ⁷⁾.

- „Подемъ-ка мы во храмъ Божій:
 „Богу помолюся.
 „Ой Богу я помолюся,
 „Святимъ поклонюся:
 15. „Захудаль, понурый,
 „Старикомъ кажуся.
 „Старикомъ кажуся,
 „Молитися пришлось:
 „Да милуетъ Милосердый
 20. „Мою грѣшну душу!“

Натянулъ же ему чура
 Да сѣрую свитку
 И далъ ему въ его руку
 Еловую влюшку.

¹⁾ Часовню; здѣсь вообще храмъ.—²⁾ Такъ у Максимовича, вездѣ чуткаго къ народному складу; у Срезн. вставлено „я.“ въ 7 слоговъ; *ледащій*—плохенькій, худой, сродно съ *лѣдъ* (Land), пустопорожнее, заброшенное мѣсто, не воздѣланная земля; ledig.—³⁾ Müssen.—⁴⁾ Опять у Максимовича; Срезн. „помилуе,“ вопреки складу.—⁵⁾ Это рѣчь Назія.—⁶⁾ Опять у Срезн. нѣтъ.—⁷⁾ Вѣтку, сукъ: здѣсь—влюку, рассоху, посохъ.

25. Пійшовъ панъ Палій Семень
 Богови молитъся:
 Не то Богови молитъся,
 А не то журитьсѣ ¹⁾.
 Прійшовъ ²⁾ панъ Палій до дому,
 30. Дай сивъ на помити;
 На бандурци выгравае:
 «Лихо жити въ свити!
 «Той ³⁾, душу заклавши ⁴⁾,
 «Свиту, бачъ, гаптуе ⁵⁾,
 35. «А той по Сибири
 «Мовъ въ лузи дубуе ⁶⁾!»

(Максимовичъ 1834; Срезневскій 1834—38, „со словъ бандуриста, съ поправками по тремъ другимъ спискамъ.“ Особенно замѣтно, что сложено современно самой быль).

* *

25. Пошолъ тутъ панъ Палій Семень,
 Богу онъ молитъся:
 Не то—Богу онъ молитъся,
 Не то—горевати.
 Пришолъ же панъ Палій домой,
 30. Сѣлъ онъ на крылечкѣ;
 Играеть онъ на бандурѣ
 [Самъ выигрываетъ]:
 „Лихо жить на свѣтѣ!
 „Одинъ, предавъ душу,
 35. „Смотришь—свиту красить,
 „А другой въ Сибири
 „Какъ въ золѣ золится!“

* *

¹⁾ Богъ вѣсть—молитъся ли, а Богъ вѣсть—погоревать, поплакать. Срезневскій переводить: „Не такъ Богу молитъся, какъ горевать.“ Напротивъ, то и другое: колебаніе, необычайно ярко и художественно выраженное (ср. у насъ пѣсни жены Грознаго, Ксеніи и Лопухиной).—²⁾ Срезн. „А жъ прійшовъ (вотъ къ чему привела поправка по спискамъ).“—³⁾ Срезн. „Що той.“—⁴⁾ Стубивъ, зломъ, ради міра; заложивши ее свѣту.—⁵⁾ Вышиваетъ шитьемъ—серебрянымъ и т. п.: шитые кафтаны, съ голунами, по нашему—шитый мундиръ.—⁶⁾ Можно бы думать, что послѣдніе 4 стиха,—заключеніе воздѣйствіа пѣвца

Это изъ разряда пѣсней «Невольничихъ» у Малоруссовъ, у насъ «Темничныхъ»: какъ въ Малороссіи (Кулишъ, «Записки о Южн. Руси», т. I, 1856), такъ и у насъ, по всѣмъ даннымъ, сочинялись эти пѣсни *самими* заключенными. Прямо можно сказать, что это «*Пѣсня Палія*». Переходъ отъ 1-го лица къ разсказу въ 3-мъ самый обычный (ср. примѣры у насъ выше): особенно этотъ приемъ возобладавъ, конечно, когда пѣсня была вставлена въ Думу, въ Былину, въ связь цѣльнаго и длиннаго разсказа; тогда же противу перваго склада кое-что добавлялось: и отъ лица сложившаго, перваго пѣвшаго, и отъ лица пѣвца новаго, поющаго Былину.

За тѣмъ слѣдуютъ о Паліѣ еще два разряда пѣсней и сказаній: въ однихъ, б) втораго разряда, Палій обставленъ фантастическими представленіями народными (помѣщено у Кулиша, въ 1-мъ т. «Запис. о Ю. Р.»). Онъ вѣщій, чародѣй. Онъ предсказалъ Петру, что

и противоположеніе горяющаго Палія ликующему Мазенѣ. Но вѣроятнѣе продолженіе думы самого Палія, чѣмъ же именно лихо жить, гдѣ на себя намекаетъ въ 3-мъ лицѣ.—Срезневскій переводитъ: «какъ дубъ въ перелѣскѣ одинъ одинокъ (одншешекъ?)». Точно, *лугъ* значитъ дѣсъ (собственно роца, съ просвѣтомъ, *lucus*, какъ *гай*—съ прокрикомъ и проходомъ, *saltus*); труднѣе вести *дубоватъ* отъ *дуба*—жить дубомъ; но еще невозможно объяснить тогда *мова*—словно: «Одинъ по Сибири какъ въ дѣсу живетъ дубомъ!» Такъ можно объяснить развѣ тому, кто помнитъ нашего Мерзлякова: «Высокій дубъ, развѣсистый, Одинъ у всѣхъ въ глазахъ, Одинъ, одинъ, бѣдняжка, Какъ рекрутъ на часахъ.» Напротивъ, по нашему, *лугъ* здѣсь значитъ, какъ и у Полюковъ, и Бѣлой Руси, *золу* и *щолокъ* (изъ пережженнаго *луга*, дѣсу, Нѣм. *Lauge*, *ausgelaupte Asche*), а *дубоватъ* то же, что и наше *дубать*, *дубиться* (также отъ *дуба*, дубильной кислоты),—коржавѣть, крѣпнуть, жестѣть, заскорузнуть въ ѣдкой жидкости (древній у Нестора «квасъ усняный», усмянный, въ которомъ мочили кожи). Образъ и *зола*, и *щолока*, и дубленія сходятся: о кожѣ, переносно о тѣлѣ и вообще о человѣкѣ, который жестѣть, золится, перегараетъ въ щолокъ,—во алѣ и бѣдахъ (*зло* и *зола* одного корня), какъ говоритъ Болгарская пословица, «Терни, душа, чернѣй, кожа («трай, душѣ, чернѣй, кожѣ»). Образъ народный, простой, обиходный и выстѣ выразительный. Одинъ въ Сибири золится золой, тернить въ щолокъ, жестѣть (какъ дѣлаютъ и съ платьемъ, *свилкою*, очищая ее), а другой свиту шьетъ себѣ серебромъ и украшаетъ; душа одного тернить, страдаетъ, а другой ликуеть, вовсе забывъ о душѣ своей, предавши ее міру.

крестникъ Петровъ Мазепа подниметь на него руки,—заключень за то, тридцать лѣтъ томится, еле живъ, наконецъ выпущень — когда сбылось пророчество, объѣхалъ Мазепино войско, тамъ одурѣли и другъ друга перекололи, наконецъ прокодолъ Мазепу (какъ дракона), сжегъ и пепель развѣялъ. За Мазепу Петръ крѣпко разгнѣвался на Украинну, велѣлъ было всѣхъ рубить, да послѣ помиловалъ.— Передается еще, въ другой легендѣ, которая сохраняетъ всѣ моменты приведенныхъ выше пѣсней: Царь восточный звалъ Мазепу «батюшкой;» довѣдавшись, что хочетъ Мазепа со Шведомъ на Царя, пошли съ вѣстью Искра и Кочубей,—Царь не взялъ вѣры. Между тѣмъ правда выяснилась: эпизодъ о Батуринѣ, какъ Мазепа всталилъ пушки на самую церковь и палилъ оттуда въ Царское войско. Царь кличетъ охотниковъ ратоборцевъ: старый Запорожець идетъ сказать ему про Палия; «а первый императоръ такой былъ строгій, что солги—голову сниметь.»—Нѣтъ Палия, говоритъ Царь: погибъ.— «Нѣтъ, Царь, живъ, только въ Сибири.» Просятъ его спасти царство: Палий прежде выслушиваетъ службу Божію. Потомъ выбираеть, не выбереть коня: едва нашолъ своего, на немъ воду возили. «Палий воевалъ не волшебствомъ, а ангельскимъ чиномъ:» невидимкой свезъ Царя въ Мазепино войско, далъ послушать рѣчи Мазепы, Шведа и Турна; потомъ собралъ войско: Мазепа научень былъ чародѣйству отъ Палия, да не всему; Палий указалъ, какъ палить. За побѣду просить одного дара: «Не разорятъ гетманщины (тенденціозно).»—Хорошо, сказалъ Царь, для тебя дарую.—Здѣсь, повторяемъ, сохранены всѣ моменты Думы, какъ Были, но вокругъ нихъ раскинулся безпредѣльный міръ южной фантазіи.—Совсѣмъ обратно въ третьемъ разрядѣ, в): весьма прозаически, хотя и въ пѣснѣ, изображенъ Палий *по престу*, какъ представлялся онъ не въ народномъ творческомъ образѣ, а жилъ въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія житейскихъ отношеній. Пѣсня напечатана въ «Запор. стар.» 1838, со списка: Срезневскій цѣликомъ ее заподозрилъ. «Ошибка противъ народности нельзя же приписать писцу, а этихъ ошибокъ такъ много, что всю пѣсню можно считать ошибкой.» Правда, двѣтри ошибки, два-три книжныхъ выраженія; разорень и складь,—

совершенно какъ нани Старины бабѣ, съ переходомъ въ скороговорку. Тѣмъ не менѣ поразительная простота взгляда, въ ней слѣды взгляда историческаго и безпристрастнаго, порой и меткіе очерки творческіе. Приведемъ въ сокращеніи и переводѣ:

Охочія ватаги
 Козаками богаты:
 А между ними пуцій
 Семень Палій,
 Подговнигъ онъ Хвастовскій ¹⁾.
 Что Турокъ, что Полякъ,
 Татаринъ, иль Москаль,
 Ихъ одинако нашъ Палій одолѣваетъ,
 Имѣнье отнимаетъ,
 Головушки ихъ рубить.
 Живетъ себѣ въ довольствѣ,
 Какъ гетманъ самъ:
 Своя ему ватага,
 Самъ подати собираетъ
 И старшаго не знаетъ.
 Семень Палій—козагъ прямой:
 Хмельницкаго онъ батькой называетъ,
 Гетманщинѣ удачъ желаетъ,
 Отъ всѣхъ враговъ ее обороняетъ.
 Его Поляки не взлюбили,
 Известъ его Поляки положили:
 А онъ того не знаетъ, не гадаетъ,
 Въ Ляховщину вступаетъ,
 Костѣлы, сѣла выжигаетъ.
 Летала птица въ полѣ,
 Да въ кяѣточку попалась:

---

¹⁾ Въ Хвастовѣ.

Палій все Ляховъ воовать,
 Батоликъ рубить,
 Да и въ неволю къ нимъ вонять.
 Ой, птица сидитъ въ клеткѣ,
 Палій нашъ въ Танобурхѣ ¹⁾:
 И вороги раденьки,
 И козаки смутненьки,
 Вдовы же сироты бѣдненьки.
 Ой вылетѣла птица съ клетки,
 Палій изъ Танобурха:
 И вороги смутненьки,
 И козаки раденьки,
 Вдовы—сироты веселеньки.

За тѣмъ эпизодъ о борьбѣ по ту сторону Днѣпра, «тогочныхъ» гетмановъ съ Поляками.

Палія же тамъ нѣту:
 Сидитъ Палій нашъ дома.
 Козаца бѣдна доля
 И пропадетъ ихъ, можетъ, воля!

Но Поляки побѣждены.

По эту сторону Днѣпра
 Гетманствуетъ Мазепа:
 Украину въ свои руки забираетъ,
 Никому власти онъ не допускаетъ,
 Никого въ свѣтѣ онъ не уважаетъ.
 «Тогочны» полковники
 Въ его же воцѣ:
 Самусь ему ужь сдалъ свои клейноты ²⁾,
 А самъ остался лишь «Полковникъ Богуславскій.»

¹⁾ Въ Динабургѣ, въ крѣпости: третье мѣсто заключенія Палія.—²⁾ Регалии гетманскаго достоинства.

Да онъ и не козаць,—покойникъ,
 И воевать, и гарцовать онъ не охотникъ.
 Вотъ нашъ Семень Палій
 Козаць прямой:
 И старшаго не знаетъ,
 Свою ватагу онъ нибѣтъ,
 Пьетъ да гуляетъ.
 «Вотъ уже мнѣ Палій
 «Бѣльмо въ очахъ:
 «Меня онъ докаряетъ!»
 Такъ говоритъ Мазепа
 И извести его желаетъ.
 Фортуна ты, 'Фортуна ¹⁾,
 За чѣмъ ему ты послужила!
 Въ Сибири нашъ Палій,
 Козаць прямой,
 Полювникъ онъ Хвастовскій.
 Бѣда ему, бѣднягъ!
 Ой, нужно шубу: да гдѣ взять?
 А знатные Сибирскіе морозы:
 Бому далось ихъ знать,
 Тому ихъ не забыть ²⁾!

Вернули нашего Палія:
 Да только лишь позднеенько.
 Москаль со Шведомъ уже бьется,
 Онъ бьется подъ Полтавой,
 Надъ Ворсклою онъ бьется.
 Ой, Ворскла, рѣчка невеличка!

¹⁾ Не диво въ Малорусской рѣчи, подъ вліаніемъ книжнымъ: ср. ниже много примѣровъ.—²⁾ Замѣтно, что „излагатель“ чуть ли самъ этого не изъѣдаетъ; отчасти, какъ будто, склонился и къ католикамъ, по крайности человекъ княжній, „цивилизованный“ и даже немного „тенденціозный.“ Тѣмъ не меньше народныя черты сильно проглядываютъ.

Издавна она славна,
 Что не водою, а войною:
 Полегъ тамъ Шведъ своею головою ¹⁾.

Ой кто да гдѣ, ой кто да гдѣ,—
 Палій на Украинѣ:
 Живеть да поживаетъ,
 Бывальщину онъ вспоминаеть,
 Мазепу проклинаеть ²⁾!

Строй струнъ не высокъ и новъ: а замѣчательнъ.

Палія нѣтъ въ нашемъ Былевоомъ творествѣ: ему, во многихъ положеніяхъ, отвѣчаетъ «Донской козаць (см. выше);» лично же, козацкимъ героемъ, всего больше Краснощоговъ, который однако переходитъ въ слѣдующую эпоху (см. вып. 9-й).

* *

Въ Полтавскому дѣлу относятся Малорусскія пословицы: «Добувся лѣтъ Шведъ пидъ Пилтавою,»—достагъ той же доли, какъ Шведъ подъ Полтавой; «не пивъ Полтавской воды,»—не пивъ воды Полтавской, не вкусилъ горя. Говорять, будто къ Искрѣ же и Вочубею пригнѣняютъ Малоруссы пословицу, хотя она есть и у насъ, и у другихъ Славянъ: «Знявши голову, по волосьямъ не плачуть,»—снявши голову по волосамъ не плачуть.

*

Въ «Полтавскому кругу» Малорусскаго пѣснотворчества относятся, какъ видно изъ предыдущаго, а) цѣльныя Думы, то же, что наши Былины и Побывальщины; б) разложившіяся изъ нихъ Старшины, съ разрушеннымъ и болѣе новымъ складомъ, отрывками или частями; в) пословицы; г) при нихъ, чисто-народныхъ, нѣкоторыя съ прикрасою и книжною обработкой; наконецъ д) чисто-книжныя произведенія, и эти послѣднія помѣстятся у насъ для сравненія ниже.

* * *

¹⁾ Это самое народное и лучшее мѣсто въ Старинѣ: оно сходится съ образами Московскихъ Былинъ, а тѣ въ семь случаевъ возвращаются къ Слову о Полку Игоревѣ, см. выше. — ²⁾ Опять народно: Палій вѣченъ, типъ козака, и самъ помнить „бывальщину,“ и бывальщина не перестаетъ вспоминать объ немъ.

XX.

Опять война.

1.

(Из Пермской и Новгородской губ.).

- Выкатается свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ,
 Онъ на золотой—то на каретѣ:
 Подъ нимъ лошади вороныя,
 На самомъ на немъ платье черно,
5. Платье черное, да все кручинно.
 Докатается онъ да до сенату,
 Докатается ко крылечку ко ¹⁾ прекрасному,
 Изъ каретушки да выльзаетъ,
 Во присутствіе да самъ заходитъ.
10. Сенаторы всѣ да испугались,
 Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
 Изъ очей слезы да покатились.
 Осередь онъ полу становился,
 Господу Богу да помолился,
15. На ременчатый стулъ онъ садился.
 Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
 Листъ бумаги онъ да не плохія,
 Не плохую онъ бумагу,—гербовую,
 Во правую ²⁾ перо да лебедино,
20. Начинаетъ писать да доношеніе,
 Отсылаетъ доношеніе въ ину землю:
 Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

(Записано Ст. П. Кораблевыхъ; повторено у Якушкина 1865, какъ сообщенное А. А. Григорьевыхъ).

* * *

¹⁾ Якушк. „по.“—²⁾ Руку.

XXI.

Походъ Шереметева подъ Ригу.

Какъ во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
 Что на той ли было, братцы, Красной площади,
 Хорошо-добрѣ солдаты во строю стоять:
 Они огненные ружья предъ собой держуть.

5. Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
 Кремль-городомъ прошли, братцы, поплавнѣховьку,
 Во Соборъ пришли солдаты—Богу молитися ¹⁾,
 Ко святыгъ мощамъ солдатунки приложилися,
 Государю-царю солдатунки поклонилися:
10. «И ты здравствуй-многолѣтствуй, православный царь!
 «Благослови ты нашъ, солдатункамъ, въ походъ итти,
 ««Что подъ славной ли подъ городъ подъ Ригу.»»
 Ужь какъ взговорить нашъ батюшко, православной царь:
 «Вы подите, мои дѣтушки, потихохоньку,
15. «Вы уѣздами подите посмирнѣховьку,
 «А подъ Ригу пришедши, становитесь,
 «Вы меня ли, мои дѣти, дожидаетесь,
 «А фельдмаршала во всемъ вы слушайтесь.»

(Пѣсешники Чудковскій и Новиковскій, за ними другіе).

* *

Государь ѣдетъ по морю. Рига взята.

1.

(Саратовъ).

Какъ по морю-морю Синему,
 По синю морю по Хвалынскому ²⁾,
 Пламя-воспльвали три военныхъ корабля:

¹⁾ Ошибка ви. „молитися.“ — ²⁾ См. выше близкое родство представлений о Синемъ морѣ Хвалынскомъ (Каспійскомъ) и Синемъ же Варяжскомъ, Вережскомъ.—*Косм.* исправлено: „по Балтійскому.“

На первомъ ¹⁾ корабликъ императоръ—царь сидитъ,
 5. На другомъ корабликъ князь—бояре сидятъ,
 На третьемъ корабликъ всё солдаты сидятъ ²⁾,
 Сидѣли солдаты полку Семеновскаго,
 Той ли первой роты бомбандирскія.

Парусы они роняли ³⁾ бѣлы—полотняные,
 10. Того ли полотенца всё Голандскаго;
 Якоря они бросали булатные,
 Того ли булату всё Сибирскаго;
 Мосты они намостили всё дубовые;
 Подкопы они копали всё глубокие,
 15. Глубокие подкопы на двѣнадцать верстъ;
 Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
 Со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ;
 Свѣчки ⁴⁾ зажигали воску враго.

Свѣчки догорали,—бочки рѣзорвало,
 20. Взрывало ту ⁵⁾ стѣну бѣлокаменную.
 Вотъ и стали государя—царя поздравляти:
 «Ужь ты здравствуй ⁶⁾, государь—царь, съ крѣпкимъ го-
 родомъ,
 «Съ крѣпкимъ городомъ со Ригю!»

(Записано А. Н. Паскаловою; въ Сборникѣ гг. Костомар. и Мордвиз. исправлено).

Ср. выше поѣздку по морю Вереѣскому, взятіе Казани (вып. 6), Азова и Штоссель-
 бурга.

* * *

¹⁾ Кост. „На первомъ (успашено, какъ у Сахарова).“—²⁾ Кост. „всѣ сол-
 датухи (чтобы избѣгнуть казавшагося лишнимъ повторенія „сидятъ“).“—
³⁾ Опускали.—⁴⁾ Кост. „свѣчки,“ ибо такъ ниже.—⁵⁾ У Кост. избѣгнуто (ибо
 не говорено, какую?).—⁶⁾ „Здравствуй“ и значитъ—„Поздравляемъ тебя.“ Же-
 лая это „поправить,“ Кост. и Морд. добавляют:

„Ужь ты здравствуй, государь нашъ, православный царь,
 „Поздравляемъ тебя съ крѣпкимъ (вопреки складу) городомъ,
 „Съ крѣпкимъ (!) городомъ со Ригю!“

XXII.

Колывань-Ревель.

1.

(Губ. Рязанской).

Какъ во славномъ-то во городѣ было въ Колывани,
 Что по нѣишнему названью славный городъ Ревель ¹⁾,
 Тамъ стояли палатушки бѣлы-каменные.

Что во тѣхъ-то ли во палатушкахъ Шведская королева ²⁾;

5. Передъ нею-то, нашей матушкой, стоятъ генералы,
 Позади-то генералушковъ да всѣ ³⁾ офицеры.

Что стояши туту, всѣ начальнички сами слезно плачутъ:
 «Охъ ты гой еси, наша матушка, Шведска королева!
 «Но и ⁴⁾ что же, ты, своему братцу пишемъ ты не пишешь?

10. «Что прислалъ бы, прислалъ вамъ братецъ-то войска
 сорокъ тысячъ!»

Не успѣла-то наша матушка словечка промолвить,
 Не яснѣ-то соколъ по поднѣбесью—соколикъ—летаетъ,
 Какъ Россійскій-то царь по своей армейшкѣ вотъ онъ
 развѣскаетъ,

Своихъ-то солдатушковъ въ нашъ ⁵⁾ городъ впускаетъ,

15. Наши ⁵⁾ строгіе-то караулушки онъ всѣ посягаетъ.

(Изъ сборн. П. В. Кар.).

Ср. выше Шведскую королеву, отдѣль XVI в „Замѣтн.“

*

¹⁾ Какъ и выше, признакъ современнаго сложенія пѣсней, тотчасъ за со-
 бытіемъ.—²⁾ Ср. ее выше.—³⁾ Все?—⁴⁾ Рѣдкое употребленіе: обыкновеннѣе
 на оборотъ „иш.“—⁵⁾ Все это *наше*—обычный приѣмъ Русской рѣчи о томъ
 дѣлѣ, событіи и лицѣ, о которомъ идетъ разговоръ.

2.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
 Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты;
 Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
 Какъ стояли тутъ столы дубовые;
 ѓ. За столомъ сидитъ Шведская королева ¹⁾,
 Передъ ней стояли Шведскіе генералы.

Что возговорятъ Шведскіе генералы:
 «Ахъ ты гой еси, Шведская королева!
 «Ты за чѣмъ къ королю брату не пишешь,
 10. «Чтобъ прислалъ онъ силу на подмогу,
 «Что за силою прислалъ бы провіанту?»
 Что возговоритъ тутъ Шведская королева:
 —Ахъ вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
 —Ужъ я и такъ къ королю брату писала,
 15. —И нарочныхъ курьеровъ посылала,
 —Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
 —Онъ за силою прислалъ бы провіанту.—
 Не успѣла королева слова молвить ²⁾,
 Ужъ какъ Бѣлый царь къ городу подступаетъ,
 20. И онъ панцы-батареи отбиваетъ,
 Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
 А въ городъ армию свою впускаетъ,
 И онъ Шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
 Онъ Россійскіе караулы разставляетъ.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе, *Сазаровъ* и *Кост.* съ *Морд.* «въ Саратовской губерніи»).

* * *

Къ сей же самой, *Петровской*, эпохѣ относятся (между прочимъ по самому строю и складу) или, лучше, отъ нея оторвались отрывками слѣдующія пѣсни, уже Безмянинныя или Молодецкія, которыя однако слѣдуетъ, какъ дополнение, постоянно сравнивать съ предъидущими Историческими:

¹⁾ Ср. выше „королеву.“—²⁾ Этотъ стихъ пропущенъ у *Кост.* и *Морд.*

XXIII.

Походы въ земли Шведскія и Турецкія, возвратъ
и уроны.

1.

(Тульской губ.).

Какъ во городѣ во Верюшкѣ ¹⁾,
 Во селѣ было Корочаровѣ,
 Всѣ квартирушки поразписаны,
 Всѣ солдатушки поразставлены,

5. Какъ солдатушки полку Тульскаго,
 Роты первыя, гренадерскія ²⁾.

Вдругъ несчастьице въ полку учинилося ³⁾:
 Какъ со вечеру приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи ружья чистили,

10. Ко бѣлѣ свѣту во строю стоять,
 Во строю стоять, по ружью держатъ ⁴⁾.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 А маіоръ стоитъ середі полку,
 Самъ полковничекъ подъ знамѣнами.

15. Капитанъ кричить: «На плечо ружье!»
 А маіоръ кричить: «Во походъ пошолъ!»
 Самъ полковничекъ: «Во ныя земли ⁵⁾,
 Земли Шведскія и Турецкія!»

¹⁾ Хотя въ ту пору точно быреди отсюда высматъ и походы, но можно также думать, что здѣсь связь съ „моремъ Верейскимъ“, которыми начинаются подобныя же пѣсни, ср. выше.—²⁾ Ср. выше, и съ этой эпохи таковыя приемы почти всѣхъ пѣсней „солдатскихъ.“—³⁾ „Несчастьице“, какъ показаны примѣры выше, есть ничто иное здѣсь, какъ „походъ“, выступъ на службу.—⁴⁾ Ср. подобныя образы въ походѣ подъ Азовъ и къ разнымъ дѣламъ Шведскимъ.—⁵⁾ То есть „пошолъ во походъ“, но здѣсь переходитъ уже въ „разсказъ о походѣ.“

- Изъ за горъ было—горъ высокинхъ,
 20. Изъ за лѣсу—лѣсу темнаго,
 Не бѣла зоря занималася,
 Не краснó солнце выкаталося,
 Выходила тутъ наша армія,
 Наша армія государева,
 25. Государя царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго Петра Перваго.

(Запис. госпожою Улыбышевой).

*

2.

- Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
 Во селѣ было во Купелюшкѣ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Въ нихъ солдатушки поразставлены,
 5. Всѣ солдатушки полку Тульского,
 Полку Тульского, мушкатерскаго.
 Какъ охочи были солдатушки
 По ночамъ гулять съ краснымъ дѣвушкамъ ¹⁾,
 Съ краснымъ дѣвушкамъ со Вереискими,
 10. Со молодками деревенскими.

- Вдругъ несчастныце учинилося:
 Приказъ съ вечера въ полку отданъ былъ,
 Приказъ отданъ былъ, походъ сказанъ всѣмъ.
 Во полночь они ружья чистили,
 15. Со бѣлымъ свѣтомъ во строю стоятъ,
 Во строю стоятъ, по ружью держатъ,
 На четыре ряда расчитаны.
 Капитанъ стоялъ передъ ротою,

¹⁾ Оттѣнокъ народной рѣчи (областной) и признакъ, что пѣсня записана изъ устъ, подобно другимъ въ этомъ хорошемъ пѣсенникѣ.

- А маіоръ сидѣлъ на добромъ конѣ,
 20. На добромъ конѣ посреди полку.
 Капитанъ сказалъ: «На плеча ружья!»
 А маіоръ вскричалъ: «По ремнямъ спущай,
 «По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
 Всѣ солдаты тутъ призадумались,
 25. Призадумавшись слово молвили:
 ««Ахъ вы братцы, други—пріятели!
 ««Легко было съ дѣвкамъ свыкаться
 ««Тяжело теперь разлучатися!»»

- Изъ за лѣсу ли, лѣсу темнаго,
 30. Изъ за горъ ли, да горъ высокѣихъ,
 Не ясно солнце выкаталося,
 Не грозна туча поднималася,
 Выходила тутъ Руска армія,
 Руска армія императорска,
 35. Изъ того ли села изъ Купелюшки,
 На сраженіе непріятелей,
 Непріятелей царя Бѣлаго ¹⁾.

- А одинъ тутъ былъ молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ, полковой сержантъ,
 40. Во рукахъ онъ несъ знамя царское,
 Знамя царское, Всероссийское ²⁾.
 Онъ не пьянъ идетъ, а шатается,
 На всѣ стороны покланяется,
 Съ отцомъ—матерью онъ прощается,
 45. Съ родомъ—племянемъ разстается,
 Самъ слезами онъ обливается.

¹⁾ Два стиха присочиненныхъ, ибо пѣсня явно обидна, видно: Руска армія императорска, Императора царя Бѣлаго, съ обыкновенною прибавкою—Царя Бѣлаго Петра Перваго.—За сѣмъ „несчастыце“ похода уже олицетворено въ особѣ полковаго сержанта, является и прибавка, и цѣлый отдѣлъ, который изъ одной пѣсни творитъ двѣ особыхъ половины.—²⁾ Позднѣйшая, ненародная вставка.

- Съ молодой женой не прощается ¹⁾:
 Что отъ ней пошолъ во неволюшку,
 Во неволюшку—службу царскую,
 50. Во всегдашнюю во заболушку.

Пѣсенникъ Шпоровскій, СПб. 1791 г.,—одного года съ пѣсней, записанной въ Почепагахъ, см. выше; послѣ того, съ малыми отгнѣнами, пѣсенники, другіе).

*

Кажется, лучший подлинникъ, сравнительно съ двумя предъидущими образцами, нужно брать въ слѣдующемъ:

8.

- Во селѣ—селѣ во Верейскомъ,
 Тутъ росписанныя квартирушки,
 Разоставленные солдатушки,
 Что солдатушки полку Преображенскаго,
 5. Полку Преображенскаго, роты первыя.
 Что любили—то солдатушки
 Во селѣ гулять съ красными дѣвками,
 Съ красными дѣвками съ Верейскими,
 Съ молодками деревенскими.
10. Ишь ²⁾ со вечера приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи ружья чистили,
 Ко бѣлу свѣту во строю стоять,
 Во строю стоять, во походъ итти.
 Капитанъ стоитъ передъ ротою,
 15. Маіоръ стоитъ посреди полку,
 Младъ полковничекъ на конѣ ѣздитъ,
 На конѣ ѣздитъ по всей арміи.
 Капитанъ скричалъ: «На плечо ружья!»
 Маіоръ скричалъ: «Во ремни ружья!»

¹⁾ Еще новая черта, но вмѣстѣ отвѣтная приведеннымъ выше пѣснямъ „историческимъ“ жана. „Несчастыице“ вообще утравлось: на лицѣ сержанта; на женѣ; на службѣ по ея винѣ. —²⁾ Ишь? Ино: вотъ однажды.

20. Младъ полковничекъ: «Во походъ пошли!»
 Во походъ пошли ¹⁾, ружья сбрякали,
 Ружья сбрякали, дѣвки сплакали ²⁾:
 «Вы прощайте, наши любезные!»»

Изъ-за горь-то горь изъ за высоиныхъ ³⁾,

25. Изъ-за лѣсу-то лѣсу тѣмнаго,
 Не бѣла заря знаменуется ⁴⁾,
 Не красно солнце выкаталоса,
 Выходила тутъ сила-армія,
 Сила армія царя Бѣлаго,
 30. Царя Бѣлаго Петра Перваго.
 Напередъ несутъ знамя царское,
 А подъ знамечкомъ молодой сержантъ,
 Молодой сержантъ, генеральскій сынъ.

Онъ не пьянъ идетъ—шатается,

35. На всѣ стороны покланяется,
 Съ отцомъ съ матерью онъ прощается.
 Съ молодой женой не прощается,—
 Отъ ней спозналъ чужу сторону:
 «На чужой-то мнѣ сторонушкѣ
 40. «Положить будетъ головушку,
 «Не видать-то мнѣ отца и мать,
 «Не видать-то весь и родъ-племя!»

(Записано А. Хр. Востоковымъ, неизвестно гдѣ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

¹⁾ Здѣсь слова полковника сливаются съ рассказомъ.—²⁾ Ср. также то же самое выраженіе въ описаніи походовъ Шереметевскихъ.—³⁾ Д. б. „высоиныхъ.“—
⁴⁾ Знаменн = число, мѣра (какъ въ потныхъ древнихъ знакахъ), и тамъ же
 образомъ повторяется древнее выраженіе Богатырскихъ Былинъ: „не красное
 солнце числовалоса,“—сравненіе Владимира, см. мн. 3 и 7.

4.

(Самарскій край).

- Не бѣла зоря занималася,
 Не красное солнце закаталося:
 Выходила—выступала сила войская ¹⁾,
 Сила войская царя Бѣлаго,
 5. Государя Петра Перваго.
 Напередъ идуть съ ²⁾ знаменами,
 Позади идуть съ барабанами:
 Въ барабаны—то пробили по весѣлому,
 Намъ указы прочитали по печальному ³⁾.
10. Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался,—генералъ помёръ ⁴⁾.
 Самого—то генерала на рукахъ несутъ,
 Генеральнаго коня въ поводѣ ведутъ,
 Молодую генеральшу шестерней везутъ,
 15. Молодая—то генеральша слезно плачетъ ⁵⁾.

(Ср. Сборникъ г. Варенцова, 1892 г.).

*

¹⁾ Выраженіе еще древнее, откуда древнее „войска“ въ женскомъ родѣ и склоненіе слова какъ имени прилагательнаго (войска, войскою; войскаго, войскому; войско, войска, войску).—²⁾ Должно быть: „со.“—³⁾ Такимъ способомъ, сравнительно съ предыдущими образцами, сохранены только слабыя черты 1-го отдѣла пѣсни и взятъ исходной точкой отдѣлъ 2-й, съ самого его начала.—⁴⁾ Несчастье и уронъ олицетворились еще дальше: это уже смерть, и пѣсня отсюда совпадаетъ съ прежними пѣснями о смерти „Полковничка.“—⁵⁾ Вотъ и жена, и уже не вина несчастья—службы, а сама несетъ на себѣ уронъ и терпитъ горе.—Такъ-то идетъ постепенное развитіе (собственно ослабленіе и разбавка) творчества во пѣсняхъ Безъимянный и такъ-то, на оборотъ, изъ остатковъ ихъ отъ прошлаго всегда можно было слегать болѣе новыя пѣсни „историческія“, примѣняя древній, обезличившій и безъимянный, отрывокъ къ свѣдѣнію событію историческому.

Б.

(Губ. Владимирской).

- Выходила—выступала сила войская,
Сила войская—гусары ¹⁾ царя Бълаго,
Царя Бълаго гусары—Петра Перваго.
Напередъ идутъ гусары со знамѣнами,
5. Позади идутъ гусары—барабаны бьютъ:
Барабанный бой пробили по печальному,
Славно пѣсенки загѣли по весѣлому ²⁾.

- Какъ у насъ ли во ширинкѣ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, гусары, генераль померъ.
10. Генеральскаго конѣчка въ поводѣ ведутъ,
Генеральскаго сыночка на рукахъ несутъ ³⁾,
Генеральское сѣдѣльцо на возу везутъ.
Самого генерала шестерней везутъ:
«Вы везите меня, гусары, черезъ три поля,
15. «Черезъ три поля, гусары, за четвертое ⁴⁾!»

(Изъ сборника П. В. Кир.).

* *

Такова же судьба и многихъ другихъ Безъименныхъ пѣсенъ, то есть и оныя, въ старинныхъ подлинникахъ, обыкновенно соприкасаются съ историческими чертами. На примѣръ, вотъ образцы весьма распространенной, совершенно уже Безъименной и даже лирической („Женской“, „Семейной“, „Бесѣдной“) пѣсни (см. ее гораздо ниже въ своемъ мѣстѣ), въ двухъ ея видахъ или, лучше, въ веретасовкѣ:

¹⁾ Въ испорченныхъ образцахъ отсюда сдѣланы „Соловоѣскіе гусары“,—камень преткновенія для иныхъ издателей, кои видѣли здѣсь гусаровъ „Соловецкихъ“ и даже „Савойскихъ.“—²⁾ Здѣсь эта черта утратила смыслъ и заключаетъ противорѣчіе.—³⁾ Вотъ уже далѣе и *сыночекъ*, въ пополненіе „несчастыя“ и благодаря рѣимѣ „конечка.“—⁴⁾ Умершій генераль даже говоритъ; ср. выше завѣщаніе умирающаго полковника и атамана.

6.

(Губ. Тульской).

- Говорилъ-то инѣ милъ-сердечный другъ,
 Говорилъ-то, крѣпко приказывалъ,
 Честью-лестью уговаривалъ:
 «Посмирнѣе живи, моя лебедушка ¹⁾!»
5. Я приказу его мало слушалась,
 Со инымъ дружкой повадилась ²⁾;
 Поважимши разбранилася,
 Разбранивши слезно всплакала,
 Во слезахъ я слово молвила:
10. —Ты взойди, взойди на мой на дворъ,
 —На мой на дворъ, во высокъ терѣмъ,
 —Погляди-т-ко ты въ окошечко:
 —На моемъ ли на дворѣ туманъ-туманъ,
 —На синѣмъ морѣ непогодушка.—
15. Есть у дѣвушки зазнобушка:
 Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
 Дѣтинушка дворянскій сынъ,
*Зазнобимши самъ въ походъ пошолъ,
 Въ чужи земли—земли Шведскія ³⁾.*

(Г-жа Ульмышева).

*

А вотъ перестановка частей пѣсни и обратная пѣсня—по дѣвушки, а самого дворянскаго сына:

¹⁾ Идя въ походъ, какъ разъяснила пѣсня на концѣ, такъ „дворянскій сынъ“ наказывалъ.—²⁾ Отсюда уже неудержимо, шагъ за шагомъ, Безымянная пѣсня катится какъ по склону въ своихъ отступленіяхъ и развѣтвленіяхъ.—³⁾ Здѣсь только разъясняется подлинное происхождение пѣсни.

7.

У насъ на дворѣ туманъ-туманъ,
 На синѣмъ-то морѣ погодушка ¹⁾:
 Есть у дѣвушки заботушка,
 Въ ретивомъ-то сердцѣ зазнобушка.

5. Зазнобылъ сердце дворянскій сынъ,
*Зазнобивши самъ въ походы пошолъ,
 Во походы пошолъ, въ чужую сторону,
 Въ чужу сторону, въ края Шведскія.*

- Провожу-то я друга милаго
 10. До самого до Питера,
 А отъ Питера до Кіева ²⁾,
 Назадъ пойду—я въ садъ зайду,
 Нащиплю я хмѣлю яраго,
 Наварю я пива пьянаго,
 15. Позову къ себѣ милыхъ гостей;
 Я по батюшку посла пошлю,
 Я за матушкой вѣрнѣ ³⁾ слугу.
 За милымъ дружкой сама схожу.
 Назову гостей, подпою я всѣхъ,
 20. Напою я—стану спрашивать:
 «Ты скажи-т-ко ⁴⁾, мой любезный другъ,
 «Одной ль (меня) ты сушишь-крушишь?»
 Отвѣтъ держитъ добрый молодець:

---

¹⁾ Образъ природы для сравненія съ заботой и зазнобой.—²⁾ Такъ первое направленіе къ *Швеціи* переходитъ на позднѣйшій *Питеръ*, за тѣмъ возвращается къ старшему *Кіеву* и даже возвращаетъ самого любезнаго для переговоровъ.—³⁾ Старинное согласованіе, принятительно къ женской формѣ имени „слуги“, подобно какъ въ духовныхъ Стихахъ „Судья наша праведная.“—⁴⁾ Участіе звука *т*, приличное во 2-мъ лицѣ повелительнаго (*ты*), пришлося и къ повелительному множественнаго, какъ выше замѣчено, а отсюда слылось съ неокончательнымъ („вонзять, озьмить“).

- Я сушу-крушу ровно восемь вась,
 25. —Я девятую—сестру крестную,
 —Я десятую—милу кумушку.—
 Отошедши прочь, я заплакала.

(Запис. А. Хр. Востоковымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Цоретелевымъ).

* *

Также точно, и еще легче было сделаться действительному несчастяицу в урону среди самого похода, „среди поля чистаго.“ Множество Безъязычныхъ пѣсень сего рода: одна изъ главныхъ—съ началомъ „Ахъ ты поле, поле чистое.“ Тутъ гибель Безъязычный Молодецъ, козакъ, солдатъ и т. п., идя на службу или со службы, вспоминая вѣною того дѣвицу, жену, или прощаясь съ ними и т. д. Позднѣ Петровской поры отсюда образовано нѣсколько „историческихъ“ пѣсень съ тѣмъ же началомъ, нѣкоторые же образцы восходятъ чертами къ помянутой старшей эпикѣ:

8.

(Москва).

Во чистѣмъ полѣ ¹⁾,

Ужь ты поле мое, поле чистое,

Ты раздолье мое, ты широкое!

Ничего, поле, не порѣдило,

5. Породило поле часть-ракутовъ кустъ.

Какъ подъ тѣмъ кустомъ лежитъ

Тѣло бѣлое молодецкое:

Тамъ лежитъ солдатъ, полковой сержантъ ²⁾.

Онъ убитъ лежитъ—весь израненный,

10. Въ головахъ у него знамя царское,

На грудяхъ у него руки бѣлыя ³⁾,

На рукахъ у него кольца ясныя;

Во бѣлыхъ рукахъ сабля острая,

Во ногахъ у него добрый конь его.

¹⁾ Безсмыслица.—²⁾ Нашъ знакомецъ, вышедшій походомъ изъ Вережики.—
³⁾ Эти подробности плохи, въ другихъ образцахъ несравнено лучше: намъ
 взять предлагающій только ради одной исторической черты.

15. «Ужь ты конь, ты, мой конь, конь—товарищ мой ¹⁾!
 «Ты поди жь, ты, мой конь, на мою сторону,
 «Къ отцу къ матери, къ роду—племени,
 [«Къ роду—племени,] къ молодой женѣ,
 «Из царю Бѣлому, Петру Первому ²⁾».
20. «Ты скажи мнѣ ³⁾, конь....
 «Погубила меня сабля острая ⁴⁾».

«Ужь ты конь, ты, мой конь, ты скажи жь, ты, мнѣ
 конь:

«Гдѣ ты былъ—побывалъ на своей сторонѣ?»

—Въ ⁵⁾ царя Бѣлаго, Петра Перваго.—

25. «Ужь ты конь мой, конь, что ты ѣлъ тамъ—пилъ?»

—Ужь я ѣлъ по лугамъ шелковую траву,

—Ужь я пилъ—попивалъ сладку водочку ⁶⁾.—

(Запис. А. А. Григорьевичъ; ср. Сборникъ Якушкина, 1865; ср. варианты лучше у *Костомар.* съ *Мордоч.* и многие другіе).

Другія, сего же разряда, Безъимянныя пѣсни имѣютъ начало: „Ахъ вы горы, горы кру-
 тья;“ ср. ниже „Ахъ далече-далече, во чистотѣ погѣ.“

* *

Наконецъ, въ третьихъ, то же самое естественно повторилось еще по возвратѣ изъ
 похода; пѣсни слѣдующаго начала и рода также весьма развиты въ кругу Безъимянныхъ,
 а нѣкоторыя еще дышатъ началами своего происхожденія изъ эпохи Петровской:

¹⁾ Этотъ разговоръ, обыкновеннѣе „завѣщаніе“, ср. выше со словами умн
 разобщихъ или заключенныхъ героевъ, и отсюда же завѣщаніе „умершаго“
 генерала.—²⁾ Такъ невольна спазалась первая эпоха, изъ которой заимъ пѣс-
 ня свое опредѣленное начало.—³⁾ Ошибка: мнѣ; ему.—⁴⁾ И довольно, въ дру-
 гихъ и конецъ: но пѣсня, разыгравшись, захотѣла дальше описать и возвратъ
 коня, довольно смѣшной.—⁵⁾ У.—⁶⁾ Безъ смысла и вкуса; перенесено отъ
 возврата съ пирю; въ другихъ это говорить воронъ, слетѣвшій съ трупа уба-
 таго и повѣствующій соколу.

(Губ. Тульской, у. Чернского).

- На зорѣ на зорюшкѣ,
 На прекрасной Ямской площади
 Собирался козацкій кругъ.
 Во кругу стоитъ виноходный конь,
 5. Осѣдланый и занузанный;
 На коню сидитъ офицерскій сынъ,
 Офицерскій сынъ,—капитанскій чинъ ¹⁾;
 Онъ не такъ-то убить ²⁾,—а больно раненъ,
 Не такъ плачетъ—какъ рѣка льется ³⁾;
 10. Шелковымъ платкомъ утирается,
 На всѣ стороны поклоняется:
 «Не съ одной ли ⁴⁾ сторонущи со мной?
 «Скажите поклонъ моему батюшкѣ,
 «Государынѣ моей матушкѣ:
 15. «Пропалъ-погибъ добрый молодецъ
 «На чужой-дальней сторонущи,—
 «Какъ погнали насъ въ землю Шведскую,
 «Изъ Шведской во Турецкую ⁵⁾.»

(Изъ сборника П. В. Кир.).

*

¹⁾ Мы здѣсь, хоть и въ козацкомъ кругу, узнаемъ знакомаго намъ „дворянскаго сына,“ полковаго сержанта.—²⁾ Не то, чтобы онъ былъ совсѣмъ убить (пѣсня даетъ возможность „завѣщанію“).—³⁾ Особый видъ знакомаго намъ отрицательнаго сравненія: онъ не то, что плачетъ,—какъ рѣка льется. Отсюда-то возможна обратная перестановка: не рѣка льется,—молодецъ плачетъ. И наконецъ, когда уравниваются стороны: молодецъ плачетъ—какъ рѣка льется. Первые два способа сравненія у Славянъ старше: образъ, снятый съ природы внѣшней, не-человѣческой, перетягивается.—⁴⁾ Пропущено: „вы.“—⁵⁾ Можно думать, что здѣсь слѣдовалъ рассказъ объ частномъ случаѣ, случившемъ молодца среди похода отъ моря Верейскаго къ Пруту.—Въ другихъ, слѣдующихъ образцахъ, объ земли уже слиты.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

- На зорѣ-то было—на зорюшкѣ,
 Во Москвѣ-то было во городѣ,
 На Щепной-то было на площади,
 Собирался въ кругъ козацкій полкъ.
5. Во кругу стоитъ виноходный конь,
 Виноходный конь подкованный,
 Конь подкованный, осѣдланый.
 На конѣ сидитъ добрый молодець,
 Добрый молодець—козакъ ¹⁾ плакался,
10. Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льется,
 Шалковѣль платкомъ утирается,
 На всѣ стороны поклоняется,
 Со полками устрѣвается ²⁾:
 «Да вы здравствуйте!
15. «Не съ одной ли вы сторонушки?
 «Вы скажите—ка поклонъ батюшкѣ,
 «Челобитьице родной матушкѣ:
 «Что погибъ—пропалъ добрый молодець,
 «Что подъ силою подъ Шведскою,
 20. «Что подъ армію ³⁾ подъ Турецкою!»

(Отъ Языкова).

* * *

Подобнымъ образомъ, есть пѣсни, и Быдены, которыя гораздо старше Петровской эпохи своимъ происхожденіемъ, или же, совпадала съ нею одновременнымъ началомъ, совершенно отходятъ отъ господствовавшаго въ ней характера, по своему особому, исключительному содержанию, — во которыя однако же „окрѣпли своимъ строемъ (жанромъ)“

¹⁾ Вотъ уже прямо козакъ: эти переходы отъ стрѣльцовъ къ козакамъ, отсюда къ представителямъ „новаго войска“ и опять козакамъ—мы уже знаемъ и встрѣчали.—²⁾ Встрѣчается и здороваётся.—³⁾ Т. е. подъ арміей.

лись" въ эпоху Петровскую и потому понесли на себѣ двѣ-три ея черты, видѣнія, и тѣмъ не менѣе яркія. Такова, на примѣръ, помѣщенная у насъ въ 7-мъ выпускѣ (стр. 190, 191), о *Татарскомъ поломѣ*, гдѣ Русская полонянка у Турокъ просится отпустить ее на волюшку,

Что на волюшку—на Бѣлую Русь,
На Бѣлую Русь, къ царю Бѣлому,
Къ царю Бѣлому, Петру Первому.

Мы еще встрѣтимъ подобныя и ниже.

Сюда же относятся тѣ, въ которыхъ, хотя безъ личнаго имени, но ярко выставляются „Царь Бѣлый," ибо это имя по преимуществу въ народномъ творчествѣ усвоено Петру. См. ихъ и прежде, и ниже.

* * *

Какъ со времени Петра I-го близко связуется народное творчество Великой Руси, все еще пока Московской, съ народнымъ творчествомъ Руси Малой, хотя уже и не древней Кіевской, такъ точно то и другое, или, иначе, общее Русское пѣснотворчество устное тѣсно сближается съ произведеніями творчества письменнаго, литературы личной (см. о томъ подробнѣе въ «Замѣткѣ»). Сближеніе это совершается, по преданію отъ старины, преимущественно подѣ влияніемъ «духовнымъ,» а потому и тогдашняго «духовенства,» въ области, которой усвоено народомъ имя «Стиховъ» — на Востокѣ, имя «Кантъ» и «Кантычекъ» на Западѣ (Сѣверо-и Юго-западѣ) Россіи. Уже въ эпоху Алексѣя Михайловича на Москвѣ раздается «Стихъ воинской» или «о Царствѣ Московскомъ (см. вступленіе къ 6-му выпуску «Валѣтъ Перехожихъ»),» а съ Запада, Западнымъ нарѣчіемъ «глаголетъ Польша къ благочестивѣйшему царю и великому князю Алексію Михайловичу,» или же «Россѣ Малая, обиждаема,» поетъ «о Величій Россіи,» какъ «Россія паки совокупляется,» какъ «вѣрныхъ Богъ сохраняетъ, во едино ихъ сочetaетъ, есть бо въ нихъ царь православный, благій, кроткій и смиренный;» отсюда же поется «Пѣснь Господни о покореніи иноплемennыхъ языкъ благочестивѣйшимъ Царемъ нашимъ Іоанну и Петру (см. на концѣ выпуска въ «Приложеніи»);» но особенно созрѣваютъ Канты въ Петровское время, когда съ Запада происходитъ явщая колонизація тамошнихъ Русскихъ. «му-

жей науки и цивилизации,» когда возникает идея «национальная» на мѣстѣ «народной,» когда «национальная поэзія» воспѣваетъ даже не изъ дали, а въ среднѣ Московской Россіи, сверхъ и не Московской, скоро и не одними Западными, а также точно сформированными, Московскими и Петербургскими устами.—Произведенія возбуждаются славными историческими событіями и къ нимъ прилѣпляются; вотъ нѣсколько примѣровъ этимъ «Кантамъ,» родоначальникамъ и родоначальницамъ послѣдующихъ «Одъ» и «Стихотвореній,» по рукописямъ:

* *

XXIV.

Канты.

1.

а)

Слюсенбурхъ.

Орле, восплещи крѣпы, двоеглавный,
Возносяи скипетръ высоко державный,
Дающе знаменія веселія многа,
Яко побѣду пріять Россія отъ Бога!
Красуйся нынѣ, Роская порфиро,
Христіанская веселися, вѣро ¹⁾!
Да торжествуетъ царей Роскихъ діадима,
О Божѣ Спасѣ своемъ сущи возносима!

Возвѣсти словомъ, всѣмъ днесь, трубою:
Покорилъ Богъ Слюсенбурхъ подъ нозѣ
Російскому, крѣпкою рукою,
Цареву Петру, въ благности мнозѣ.
Кто при Ладожскомъ езерѣ рыдаетъ?
Левъ дикій Шведскій вопль свой возвышаетъ:

¹⁾ Читай: „вино;“ сочинялъ Малоруссъ.

Сотре ему зубы Петръ, Самсонъ мужественный;
 Отнятый Слюсенбурхъ-градъ, дивно утвержденный,
 Петромъ-каменемъ егда поразися,
 Звѣрь лютый Шведскій къ смерти приближися:
 Стъуетъ о погубленномъ Слюсенбурхъ-градѣ,
 Нѣсть способствуя ему ко его отрадѣ.

Рыкай, льве Шведскій, свирѣпый аде,
 Сокрушенъ Російскимъ мечемъ сущій!
 Торжествуй днесь, Слюсенбурхе граде,
 Подъ скипетромъ Російскимъ цвѣтущій!

Иже ¹⁾ въ Люторской сквернѣ пребываше,
 Другомъ Божиимъ чести не даяше,—
 Нынѣ всѣмъ примирился, святымъ и Христови,
 Іерусалимъ сущи, градъ Слюсенбурхъ новый.
 Гдѣ левъ ложе си лютый имѣяше,
 Зубы своими всегда скрежеташе:
 Тамо нынѣ Російскій орелъ возгнѣздися
 И побѣдоносецъ надъ львомъ лютымъ явися.

Радуйся, Слюсенбурхъ-градъ, просвѣщенный
 Совершенной вѣры новымъ свѣтомъ!
 Хвалися, граде, нынѣ, храбрственный,
 О имени Божіи препѣтомъ!

Тѣмъ же воспойте, Російстіи лица,
 Благодарствіе Троицы Единицы!
 Воспойте нынѣ пѣсни, Російскія трубы,
 Яко сокруши царь Петръ льву Шведскому зубы.

Слава Ти буди, о Творче свѣта,
 Да хвалятъ Тя чрезъ безмѣрная лѣта,
 Яко помоглъ еси царю въ брани,
 Царю сильну, Петру, на вся страны!

(По рукописи Ф. Н. Буслаева, XVIII вѣка, и другимъ нотнымъ).

*

¹⁾ Который, Шлюссельбургъ.

б)

Свите пространный, виждь и удивися,
 Великороской силѣ присмотрися!
 Повѣждь вселеннѣй, яко мужественнѣ
 Орелъ Шведскаго льва уби явленнѣ.
 Твердый разби Слюсенбурхъ на части,
 Своей покори державнѣйшой власти;
 Его же всякъ звѣрь разбить не можаше,
 Орелъ Російскій вскорѣ растерзаше.
 Честь Богу, слава, яко здѣ толику
 Російску орлу дать ¹⁾ силу велику,
 Его же лютыи вси трепещуть звѣри ²⁾,
 Сильна зряще, крѣпка во всемъ мирѣ.
 Такова крѣпость и такова сила
 Орла Російска, яко побѣдила
 Звѣря Шведскаго, иногда ³⁾ гордяща,
 Нынѣ же въ узахъ прегорцѣ стенаща.
 Ногтми своими въ силѣ укрѣпленный,
 Орелъ Російскій тако оруженный,
 Яко сокруши Шведску зубы львови,
 Сотре супостату противныя брови.
 Благополучнѣ орелъ сей леташе
 И пернатые крылы простираше,
 Страшилищъ Шведскихъ попра звѣрски виды,
 Возратися въ домъ съ многими побѣды ⁴⁾.
 Сице ⁵⁾ Російскій орелъ державнѣйшій,
 Паче всѣхъ птенцовъ пернатыхъ сильнѣйшій:
 «Обычай мой той,—звѣри укрочати,
 «Се же гнѣздо цѣло соблюдати.»

¹⁾ Дале, даль. — ²⁾ Читай „звиря.“ — ³⁾ Нѣкогда. — ⁴⁾ „побѣды.“ — ⁵⁾ Такъ
 вѣщается.

Тѣмъ ¹⁾ не хвалися, льве Шведскій, въ силѣ,
 Видивъ, что орелъ покрывый я крилъ ²⁾:
 Убо въ хитрости твоей не гордися,
 Російска орла, крѣпчайша, смирися!

(Оттуда же).

* *

2.

Нарва.

Свѣте Россійскій, славою вѣнчанный,
 Въ дѣлѣхъ рыцѣрскихъ суще преизбранный!

Въ сія часы
 Издай гласы,
 Воспой красно,
 Велегласно:

Днесь, днесь, днесь,
 Днесь вѣвать, вѣвать!

Муси ³⁾ Парнасу, и вы ся спѣшите,
 На триумфъ Роскій пѣснь хвалы сложите,
 Яко Богомъ предпочтенный,
 Царь Петръ, славы исполненный,
 Днесь ⁴⁾...

Льва Нѣмецка вся сила измѣнися,
 О камень твердый—Петра сокрушися.

За се дѣло
 Всякъ пой смѣло,
 Безпрестанно,
 Всеизбранно:
 Днесь...

¹⁾ Потому.—²⁾ Покрывъ ихъ, вѣнцовъ въ грядѣ, крылаши.—³⁾ Мусы—
⁴⁾ Повторяется какъ прежде.

Росія въ свѣтлый образъ превѣнися,
Держава царьска славы исполнися:

Храбрый воинъ

Той достоинъ.

О семъ внимай,

А се вѣщай:

Днесь, днесь, днесь,

Рцы—вивать!

Шведскія страны всѣ вострѣпеташа,
Когда на себѣ царьскій громъ познаша:

Градовъ крѣпость

Роска смѣлость

Взять въ державу,

Вся на славу.

Днесь ¹⁾...

Бѣжить отъ свѣта врагъ въ нощныя страны,
Восточнымъ свѣтомъ трепещеть поправный:

Не возстанеть побѣжденный,

Гордостію вознесенный.

Днесь, днесь, днесь,

Днесь вивать!

Кто можетъ сіе отъ вѣка сказать,
Можетъ ли свѣтъ мракъ одолѣвати?

Шведъ—мракъ темный,

Царь—свѣтъ зѣмный.

Побѣждаетъ,

Всякъ вѣщаетъ:

Днесь, днесь, днесь

Царь вивать!

Крѣпкія стѣны Нарвы, аки Трои,
Суть сокрушенны отъ Роскои зброи ²⁾:

¹⁾ Повторяется предыдущій призывъ.—²⁾ Броня, оружія.

Стенеть нынѣ
 При кончинѣ;
 Шведъ проклятый
 Паде спятый ¹⁾.

Днесь, днесь, днесь,
 Днесь вивать!

Подаждь, Владыка, зъ Своя десницы,
 Да расторгнутся вражія плѣнницы ²⁾!

Выну, вивать,
 Дажь цареви
 Побѣдити,

Намъ воспѣти ³⁾:

Днесь, днесь, днесь
 Петръ вивать!

(Оттуда же; о Парвѣ, въ печати, при книгѣ „Преславное торжество,“ М. 1704: „Змій убитъ; Язонъ руно свободивъ приелеть; Нарву плѣннвъ, Нигрию царь свободитъ возелеть;“ о плѣненіи Ижорской земли, для которой царь былъ Персеентъ, при „Торжественныхъ вратахъ,“ М. 1703, припечатаны стихи: „Стенше Ижорская земля, звѣрю Свѣску Въ снѣдъ повержена, даже, возставшу Россійску Персеушу, свободна нынѣ ся вылетъ“ и т. д.).

3.

**Переходъ Шведовъ въ Малую Русь, Полтава,
 Мазепа.**

а)

Днесь, орле Россійскій, простри свои крилѣ,
 Восприми воиновъ, мужественныхъ въ силѣ,
 Иже бо кровь свою за тя изліяша,
 Служащихъ лву Шведску всѣхъ смерти предаша.
 Вивать, вивать, вивать,
 Этъ бене вивать ⁴⁾!

¹⁾ Отбитый; потоптанный.—²⁾ Оковы.—³⁾ „воспѣти.“—⁴⁾ Et bene vivat: повторится послѣ каждой строфы.

Глазь грома твоего нынѣ во вселеннѣи
 Устраши льва горда, что есть всѣмъ явленнѣи:
 Громогласнымъ шумомъ орла двоеглавна
 Шведская сотресе армія преславна.
 Рече бо звѣрь лютый: «Похищу Россію,
 «Рукою моею азъ разорю сію
 «И во градѣхъ ея азъ господствовати,
 «Яко же восхотѣхъ, буду обладати.»
 Но всуе, прегорде, тако ся хвалити:
 Росіи преславной ала не сотворити!
 Господь ей помощникъ: тебе не боится;
 Что ей обѣщаешь, тебѣ пригодится.
 Убо нынѣ зрите: яже ся хваляху
 И внутрь Россіи зимовать хотяху,
 Се нынѣ придоша, хотя зимовати,—
 Вездѣ на болгаркахъ ¹⁾ будутъ работати!
 Здѣ бо ихъ не дармо на Руси кормити:
 И во градѣхъ нашихъ требъ ²⁾ погостити!
 Они ся хваляху, грады разорити:
 Но мы ихъ заставимъ, чтобъ ихъ укрѣпити!
 Вы же, Російстѣи воини преславни,
 Иже есте нынѣ всему міру явни!
 Слава ваша нынѣ вездѣ распростресе,
 Вами бо льва люта гордыня сотресе.
 Мы днесь торжествуемъ: той стенеть рыдая,
 «Лютѣ мнѣ,» вопіеть, и смерти желая.
 Рцемъ всѣмъ велегласно, вопіемъ согласно:
 Нашъ монарха вивать, вивать,
 Этъ бене вивать!

(Оттуда же).

*

¹⁾ На «ольваркахъ, на предмѣстьяхъ и городскихъ укрѣпленіяхъ. — ²⁾ Нужно имъ.

б)

Поимъ Господеви, славно прославися,
 Шведская бо гордость о Немъ низложися!
 Ты бо еси Богъ нашъ, гордыхъ низлагая,
 Смирненнымъ же убо присно помогая.
 Зрите супостата, Богомъ побѣжденна,
 За что? За гордыню въ ковецъ разоренна!
 Бѣ бо той зѣло гордъ, а нынѣ падесе,
 Отъ кротости мечемъ лють уязвися.
 Богоматери бо той не почиташе
 И святыхъ Божіихъ ни во что вмѣнате ¹⁾,
 На церкви Божія бѣ той лють гонитель,
 Православна рода присно озлобитель.
 Но Богъ за премногу его смири гордость,
 Російскимъ же воемъ подаде нань бодрость.
 Ниспосла нань ²⁾ страхъ,—вси вострепеташа,
 Отъ страха велія вси ся възшаташа.
 Услышавъ въ себѣ страхъ, не возможе стати,
 Оставивъ же своихъ при нуждѣ бѣжати,
 Бѣжитъ на полудне, не въ нощныя ³⁾ страны:
 Отъ орла Російска уже есть попраяны ⁴⁾.
 Не вѣсть, камо бѣжитъ и камо спастися,
 Отъ воевъ Російскихъ камо укрытися.
 Чтѣ Тебѣ принесемъ, Спасе нашъ и Творче,
 Славный Воевода, врагъ нашихъ Поборче?
 Мы бо смиренни на Тя уповахомъ,

¹⁾ Ср. выше описаніе Люторской ереси Шведовъ.—²⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ „на ны“ это согласовалось съ настроеніемъ Малоруссовъ, къ коимъ принадлежалъ сочинитель и переписчикъ.—³⁾ Не въ сѣверныя.—⁴⁾ Мокраши.

Возстающихъ на ны о Тебѣ попрахомъ.
 О Тебѣ врагъ нашихъ будемъ побѣждать!
 «Вивать царь Петръ,» будемъ всегда восклицати,
 «Вивать, вивать, вивать, вивать, вивать, вивать!»

(Оттуда же).

*

в)

Орле Россійскій, пусти свои стрѣлы ¹⁾,
 Дабы льва Шведска утробу пронзили,
 Иже хотяше Россію пожрети ²⁾,
 А живущихъ въ ней всѣхъ предати смерти,
 Грады Россійски своими зовяше,
 Побѣды на ся отнюдъ не чаяше
 И вознесся во гордынѣ зѣло ³⁾,
 Яко бы ся то уже исполнило.
 Но Богъ отъ небесъ ниспосла побѣду ⁴⁾
 Царю Россійску, якоже Давиду:
 Храбрыхъ воиновъ здравы соблюдаетъ,
 А Шведъ «увы мнѣ» нынѣ восклицаетъ;
 Той Голиаа побѣди славно,
 Нашъ же царь Петръ Шведа, а свои безъ вреда.
 Той нынѣ стенеть, мы же веселимся,
 Молитвы ко Богу принести потщимся.
 За се будь Богу благодареніе,
 А въ будущемъ принесемъ прошеніе,
 Дабы намъ сего въ конецъ побѣдiti ⁵⁾
 И прочимъ отъ насъ всегда страхъ имѣти ⁶⁾.

¹⁾ „стрѣлы.“—²⁾ „пожрети.“—³⁾ „зѣло.“—⁴⁾ „побѣду.“—⁵⁾ Такія, и подобныя черты, всюду разсыпанныя и читателямъ конечно замѣтныя, убѣждаютъ несомнѣнно, что канты эти слагались современно, шагъ въ шагъ за собою.—⁶⁾ „имѣти.“

Бѣжить, бѣжить: но не вѣсть, како убѣжати.
Откуда бы си помощь воспріати.

Нынѣ Шведъ стенеть:

«Увы, ахъ,
«О, мнѣ страхъ,
«О, мнѣ вредъ,»
Вопіеть,

«Яко мои вси падоша
«И погибоша!»

Мы же днесъ вопіемъ,
Радостно сице рчемъ:

Вивать Петръ,
Вивать царь,
Вивать царь Россійскій!
Вивать, вивать,
Вивать разоритель,
Вивать побѣдитель,
Побѣдитель Шведскій ¹⁾.

*

Днесъ льва гордыни конецъ приближися,
Кротость же въ міръ вездѣ прославися:
Держащи скипетръ орелъ двоеглавный,
Царь нашъ Россійскій во бранехъ преславный.
Тебѣ, льву горду, время ся смирити,
Гордыню въ кротость время претворити:
Въ комъ еще чаешь, кого ожидаешь?
Вси въ рукахъ нашихъ: сего ли не знаешь?
Въ комъ ты надежду имѣлъ всегда прежде,
Тии падоша, мѣртви лежать вездѣ.

¹⁾ За сими припѣвы, тамъ и сими повторяющіеся послѣ главныхъ стиховъ.

Гдѣ твоя нынѣ славная армія,
 Твоя богата гдѣ артилерія?
 Уже ты нынѣ не превозносишься,
 Храбрыми вой уже не гордишься:
 Иже бо многимъ они быша страшны,
 Нынѣ падоша, смерти суть причастны.
 Отрини гордость, воспринми кротость:
 Орелъ Російскій явить ти милость.
 Падѣ, поклонися орлу двоеглавному,
 Царю Російскому, во всемъ мѣрѣ славному!

*

«Почто мя, тако грозно ¹⁾, увѣщаешь?
 «Или мя храбра война не знаешь?
 «Аще бо и есмь нынѣ разоренный,
 «Бѣжати въ Турскую страну принужденный,
 «Аще и тако нынѣ сотворися,
 «Убо ты на мя не весьма грозися!
 «Обаче еще азъ не унываю,
 «Во бранехъ еще быти себе чаю.
 «Тяжко мнѣ сіе, но мушу ²⁾ терпѣти:
 «Горду смиреніе тяжко есть имѣти.
 «Но бысть ³⁾ такъ нынѣ: въ скорби преставаю,
 «А что творити, истинно не знаю.
 «Хотѣхъ тя, орле, хотѣхъ побѣдити
 «И ногти своя хотѣхъ въ ты вонзити:
 «Но тѣмъ самъ есмь люте уязвленный,
 «Съ вой моими въ конецъ разоренный.
 «Увы мнѣ, увы, своихъ-си лишихся,
 «Царства моего зѣло удалихся,

¹⁾ „Тако грозно?“—²⁾ Я долженъ: müssen.—³⁾ „Быть?“

«И уже не вѣмъ, что нынѣ творити,
 «Како ся въ свою страну возвратити.
 «Молю тя, орле, подѣ крилѣ прими мя,
 «Паки со Шведы жити сотвори мя:
 «Уже миръ выну съ тобою имѣти ¹⁾
 «Хощу; ты будешь вѣгда страшень слыти ²⁾!»

Царь нашъ страшень по всей земли:

Вся Европа сія внемли!

Мы льва нынѣ побѣдихомъ,

—Вивать царь Петръ,—возопихомъ.

—Вивать, вивать государь Петръ,

—Прославися Россійскій Петръ!

—Вивать, вивать, вивать, вивать,

—Этъ бене вивать!—

(Оттуда же):

Это цѣлая уже ораторія: трилогія близкая къ драмѣ, къ представленію.—Подобна же галта:

„Царю Россійскій, воше преславный,

„Въ Европѣ первый монархо преславный!...

„Хотѣхъ самого въ конецъ побѣдяти,

„Хотѣхъ и грады твои похитити.“... И т. д.

Конецъ:

„О мирѣ просите, главы приклоните,

„—Вивать Россійскій царь Петръ,—воскликните!“

*

¹⁾ „имѣти.“—²⁾ Это все возраженія отъ лица Карла и его просьба къ Петру.—За симъ припѣвъ.

г)

Орле палящи ¹⁾, Шведа страшаща!
 На льва безнога
 Ты двоеглавный, въ миръ преславный,
 Найде трезвога ²⁾.
 Орель бо летить, левъ его бѣжитъ,
 А есть безногий ³⁾;
 Сребро и злато отъ него взято,
 Стался убогий.
 Погубивъ воя ⁴⁾, ищетъ покоя,—
 Не обрѣтаеть;
 Жестосердый, немилосердый
 «Увы,» рыдаеть.
 Милости просить, руки подносить ⁵⁾:
 «Пощадите мя!
 «Уничижена и уязвлена
 «Помилуйте мя!
 «Гордость проклята и вся мнѣ земля та ⁶⁾
 «Есть сотворила:
 «Съ вои моими, зѣло храбрыми
 «Уничжила.
 «Мазепа дуракъ, зѣ деревни казакъ
 «Сюду мя призвавъ ⁷⁾:
 «Видя же гибель, свою погибель,
 «Отъ мене збѣжавъ.

---

¹⁾ Парящій?—²⁾ Ты наступилъ на него, на льва, бодрога, не соннаго.—³⁾ Известное обстоятельство, о Карлѣ.—⁴⁾ Воинъ.—⁵⁾ Поднимаетъ.—⁶⁾ Тотъ бѣдствя; лучше чтеніе: „злая мнѣ вся та,“ все то зло.—⁷⁾ Проникаеть народная живость, а вмѣстѣ и народная рѣчь.

«Въ Російской странѣ погибель есть мнѣ,

«А все за гордости!

«Воспріяхъ тщету, придохъ въ нищету,

«Погубихъ бодрость.

«Тако ми Христа ¹⁾! Ни единъ оста,

«И есмь въ печали.

«Отъ воевъ моихъ суть въ рукахъ твоихъ

«Вси генералы ²⁾».

Ты убо, орле, между человекъ

Будеши славенъ нынѣ и во вѣки,

Будеши всегда враговъ побѣждати,

Мы же ти будемъ—вивать—восклицати,

Вивать, вивать,

Этъ бене вивать!

(Оттуда же).

*

д)

Орле Россійскій! Торжествуй со нами,
 Яко днесь врагъ твой лежитъ подъ ногами;
 Оставивши вои, бѣжить—и нѣсть, камо ³⁾,
 Зряще по странамъ сѣмо и овамо,
 Бѣжить въ дубравы, бѣжить въ лѣсы темны,
 Просить, да дадутъ помощь звѣри зѣмны;
 Выше ⁴⁾ стрѣлы летятъ запыленны,
 Да левъ со волкомъ будутъ пораженны.
 Волкъ же безумный, проклятый Мазепа
 Бѣжить отъ страха, ищущи вертепа:

---

¹⁾ Клянусь Христомъ!—²⁾ За сивъ прищѣвы.—³⁾ И куда.—⁴⁾ По верху, надъ головами.

Бо ¹⁾ нѣсть вертепъ злу, нѣсть вертепъ проляту,
Нѣсть днесь покова діавольску брату ²⁾.

«Увы, увы,» рече, «Ахъ, ахъ, ахъ,» Мазепа ³⁾, «Ахъ, горе!»
Шведъ же, Шведъ же стонеть:—О, о, о, прінми мя, море!

—Яко мои вси крѣпцыи падоша,

—Ко смерти подъ мечъ Россійскій придоша!—

Мы же вопіемъ,	велегласно рцемъ:
Радуйся, Петре,	Російскій скиптре,
Главо вѣнчанна,	Богомъ избранна,
Льва побѣдитель,	нашъ свободитель,
Радуйся, царю	и государю,

Радуйся, радуйся, радуйся!

Мы же вопіемъ,	велегласно рцемъ,
Яко льва ярость,	намъ днесь есть радость,
Той, вознесшійся,	падъ сокрушійся,
Лежить погранный	и поруганный,
Радуйся, царю	и государю,

Радуйся, радуйся, радуйся!

Вивать, вивать Россійскій орле двоеглавный,
Царь Петръ днесь вивать, вивать побѣдитель славный,
Вивать, вивать, блистая на западѣ съ востока,
Орошень—вивать, вивать—съ небеси потока,
Вивать, вивать осіанъ свыше свѣтомъ Бога,
Въ побѣдѣ вивать, вивать на лѣта премнога!

(Оттуда же).

*

e)

«Изми мя, Боже,
«Изми мя, Боже,»—вопіеть Росія,—
«Отъ ядовита и лукава змія,

¹⁾ Народно е.—²⁾ За сямъ припѣвѣ.—³⁾ То есть: „рече Мазепа.“

«Егоже издаша ¹⁾ адскіе заклепы,—
 «Бышаго вожда, Ивашка Мазепы ²⁾!
     «Ахъ, тяжку горестъ,
 «Ахъ, тяжку горестъ терплю, мати бѣдна ³⁾:
     «Утробу мою,
 «Утробу мою снѣдаетъ ехидна ⁴⁾!
     «Кто ми дасть слезы,
 «Кто ми дасть слезы, якоже Рахили,
 «Восплачу горько въ моемъ смутномъ дѣлѣ ⁵⁾?
 «Се второй Иродъ, смертна исполнь яда,
 «Мазепа лютый уби моя чада.
     «Уподобихся,
 «Уподобихся, Россія, Давиду,
 «Иже отъ сына терпяше обиду:
 «Авесаломъ сынъ бысть неблагодарный,
 «Подобень ему Мазепа коварный.
     «И азъ возлюбихъ,
 «И азъ возлюбихъ яко мати сына:
 «Откуда убо такова измѣна ⁶⁾?
 «Къ нему бысть моя матерняя любви:
 «Той же изостри на мя лють зубы.
     «И азъ сотворихъ,
 «И азъ сотворихъ съ вельможи сидѣти ⁷⁾:
 «Той же смертныя сплете на мя сѣти;
 «Язъ яко чадо носихъ во утробѣ:
 «Той же мя хоцетъ видѣти во гробѣ.
     «И азъ напоихъ,
 «И азъ напоихъ отъ камене ⁸⁾ мѣда:
 «Той же, пагубна исполненный вреда,

¹⁾ Въ рукоп. *Дусл.* поправлено: „ждаша.“—²⁾ За сѣмъ припѣвъ, повторе-
 мый послѣ каждого четверостишія.—³⁾ „бѣдна.“—⁴⁾ Конецъ припѣву.—⁵⁾ „де-
 ли.“—⁶⁾ „измѣна.“—⁷⁾ Я дала ему сидѣти, я посадила его съ вельможами.—
⁸⁾ Какъ вездѣ въ подобныхъ кантахъ, подъ „камнемъ“ обыкновенно разу-
 мѣется сомненный Петръ.

«Толику на мя отрыгнулъ есть злобу,
«Лютѣ снѣдати матерню утробу.

«И азъ, любяща,

«И азъ, любяща мати выше мѣры,
«Чаяхъ отъ него сыновскія вѣры:
«Той же бысть на мя бритва изощренна,
«Отъ неяже есмь лютѣ уязвленна.

«Како прельстихся,

«Како прельстихся и не познахъ лѣса,
«Ангела видомъ, прелестію бѣса ¹⁾?
«Мнѣхъ, яко агнецъ: но волкъ ядовитый,
«Овчею лестно кожею покрытый.

«Сладокъ языкомъ,

«Сладокъ языкомъ, но прегорькій дѣлы,
«Утай на мя пагубныя стрѣлы;
«Сахаръ во устахъ и сладкія слѣва,
«Въ сердцахъ желчь, въ рукахъ погибель готова.

«О лицемѣре,

«О лицемѣре, о сатанинъ сыне,
«Терніемъ острымъ красящійся крине!
«Како простерти дерзнулъ еси длани,
«Лютыми матеръ уязвляя раны?

«Аще бы ми врагъ

«Аще бы ми врагъ поносилъ сугубо,
«Претерпѣла быхъ козни его любо:
«Но, отъ своего чада прелюбима,
«О, коль матери язва нестерпима!

«Что моя вина,

«Что моя вина, что творихъ ти худо?
«Чего ради гониши мя, Іудо?
«За моя хлѣбы, за моя трепезы (sic)
«Горькія въ жажду даеши ми слезы.

---

¹⁾ „бѣса.“

«Горе прокляту,
 «Горе прокляту тебѣ лицемѣру!
 «Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
 «Юже предѣ крестомъ и евангелиемъ
 «Утвердилъ еси твоимъ лобзаніемъ?

«Горе ти, горе,
 «Горе ти, горе злобы исполненну!
 «Подобенъ еси гробу повапленну,
 «Иже очесамъ является красенъ,
 «Внутри же ядовитымъ червиемъ ужасенъ.

«Горе ти, горе,
 «Горе ти, горе второму Каіну,
 «Горе ти, горе погибельну сыну!
 «Пролиалъ еси звѣрски кровь премногу,
 «Яже немолчна гласить на тя къ Богу.

«Божія храмы,
 «Божія храмы быша днесъ вертепы
 «Отъ Свейскаго льва и волка Мазепы.
 «Другъ твой левъ, ты волкъ: то ярость сугуба,
 «А людемъ бѣднымъ послѣдня пагуба.

«И что речеши,
 «И что речеши на страшномъ судищи,
 «Лишенный неба и райскія пищи?
 «Въ крови невинной оквернивши руцѣ,
 «Повиненъ еси нестерпимой мучѣ.

«Инымъ речеть Богъ,
 «Инымъ речеть Богъ:—Благій рабе, вѣрный!
 «—Понеже благъ бысть ¹⁾ и нелицемѣрный,
 «—Вниди въ радость, въ рай Господа и Бога:
 «—За твою вѣру се тебѣ мзда многа!—

«Тебѣ же горе,
 «Тебѣ же горе, преступниче вѣры:

---

¹⁾ Ты былъ (вористъ).

«Воспримеши часть злую съ лицемѣры;
 «Извѣстенъ буди, яко тебе, вора,
 «Адъ ожидаетъ и погибель скоро.
     «Боже мой, къ Тебѣ,
 «Боже мой, къ Тебѣ молитву пролюю,
 «Услыши горцѣ стеньящу Россію:
 «Ты насъ Самъ суди, и матеръ, и сына,
 «Видь, чія правда, видь, чія измѣна ¹⁾!
     «Суди ми ²⁾, Боже,
 «Суди ми, Боже, обидяція мя,
 «Посрами гордость востающихъ на мя,
 «Прими мечъ и щитъ, буди помощь моя,
 «Возсіай ми свѣтъ мира и покоя ³⁾!
     «Мене, Россію,
 «Мене, Россію, возвесели бѣдну ⁴⁾,
     «А ядовиту,
 «А ядовиту попери ехидну ⁵⁾».

(Оттуда же).

*

ж)

«Мазепѣ измѣннику Заднѣпрянскому и Украинскому ⁶⁾».

Егда приближатся послѣдняя лѣта,
 Въ градъ брани стануть,

¹⁾ „измѣна.“—²⁾ „Ми“ лишнее.—³⁾ За сямъ пригѣвъ.—⁴⁾ „бѣдну.“—⁵⁾ Подъ сямъ именемъ, и въ другихъ кантахъ, разумѣется Мазепа.—⁶⁾ Очевидно это не стихъ Канты, а ея заглавіе.—Само произведеніе, явно, не Пѣсня и уже жодавно не Дума Былевая, а книжная Канта (кантычка и псалма), въ родѣ предыдущихъ. Особый способъ писать Канты—подъ ногами, такъ что стихъ дѣлится на разнообразныя размѣры, то длинныя, то короткія, въ прихотливыхъ строкахъ, и притомъ растягивается на нѣсколько страницъ,—все это очень затрудняетъ собою и правильное чтеніе, и переписку, и печатаніе

Тогда другъ отъ друга будутъ
Устрашени и побѣгнутъ
Въ найтвердшу яекню ¹⁾.

Мазепина слава,
Безумная глава,
Що съ ты учинила?
Царя оставляешь,
Ко Шведомъ збѣгаешь,
Войско засмутьивъ,
Церкви измѣнивъ есь,
Бога образивъ ²⁾ есь,
Тамъ ³⁾ ты насъ лякаешь ⁴⁾.
Учини благое,
Аще не страждешь ⁵⁾,
Царевнѣ склонися;
Не пощади главы,
За измѣну славы,
Плачь, не стыдися.

Батуричь славетный
Се днесъ заставъ шпетный ⁶⁾,
А чрезъ его зраду ⁷⁾
Души погубивъ еси,
И градъ разоривъ есь,
Самъ пидешь ко аду ⁸⁾.

а кромѣ того подлежащій образецъ, попавши въ народное употребленіе изъ тетрадки, извращенъ противу письменнаго подлинника, лучшаго же мы подъ руками не имѣемъ, и потому остаются неправильно раздѣленные стихи, стерты рѣмы, безсмысленныя выраженія, кои невозможно и беззачинно было бы разъяснить.—¹⁾ Пещеру, вертепъ (убѣжище).—²⁾ Все это—начало весьма распространеннаго духовнаго Стиха (Псалмы).—³⁾ Оскорбиль.—⁴⁾ Тѣмъ?—⁵⁾ Устрашаешь.—⁶⁾ Явная порча.—⁷⁾ Противный; безобразный.—⁸⁾ Измѣну.—⁹⁾ Этотъ эпизодъ о Батуричѣ, съ сожалѣніемъ о судьбѣ его и обвиненіемъ за то Мазепы, совершенно отвѣчаетъ народному творчеству: ср. выше.

Максимъ умный, славный
И измѣнникъ явный,
И бестія его ¹⁾.

Ой, Россіе преславна,
Сіеешь издавна,
Шведа не лякайся ²⁾!

Измѣнниковъ своихъ
Начальникъ Мазепа
Узяти можется (!).

Мазепа врагъ мыслить
Украину згубити:
Чемъ ся такъ не стало?

Бо Мазепѣ крушови
И врагу Шведови
Онъ плахты готуе (!).

Ци битися маешь,
Що тутъ Шведа привѣвъ
Съверь разорити?

Не выйдешь отсюду,
Избіемъ тя, Юду,
И Шведа загубишь.

Государь свѣтлѣйшій,
У войску сильнѣйшій
И въ панствѣ своимъ можный ³⁾.

Царю Россійскому
На многіи лѣта,
На вѣки вѣчныи,
Безконечныи!

(„Галиція народни пѣснѣи“ въ „Чтен. Общ. Ист. и Др.“).

Капта эта, къ несчастію обезображенна, замѣчательна тѣмъ, что по нѣкоторымъ выраженіямъ имѣетъ отношеніе къ народнымъ Малорусскимъ пѣснямъ, выше приведеннымъ.

* *

¹⁾ Искаженіе превосходитъ всякую мѣру.—²⁾ Не страшись.—³⁾ И въ государствѣ своемъ могущественный.

Любопытно сравнить при этомъ такія же точно стихотворенія, тогда же, въ слѣдъ за событіями, печатанныя; какъ на примѣръ въ 1709 году, въ Кіевѣ, при Панегирикѣ Θεована Прокоповича Петру Первому ¹⁾:

з)

... Летить Свей, летить купно змѣнникъ ²⁾ неистовій.
 Камо духомъ бѣсовскимъ бѣжиши носимій,
 Студе вѣка нашего, вреде нестерпимій?
 На отца отечества мещеши мечь дерзкій,
 О, племя ехиднино, о изверже мерзкій,
 Забывъ любовь отчую и презрѣвъ самаго
 Твердый законъ естества. Обаче се благо:
 Якъ скорій есть на казнь, косній сій на дѣло.
 Бѣжите ³⁾: скорой мести требѣ, скорой збѣло.
 Но и здѣ непостоянъ злій змѣнникъ явился,
 Змѣнникъ царю и Марсу: егда бо откряся
 Поле бою страшнаго,—не токмо входити
 Во ратній огонь, но ниже издалече зрѣти ⁴⁾

¹⁾ Произведеніе это, Епикіонъ, Epіcіum (Стихъ на побѣду) въ печати извѣстно собственно на языкѣ Польскомъ, и—кажется на немъ же сочинено, по крайности складнѣе; на Русскомъ это скорѣе передѣлка, и она напечатана у г. Пекарскаго съ рукописи; за нѣмнѣишъ положительныхъ данныхъ, нельзя также съ г. Пекарскимъ утверждать, что это непременно сочиненіе Прокоповича: подобные Канты приписывались часто и ему, и Яворскому, и Дмитрію Ростовскому, между тѣмъ какъ ихъ встрѣчаемъ и раньше—по рукописямъ, и гораздо шире по употребленію; ученые чаще брали ихъ себѣ и прилагали.—Во всякомъ случаѣ произведеніе замѣчательно; вотъ тотъ же отрывокъ по Польски:

...Leci Szwed surowy,
 Leci zdrayca przeklęty. A gdzież piorunowy
 Impet ciebie wnosi—o, nam na wstyd wieczny
 Urodzony odrodku!—Smiesz wyjąć bezpieczny
 Miecz na Oysa Oyczyzny, na własnego pana! И т. д.

²⁾ У г. Пекарскаго ошибочно „змѣнной.“—³⁾ У г. Пекарскаго ошибкою: „Бѣжише.“—⁴⁾ „зрѣти.“

Не дернулъ; но сугубъ студъ пріялъ вмѣсто раны:
 Непостоянъ во вѣрѣ, трепетенъ во брани.
 Зрѣмъ ¹⁾ же, что и Свей дерзкій силою своею
 Успѣ храброй Россіи, боряся съ нею:
 Блесну огнемъ все поле; многія воскорѣ
 Излетѣша молнія; не таковъ во морѣ
 Шумъ слышится, егда вѣтръ на вѣтръ ударяетъ,
 Ниже тако громъ зъ темныхъ облаковъ рикаетъ,—
 Яко гремятъ арматы ²⁾, и гласомъ, и страхомъ;
 И уже день помрачи дымъ, смѣшенъ со прахомъ.
 Страшное блистаніе! Страшный и великій
 Градъ падаетъ желѣзный. Обаче толикій
 Страхъ не можетъ Россіи силъ храбрыхъ сотерти.
 Но егда ты ³⁾, о царю, о воине сильный,
 Узрѣ ⁴⁾ посередѣ огня,—объялъ ю) страхъ зѣльный ⁵⁾:
 Вострепета и крайней убояся страсти,
 Дабы въ единомъ лицу всѣмъ не пришло пасти.

Описаніе битвы явно заимъ изъ народныхъ вымысловъ: ср. выше.

Еще замѣчательнаго заключеніе:

О семь преславномъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ неслыханномъ,
 Пѣти будетъ весельникъ по морю пространномъ,
 Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
 И проповѣсть иногда, лѣты изнуренный,
 Старецъ внукомъ: и, яко своимъ очима
 Видя ⁶⁾ то, внуцы старца нарекутъ блажима.

(Ср. г. Пекарскаго, „Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ Великомъ,“ т. II, 1862).

А немного раньше, 1705, въ гербу Мазепы отъ лица ученой коллегіи Черниговской:

*

¹⁾ „Зримъ,“ посмотримъ.—²⁾ Пушки.—³⁾ У г. Пекарскаго „тамъ.“—⁴⁾ Узрѣ-
 ла“ Россія; Россію.—⁵⁾ „зильный.“—⁶⁾ У г. Пекарскаго ошибочно „видѣ.

и)

Ясне-вельможный мѣсяце, пане Іоанне,
 Предостойный гетмане, Богомъ дарованне!
 Крестъ, денница, луна есть твое знаменіе ¹⁾,
 Извѣстно прибѣжище, всѣмъ защищеніе.
 Первѣй ²⁾ воспріалъ еси имя кавалерства:
 Въ родъ и родъ слава всего будещи рицерства.
 Юноши, дѣвы, старцы, обще съ юнотами,
 Желаемъ, да пріймешь здѣ всего добра тмами.
 Успѣвай и державствуй въ премногія лѣта:
 За труды насладишься небеснаго свѣта.
 Звѣзда отъ Іакова свѣтло возсіяла:
 Въ крестѣ Мазеповъ ³⁾ мѣстце себѣ воспріяла.
 Звѣзда отъ Іакова—Христа знаменуетъ:
 Христось пребываетъ въ васъ, триумфи готуетъ;
 Добрая аки луна пребываетъ ⁴⁾ во вѣки:
 Удостойтъ васъ жити съ евангельскими ⁵⁾ лики.

(„Зерцало отъ писанія,“ Черниговъ; ср. у г. Пекарскаго въ поминутной книгѣ; гербъ—крестъ, съ луною, на которой звѣзда).

Извѣстна также Дума, сочиненіе которой приписывается самому Мазепѣ: „Всѣ покои шире прагнуть (всѣ искренно желаютъ спокойствія), А не въ одинъ гужъ всѣ тагнуть,“ о несогласіяхъ, раздраившихъ Украину, которая изображена несчастной матерью такъ же точно, какъ послѣ воспользовались сими образомъ въ обвиненіе самого Мазепы.

* *

4.

Рига.

Рига Стокхолми ⁶⁾ совѣтъ предлагаетъ,
 На льва надежду не повелѣваетъ

¹⁾ Гербъ.—²⁾ Первѣй, первый?—³⁾ Мазеповъ?—⁴⁾ Пребываютъ? Или: „доброта?“—⁵⁾ Если это вѣрно прочтено у г. Пекарскаго, то конечно это ошибка вмѣсто „съ ангельскими.“—⁶⁾ Стокгольму.

Имѣти (гордость нынѣ упразднися,
 Отъ кротости днесъ падши сокрушися):
 «Что ты, Стекхолми, нынѣ помышляешь,
 «Что всуе на льва еще уповаешь?
 «Далече отъ ты зѣло удалися,
 «Въ Турскихъ предѣлахъ жизнь его явися ¹⁾.
 «Не азъ ли, Рига, бѣхъ въ Европѣ славна?
 «И моя крѣпость всѣмъ бысть зѣло явна:
 «Но такъ отъ мене нынѣ есть отъята,
 «Азъ же и сама орломъ воспріята.
 «Днесъ левъ рыдаетъ, погубивши грады,
 «Себѣ не можетъ получить отрады:
 «Аще онъ себѣ помощи не можетъ,
 «То тебѣ кую помощь дати можетъ?
 «Убо, Стекхолми, зри, что нынѣ Рига:
 «Будеши и ты такова жъ верига
 «Скоро носити и подъ орломъ слыти,
 «Чесого весма не можешь избыти.
 «Язъ тя, Стекхолма, нынѣ увѣщаю,
 «Азъ ти во притчу себе предлагаю:
 «Аще во своей гордыни пребудеши,—
 «Какова днесъ азъ, такова ты будеши.
 «Не рцы, молю тя:—Орла не боюся!—
 «Его храбрости зѣло азъ дивлюся.
 «Аще, Стекхолма, хочешь здрава быти,
 «Скоро потщися о мирѣ молити.
 «Аще бо орелъ простретъ свои крѣпѣ,
 «Тогда Стекхолма возстенеть:—Увы мнѣ!—
 «Нынѣ не весма еще простираеть,
 «Твоихъ предѣлъ, благо ти, не достигаеть.
 «Благъ ти азъ совѣтъ нынѣ предлагаю:

---

¹⁾ Когда тамъ былъ Карлъ: признакъ современнаго той эпохѣ сложенія
 Канты.

«Орла о мирѣ молить совѣщаю.
 «Ты же потщися сіе сотворити,
 «Скоро предвари о мирѣ просити.
 «Аще достигнетъ твоего предѣла,
 «Тамо рекутъ вси:—Гдѣ ся наша дѣла
 «—Гордость, на нюже мы вси уповахомъ,
 «—Отъ льва помощи всеу ожидахомъ?!—
 «Убо, прочее, не превозносися,
 «Аще хочещи, о мирѣ молися.
 «Дастъ намъ Богъ помощь, нанъже уповаемъ,
 «Нашу надежду всю нанъ возлагаемъ,
 «Церкви восточныя въ себѣ поставимъ,
 «Богоматере въ нихъ имя прославимъ,
 «Дабы и въ тебѣ Богъ, въ Троицѣ славимый,
 «Отъ насъ во вѣки быгъ превозносимый.»

● (Помянутая рукопись Ф. К. Буслаяна и другія).

* *

Ничѣмъ такъ ярко не выставляется красота и особенность произведеній народныхъ, какъ ихъ сравненіемъ съ подобными произведеніями книжными.

Банты Петровской эпохи, въ сожалѣнію, доселѣ большею частію не напечатаны и даже не собраны (кромѣ нашего собранія); сверхъ приведенныхъ имѣются еще: 1) въ честь Меншикова, «Веселися днесь Россійская страна («Именитый князь царскія палаты, Римскій Александръ въ воинству богатый, Сего трепещутъ Шведски полки многи»..);» при «Ляврей,» изд. въ С.П.Б. 1714 г. Бременецкимъ, студентомъ Моск. Академіи и потомъ жившимъ въ домѣ Меншикова, припечатаны стихи «Вся земныхъ роды подвигнемъ трубою;» — 2) въ честь кн. Дмитрія Михайловича Голицына, при «Алфавитѣ духовномъ,» Кіевъ, 1713, напечатано на гербѣ Голицыныхъ: «Въ дѣлахъ государскихъ есть явна князей справа (дѣятельность) Голицыныхъ и въ вѣрныхъ нуждахъ всякихъ слава;» — 3) О побѣдѣ Полтавской, при Си-

наисарѣ, въ коемъ развита составленная на торжество служба, поч. въ Черниговѣ 1710: «По отпѣтїи канона, Стани посередѣ амвона, Синаксарь сей велегласно Чти пржежно и онасно, Похвальное извѣстіе, Подъ Полтавою бытіе» и т. д.;—4) привѣтъ Петру съ сыномъ: «Радостно восхвалимъ, Въ царьску радость вникнемъ («Радуйся, нашъ царю, Дивный государю, съ сыномъ благочестивымъ;» «Ты царь величайшїй И сынъ твой дражайшїй;» между прочимъ и о побѣдахъ надъ Шведами);» одинъ изъ списковъ, отличный впрочемъ отъ нашего, напечатанъ П. В. Шейномъ въ «Чтенїяхъ» 1862, кн. 4;—5) то же со внукомъ Петромъ и восхваленіе сему послѣднему: «Веселися, Россїя, со отрокомъ преславнымъ, Веселися и со внукомъ, орломъ двоеглавнымъ («Бю ты не блажить, таковаго младенца умна, И кто ты не восхвалить, князя Петра разумна? Нынѣ приидите, млада дѣтище восхвалимъ, Нынѣ приидите, въ радость князя Петра похвалимъ»);»—6) вообще привѣты царю, особенно о побѣдахъ надъ Шведами: а) «Съ радостію ти нынѣ приносимъ аплязви (арлауsus);» б) «Воспоемъ пѣснь нову Господеви Богу;» в) «Радуйся, Роско земле, ликуй, веселися, На камени толикомъ (Петрѣ) яко утвердися;» г) «Желати, вповати (уповати) На лугъ Бога силы;» д) «Торжествуй, Марце, Богомъ ополченный: Се супостать лежить побѣжденный;» е) «Орле небесный, гнѣздо си покрывый;» ж) «Нова радость въ Россїи нынѣ явися: Шведскїй левъ отъ Россїйска орла падеся;» —7) моленіе о мирѣ: «Царю Россїйскїй, войне преславный;»—8) моленіе къ Екатеринѣ, дабы ходатайствовала о мирѣ: «Блажать ты людіе, земная наша мати, Просимъ тебе, дабы намъ милости подати («Просимъ, у императора за миръ пребуди;» «Чтимъ ты за твою честную породу; Нынѣ про милость изыде слава велика; Брасотѣ ея никто подобенъ, толика; Она персона краше всѣхъ сіяеть»);» —9) на вѣзды государя, особенно миръ со Шведами и вѣнчаніе: а) «Воспойте, людіе, органными гласы,» — «Ехидну прокляту со львомъ растерзано;» б) О, коль дивна дѣла Твоя, Царю нашъ и Боже,» — «И врага побѣдить съ тобою се азъ желаю;» в) «Радостно блажимъ, Царю, Тя, и Боже,» — «съ тобою, Петре, радостенъ явлюся (припѣвъ: «Хвалимъ орла двоеглавна, Поемъ кавалера

дивна»);» г) «Радуйся, Россіе, радости скаваю,» — «Монхъ враговъ покорить поможе;» д) «Преславнымъ гласомъ блажимъ ты, Россія,» — «Россійска орла въ мирѣ припѣваемъ;» е) «Радуйся, Петре императоръ славный, Радуйся, Роскій орелъ двоголавный (припѣвъ: «Миръ, миръ, вивать, вивать, Радуйся, Роско земле, Лякуй и веселися, Шведъ умирися, Вивать, вивать гостю чрезвычайму, Вивать, вивать, въ Сіонѣ воскликнемъ»...);» ж) «Триумфуй, Россія, воице преславный, Егда есть вѣнчанный орле двоголавный;» з) «Преславна Россійска земле, веселися! Царьская держава, скипетромъ хвалися (припѣвъ: «Посмъ Господеву, славно прославися, Шведская бо гордость о немъ нивложися»);» — и) «Днесъ ся въ Россіи распростирай слава, Егда царевн дадеса держава;» і) «Радуйся нынѣ, Россіе преславно, Егда дадеса торжество ти славно.» — Богѣ замѣчательно к):

Ето идетъ съ войскомъ, лаврами вѣнчанный,
Съ знаменни побѣдъ гость къ намъ чрезвычайный?
Свѣтлымъ оружьемъ предивно украшенъ:

Однакъ не страшень.

Марсово лице: но весьма не ратно,
Все ослабленно, всѣмъ благопріятно,
Яко Фебъ, егда по дождѣ сіяеть,

Любимъ бываетъ,

На что посмотреть, отнюдь не плачетъ,
Но премѣнно ¹⁾ отъ радости скачетъ....

Ты ли таковыхъ чудесъ содѣтелю ²⁾,

Ужасе міра и устрашителю,

Отчества отче и усладителю,

Защитителю,

Усмиренаго міра правителю,

Петре, великій въ мирѣ властитель,

Великихъ большій, Роскій автократоръ,

Императоръ!

¹⁾ Помереннѣно. — ²⁾ „содѣтелю.“

Ты, во истинну, познаемъ ты ясно:
 Кто бо когда тамъ явился намъ красно,
 Кто такую приносятъ намъ сладость,
 Вѣчную радость?

Покрываютъ ты вѣтви зеленыя,
 Но открываютъ благодѣянiя:
 Яко же солнце—лучи покрываетъ
 И открываетъ.....

Повелѣвая землямъ побѣжденнымъ
 И учрежденнымъ,
 Градомъ, езерамъ, народамъ подбитымъ,
 Островамъ многимъ, синусамъ разлитымъ,
 И Балтицкому, чтобъ не изливало,
 Въ брегахъ бы стало.

Нынѣ же грядетъ съ миромъ возвратився,
 Борыстей бремянемъ весь отяготився,
 Все оружіе съ себе ¹⁾ отлагаетъ
 И отдыхаетъ.

Что бо Варяжско море ни имѣло,—
 На его плечахъ возлегло все цѣло....
 На морѣ путь—что птицамъ на воздухѣ—
 Безбѣденъ людямъ, яко же на сусѣ;
 Радостна Цересъ раломъ нивы пашеть,
 Вся земля пляшетъ;
 Счастливость въ поляхъ гуляетъ весѣла,
 Златый дождь свыше орошаетъ сѣла,
 Возстаетъ жатва, любя поселяномъ,
 Люба крестьяномъ... и т. д.

То же самое въ печати, съ малыми отгѣнами, въ «Пѣсни при-
 вѣтственной» изд. въ М. 1724, съ Латинскимъ текстомъ, на примѣръ:

¹⁾ У г. Цекарскаго, въ поминутомъ изданiи, ошибочно „къ себѣ.“

Urbibus, terris, sinibus recuruis,
 Insulis necnon lacubus fretisque,
 Balticum frenans mare, ne insolescat

Littora versus....

Nam quid Arctoum mare possidebat,
 Integrum fessis gerit in lacertis....

40) Подобнымъ образомъ въ печати, къ преемнику Мазепы Скоропадскому, на гербъ, тотчасъ за Полтавскою побѣдой, при толкованіи «Молитвы Отче нашъ,» Черниговъ 1709: «Отъ Бога данный гетманъ Три стрѣлы имѣеть Іоаннъ Скоропадскій («Царю Петру вся сила Шведска покоренна»);» а также при «Молитвословцѣ» 1714, Черниговъ: «Іоаннаванъ съ Давидомъ Любовь неместнымъ съ видомъ Трехъ стрѣлами завѣща(ша) («Іоаннъ Иличъ, вождь вѣрный, Бога любитель безмѣрный»);»—11) на возвращеніе изъ Персидскаго похода и о Дербентѣ, у насъ по рукописямъ, въ печати же «Пѣснь» отъ лица Московской Академіи 1722 года: «Торжественная паки вамъ отрада Спѣшно приходитъ, Россійская чада («Не тако Дарій сильный мнится быти, Благополучнымъ идѣже крѣпости Зданіемъ началъ Дербеню (въ печати «Дербену») велику, Въ силѣ толку») ¹⁾.»—И т. п.

Всѣ эти Банты происходятъ изъ эпохи Петровской, даже съ точностью годовъ, въ слѣдъ за событіями; но многія изъ нихъ послѣ передѣланы и примѣнены преимущественно къ *Елисаветѣ*; въ семъ послѣднемъ видѣ онѣ болѣе извѣстны и печатались даже въ сборникахъ, напр. Добрынина 1799 г.

* * *

---

¹⁾ Въ печати у г. Пекарскаго: „султанъ Узбраенъ; стрѣлою,“ у насъ „устроенъ (узброенъ—въ збрѣй, съ оружіемъ стрѣлъ);“ тамъ же послѣ словъ „Смыномъ Россійскимъ“ пропущено „вѣсти(дѣль героичныхъ неместны).“

XXV.

Ладожскій каналъ.

1.

Ахъ далече-далече, въ чистомъ полѣ,
 Расплатится травушка зеленая;
 Унимаетъ ее мати земля сырая:

«Не плачь, не плачь, трава-мурава,—

8. «Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
 «И мнѣ еще того тошнѣ ¹⁾».

«Какъ ѣхалъ государь-царь изъ подъ Риги,
 «Велѣлъ меня, землюшку, копати,
 «И рвы, и колодези вырывать,

10. «Ключевую воду испускати ²⁾».

Кручиненъ доброй молодець, кручиненъ,
 Печаленъ онъ, отецкой сынъ, печаленъ,
 Не отъ радости доброй молодець постригся:

• «Съ великія печали я посхимлюсь,

15. «Житье-бытье отдамъ я во монастырь,
 «Остатками себѣ келейку поставлю.

«Во кельи просѣку я три окошка:

«Я первое окошко—къ Божьей церкви,

«А другое окошко—во монастырь,

20. «А третіе окошко—въ чисто поле.

«Къ Божьей церкви посмотрю ли я,—помолюся;

«Въ монастырь посмотрю ли я,—спасуся;

«Въ чисто поле посмотрю я,—заплачу ³⁾»;

«Ахъ свѣтъ ты, моя родимая сторонка!

¹⁾ По приему, который мы уже знаемъ, рѣчь 1-го лица переходитъ къ разсказу въ 3-мъ.—²⁾ Отселѣ переходъ еще рѣшительнѣй, но пѣсня, къ сожа- лѣнію, утративъ историческія черты, свазалась съ другими Безъимянными.—

³⁾ Ср. выше пѣсню Евдокіи.

25. «Мнѣ ужь на тебѣ не бывати,
 «Отца и матери мнѣ не видати,
 «О молодой женѣ и дѣткахъ не слыхати,
 «Весь родъ-племя я позабуду.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

Переходъ отъ частнаго событія, Ладожскаго канала, къ выраженію гора вообще—зависѣлъ отъ того преимущественно, что и начало пѣсни, и конецъ ея о чужой сторонѣ связуются тѣсно съ другими, близкими, разрадомъ „Безълужныхъ,“ совершенно съ тѣмъ же началомъ, „Ахъ далече-далече, во чистомъ полѣ,“ а слѣдствіемъ, въ свою очередь, примыкають къ тѣмъ, кои помннуты выше, „Ахъ ты поле-поле“ или „Ахъ ты горы-горы.“ Всѣ же вмѣстѣ опять сродны со Сурьлецкими, о гибели Молодца и Юсика, ср. еще выше.

*

2.

- По утру-то было ранѣмъ-рано,
 На зарѣ-то было на утренней,
 На восходѣ краснаго солнышка ¹⁾,
 Что не гуси, братцы, и не лебеди
 5. Со лузей-озѣръ подымалися:
 Подымалися добрые мѡлодцы,
 Добрые мѡлодцы, люди вольные,
 Всѣ бурлаки понизѡвые
 На каналушку на Ладожскую,
 10. На работу государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ мѡлодцевъ,
 Отцы-матери, молоды жены,
 И со малыми со дѣтками.

(Изъ пѣсней, отпечатанныхъ при Живнѣ В. Кавна. 1788, №.).

*

¹⁾ Ср. выше пѣсни съ такимъ же началомъ.

3.

- По утру-то было ранымъ-рано,
 На зарѣ-то было на утренней,
 При восходѣ-ста ¹⁾ красна солнышка,
 Что не гуси-ста и не лебеди
5. Подымались со лузей-озерь:
 Подымались добры мѳлодцы,
 Добры мѳлодцы, люди вольные,
 Всѣ бурлаки-ста понизѳвые
 На канавушку что на Ладожску,
10. На работу-ста государеву.
 Провожаютъ ихъ, добрыхъ мѳлодцевъ,
 Отцы-матери, молоды жоны,
 Молоды жоны да и съ дѣтками,
 Онѣ съ дѣтками съ малолѣтними,
15. Провожаютъ, приговариваютъ:
 «Вы удалые-добры мѳлодцы,
 «Вы бурлаченьки понизѳвые!
 «Проработайте царю Бѣлому;
 «Государю-ста что Московскому:
20. «Наградить васъ царь и пожалуетъ ¹⁾!»

(„Русское Нац. Дѣло“, 1890; образецъ подправленный кнзвю).

*

Слѣдующій образецъ, переводъ людей вольныхъ на корабли, связанъ тѣмъ съ другими, какъ у насъ ниже; о Гагаринѣ и Мелшиковѣ, но обособленъ до крайности, едва едва намекая на событіе:

¹⁾ Такія-то прибавки считали необходимыми для народнаго „мелорита.“

4.

- Завела дѣвка шинокъ
 Супротивъ своихъ воротъ,
 • Сама вышла на лужокъ,
 Заиграла во рожокъ,
 5. Подала дружку слушокъ
 Черезъ зелененькій садокъ,
 Черезъ темненькій лѣсокъ,
 Ко Ванюшкѣ на лужокъ ¹⁾.

- У насъ по морю-мору
 10. Два кораблика плывутъ.
 Какъ на этихъ корабликъ
 По пятисотъ молодцовъ,
 Государевыхъ гребцовъ.
 Они косятъ и гребутъ,
 15. Во стога сѣнцо кладутъ ²⁾,
 Браву пѣсенку поютъ,
 Разговоры говорятъ,
 Все хозяина бранятъ:
 «Ты р. с. хозяинъ,
 20. «Разканалья с. с.,
 «Здѣсь конавушки порымъ.»»

(Ср. Якушкина 1865 г.).

Въ Малорусскомъ народномъ творчествѣ есть пѣсня, ближайше отвѣщающая сему Отдѣлу, но нѣсколько позже по событію—о работахъ „на лѣнѣ,“ а потому см. ее въ слѣдующемъ выпускѣ.

* * *

¹⁾ Это начало отъ другой пѣсни.—²⁾ Изъ другой, хороводной пѣсни, по поводу „молодцовъ:“ „я найму себѣ косцовъ“ и проч.

Дѣятельность Петра 1-го и время его, въ первый разъ для Русской исторіи, общими своимъ возбужденіемъ и содержаніемъ успѣли, до нѣвѣстной степени, сблизить *народное* творчество съ *личнымъ*, *устное* съ *письменнымъ*: послѣ долговременнаго обособленія, сближеніе это совершилось *внутри* самого творчества и, по закону явленій сего рода, предсказало съ тѣхъ поръ перевѣсъ менуеству личному, письменному и книжному. — Также точно во *вѣшнихъ* предѣлахъ творчества, впервые послѣ отдаленнаго единства Кіевскаго, произошло новое сочетаніе творчества народнаго *Московскаго*, или Великорусскаго, съ *Малорусскимъ*; Думы или Былины Украинцевъ съ того времени вошли предъ единствомъ Общерусскимъ, и козачество, долго питавшее ихъ, оставило отъ себя въ наслѣдство народной фантазіи черты уже не былевья, а лирическія (женскія), не для новой производительности, а только для воспомнанія. — Наконецъ, въ третьихъ, кругъ общенія расширился еще дальнѣе: съ незапамятныхъ временъ оторванное, только съ эпохи Петровской снова народное творчество *Обще-русское* соединяется съ общими *Славянскими*, въ лицѣ *Сербовъ*, то есть именно тѣхъ Славянъ, у которыхъ всего больше сохранилась Славянская сила творчества Былеваго; и здѣсь же опять данъ былъ сигналъ для его ослабленія, ибо съ XVIII вѣка замѣтно подорвана творческая производительность у самихъ Сербовъ. Но, пока еще паденія не случилось, мы здѣсь совершенно къ мѣсту обязаны привести нѣсколько примѣровъ сближенія, изъ Былинъ или «Юнацкихъ пѣсней» Сербскихъ, воспѣвающихъ дѣянія Петра и его сподвижниковъ.

XXVI.

1.

(Черная Гора).

Какъ Русія с Турцимъ ратоване, Петар први императоръ Руски	Какъ Россія ратовала съ Туркомъ, Петръ же первый императоръ Рус- скій
Оправно посланника свога, Михаила Милорадовитя —	Своего посланника отправилъ, Михаила Милорадовича —

Од старине из Херцеговине, — Родомъ онъ былъ изъ Герцего-
 вине, —
 Да понесе Црной Гори книгу, Чтобъ отнесъ отъ Черной Горѣ
 письма,
 Петровицу Данилу Владици Петровицу Данилаъ Владику¹⁾
 И главаром од Горнице Црне. И главамъ старѣйшимъ²⁾ Черно-
 горскимъ.
 У книзи их мило поздравляше Въ грамотѣ любезно поздравлялъ
 ихъ
 И овако нима говораше: И такія рѣчи говорилъ имъ:
 «Ево има доба неколико, «Есть уже довольно тому время,
 «Да водем и да боя биемъ «Какъ воюю и бьюся я бою
 «С еретиком од Швецие краемъ, «Со еретикомъ королямъ Швец-
 сликъ,
 «За обрану краля Полячюга, «Въ оборону короля Поляковъ³⁾.
 «Бога браних од краля Швец-
 кога.
 «Ал он мени⁴⁾ учини неверу «Но король Поляковъ измѣнилъ
 мнѣ,
 «И приступи душманину свое. «Своему врагу онъ передался.
 «Пак я ѣште имам издайника, «Я еще предателя имѣю,
 «Као Срби Бранковича Вука, «Какъ и Србы Бранковича Вука⁵⁾,
 «Издайника мога подложника, «Предателя изъ моихъ подданныхъ,
 «Проклятого Мазепу Ивана, «Проклятого Мазепу Ивана,
 «Воеводу од Русие Мале. «Воеводу изъ Малой Россїи.
 «Ни то мени досадило ние, «Это мнѣ однако не въ досаду,
 «Ни войнике мое утрудило, — «И моихъ то войскъ не утрудило, —
 «Ми смо Шведе сретно раштерали, «Шведовъ мы счастливо разогнали,

¹⁾ Митрополиту Данилаъ Нѣгошу, знаменитому тогдашнему правителю Черной Горы: духовная власть смѣнила здѣсь общихъ краевъ Сербскихъ и мѣстныхъ Князей. — ²⁾ Капитанамъ, головамъ округовъ. — ³⁾ За этимъ стихъ лишній для Русскаго перевода: „Боронилъ его отъ краля Шведовъ.“ — ⁴⁾ Въ текстѣ перваго издателя „мене.“ — ⁵⁾ Зять князю Лазарю, измѣнившаго въ Косовскомъ боѣ.

- «Подъ Полтавомъ страшно побѣдили,
«Июшъ Мазепу ¹⁾ жива ухватили
«И Полячокъ повратили краля,
«Да се насъ, што е учинио:
«Него ми в Турчин заратно
«И сву силу на ме обратно,
«Да освети краля од Швецие.
- «Вѣтъ ми каже верна слуга моя,
«Варни Саво Владиславлевицю—
«Од Попова изъ Херцеговине,—
«Да ви славыи Черногорци вольны,
«С Турци мира нигда не имате
«И да мене помочи можете.
- «Накъ евъ шилемъ посланника мога:
«Я се уздамъ у Бога Вышняго
«И у мышцу народа Сербскаго,
«Особито храбра Черногорца,
«Да те мени бити у помочи,
«Да христьянски народъ избавимо
«И Славенско име прославимо,
«Да сломимо ярмо Агарянска,
- «Подъ Полтавой страшно побѣди-
ли,
«Мазепу живаго ухватили
«И вернули короля Поляковъ,
«Пусть покается, что учинилъ онъ:
«Но со мною заратовалъ Турокъ
«И на мя всю силу обратилъ онъ,
«Да отмстятъ мнѣ за короля Шве-
довъ.
- «А мнѣ молвить мой служитель
вѣрный,
«Савва Владиславлевиць мой вѣр-
ный—
«Изъ Попова, изъ Герцеговины,—
«Что вы, славыи Черногорцы,
вольны,
«Мира съ Туркомъ нигода валь
нѣту
«И что мнѣ вы можете быть въ
помочь.
- «Своего посланника я шлю вамъ:
«Я надѣюсь на Вышняго Бога
«И на мышцу Сербскаго народа,
«Особливо храбрыхъ Черногор-
цевъ,
«Что вы точно будете мнѣ въ
помочь,
«Да избавимъ мы народъ христь-
янскій
«И прославимъ Славянское имя,
«Да мы слошимъ ярмо Агарянско,

¹⁾ Въ текстѣ „Мазена.“

«Благоверя уздигнемо храме,	«Православные воздигнемъ хра-
«Омисно нанесене сраме	мы,
«Од Турчина, свагом душманина,	«Омисеть мы нанесёны срамы
«Тюо не лижепрах негових стопах.	«Отъ Турка, — онъ каждому
	враждебонъ,
«Вы сте с Русма и еднога рода,	«Бто не лижетъ праха стопъ Ту-
«Едне вере, еднога езика:	рецихъ.
«Веть сродни бит' неймамо куда,	«Вы съ Русскими одинаго рода,
	«Одной вѣры, одного языка:
«Бад к'о Руси есте и юнаци.	«Сродниѣ того нельзя больше быть
«Но смочите кано витезови,	намъ,
«Помлините кано соколови,	«Тѣ же Русские и молодцы вы.
«Подигните окруже християне,	«Въ разъ, какъ витези ¹⁾ , вы
«Све юнаке на старе наликѣ,	поднимитесь,
	«Какъ соколы восмилните или-
«Нак на Турску землю навалите,	комъ,
«Разорайте, штогодер стигнете,	«Возставте вы християне оруж-
«Осваайте, што више можете,	ныхъ,
«У Стамбола да се састанемо,	«Всѣхъ юнаковъ, старинѣ подоб-
«У Стамбола, оли у едрену!	ныхъ,
«Наша войска веть е ударила,	«На Турску землю навалите,
«С Турцим' бие с', нигда не пре-	«Разорайте, что ни попадется,
стае.»	«Осваайте, сколько можно больше,
	«Да соидеши вѣстѣ во Стамбулѣ,
	«Во Стамбулѣ либо во Едренѣ ²⁾ !
	«Уже наше ударило войско,
	«Бьется съ Турками, и непрестан-
	но.»

Тай посланик на Цетине доде,	Тотъ посланникъ пришолъ на Це-
Владика га жельно дочекао,	тине ³⁾ ,
	Владика желанно его принялъ,

¹⁾ Такъ у Сербовъ называются собственно богатырскіе кони.—²⁾ Адрианополь.—³⁾ Главный городъ Черной Горы.

Црногорце на збор окупио,

Он е нима реч говорио:

—Ево, братѣ, книга од Русіе,

—Ево книга, ево и посланик

—Од славнога цара риштынегога!

—Книга пише и посланик каже,

—Да е Турчин цару заратио.

—Но сад, братѣ, ако Бога знате,

—Сви будемо справни и готови,

—Да риштынском цару поможемо

—И да наше крви не жалимо,

—А за наше царство правоверно

—И за нашу веру само-славну!—

Црногорци кад то разумеше,

Сви кликуше, а единогласно:

««Фала да е Богу Великоме,

««Те смо кнѣге ове видѣли

««Од нашега цара Славинскога,

««Славинскога но и риштынегога!

««Ср писемо никуда помисляли,

Во соборъ онъ собралъ Черногор-
цевъ,

Такову рѣчь онъ говорилъ нѣтъ:

—Вотъ вамъ, братья, грамота съ
Росіи,

—Вотъ вамъ грамота и вотъ по-
сланикъ,

—Отъ славнаго царя христіанска!

—Пишетъ грамота, посланикъ
говѣитъ,

—Что, де, Турокъ на царя рать
поднять.

—Нынѣ, братья, памятуя Бога,

—Будемъ все исправны и готови,

—Да поможемъ царю христіанску

—И да нашей крви не жалѣемъ,

—За наше ли царство правосла-
вно,

—За нашу ли вѣру одновѣрну¹⁾!—

Черногорцы, разумѣвши дѣло,

Всѣ кликнули голосомъ единымъ:

««Слава Богу, Великому Богу,—

««Довелось намъ грамоту увидѣть

««Отъ нашего царя отъ Славян-
ска,

««Славянскаго, да еще христьян-
ска!

««Никогда-то мы не помисляли,

¹⁾ Собственно, по тексту, за царство правоверное и вѣру однословенную: разумѣется общее съ Русскими царство одной вѣры и общей вѣра—единая славная, право-славная.

«Те да темо ми кад доживети,
 «Да познамо цара православна;
 «Н' ако негде да е у свиету,
 «Де он за нас ни чути не може.
 «А над чоу и за наске знаде,—
 «Ево наше сабле при поясу,
 «Ево наше пушке у рукама!
 «Сад и вазда справни и готови,
 «Сви еданак срца веселога,
 «На ови час удрити Турцима,
 «И што брже, то е нама драже,
 «Што ли преде, то е нама сла-
 де!»»

Владика е ово саслушао,
 И Владика, и посланик сретни,
 Цара книге преписати даше,
 Пак преписе Владика оправля
 Уза свое книге на све стране,

У сву Босну и Херцеговину,
 У сва Берда и у Зету плодну,

«Что дожить поры той приведется,
 «Какъ узнаемъ царя православ-
 на ¹⁾);
 «Боли есть онъ гдѣ-то тамъ на
 свѣтѣ,
 «Думали, — ему объ насъ не
 слышно.
 «А коль слышалъ и объ насъ
 онъ знаетъ,—
 «Вотъ нашъ поясъ, за поясомъ
 сабли,
 «Вотъ же руки, вотъ же наши
 ружья!
 «Въ разъ и въ вѣкъ исправны
 и готовы,
 «За одно всѣ веселымъ серд-
 цемъ,
 «Тотчасъ же ударити на Турокъ,
 «И что ближе, то намъ и дороже,
 «Что ли преде, то намъ еще
 слаще!»»

Владыка же выслушалъ все это,
 И Владыка, и посолъ счастливый,
 Царску грамоту переписать велѣмъ,
 Списки эти, съ письмами своими,
 Владыка справляетъ на всѣ стра-
 ны,
 На всю Босну и Герцеговину,
 На всѣ Берда ²⁾ и во плодоносну
 Зету,

¹⁾ Степени: царя не только Славянского (надъ Славянами), но и христі-
 анскаго, притомъ не католическаго и не магометанскаго, а православнаго. —

²⁾ Болѣе возвышенная часть страны.

Да христьян' подигну оруже,
 Да се с Црном Гором сеедине;
 Иза тога призва гаваре,
 А гавари войску подигнули,
 Ошалише села и вароше,
 Ово беда Оногоста града,
 Ово Служа, око Подгорице
 И ошело града Жаблячкога;
 Затворише у градове Турке,

А христьяне себе присвоише.

Да ти беше виднети, побре,

Како с' она войска умложава!

Како трче Брдани юнаци,
 Херцеговци и млади Зетани,
 Под баряке цара Русинскога,
 Да се здруже с войском Црно-
 горском!

Не би река', драги побратиме,
 Да се иде с Турцим' боя бити,—
 Но на игру, хладно вино пити
 И веселе песме запевати!

Но веселе ово не трајало,
 Н' ако само месец и по дана:

Него се е брзо обратило
 На Србальску жалост и несретю.
 Ср бо худн гласи допадоше,—

Да христьяне подигну оруже,
 Да соединятся съ Горой Черной;
 Послѣ того старшихъ призываетъ,
 Старѣйшины подняли все войско,
 Попалили города и сѣла,
 Вокругъ Оногости, бѣла-града,
 Вокругъ Жабляка, Подгорицы, Спу-
 жа:

Заперли въ твердыняхъ градскихъ
 Турошъ,

А крестьянъ ¹⁾ въ союзъ себѣ за-
 брали.

Эхъ, братъ, посмотрѣть бы тебѣ
 было,

Какъ растутъ и множитъ те вой-
 ско!

Какъ спѣшать и Бердяне юнаки,
 Герцеговцы, молоды Зетяне,
 Подъ знамена царскія Россіи,
 Въ одну купу съ войскомъ Черно-
 горскимъ!

Не сказалъ бы, дорогой пріятель,
 Что идѣтся это въ бой Турецкій,—
 Но на игры, пить вино прохладно
 И весѣлы пѣсни запѣвати!

Да не долго длѣлося веселье,
 Всего счетошъ мѣсяць съ полови-
 ной:

Скоро оно, скоро обернулось
 На Сербское горе и бездолье.
 Ибо злыя вѣсти приходили,—

¹⁾ Въ текстѣ „христьяне“: но это именно то же понятіе, что въ имени
 напѣвникъ „крестьянъ“,—жители полей внѣ города, по деревнямъ.

Да се Петре с Турцим' ушпирио, — Петръ Россійскій пошрился съ
Туркогъ —

Не по воли, него по неволи,
Што га беху Турци опколели
Близу Прута студене риве,
Тер му помоть доти не могаше,
Не по воли онъ, а по неволи,
Его Турки кругомъ окружили
Близу Прута близъ рѣки студеной,
Еъ нему помоть не могла добрать-
ся,

Ни остало, што е войсци нужно. Ни прочее все, что войску нужно.
Ове гласе када разумене Въсти эти какъ только узнали
И Владика, и сви Спасолюбци, И Владика, и всѣ Спасолюбци ¹⁾,
Ушпакасе мало и велико, Восплакагъ тутъ и старый, и ма-
лый,

Свая жалаше рипшамского цара. Всякъ жалѣгъ тутъ царя хрести-
анска ²⁾.

Микашо поде у Русю, Милорадовичъ пошелъ въ Россю
А остави у рат Черногорце. И оставилъ въ рати Черногорцевъ.

Бако тадер, тако и досадер: Какъ тогда, ведется тожъ доселъ:
Вино пию, с Турцима се бию, Пьютъ вино, да съ Турками вою-
ють.

И бранитес', док еднога има, До послѣдняго ихъ будетъ оборона
Од свакога, толи од Турчина, Противъ всякого, а паче Турка,
А своєга двойног' душманина, Противъ ихняго врага двойнаго,
Душманина вере и слободе. Врага ихней вѣры и свободы.
Ние сенка слога Черногорска: Не тѣнь одна союзъ Черногорскій:
Нейма тога, ткоб их уарино, Еще нѣтъ того, кто бъ объяримгъ
ихъ,

Тол' их отле некудъ прижайино! А подавно ихъ исторгъ отсюда!

(Изъ „Исторія Черной Горы“ С. Милутиновича, Белградъ, 1835: нѣкоторыя выраженія отылаются вѣжностью и потому не точно самое правильное словъ.— Подобныхъ вѣсствъ можно довольно встрѣтити еще у Чубра Чойковича, Будинъ 1833, изд. Миловука; въ собственномъ изд. Чойковича, Левацъ 1837; и др.).

* * *

¹⁾ Ревнители Спасовой вѣры и спасенія отчизны.—²⁾ Замѣчательная делькатность въ оправданіи Петра и жалость о немъ, не о себѣ, когда Черногорцы были оставлены лицомъ къ лицу со странною силою истинныхъ Турокъ.

XXVII.

Петръ Первыйъ кончается.

1.

(Губ. Сибирской, село Станчье).

- Во славномъ городѣ во Сан-питерѣ
 Стояли палаты бѣлокаменные,
 Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
 Состроена тутъ кроватушка тесовая,
 5. На кроватушкѣ изголовьицо точёное,
 Точёное, позолоченое,
 На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
 Шелковыя и парчѣвыя,
 На подушкахъ одѣяло соболъное
 10. Того соболя Сибирскаго,
 Подъ одѣялочкомъ лежитъ удалый-добрый молодець,
 Удаля-добрый молодець, нашъ православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
 Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бояре,
 15. Всѣ старшіе фельдмаршалы.
 Возговорятъ всѣ князья-бояре,
 Всѣ старшіе фельдмаршалы:
 «Тебѣ, видно, худо можется,
 «Худо можется, конецъ близится.
 20. «На кого ты свое царство приказываешь,
 «На кого ты свое государство отказываешь?
 «Кому у насъ будетъ сенать судить,
 «Кому у насъ владать каменною Москвой,
 «Каменною Москвой, всей Россією?»
 25. Какъ не золотая трубонька вострубила,
 Какъ не серебряная сиповочка возыграла,
 А возговорилъ нашъ батюшка православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ:

- Сенатъ судить вамъ, князьямъ—бѣярямъ,
 30. —Каменная Москва и Россія вся моею государыней.—
 Услыхала государыня,
 Изъ палаты идетъ,—сама вопить:
 «О ты гой еси, мой милъ—сердечный другъ,
 «Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 35. «На кого ты свое царство приказываешь,
 «На кого ты свое государство отказываешь?»
 Не золота трубонька вострубила,
 Не серебряная сиповочка возыграла,
 Анъ возговорить нашъ православный царь,
 40. Православный царь Петръ Алексѣевичъ:
 • —Сенатъ судить князьямъ—бѣярямъ,
 —Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
 —Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
 —Каменная Москва и Россія вся.—

(Отъ Языкова).

*

2.

(Съ Урала).

- У насъ, братцы, было на святой Русѣ,
 На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
 На тѣмъ на дворцѣ государевомъ,
 Стояли тутъ палаты бѣлокаменны,
 5. Бѣлокаменны палаты горновитыя ¹⁾;

---

¹⁾ Грановитыя. Производство слова двоятся: 1) отъ *грань*—гранѣныя (по камню), каково отличіе и по нынѣ въ Грановитой палатѣ Кремлевской; 2) отъ *гроно* (видозмѣненіе—*зерно*)—кругъ приближенныхъ, средоточіе придворныхъ, толпа свиты съ центромъ для государя (какъ у Западныхъ Славянъ); *града*, *градля* и *градьба*, вѣстныя по лѣтописямъ и древнимъ Быллинамъ, примыкають сюда же (*градно*), хотя и дальше.

Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
 Стояла тутъ кроватушка тесобая,
 Разостлана на ней перинушка пуховая,
 Поставлено взголовьице высокое,

10. Положена подушечка парчевая,
 Раскинута одѣяло соболиное.
 Лежишь надежда православный царь,
 Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ.
 Не золотая трубушка вострубила,
15. Не серебряна сипловочка возвырала,
 Что возговорить надежда православный царь,
 Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ
 —Охъ вы гой еси, князя со болами,
 —Всѣ старшіе, любезные фельдмаршалы!
20. —Вы пьёте—вы ѣдите готовое,
 —Цвѣтное платье вы носите припасённое,—
 —Ничего вы не знаете—не вѣдаете:
 —Мнѣ же, царю, худо можется,
 —Худо можется мнѣ, царю, конецъ идѣть.—
25. Не красное солнышко восходило,—
 Бѣлокаменна палата отворялася,
 Благовѣрная царица показалася,
 Дожилася царю на бѣлую грудь:
 «Охъ ты гой еси, надежда православный царь»
30. «Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ!
 «Кому же ты Россіюшку приказываешь?»
 —Сан-Петербургъ приказанъ фельдмаршалу,
 —Каменная Москва приказана тебѣ, царица православная,
 —Царевичу приказана вся имперія.—

(Отъ В. Я. Дала).

* * *

Смерть государя.

1.

(Губ. Саратовской).

- Померь, померь нашъ батюшка, православный царь,
 Померь онъ, переставился.
 На кого ты, батюшка, обузушки жекнулъ:
 Какъ и первую обузушку—мать Россейку,
 5. Какъ другую—то обузушку—молодыхъ солдатъ,
 Какъ и третью—то обузушку—бѣлокаменны палаты?
 Какъ и эти палаты стоятъ растворѣны,
 Въ этихъ палатахъ зола гробница,
 У этой гробницы стоятъ пепы—патріархи ¹⁾,
 10. Они служатъ и читаютъ—намять отбиваютъ.

(Запис. А. Н. Пасталовою; ср. Изв. А. Н.).

*

2.

(Оттуда же).

- Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго,
 Ударилъ въ большой колоколъ,
 5. Раздастся звонъ по матушкѣ по сырой землѣ:
 Померь, померь у насъ, братцы, Бѣлый царь,
 Бѣлый царь, Петръ Первый ²⁾.
 Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
 Генералушки, чиновны господа:
 10. «Состроимъ мы своему Царю Бѣлому гробницу кипари-
 сову,

---

¹⁾ Черта отъ старины.—²⁾ Алексѣевичъ?

«Увьёмъ мы ее, гробницу, пилсомъ-бархатомъ,
 «Унесёмъ мы своего Царя Благо за Неву рѣку,
 «Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
 «Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ.»»

(Костомар. в Мордовц., ср. „Изгн. Р. Л. и Ар.“).

* *

Плачь государыни.

1.

- Кашъ ударили въ большой колоколъ
 Въ Соборъ да Петропавловскомъ:
 Что за правомъ-то за крылосомъ
 У гробницы государевой,
5. Государя Петра Перваго,
 Тутъ стояла честная вдова,
 Честная вдова государыня,
 Катерина Алексѣевна;
 Со слезами Богу молилась:
10. «Ужь ты встань, встань, благовѣрный царь,
 «Благовѣрный царь Петръ Алексѣвичъ!
 «Посмотри ты на свою армию
 «И на конную на всю гвардію:
 «Всѣ солдатушки во походъ идутъ,
15. «Барабанички въ барабаны бьютъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

*

2.

(Съ Урала).

- По морю было Чорному,
 По тому морю было по Турецкому,
 Возлѣ бережку, возлѣ краюшку,
 Возлѣ было камышенка зелѣнаго,
 5. У присади было лебединой ¹⁾,
 Тутъ бѣлая лебедушка жалко воскликнула,—
 Милосердна наша государыня слезно восплакнула,
 Припадала она къ матушкѣ ко сырой землѣ:
 «Разступися, мать сыра земля,
 10. «Откройся, гробова доска,
 «Распахнися, бѣль-миткалинъ саванъ,
 «Возстань, нашъ батюшка, православный царь,
 «Всей Россіюшки самодержиць, Петръ сынъ Алексѣевичъ!
 «Всѣ графы-генералы измѣну сдѣдали,
 15. «Царски знамена врагу приклонились,
 «Россійску армеюшку во полонъ взяли.»

(Отъ В. Н. Дала).

* *

Плачь вождя.

1.

(Губ. Саратовской).

Охъ ²⁾ ты ягодка самородника,
 Распрекрасное мое деревцо!
 Ты когда взошла, когда выросла,
 Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?

¹⁾ Такъ старается творчество восполнить точное описаніе отдаленной и забытой мѣстности; но сравненію вопившей государыни съ лебедью, создается и приставъ, куда присаживаются лебеди.—²⁾ *Разморыч*. Костомар. в Мордовц. „Ахъ.“

5. —Я весной взшла, лѣтомъ выросла,
—Я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла.—
Охъ ты ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты почто рано позаломана,
10. Во пучечки перевязана,
По дикой степѣ ¹⁾ поразбросана,
До того ли села Шереметева ²⁾,
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашонаго ³⁾?
- У того ли дворца ⁴⁾ государева,
У крыльца было ⁴⁾ воскрашонаго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
Призобилъ онъ рѣзвы ноженъки по самы сапоженъки ⁵⁾,
15. Бѣлы рученьки по самыя кѣстыньки ⁶⁾.
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Ужъ и слѣзы льютъ ⁷⁾—что ручьи ⁸⁾ текутъ,
20. Воздыхаетъ онъ—словно лѣсъ шумить,
Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возговорилъ ⁹⁾:
«Вы подуйте съ горь, вѣтры буйныя ¹⁰⁾,
«Разнесите съ небесъ снѣжки ¹¹⁾ бѣлыя,
25. «Растолкните, вѣтры, бѣль-горючь камень,
«Расшатайте-ка мать сыру землю
«Вы на всѣ на четыре стороны ¹²⁾,
«Расколите, вѣтры, гробову доску,

¹⁾ *Разномрч.* „По дороженькѣ.“—²⁾ Связь сего съ эпохою Петра ишитава изъ предшествующихъ пѣсень.—³⁾ Краснаго.—⁴⁾ Кост. и Морд. „У дворца то было;“ „У крыльца было.“—⁵⁾ „Что по самы по сапоженъки.“—⁶⁾ „кѣстыньки.“—⁷⁾ Льетъ?—⁸⁾ Кост. и Морд. „ключи.“—⁹⁾ У нихъ же: „Жалобнѣхонько слово вымолвилъ.“—¹⁰⁾ „Вѣтры-вихори.“—¹¹⁾ „Съ полей;“ „Съ поля снѣги.“—¹²⁾ „сторонушки.“

- «Разверните вы золоту парчу,
 30. «Распахните вы бѣль-тонкой саванъ!
 «Уж ты встань-проснись, православный царь ¹⁾,
 «Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 «Подыми ты свою головушку,
 «Посмотри на свою силушку:
 35. «Твоя силушка во строю стоитъ,
 «Во строю стоитъ—не шелѣхнетъ,
 «По военному она обучается,
 «На войну она отлучается ²⁾»»

(Завс. А. Н. Паскалову, разгор. Кост. в Морд.).

* *

Такое начало со „Смородинкой“ принадлежит исключительно плачу по Петру (ранней его смерти); прочія, съ „Мѣсяцем“, слѣдующія за сямъ, начинаются съ Ивана Васильевича и продолжаются подобно:

2.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго, село Слобода).

- Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяцъ!
 Чтѣ ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Закрываешься тучей тѣмною?
 5. Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у крылоса,
 У гробницы государевой,
 10. Молодой солдатъ на часахъ стоялъ:

¹⁾ „нашъ батюшка.“—²⁾ „Тебя она дожидается,“ или „Подъ Пруцкаго короля вѣтъ подмоги безъ тебя;“ Кост. в Морд. „На войну она снаряжается.“

Стоючи онъ призадумался,
 Призадумавшись онъ плакать сталъ,
 И онъ плачетъ—что рѣка льется,
 Возрыдаеть—что ручьи текутъ,

15. Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
 «Ахъ ты матушка, сыра земля,
 «Разступись ты на всѣ стороны,
 «Ты раскройся, гробова доска,
 «Развернися ты, золота парча,
 20. «И ты встань—проснись, православный царь,
 «Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 «Посмотри на всю армию:
 «Что всѣ полки во строю стоятъ,
 «И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
 25. «Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіорушки на добрыхъ коняхъ,
 «Капитаны передъ ротами,
 «Офицеры передъ взводами,
 «А прапорщики подъ знаменами,—
 30. «Дожидають они полковничка,
 «Что полковничка Преображенскаго,
 «Капитана бомбардирскаго ¹⁾»

(Запис. П. В. Квр. отъ 70-ти лѣтней старухи Катерины Андреевны).

*

3.

(Съ Урала).

Охъ ты батюшка, свѣтъ мѣсяць,
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему?

---

¹⁾ Т. е. Петра 1-го.

- Какъ у насъ было на святой Русѣ,
 5. На святой Русѣ, въ каменной Москвѣ,
 Во соборѣ Петропавловскимъ,
 Какъ у праваго было крылосу,
 Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
 Онъ и плачетъ—какъ рѣка льётся,
 10. Возрыдаетъ—какъ ключи шумятъ:
 «Ты воскресься, гробова доска,
 «Распахнися, золота парча,
 «Охъ ты встань—проснись, православный царь!
 «Твоя силушка во строю стоитъ,
 15. «Твой любимый полкъ въ походъ пошолъ,
 «Въ походъ пошолъ—нодъ Азовъ городъ.»

Мы стояли подъ Азовомъ ровно три годочка...

(Отъ В. Н. Дала).

Не кончено. Начинался переходъ къ разсказу о взятіи Азова, подобно какъ при смерти Ивана о Казани, ср. вып. 6-й.

*

4.

- Ахъ ты батюшко, свѣтѣль мѣсяцъ!
 Чтѣ ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Все ты прячешься за облаки,
 5. Закрываешься тучей темною?

- Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Въ(во) соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у крылоса,
 10. У гробницы государевой,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.

- Стоючи онъ призадумался,
 Призадумавши(сь) онъ плакать сталъ,
 И онъ плачетъ—что рѣка льется,
 15. Возрыдаетъ—что ручьи текутъ,
 Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
 «Ахъ ты матушка, сыра земля,
 «Разступися ты на всѣ стороны ¹⁾,
 «Ты раскройся, гробова доска,
 20. «Развернися ты, золота парча,
 «И ты встань—проснись, православный царь!
 «Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 «Посмотри на всю армию:
 «Уже всѣ полки во строю стоятъ,
 25. «Всѣ полковники при своихъ полкахъ,
 «Подполковники на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
 «Капитаны передъ ротами,
 «Офицеры передъ взводами,
 30. «А прапорщики подъ знамѣнами,—
 «Дожидають они полковника,
 «Что полковника Преображенскаго,
 «Капитана бомбандирскаго.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Этотъ образецъ—самый близкій къ народному и господствующему; ср. у насъ № 3-й. Но въ тѣхъ же пѣсенникахъ помѣщенъ другой, болѣе подправленный и дополненный рукою книжника (это указано у насъ курсивомъ):

¹⁾ Этотъ стихъ, съ нѣсколькими предмудшими, очевидно подправленъ, ибо не умѣли прочесть или раздѣлить склада въ рукописи: случай обыкновенный у Чулкова и Новикова, первый самъ признается въ томъ (предисловіе).

Ахъ ты батюшка свѣтлъ мѣсяцъ!
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому и не по прежнему,
 Что со вечера не до полуночи,
 5. Со полуночи не до бѣла свѣту,
 Всѣ ты прячешься за облаки,
 Закрываешься ¹⁾ тучей темною?

Что у насъ было на святой Русь,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 10. Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра Перваго,
 Петра Перваго Великаго,
 15. Молодой сержантъ Богу молится.
 Самъ онъ плачетъ—какъ рѣка льется,
 По кончинѣ вскорѣ государевой,
 Государя Петра Перваго ²⁾;
 Въ возрыданьѣ ³⁾ слово вымолвилъ:
 20. Разступись ты, мать сыра земля,
 Что на всѣ четыре ⁴⁾ стороны,
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернись, золота парча,
 И ты встань—пробудись, государь,
 25. Пробудись, батюшка православный царь!
 Погляди ты на свое войско милое,
 Что на милое и на храброе:

---

¹⁾ У Сахарова „для разнообразія:“ „Укрываешься.“—²⁾ Сахаровъ не умѣлъ отличить даже и этой поправки: такъ у него и напечатано.—³⁾ У Чулкова „Въ возрыданье:“ такъ оставилъ и Сахаровъ,—вотъ образецъ его свѣдѣній.—⁴⁾ У Сахарова „для разнообразія:“ „Что на всѣ ли на четыре.“

Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсильли.

(Пѣс. Чулковскій и Номиковскій).

*

Образецъ, какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе понравился позднѣйшимъ пѣсенникамъ и Сахарову. Передѣлки Н. Н. Дмитриева шагнули еще далѣе:

6.

Ахъ ты батюшка, свѣтель мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не со вечера до полночи,
Не съ полночи до бѣла свѣта?

5. Все ты прячешься за облаки
И мелькаешь изъ за темныхъ тучъ

Во соборѣ Петропавловскомъ,
На рукѣ правой у крылоса,
У гробницы государевой,
10. У гробницы Петра Перваго,
Воздыхаетъ молодой сержантъ
И слезами обливается
По кончинѣ государевой,
И рыдаючи возговорилъ:

15. «Разступися, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,
«Пробудися, встань, нашъ батюшка,
«Православный царь, Великій Петръ!»

20. «Вглянь на войско свое милое,
«На усердное и храброе:
«Безъ тебя мы осиротѣли,
«Осиротѣвъ сокрушаемся.»

(Пѣсенникъ Н. Н. Дмитриева).

* *

Возвращаемся къ народнымъ:

(Губ. Саратовской).

Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяць!
 Чтò ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,
 Не во всю землю свято-Русскую,
 5. Что со вечера не до полночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта,
 Все ты прячешься за облаки,
 Закрываешься тучей тёмною?

Какъ у насъ было на святой Руси,
 10. Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 У дворца было государева,
 У крыльца было воскрашеннаго,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
 Стоючи—то онъ призадумался,
 15. Призадумавшись слезно плакать сталъ,
 И онъ плачетъ—какъ рѣка льется ¹⁾,
 Возрыдаеть—ровно громъ гремитъ.
 Въ возрыданьи онъ слово вымолвилъ ²⁾:
 «Вы подуйте съ горь, вѣтры буйные,
 20. «Разнесите вы снѣги ³⁾ бѣлые,
 «Разступись ты, мать сыра земля,
 «Развались ⁴⁾ ты, бѣль-горючъ камень,
 «Расколись ты, гробова доска,
 «Развернись ты, золота парча,
 25. «Распахнись ты, бѣль-тонкой саванъ,
 «Ужь ты встань-проснись, православный царь.

---

¹⁾ Кост. и Морд. прибавлены краски, какъ въ образцахъ выше.—²⁾ „Возрыдаючи онъ возговорилъ,“ ср. выше.—³⁾ „свѣжи.“—⁴⁾ Прибавлено вездѣ, для слава, ка.

- «Православный царь Петръ Алексѣвичи!
 «Посмотри, сударь, на свою гвардію,
 «Посмотри на всю армейошку,—
 30. «Хорошо твоя армейошка обряжена:
 «Всѣ полковнички во своихъ полкахъ,
 «Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
 «Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
 «Капитаны передъ ротами,
 35. «Офицеры передъ взводами,
 «А прапорщики подъ знаменами,—
 «Дожидаютъ они полковничка,
 «Что полковничка Преображенскаго.
 «Капитана бомбандирскаго.»

(Запис. А. Н. Паскалова, ср. Изв. А. Н., потомъ Костомар. и Мордоца.).

* * *

Слѣдующіе образцы теряютъ начало, но замѣчательны внутренними народными чертами:

8.

(Губ. Московской).

- Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Въ каменной Москвѣ, въ Кремль въ славномъ городѣ,
 У собора было у Успенскаго,
 5. У Ивана было у Великаго.
 Молодой солдатъ на часахъ стоитъ,
 На часахъ стоитъ, Богу молится,
 Богу молится, низко кланяется,
 Онъ и плачетъ—что рѣка льется,
 10. Съ возрыданьемъ—што волна бьется.
 Выходилъ—ли самъ Голицынъ князь,
 Закричалъ своимъ громкимъ голосомъ:

- Ужь ты ей ли, молодой солдатъ,
—Молодой солдатъ, полковой сержантъ!
15. —Ты й о чемъ плачешь, о чемъ слезы льешь?—
«Ну и какъ же мнѣ не плакати,
«Ну и какъ же мнѣ горькихъ слезъ не лить?
«Что померкъ, померкъ нашъ свѣтѣль мѣсяць,
«Потемнѣло солнце красное,
20. «Потяжелѣла служба царская:
«Что не стало въ насъ царя Бѣлаго,
«Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
«Подымайтесь вы, буйны вѣтры,
«Разсыпьте же вы, желты пѣски,
25. «Ты откройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,
«Ты встань—проснись, ты нашъ батюшка,
«Ты нашъ батюшка, православный царь,
«Погляди—ка ты на всю армию,
30. «На всю армию, свою гвардію:
«Какъ и всѣ полки во строю стоять.»

(Запис. П. В. Кир.).

*

9.

(Тульск. губ. в Тульск. уѣзд.).

- Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ Петропавловской славной крѣпости,
Засажоны были добры мѣлодцы.
5. Всѣ солдатушки, всѣ гвардейщички.
За единое они думу думали:
««Что не стало-то нашего батюшки,
««Нашего батюшки, царя Бѣлаго,

«Царя Бѣлаго, Петра Перваго!

10. «Безъ него все царство помутилось.»»

У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
Какъ ударили въ большой кѣлкъ,
Чтобы слышно было по всей Москвѣ.

15. По всей Москвѣ, по всей арміи,
По всей арміи, по всей гвардіи;
Какъ и взглянули на большой дворецъ:
Государыня ходитъ въ черномъ платьицѣ.

(Запис. П. В. Кир. отъ солдата, въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

10.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронки).

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана было у Великаго,
Стоялъ тутъ кипарисный гробъ,

5. Во гробу лежитъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Онъ крѣпко спитъ—не прѣснется,
Въ головахъ у него стоятъ старѣй сержантъ,
Онъ и плачетъ—что рѣка льется,

10. Во слезахъ онъ слово вымолвить:
«Батюшка нашъ, православный царь,
«Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
«Что ты крѣпко спишь—не прѣснешься,
«Не прѣснешься, не пробудись?»

15. «Вся наша силушка побитая,
«Побитая, порастѣряна.»

(Запис. П. В. Кир. 1833 г.).

*

11.

(Тамъ же).

- Какъ у насъ было на святой Руси,
 Въ славномъ городѣ было во Москвѣ,
 У собора было у Успенскаго,
 Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
 5. Во рукахъ ли онъ ружье держалъ,
 Богу молится, самъ слезно плачетъ,
 Онъ штыкомъ бьетъ объ мать сыру землю:
 «Разступись—раздѣлись, мать сыра земля,
 «Ты откройся—ка, золота парча!
 10. «Православный Петръ Алексѣевичъ,
 «Погляди—т—ка ты на свою армію,
 «На свою армію, на свою гвардію:
 «Наша армія во строю стоитъ,
 «Во рукахъ ружья держатъ, сами слезно плачутъ:
 15. —Аль, ребяташки, у васъ провянту ¹⁾ нѣтъ?—
 ««Првянту нѣтъ, сухарей не ставтъ.»»

(Запис. П. В. Квр. 19 Авг. 1833 г.).

* *

12.

- Какъ во городѣ во Питерѣ,
 Во столицѣ государевой,
 Что въ Соборѣ Петропавловскомъ,
 У гробницы Петра Перваго,
 5. Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
 На часахъ стѣя призадумался

---

¹⁾ Провянту.

- И въ раздумьи горько плавать сталъ,
Въ горючихъ слезахъ слово вымолвилъ:
«Ты ударь въ набатъ, вромкой колоколъ,
10. «Простони круюмъ, мать сыра земля,
«Распахнись—ка ты, золотой покровъ,
«Ты откройся—ка, гробова доска,
«Изъ гробницы встань, Русской Бѣлой царь!
«Ты взгляни—ка, царь, радость ввардii,
15. «Какъ полки твои во строю стоятъ,
«Опустишь на врудъ свои золовы!
«Что не царь нами теперь властвуетъ
«И не Русской князь отдастъ, приказъ,
«А командуетъ, потъшается,
20. «Злой тиранъ Биронъ изъ Нѣмечины.
«Встань—проснись, царь, наше солмышко,
«Хоть одно слово полкамъ вымолви,
«Прикажи весь соръ метлой вымести
«Изъ престольнаго града Питера,
25. «Поведи ты насъ въ Прусски области,
«Мы научимъ ихъ уму—разуму.»*

(Запис. г. Минаевымъ. Мелодраматическія черты, книжныя выраженія и искусственныя патриотическія тенденціи отмѣчены у насъ курсивомъ. До открытія другаго подлинника, больше чѣмъ сомнительно).

* *

Въ слѣдующихъ народныхъ образцахъ потеряно самое имя и потому они приписываются часто къ позднѣйшимъ государямъ и государынямъ:

13.

(Воронки).

Какъ у насъ было на святой Руси,
Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
У Ивана у Великаго,
Въ большой колоколъ зазвонили.

5. Молодой маіоръ пошогъ ко заутрени,
 Не дошедши собора Богу молится,
 Богу молится, въ землю кланяется:
 «Создай, Господи, тучу грозную,
 «Тучу грозную, непронѣсную!
10. «Подымитесь, вѣтры буйные,
 «Разнесите съ горъ желты пески,
 «Своротите бѣль-горючь камень!
 «Встань-проснись, православный царь!
 «Безъ тебя царство помутилось,
15. «Всѣ солдатушки разбѣжались.
 «Отъ чего они разбѣжались?
 «Отъ того они разбѣжались:
 «Караулы стали крѣпкіе,
 «Перешны стали рѣдкія,
20. «А мундиры зелѣные,
 «А морозы студѣные,
 «А сапожки-то на босѹ ножку ¹⁾»

(Запис. П. В. Кир. 23 Іюля 1833 г.).

*

14.

(Съ Урала).

- Охъ ты батюшка, свѣтѣль шѣсяць!
 Чтѣ ты свѣтишь не по старому,
 Не по старому, не по прежнему,
 Всѣ ты прячешься за облака,
 5. Покрываешься темной тучею?

Какъ у насъ было на святой Руси,
 На святой Руси, въ каменной Москвѣ,

---

¹⁾ А сапожки—на босы ножки.

- У собора было у Успенскаго,
У праваго было клироса ¹⁾,
10. У честной—хвальной у заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Онъ и плачетъ—какъ рѣка льется,
Возрыдаеть—какъ ключи шумять:
15. «Ты возмой, возмой, туча грозная,
«Ты пролей, пролей, часть—силёнъ дождикъ,
«Возмочи ты мать сыру землю,
«Разступися, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
20. «Распахнися, золота парча,
«Охъ ты встань—проснись, православный царь!
«Твоя армія во строю стоитъ,
«Твой любимый полкъ во походъ пошелъ,
«Во походъ пошелъ во ину землю.»

(Отъ в. и. Дала).

15.

- Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяць!
Что ты свѣтишь не по старому,
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта?
5. Во Московскомъ государствѣ,
Во Кремлѣ во славномъ городѣ,
Что во томъ было соборѣ во Успенскомъ,
Что у праваго у крылоса,
Молодой сержантъ Богу молится,
10. Самъ онъ плачетъ—какъ рѣка льется,
Въ возрыданьѣ слово вышолвилъ:
«Разступись ты, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,

¹⁾ Д. б. „крылоса“ по народному выговору.

15. «Пробудись ты, наш батюшко,
 «[Наш батюшко) православный царь!
 «Погляди на свое войско милое,
 «Что на милое и на храброе:
 «Безъ тебя мы осиротѣли,
 20. «А осиротѣвъ обезсилѣли.»

(Пѣсенникъ Шноровскій, 2-е изд. 1791 г.; ср. тамъ же образцы съ именами выше).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ не принадлежитъ собственно *общей* эпохѣ и дѣятельности Петра 1-го, напротивъ, выгораживая его, обращаетъ быль творческую, согласно были исторической, къ *отдѣльнымъ* лицамъ того времени.

XXVIII.

Въ 7-мъ выпускѣ, при пѣснѣ о томъ, какъ убить Разининъ *Прозоровскій*, кстаи мы помѣстили другую, гдѣ убить (вообще) „Астраханскій *воевода (губернаторъ)*“, и третью, также точно сродную, гдѣ убить воевода Астраханскій *Ремницъ* (изъ Екриш). Но мы съ намѣреніемъ задержали еще одинъ образецъ. Въ „Иркулискомъ“ рукописномъ сборникѣ пѣсней (отысканъ г. Цекарскимъ, извлеченъ и отчасти объясненъ г. Нилкинымъ „Отеч. Зад.“ 1858, № 1), съ такимъ же началомъ и въ той же самой мѣстности, какъ пѣсни поминутыя, встрѣчается Былевая пѣсня о *клязь Ремникъ Борисъ*. Ели это только вставлено; сама же она относится прямо къ Петровскимъ и идетъ въ настоящій отдѣлъ:

1.

Какъ пониже было города Саратова,
 Что повыше было города Царицына ¹⁾,
 Протекала-пробѣгала мать Камышенка-рѣка,
 Мать Камышенка-рѣка, круты-красны берега,
 5. Круты-красны берега и зеленые луга.
 Какъ по той ли по матушкѣ Камышенкѣ-рѣкѣ,

¹⁾ Такъ слѣдуетъ, и по сравненію съ поминутыми однородными пѣснями; въ сборникѣ „пониже“ и „повыше“ переставлено.

Вдоль плывутъ тутъ—выплываютъ три есаульные стружки ¹⁾.

Ой на тѣхъ стружкахъ всё ль удалы молодцы:

На нихъ смурые кафтаны кумачомъ подложены,

10. На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,

Ой зеленъ сафьянъ—сапожки и съ зачосомъ чулки ²⁾.

Они въ вѣсальцы гребутъ, сами пѣсенки поютъ,

Они хвалятъ—выхваляютъ [православнаго] царя,

Православнаго царя и всея Россіи Петра,

15. Ой клевету они—бранять князь—Бориса Репнина:

«Заѣдаетъ воръ—собака наше жалованье,

«Кормовое—годовое, наше денежное,

«Не даетъ намъ воръ—собака вдоль по Волгѣ погулять,

«Вдоль по Волгѣ погулять, «Вз—Дунаю ³⁾» воспѣвать.»

* *

1-й отдѣлъ Былевой этой пѣсни относится къ убитому Астраханскому Воеводѣ, 2-й называется прямо Репнина *Бориса*. Князь Борисъ, въ 1627 г. ставленникъ, въ 1640 бояринъ, былъ Воеводою въ Астрахани. Въ 1643 г. велѣно ему съ товарищемъ выдвигать высылки изъ Астрахани на Янкъ противу воровскихъ Донскихъ козаковъ, которые ходили съ Дону на Янкъ и обратно, на море (Каспійское) и на Волгу, именно велѣно отправлять ратныхъ людей и „промышлять надъ ними всякими мѣрами.“ Вотъ чѣмъ князь навлекъ собѣ смерть (1670?), пѣсня же о немъ связалась съ Равнинскими (а старше даже съ Карамышевыми) и, какъ выраженіе общаго неудовольствія, съ пѣснями о Мещниковѣ. Такимъ образомъ 2-я половина предлагаемаго образца только *оста является* или памятнаго Бориса Репнина, а наоборотъ пѣсня изъ Кишки объ убитомъ Астраханскомъ Воеводѣ именуется его *княземъ Данилою Александровичемъ*, то есть, явля, именитъ Мещникова, *Александромъ Даниловичемъ*.

Какъ первая половина пѣсни утвердилась преимущественно на быль XVII вѣка и составляетъ началомъ своимъ отличительный признакъ тогдашняго творчества, такъ на оборотъ строй второй половины закрѣпленъ (сфиксировался) въ вѣкѣ XVIII-мъ, именно на лицахъ князей Мещникова и Гагарина, подвѣвшихъ одинакому, соединенному творческому воаріанію, образу и выраженію:

*

¹⁾ Д. б. „стружка.“—²⁾ Это начало одинаково съ пѣснями объ убитомъ Астраханскомъ воеводѣ, а еще старше, о Карамышевѣ (вып. 7). Но за снмъ уже начинается то, что собственно принадлежитъ Петровской эпохѣ.—³⁾ По складу (бо-

Князь Меншиковъ.

2.

- Что пониже было города Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала—пролежала мать Камышенка рѣка,
 Какъ съ собой ¹⁾ она вела круты—красны берега,
 5. Круты—красны берега и зеленые луга;
 Она устьемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
 Что по той ли быстринѣ ²⁾, по Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ два снарядные ³⁾ стружка.
 Хорошо были стружечки изукрашены,
 10. Они копыями, знамены ²⁾ будто лѣсомъ поросли:
 На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все Донскіе козаки,
 Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе,
 На нихъ шапочки собольи, верки бархатные,
 15. Еще сѣдые кафтаны, кумачомъ подложены,
 Астрахански кушаки полу—шолковые,
 Пестрединныя рубашки съ золотымъ галуномъ,

лѣе поаднему) здѣсь слѣдуетъ „Вадуннаю.“—Выраженіе это, часто встрѣчающееся въ пѣсняхъ „по рѣкамъ“ и „по морю,“ въ первобытной формѣ звучитъ „Возъ-Дунаю,“ т. е. вверхъ по Дунаю и имѣетъ при себѣ другую—„Вдоль Дунаю.“ Въ разныхъ отдѣльныхъ образцахъ форма эта, катати и не кстати, вставляется выраженіемъ: „Возъ-Дунаю“ или „Вдоль Дунаю погуляю.“ Конечно это начало той, древнѣйшей, пѣсни, которую пѣли Русскіе, даже не отдѣлявшіеся еще рѣдко отъ прочихъ Славянъ, *плавали по Дунаю*, во время своей *Придунайской жизни*. Послѣ уцѣлѣла одна лишь формула, начало пѣсни, имая ея: *плавали по рѣкамъ и морямъ*, наши непременно поютъ „Вадуннаю, Воздуннаю, Вадуннаю, Вадуннай-най“ и считаютъ эту пѣсню, судя по словамъ самихъ пѣсней, гдѣ вставлено такое выраженіе, неизмѣннымъ спутникомъ плаванія, пѣсню лучшею, главною, признакомъ воли, раздолья, разгула, такъ что запретить, помѣшать ей,—значить лишить всякой свободы.

¹⁾ У Трутѣвскаго: „За собой.“—²⁾ У Прача: „быстринкой (быстренькой).“—³⁾ Знаменами, творит.—³⁾ Трут. „снарядные.“

Что зелёнь сафьянь сапожки, кривые каблукы ¹⁾,
И съ зачосами чулочки ²⁾, да все ³⁾ гарусные.

20. Они веслами гребуть, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ—величаютъ ⁴⁾ православнаго царя,
Православнаго царя, императора Петра,
А бранять они—клянуть князя Менщикова ⁵⁾,
Что съ женою, и съ дѣтьми, и со внучатами:
25. «Заѣдаетъ воръ—собака наше жалованье,
«Кормовое, годовое, наше денежное,
«Да еще же не пушаетъ насъ по Волгѣ погулять,
«Внизъ по Волгѣ погулять,—«съ—Дунинаю» воспѣвать.»»

(Пѣсвенники Чулковскій, Новиковскій, Трутовскаго, Прача и позднѣе; потомъ съ поправкою у Курганова, Сахарова и другихъ „делкатныхъ“).

* *

Но, если пѣсня о Меншиковѣ заняла свое начало отъ Репнинской, Прозоровскаго, Астраханскихъ воеводъ и вообще пѣсней Разинскихъ, то о Гагаринѣ творчество потерпѣло себѣ записъ изъ старшихъ Былинъ о Карамышевѣ (ср. выш. 7-й):

Князь Гагаринъ.

1.

(Губ. Московской, с. Ельнинское).

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ, тутъ пятьсотъ стружковъ плывутъ,
А на всякіемъ стружечкѣ по пятисотъ человекѣ,
Они ѣдутъ—въ вѣслы бьютъ, сами пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ, князь—Гагарина бранять:

¹⁾ Трут. „Что сафьянные сапожки и кривые каблукы.“—²⁾ У Сахарова для разнообразія: „чулки.“—³⁾ Въ другихъ „всѣ.“—⁴⁾ Трут. „выхваляютъ.“

⁵⁾ Н. И. Дмитриевъ вовсе выбросилъ эту пѣсню; Кургановъ въ письменникѣ вмѣсто „князя Менщикова“ поставилъ (вопреки складу) „злаго боярина;“ Сахаровъ, по извѣстному намъ обычаю, сочинилъ „воеводу;“ другіе послѣдовали тому же или кончили пѣсню стихомъ предыдущимъ.

5. «Забдаётъ князь Гагаринъ наше жалованье,
 ««Небольшое, трудовое, малоденежное,
 ««Со всякого человѣка по пятнадцати рублей.
 ««Онъ на эти-то на денежки поставилъ себѣ домъ,
 ««Онъ поставилъ себѣ домъ на Неглинной, на Тверской,
10. ««На Неглинной, на Тверской, за мучнымъ большимъ ря-
 домъ,
 ««За мучнымъ большимъ рядомъ, потолочекъ хрустальной,
 ««А парадное крылечко бѣлокаменное,
 ««Бѣлокаменное, стѣны мраморныя,
 ««Стѣны мраморныя, пола-тъ ¹⁾ лакомъ наведёнъ,
15. ««Какъ на этомъ-то полочкѣ Москварѣцкая вода,
 ««Москварѣцкая вода, по фонтану ведена,
 ««По фонтану ведена, жива рыба пущена,
 ««Жива рыба пущена, кроватушка смощена ²⁾.
 ««Какъ на этой на кровати самъ Гагаринъ князь лежитъ,
20. ««Самъ Гагаринъ князь лежитъ, такъ рѣчи говоритъ:
 ««—Ужь и дай Боже пожить, во Сибири послужить,
 ««—Не такъ бы я палатушки состроилъ бы себѣ,—
 ««—Я не лучше бы не хуже государева дворца,
 ««—Только тѣмъ развѣ похуже,—золотаго орла нѣтъ.—
25. ««Ужь за эту похвальбу государь его казнилъ.»»

(Запис. П. В. Кир. 14 Авг. 1832 г.—Пѣсня „протяжная“ или „тягольная“).

*

2.

(Съ Урала).

Какъ и по морю-мѣрю синему,
 По синю морю по Верейскому ³⁾,
 Туту плыли-выплывали
 Ровно тридцать кораблей.

¹⁾ Т. е. „Поль-тъ,“ съ зараждавшимся членомъ тѣ.—²⁾ Объ этихъ подробностяхъ см. „Замѣтку.“—³⁾ См. выше и „Замѣтку.“

5. Какъ на всякомъ на корабликѣ
По пяти сотъ молодцовъ.
Они ѣдутъ и плывутъ,—
Сами пѣсенки поютъ,
Про того ли вора-князя про Гагарина:
10. «Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
«Потовое, трудовое, наше денежное ¹⁾.
«—Ахъ велѣлъ бы мнѣ Богъ
«—Въ Царѣ-градѣ побывать ²⁾),—
«—Я бы выстроилъ палатушки не этакія,
15. «—Я не хуже бы ни лучше государева дворца,
«—Только гѣмъ бы я похуже,—нѣтъ злачѣнаго орла,
«—А полы-то, потолоки—всѣ хрустального стекла,
«—Москварѣцкая вода по фонтану взведена,
«—По фонтану взведена, бѣда рыба пущена.—
20. «Бѣла рыбица играетъ,—князь Гагаринъ въздыхаетъ.»

Отъ В. И. Далею.

*

3.

- Какъ по матушкѣ Москвѣ
Да пять сотъ стружковъ плыво,
Что на каждомъ на стружкѣ
По пяти сотъ человекъ,
5. Они ѣдутъ и гребутъ,
Сами пѣсенки поютъ,
Они пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ,
Что про Гришку про Гришутку
10. Про Гагарина съ дѣтьми:

¹⁾ За снѣгъ слова Гагарина.—²⁾ Рисуя плывущее судно, пѣсня возвращается къ рѣчанію Ильи Муромца на Соколѣ кораблѣ.

- «Заѣдаетъ воръ Гагаринъ
 «Наше жалованье,
 «Долговѣе, трудовѣе,
 «Малодѣежное,
 15. ««Что на всякого человѣка
 «По пятнадцати рублей.
 «А на эти, воръ, на деньги
 «Онъ заводы заводилъ,
 «Палатушки становилъ,
 20. ««За большимъ мучнымъ рядомъ
 «Онъ построилъ себѣ домъ,
 «Что на улицу окошечки,
 «Хрустальный потолокъ,
 «Москварѣцкая вода
 25. ««По фонтанамъ взведена,
 «Жива рыба пущена,
 «Кровать нова смощена.
 «Какъ на той ли на кровати
 «Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
 30. ««Онъ лежитъ, лежитъ, лежитъ,
 «На живую рыбу глядитъ,
 «Таки рѣчи говорить:
 «—Кабы Богъ мнѣ далъ пожить,
 «—Во Сибири послужить,—
 35. ««—Я построилъ бы палатушки
 «—Не этакія,
 «—Право лучше, право чище
 «—Государева дворца,
 «—Развѣ тѣмъ только похуже,—
 40. ««—Золотаго нѣтъ герба.—»»

(Запис. Дм. А. Валуевымъ).

*

4.

(Губ. Орловской).

- Бѣжить рѣчка по песку
 Изъ Казани во Москву,
 Какъ по этой по рѣчонкѣ
 Выплывало полтораста кораблей,
 5. Какъ на всякомъ на корабличкѣ
 По пять-ста человекъ,
 Они ѣдутъ и гребутъ,—
 Веселѣ пѣсни поютъ,
 Други рѣчи говорятъ,
 10. Все Гагарина бранять:
 «Охъ Гагаринъ ты, Гагаринъ,
 «Расканалья господинъ!
 «Заѣдаешь—пропиваешь
 «Наше жалованье.
 15. «Онъ на эти же на денежки,
 «Графъ ¹⁾, палаты себѣ складъ,
 «Изъ чистаго стекóлушка—
 «Изъ хрустала потолокъ.
 «По самому по конѣчку ²⁾
 20. «Быстра рѣченька бѣжить,
 «Не сама она взошла,—
 «Фонтанами взведена;
 «У этой же у рѣченьки
 «Кровать нѣва смочена;
 25. «Какъ на этой на кровати
 «Перинушка пуховá;
 «Какъ на этой на перинушкѣ
 «Подушечки парчевы;
 «На этихъ подушечкахъ

¹⁾ Это уже примѣненіе къ лицу позднѣйшему, которое встрѣтимъ послѣ.—
²⁾ По верху; по штицѣ потолочной.

30. «Одѣялицо новинькое лежитъ;
«Какъ подь этимъ одѣяломъ,
«Князь Гагаринъ тутъ лежитъ,
«Бѣлу рыбицу глядитъ.»»

(Запис. П. М. Перевальскаго).

*

Есть образцовъ предыдущихъ ми не помню бы слѣдующаго, гдѣ очень рано скрыто имя князя:

5.

Ужь какъ въ низъ было по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплывають три снарядные стружка,
Ужь на тѣхъ ли на стружкахъ удаліе молодцы,
Удаліе молодцы, все Донскіе козаки;

5. На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ штаники кумашны въ ¹⁾ три строчки строчены,
Александрійски ²⁾ рубашки съ золотымъ галуномъ,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они съѣли да гребнули, сами пѣсенки загѣли.
10. Что про князя, и съ дѣтьми, и со внучатами:
«Заѣдаетъ ³⁾ воръ—собака наше жалованье,
«Кормовое, годовое, третье денежное;
«Ужь на тѣ ли онъ на денежки палаты становить ⁴⁾,
«За мучнымъ большимъ рядами ⁵⁾, за Неглинною рѣкой,
15. ««Что не хуже и не лучше государева дворца,
«Только тѣмъ они похуже, что верхи не золочены.
«Похвалялся этотъ князь во Казанѣ побывать,
«Во Казанѣ побывать,—верхи вызолотить.
«Ужь какъ тамъ, братцы, князѣкъ и головку положилъ,
20. ««Онъ головку положилъ, его громъ тамо ⁶⁾ убилъ.»»

(Пѣсен. Чулковскій, Новиковскій, за ними Сахаровъ и друг.).

* * *

* *

Конецъ пѣсеней 8-го выпуска.

¹⁾ Во?—²⁾ Д. б. „Александрійскія.“—³⁾ Сахар. прибавилъ „онъ.“—⁴⁾ становить?—⁵⁾ Д. б. „рядомъ.“—⁶⁾ Сахар. „тамъ.“—Объ этой пертѣ см. „Замѣтку.“

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ПРЕЖНИМЪ ВЫПУСКАМЪ

И

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ VIII ВЫПУСКУ ПЪСНЕЙ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪВЕСКИМЪ.

I.

Часть I.

Выпускъ I.

Илья Муромецъ на Соколѣ кораблѣ.

1.

Ахъ по морю-морю Синему,
Что по Синему по морю по Каспійскому,
Еще плаваешь-гуляешь Соколѣ, братцы, корабль.
И онъ плавалъ и гулялъ ровно тридцать лѣтъ,
5. Что на якоряхъ Соколѣ-корабль не ставалъ,
У крутыхъ-красныхъ береговъ отнюдь не бывалъ,
Церквей и монастырей не видывалъ,
Колокольного звона не слыхивалъ.

Хорошо-добрѣ Соколѣ-корабль украшенъ былъ:
10. Да что носъ и корма по звѣриному,
Киль его сдѣланъ по змѣиному,
А парусы на немъ какъ орлиное крыло.

Атаманъ былъ на немъ Свѣтогоръ ¹⁾ богатырь;
Подъатаманъ молодець Илья Муромецъ:

---

¹⁾ Святогоръ.

15. На немъ шуба была во пятьсотъ рублевъ,
 На немъ шапочка во сотенку,
 А пуговики на шубѣ чиста зблота.
 По кораблику онъ, Муромецъ, похаживаетъ,
 И онъ тросточкой по пуговкамъ поваживается:
20. Его пуговики разгремѣлися,
 Всѣ товарищи подымалися ¹⁾.

Наступали они на Турецкой флотъ,
 Агаряне ихъ испужалися,
 Во синее море пометалися,

25. Всю жизнь свою тутъ кончили ²⁾,
 А богатство все оставили
 На добычу хабрымы вошмамъ.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Это передѣлано Н. Н. Дмитриевымъ такъ:

2.

- Ахъ по морю-морю Синему,
 Что по Синему морю Каспійскому,
 Други, плаваешь-гуляешь Соколъ корабль.
 Онъ ужъ плаваешь-гуляешь ровно тридцать лѣтъ,
5. А на якоряхъ Соколъ корабль не ставялъ,
 У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывывалъ,
 Церквей и монастырей не видывалъ,
 Колокольного звону не слыживалъ.

Хорошо-добрѣ Соколъ корабль украшенъ былъ:

10. Выгнуть носъ его съ кормою по звѣривому;

¹⁾ За симъ прибавка позднѣйшая. — ²⁾ А за симъ послѣдніе два стиха — явное сочиненіе книжника XVIII вѣка (върогатно первыхъ издателей).

А киль его обдѣлили по святому;
Взялъ парусъ какъ орляное крыло.

Атаманомъ былъ на немъ Святогоръ ¹⁾ богатырь;
Есауломъ Илья Муромецъ:

15. На немъ шуба была во пятьсотъ рублей,
На немъ шапочка во сотенну,
А пуговики на шубѣ чиста золота.
По кораблику Муромецъ похаживаетъ,
И онъ тросточкой по пуговкамъ похаживаетъ:
20. Его пуговики разгремѣлися,
Всѣ товарищи подымалися.

Наступили они на Турецкой флотъ,
Агаряне ихъ испужалися,
Въ Сине море покидалися,

25. *А богатство все оставили*
На добычу добрымъ мелодцамъ.

(„Карманный пѣсенникъ“ 1796 года; отсюда-то перепечатавали почти всѣ последующіе изданія и тотъ же образецъ приводятъ какъ варианты въ сборн. гг. Кустомар. и Морозец.).

*

3.

Ужъ какъ по морю, по морю, морю Синему,

Съ Ду-ни-най, Дунай, морю Синему ¹⁾,

По Синему было морю по Хвальнскому,

Туда ²⁾ плаваеъ Сожобъ-корабль по тридцать лѣтъ.

5. И онъ тридцать лѣтъ на якорѣ не стояеъ,

Ко крутому беренку не причаливался;

И онъ желтато пѣбочку въ глаза не видалъ.

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ пѣсенникахъ „Святогоръ.“—²⁾ Припѣвъ, съ повторяющимся концомъ стиха, послѣ каждаго; смыслъ его объясненъ выше.—

³⁾ Тутъ, тутъ?

- Нападали на Соколъ—корабль разбойнички,
 Нападали злы Татары со Калмыками,
 10. И хотять они Соколъ—корабль разбить—разгромить,
 Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
 А на Муромцѣ кафтанъ—рудожолтый цвѣтъ,
 На кафтанѣ были пуговики злачёныя,
 А на каждой—то пуговкѣ по лютому льву.
 15. Илья Муромецъ по кáраблю похаживаетъ,
 Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
 Его пуговики разгорѣлися,
 Его лютые львы разревѣлися,—
 Ужь какъ злые—то Татары испугалися,
 20. Во Синѣ море Татары побросалися.

(Записано Н. А. Полевымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевичъ; этотъ же образецъ былъ въ печати и онъ же приведенъ, какъ записанный „въ Саратовской губериѣ,“ у гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Важность всего того, что касается Ильи Муромца, побудила насъ напечатать эти образцы отчасти въ первый разъ для дополненія, отчасти цѣликомъ для уясненія прежнихъ сносокъ, чтобы указать происхожденіе искаженныхъ разнорѣчій. Ср. у насъ вып. 1, стр. 22—23, 40—41, XXXIV; вып. 4, стр. VII, СЦ, Указатель стр. 32; вып. 7, стр. 9 въ Приложеніяхъ; тамъ же стр. 146, 147, о Соколѣ и Орлѣ, или о Разинѣ на Соколѣ; вып. 4, стр. XXIII—XXVII, объ Алешѣ Поповичѣ на Соколѣ; Рыбник. ч. I, стр. 318 и далѣе, «Замѣтка» стр. III, о Соловьѣ на Соколѣ; Рыбник. II, стр. 317, 318, XXI—XXIII, о Настасьѣ Микуличнѣ на Соколѣ; наконецъ выше, вып. 8, образы корабля, на которомъ вѣдалъ Петръ I.

Часть II.

Выпуски 5 и 7.

Какъ переходъ отъ князя Михайла къ Роману, «терявшему» жену, а отъ Княжескихъ Былинъ къ Безъимяннымъ Молодецкимъ пѣснямъ, представляется слѣдующій образецъ:

Добрый Молодецъ

теряетъ жену.

1.

Какъ спасибо тебѣ, муравленому кувшину,
Помозибо ¹⁾ тебѣ, хрустальному стакану:
Напоилъ ты меня, молодца, до пьяна,
Ты размыкалъ мою тоску-кручину ²⁾!

5. Какъ у дѣтушекъ родна матушка умирала,
Она бѣдныхъ сиротъ покидала ³⁾.
—Охъ вы гой еси, милая мои дѣтки!
—Вы не плачьте, не плачьте—не тужите:
—Я срублю—то вамъ горницу новую,
10. —Со свѣтлымъ со стеклянымъ со окошкомъ,
—Я поставлю вамъ печку муравую ⁴⁾,
—Я возьму—то возьму мачиху молодую.—

¹⁾ Замѣчательная форма, „Помози Богъ“, то же, что „Спаси Богъ.“—²⁾ Это начало принадлежитъ собственно другимъ, весьма распространеннымъ пѣснямъ.—³⁾ За сии слова мужа-отца.—⁴⁾ Муравленую: собственно „травчатую“, каковы у насъ, вѣстѣ съ Греками, въ отдаленной древности были горшки, кувшины, то есть съ разводами и рисунками посредствомъ особаго способа обжиганья; но переходъ на Сѣверъ это осталось за печными изразцами; когда же искусство въ промыслѣ затерялось, въ глиняныхъ работахъ „муравленый“ и „муравой“ долго означало—лучшій (горшокъ, кувшинъ), а наконецъ тотъ лучшій, который „съ волиной“, обливной.

- Какъ отвѣтъ держать милыя его дѣтки:
 «Ты гори, гори, горница новая,
 15. «Ты умри, умри, мачиха молодая,
 «Ты живи, живи, матушка родная!»

(Запис. А. Хр. Востоковымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ; ср. въ вып. 5-мъ стр. 66—127, въ вып. 7 Дрмлюж. стр. 18—36).

Выпускъ 6.

Грозный царь Иванъ Васильевичъ
и козаки Гребенскіе.

1.

- Не сизые орлы клѣхчуть,
 Не сѣрые гуси воуголѣсать,
 Они пить и ѣсть дотять,—
 Гребенскіе наши козаки
 5. Предъ царемъ говорятъ,
 Предъ Грознымъ Царемъ
 Ивановъ Васильевичемъ:
 «Ахъ ты батюшка нашъ, надежа,
 «Православный государь!
 10. «Ты чѣмъ насъ порадуешь,
 «Чѣмъ пожалуешь?»
 —Подарю васъ, козаченьки,
 —Рѣкою вольною,—
 —Что не быстрымъ Терекомъ
 15. —Горыновичемъ,
 —Что отъ самаго Гребня
 —До Сіяго моря,
 —Что до Сіяго моря
 —До Каспійскаго.—

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ С. М. Любимцевъ; желательно бы отыскать другой подлинникъ или разсказы: это наши desiderata).

Выпускъ 7.

По известнымъ признакамъ мы отнесли пѣсню «о попѣ Емельѣ» къ Былевымъ пѣснямъ Смутаго Времени; это подтвердилось слѣдующимъ замѣчательнымъ образцомъ:

Смутное Время. Попъ Емеля.

1.

Бѣжали обозы

Да пятеро саней:

Съ Дону, съ Дону, на Дунай ¹⁾!

Во первыихъ саняхъ

5. Разбойники сами;

Во вторыихъ саняхъ

Есаулы сами;

Во третьихъ во саняхъ

Атаманы сами;

10. Во четвертыхъ саняхъ

Да Гришка съ Маринкой.

Во пятыхъ во саняхъ

Одинъ попъ Емелько,

Крестомъ благословляетъ ²⁾,

15. А самъ восклицаетъ:

«Ступайте вы, дѣти,

«Во чужія клѣти!

«Если Богъ поможетъ,

«Попа не забудьте,

20. «Если чортъ обрушитъ,

«Попа не клепятъ.»

(Оттуда же.—Ср. вып. 7, стр. 19—21, 119—121).

* * *

¹⁾ Измѣнено въ поманутаго „Съ Ду-ни-вай, Дунай,“ а старше „въ-Дунай“ или „възъ Дунай.“—Припѣвъ послѣ каждаго двухъ стиховъ.—²⁾ Д. б. „благославляетъ.“

Вотъ еще къ стр. 127—133 выпуска 7-го образецъ пѣсни,
какъ

Убить Карамышевъ.

1.

Ужь какъ внизъ—то было по матушкѣ Камышь—рѣкѣ,
Сопротивъ того было устья Самары рѣкѣ ¹⁾,
Что плыветь тутъ—вышльваетъ легкая лодочка.

5. Коромышевъ князь Семень да сынъ Константиновичъ.
Онъ во правой ²⁾ рукѣ держитъ государевъ указъ,
Онъ во правой рукѣ держитъ саблю вострую.

- Что по крутому по красну по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
10. Собирались козаки, братцы, во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую за единую,
И палили они въ лоточку во легкую,
Потопили—подмочили государевъ указъ.

(Сборникъ „Микулинскій,“ отсыланный г. Пекарскимъ, въ статьѣ г. Имшине „Отеч.
Зав.“ 1858, № 1).

* * *

Съ этимъ же убійствомъ связаны Былины, какъ выше помянуто, о Репнинѣ, потомъ объ Астраханскихъ воеводахъ во время Разина до Петровскаго Гагарина и Казанскаго Голицына (ср. вып. 7, стр. 148—152, и выше вып. 8). Подлинникъ, раньше другихъ явившійся въ нашей печати, таковъ:

¹⁾ Согласно со стихомъ предъидущимъ.—²⁾ Д. б. „во лѣвой.“

Убить Астраханскій Воевода.

1.

Что повыше было города Царицына,
 Что понижѣ было города Саратова,
 Протекала—пролежала мать Камышенка рѣка:
 За собой она вела круты—красны берега,

5. Круты—красны берега и зелёные луга;
 Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.

- Что по той ли было матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ есаульные стружки,
 На стружкахъ сидятъ гребцы—всѣ бурлаки молодцы,
 10. Все бурлаки молодцы, все За-волгски ¹⁾ удалцы.
 Хорошо, братцы, молодцы переряжены сидятъ:
 На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
 Однорядчны кафтаны, всѣ камкой подложены,
 Канаватные ²⁾ башметы въ одну нитку строчены,
 15. Всѣ тафтанныя рубашки, галуномъ обложены,
 На нихъ штаныки суконны по старинну кроены,
 Что желтой сафьянъ сапожки всѣ (и)—шилповъ каблуч-
 ки ³⁾;
 Они вѣслами гребутъ—сами пѣсенки поютъ.

Ставовилися стружечки среди Волги къ островку:

20. Они ждали—поджидали губернатора къ себѣ,
 Губернатора къ себѣ, Астраханскаго еще ⁴⁾.
 Ахъ что взговорятъ молодцы (и) бурлаки удалцы:
 ««Еще что то на водѣ у насъ бѣлѣется?»»
 Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе:
 25. Кого ждали—поджидали, того лядь ⁵⁾ и несеть.

¹⁾ Заволжскіе: выговаривается „Заволскіе.“—²⁾ См. объясненіе въ вып. 7.—

³⁾ Вострые, заострённые, отточенные: этотъ каблукъ идетъ у насъ еще съ богатыря Чурилы.—⁴⁾ Стихъ не хорошъ отъ того, что выпало историческое имя.—

⁵⁾ См. вып. 7.

Астраханской губернаторъ догадается ¹⁾:

—Ахъ вы гой еси, бурлаки, люди добрые!

—Вы берите золотой казны, что ²⁾ надобно,

—Вы берите цвѣтно платье губернаторское,

30. —Вы берите всѣ диковинки заморскія,

—Вы берите ли вещицы Астраханскія!—

Ахъ что взгѣворять молодцы, люди вольные:

««Намъ не дѣрога твоя ли золотѣ казна,

««Намъ не дѣрого цвѣтно платье губернаторское,

35. ««Намъ не дѣроги диковинки заморскія,

««Намъ не дороги вещицы Астраханскія,—

««Дорогѣ намъ буйная твоя головушка!»»

Какъ срубили съ губернатора ³⁾ буйну голову,

Они бросили головку въ Волгу матушку рѣку

40. И что ⁴⁾ сами молодцы насмѣялися ему:

««Ты добръ ли ⁵⁾, губернаторъ ⁶⁾, къ намъ строгой былъ,

««Ахъ ты билъ ли насъ—губилъ, много въ ссылку по-
сыдалъ,

««Ахъ ты жонъ нашихъ—дѣтей на воротахъ разстрѣлялъ!»»

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, потому въ жизни П. Кашна въ числѣ его пѣсенъ и дагдѣ у другихъ; подлинникъ пѣльнѣе, чѣмъ приведенный у насъ въ 7-мъ выпускѣ изъ Кашна).

* *

Первоначальныя невзгоды Разина со стороны Астраханскихъ воеводъ, затруднительныя стоянки и даже замочки на островахъ, возбуждившія рѣшимость проникнуть въ Астрахань и овладѣть ею, указаны нами по нѣсколькимъ Вылевымъ пѣснямъ въ 7-мъ выпускѣ, стр. 140—143 и выше 32, 33; сюда примыкають еще двѣ слѣдующихъ, изъ которыхъ вторая замѣчательна кромѣ того дословнымъ сходствомъ выраженій съ отрывками у Кириши Данилова:

¹⁾ Догадался и сказалъ.—²⁾ Сколько.—³⁾ Самый складъ стиха требуетъ старшаго—„съ воеводы.“—⁴⁾ Ишто, ещѣ.—⁵⁾ Ты ужь больно, черезъ чуръ.—⁶⁾ Слышится старшее—„воеводушка.“

Стоянца Разина.

1.

Что пропились робятушки, промотались,
 Во косточки и въ карты проигралися:
 На что-то мы, робята, понадѣялись?
 Понадѣялись робятушки на Синё море,
 5. Что на Синее на море на Хвалынское!

Соберитесь же, робята, во единый кругъ,
 И мы срядимте, робята, легку лодочку,
 Еще лёгкую ли лодочку—самисаженну,
 Какъ мы грянемте ¹⁾, робята, вдоль Синя моря,
 10. Вдоль Синя моря вдоль Хвалынскаго,
 Мы пристанемте, робята, къ круту бережку,
 Какъ взойдѣмте жь ²⁾ мы, братцы, на круту гору,
 Поглядимте мы, робята, на Синё море:
 Каково-то наше море становилоса?
 15. Что ни чѣмъ наше Хвалынское не воробхнется:
 Замерзало наше судно въ воровскихъ островахъ.

Потянула тутъ погода со святой Русй,
 Какъ вломамо ³⁾ наше море изъ конца въ конецъ,
 Выплывасть наше судно изъ ⁴⁾ воровскихъ острововъ.

20. И мы взяли это судно да поѣхали,
 Что развѣхавшиесь робята роззавѣдчились ⁵⁾.

(Шесениши Чуловскій и Номиневскій).

*

¹⁾ Выраженіе объяснено выше.—²⁾ Должно быть „же.“—³⁾ Безлично. —
⁴⁾ Д. б. „зъ, съ.“—⁵⁾ Раззаведись, снова завелись и обзавелись добычей.

2.

Какъ изъ славнаго царства ¹⁾ Астраханскаго,
 Что не грозная тутъ ²⁾ туча подымалася,
 Подымалась—снаряжалась ³⁾ грозна высылка,
 Что разѣздъ она держитъ до Кругла острова ⁴⁾,
 5. До славнаго пристанища молодецкаго,
 До соборища бурлацкаго, до притону ли козацкаго.

Козаки тамъ сидя ⁵⁾ догаданы,
 Что во легкія во лодки пометались ⁶⁾,
 Одного ли добра молодца покинули,
 10. Что не лучшаго ль изъ молодцевъ ясаула ⁷⁾.

Добрый молодецъ по острову похаживаетъ,
 И онъ добрую свою фузею ⁸⁾ за плечамъ ⁹⁾ носитъ,
 И онъ острою своею саблей подпирается ¹⁰⁾,
 Самъ горючими слезами обливается ¹¹⁾.
 15. Онъ вскричалъ ли—возопилъ ли громкимъ голосомъ ¹²⁾:
 «Государи мои, братцы ¹³⁾ товарищи!
 «Не покиньте добра молодца при бѣдности ¹⁴⁾:
 «Ужь какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ ¹⁵⁾,

¹⁾ Въ изданіи Жизни В. Камна 1793 разнорѣчія: „изъ царства.“—²⁾ „тучъ“ опущено.—³⁾ „собиралась.“—

⁴⁾ „Что ко славному ко Круглому ко острову.“ Слѣдующихъ двухъ стиховъ нѣтъ.—⁵⁾ „Молодцы на островѣ.“—

⁶⁾ Что въ косныя легкія лодочки металася.—

⁷⁾ Одного тутъ покидали добра молодца,
 Что ни лучшаго войскѣго есаулушку.—

⁸⁾ См. выше.—⁹⁾ Народная форма.—

¹⁰⁾ Какъ пошлоъ тотъ добрый молодецъ по острову,
 За плечомъ несетъ ружье онъ Турецкое
 И онъ вострой саблей подпирается.—

¹¹⁾ „заливается.“

¹²⁾ Что возговоритъ удалый-добрый молодецъ.—

¹³⁾ „братцы вы.“—¹⁴⁾ При бѣдѣ; въ разнорѣчіи:
 Не покиньте добра молодца на островѣ.

¹⁵⁾ Что какъ въ нѣкое время пригожусь я вамъ.

«Загнью я вашу смерть животомъ своимъ ¹⁾,

20. «Животомъ своимъ и грудью бѣлою!»

Какъ товарищи отъ молодца уѣхали:

Поймали ²⁾ молодца на островѣ.

Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; впрочемъ, крокъ Кирши, повторяются тѣ же выраженія, какъ увидимъ, послѣ и при Краснощочковѣ).

* *

Также точно пополняется новымъ образцомъ Былевая пѣсня выпуска 7-го, стр. 34—40, 144—146:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,

Проявился тутъ дѣтинушка—незнамой человекъ:

Гордо-шепетко ³⁾ по городу погуливаетъ,

Черну шляпу съ позументомъ на правобѣ ухѣ надѣлъ,

5. Черный бархатный кафтанчикъ на распашечку несѣтъ,

А шелковѣй кушачокъ по землицѣ волочѣтъ.

Какъ увидѣлъ Воевода изъ косящета окна,

Закричалъ онъ—завопилъ зычнымъ голосомъ своимъ:

«Гой вы слуги-молодцы, вы ребятушки мои,

10. «Вы возьмите—приведите удалого молодца!»

¹⁾ „своимъ.“—²⁾ Поймали.—Въ пѣсняхъ Канна кончается стихами:

А не животомъ своимъ—грудью бѣлою,

А не грудью-то бѣлою—буинной головушкой.

У Кирши Давыдова:

У похмѣльнаго добраго молодца буина голова (по складу: „у похмѣльна добра молодца головка“) болитъ.

А вы милы мои братцы, товарищи-друзья!

Вы купите вина, онохмѣльте молодца,

Хотя горько да жидко, давай еще,—

Загнйте мою смерть животомъ своимъ:

Еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ всѣмъ.

³⁾ См. 7-й выпускъ.

Какъ ведутъ-то молодца—крыльцо заблистаетъ ¹⁾,
А муравлены балясы ²⁾ разсыпаются.

И ужь началъ Воевода его спрашивать:

«Ты скажи, скажи, дѣтинушко, удалий молодецъ,—

15. «Изъ Казани ты, молодчикъ, или съ Астрахани,
«Иль большого городочка—каменной—славной Москвы?»
—Не съ Казани я молодчикъ и не съ Астрахани,
—Не съ большого городочка—каменной—славной Москвы:
—Я со Камы со рѣки—Степани Разина сынъ!—

20. Закричалъ тутъ Воевода зычнымъ голосомъ своимъ:
«Поведите молодца въ бѣлокаменную тюрьму!»
—Береги ты, Воевода, буйну голову свою:
—Ужь какъ завтра къ тебѣ батюшка мой подъ городъ
придетъ,
—Ужь какъ завтра къ тебѣ будетъ онъ стрѣлы стрѣлять,
25. —На стрѣлахъ—то къ тебѣ будетъ онъ письма писать ³⁾.—

(Взгляните Н. А. Полевикъ, доставлено намъ кн. Н. А. Доргоголевичъ).

* *

Не скрывая ни въ какомъ случаѣ, напротивъ постоянно оговариваясь, что всѣ такого рода Былины, если только онѣ прямо не называютъ Разина и яркихъ признаковъ его времени, относятся весьма часто къ обширной области Козачества съ Ермака до Краснощокова и отчасти даже до Пугачева, мы считаемъ не лишнимъ прибавить къ 148—154 страницамъ 7-го выпуска, по нѣкоторымъ чертамъ, пѣсню, которая *могла* употребляться *при Разинѣ*, а теперь можетъ называться—

¹⁾ Дрожитъ, колеблется.—²⁾ Перила, по боямъ для дукъ рѣзные «трачатые» столбики.—³⁾ Образъ этотъ нѣрѣдко повторяется съ Былинь Богатырскихъ, Новгородскихъ (о Буслаевѣ) и Старшихъ Стиховъ (о Федорѣ Таранѣ).

Пѣсня Разинская.

1.

- Еще что же вы, братцы, призадумались,
 Призадумались, ребяташки, закручинились,
 Что повѣсили свои буйный головы,
 Что потушили ясны очи во сырѣ землю?
5. Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
 И мы пьемъ—вднемъ на Волгѣ все готовое,
 Цвѣтно платье носимъ припасенное.
 Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
 Супостатъ злодѣй—генераль ¹⁾ лихой:
10. Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
 Высылаетъ всё-то высылки солдатскія ²⁾,
 Они ловятъ насъ—хватаютъ добрыхъ молодцевъ,
 Называютъ насъ ворами (и) разбойниками.
 И мы, братцы, вѣдь не воры не разбойники:
15. [Мы] Люди добрые, ребята все повольскіе ³⁾,
 Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ,
 Воровства и грабительства довольно есть.

(Пѣсенники Чулковскій и Невзиковскій, за ними при Живан В. Каппа, другіе пѣсенники
 и Сахаровъ).

* *

Нѣкоторыя черты и выраженія приведенной сейчасъ пѣсни
 оживаютъ въ «собственной» Пѣсни Разинцевъ, которая помѣ-
 щена нами въ 7-мъ выпускѣ отрывкомъ со словъ покойнаго
 М. А. Стаховича (стр. 154, 155), а теперь вторично провѣ-
 рена и пополнена изъ устъ самого Н. Е. Ласковского, перво-
 начально напѣващаго ее Стаховичу въ Берлинѣ:

¹⁾ Сахаровъ, возстановляя черты эпохи, поставилъ своего любимаго „вое-
 воду.“—²⁾ У Сахарова потому же „стрѣлціи.“—³⁾ Подольскіе; см. выше.

10. Они ¹⁾ строили церковь славную,
 Церковь славную, седмиглавную;
 Какъ на той церкви крестъ серебряный,
 Крестъ серебряный, позолоченый;
 На крестѣ сидитъ мелкая ²⁾ пташечка.
15. Медкая ³⁾ пташечка кенареечка,—
 Высоко сидитъ, далеко глядитъ.

Ужь какъ по морю-морю Синему ³⁾,
 Тамъ и плавають два кораблика,
 Два кораблика, третья лодочка:

20. Хорошо ⁴⁾ лодка изукрашена,
 Пушками ⁵⁾, ружьями устанóвлена,
 Пистолетами изутыкана ⁶⁾.
 На кормѣ сидитъ есаулъ съ весломъ,
 У руля стоитъ атаманъ съ ружьемъ.

Слѣдуетъ Н. Е. Ласковского, съ дѣтства заучившаго пѣсню изъ усть народа, въ большѣмъ употребленіи тамошней мѣстности, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; у Стаховича, въ 4-й департаментъ „Собраніи,“ СПб. 1851, съ нотами).

* * *

Былины, примыкающія къ Руси Древней, которыя можно съ извѣстной точки зрѣнія назвать «несобственнымъ» именемъ *Татарскими* и которыя въ своемъ происхожденіи достаточно разъяснены нами на стр. 54—62, 166—213 выпуска 7-го, неожиданно пополнились двумя замѣчательными, весьма рѣдкими образцами. Соединяя ихъ со старшею Быдиной, нами напечатанной, объ «Авдотѣ Рязаночкѣ», сопоставляя выдающіеся признаки ихъ—*Рязань, Оку, Литовская лана* въ сою-

¹⁾ Лучше: „Какъ мы;“ разумѣется постройка церкви въ Черкасскѣ.—²⁾ Д. б. „мелка.“—³⁾ Разумѣется Хвалынское, Каспійское.—⁴⁾ У Стаховича „Хороша.“—⁵⁾ Д. б. „Пушкми-ружьями,“ или „Пушкми-ружьемъ.“—⁶⁾ Краски уже испорчены сравнительно съ древнѣйшими образцами подобныхъ Былинъ: см. выше.

зѣ съ *Татариномъ*, трехъ представителей налицо принципъ дѣйствія — *Литвина, Татарина* и *Русскаго Воеводу*, такіе же три области равносильныя — *Татарскую, Литовскую* и *Московскую*, совпаденіе именъ *Руси* и *Москвы*, и т. п., убѣждаемъ, что восходятъ эти пѣсни своимъ происхожденіемъ къ XIV вѣку, ко временамъ Олгерда и Ягеллы, Олега, Дмитрія и Мамаю; не дивимся потому, что имя Мамаю является старшимъ и главнымъ въ нашихъ Былинахъ, какъ вставка для выраженія нашихъ отношеній къ Восточникамъ. Позднѣе уже того слѣдуютъ Крыицы, до Годунова и до пѣсни «изъ Крыму изъ Нарая»; рядомъ появляются съ Ермака пѣсни Сибирскія — съ Ураломъ, Дарьей, Байкаломъ и т. п.; наконецъ Турки, переступающіе въ XVIII-й вѣкъ. Очень жаль, что не означена мѣстность, гдѣ записаны слѣдующія пѣсни; но имя записавшаго, А. Хр. Востокова, придаетъ имъ значительный авторитетъ подлинности, не говоря уже о народномъ-чисто складѣ, о древности и яркости всего ихъ творчества:

Татарскій полонь.

1.

Не спала млада—не дремала,
 Ничего во снѣ не видала.
 Только видѣла—сповидала ¹⁾:
 Со восточную со сторонку ²⁾
 б. Подымалася туча грѣзна,
 Со громами—съ молоньями,

¹⁾ То есть—не во снѣ видѣла, а на яву.—²⁾ Согласованіе, извѣстное въ языкѣ народного творчества и въ Древней Руси (употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго въ муж. родѣ перенесено, въ обратномъ положеніи, на родѣ женскій; такъ „съ горсть, со щепотку“ и т. п. равняется родительному раздѣлительному, genit. distribut.).

- Со частыми со дождями,
 Со крупными со градами,
 Съ теремовъ верхъ посломало,
 10. Съ молодцовъ шляпы посрывало.
 Во Оку-рѣку побросало:
 А Ока-рѣка не примала.
 На кругъ бережокъ выбросала,
 Какъ на жёлтиной на песочникъ,
 15. На муравую на травку ¹⁾,
 На лазоревы на цвѣточки,
 На бумажные на листочки ²⁾.

- А на дугу на томъ стоялъ шатрикъ,
 Во шатрѣ-то былъ постлакъ коврикъ,
 20. На коврѣ сидитъ Татаринъ,
 Передъ нимъ стоитъ красная дѣвка.
 Она плачетъ и возрыдаеть,
 Ко Окъ-рѣкѣ причитаеть,
 А Татарина увѣщаетъ:
 25. «Охъ ты гой еси, злой Татаринъ!
 «Отпусти меня въ Русску зѣмлю,
 «Къ отцу къ матери на свиданье,
 «Къ роду къ племени на плаканье ³⁾!»

(Записано А. Хр. Востоковымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

2.

За горою за высокою
 Плачетъ тутъ дѣвка,

¹⁾ То же, что позадѣе „травя-мурава:“ пестрая. — ²⁾ Появленіе бумажки и листочка ея побудило перенести образъ ея на листы растений, тѣмъ больше, что сама она—растительная, а листы ея—лиственные—то же, что трава пестрая, муравья. Это встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ.—³⁾ По роду и племени, какъ по отшедшихъ, обыкновенно совершаются „Плачи.“

- Плачетъ тутъ красна,
Русская полонянка.
5. Тѣшили дѣвку,
Тѣшили красну,
Русскую полонянку,
Панъ ¹⁾ да Татаринь,
Третьей Воевода ²⁾:
10. «Не плачь ты, дѣвка,
«Не плачь ты, красна,
«Русская полонянка!
«Сошьемъ тебѣ, дѣвкѣ,
«Шубку ³⁾ Татарску,
15. «Шапку Литовску ⁴⁾,
«Сапогъ по Московски ⁵⁾!»»
— Не надо мнѣ, дѣвкѣ,
— Не надо мнѣ, красной,
— Шубка Татарска ⁶⁾,
20. — Шапка Литовска,
— Сапогъ по Московски:
— Надо мнѣ, дѣвкѣ,
— Надо мнѣ, красной,
— На Русь побывати,
25. — Съ батюшкой повидаться.—
«Вона ты ⁷⁾, дѣвка,
«Вона ты, красна,
«Батюшка въ гости ѣдетъ ⁸⁾!»»
— Ой вы, Татара,

¹⁾ Литовскій.—²⁾ Русскій.—³⁾ Въ старшемъ значеніи: *шубу*, женскую и небольшую—шубку; потомъ это вообще теплая юбка, и наконецъ всякая юбка (*jupe* одного корня съ *шуб-*, вѣм. *schupp*). Послѣ уже, при послѣднемъ значеніи шубки, стали отличать отъ нея съ одной стороны женскую *шубу* (мѣховую), съ другой *шубейку* (также теплую).—⁴⁾ Со вшитымъ верхомъ.—⁵⁾ Съ голенищами, въ охватъ (древнѣйшее это слово вѣроятно отъ „сѣ-па-ти (носъ)“, с-лив-ать; окончаніе какъ въ *лѣд-оза*): въ отличіе отъ восточныхъ туземей, или въ родѣ нашихъ калонъ.—⁶⁾ *Надо* съ именительнымъ, старинное согласованіе; при женскомъ же родѣ краткая форма *мада*, надобна, отъ *маде*.—⁷⁾ Смотри-ка ты.—⁸⁾ Вѣроятно старше: „Батюшка ѣдетъ (по складу стиха).“

30. —Злы вы—поганы!
 —Не могу старати,
 —Рукъ поднимати ¹⁾,
 —Съ батюшкой поведаться ²⁾.—

(Оттуда же).

Какъ переходъ къ Петру и XVIII вѣку представляются помянутыя выше «Канты» или, что тоже, искусственные, книжные Стихи:

I.

О Велицѣй Россіи

и

о сопротивіи съ Ляхи

и

о градѣ Кіевѣ.

Слышите, людіе, и ягущите,
 Господа Бога благодарите
 И пойте пѣснями, Славословіце Его:
 Елико творить чудеса преславныхъ
 Въ царствіяхъ-земляхъ многодержавныхъ
 Силою крѣпости Своѣй премогаю!
 Сильніи въ мірѣ вси Имъ крабрують,
 Царіе-князи мирно жирують,
 Его же бо и моря, Земля же и небо.

¹⁾ Измучена.—²⁾ По складу вѣроятно было прежде „Батюшку видати, Съ батюшкой свидаться“ и т. п.

Царя вѣрнѣ въ ней возсіяша,
 Ляхомъ и Литвѣ сопротивъ сташа:
 Но мало успѣху, Несогласни бо бѣху.

Но Богъ гордыню мудрѣ укроти:
 Мечъ междусобный на Литву пусти,
 Малыми ¹⁾ смирасть И Ляхи покоряеть.

Россь бо Малая, обиждаема,
 Отъ Ляховъ лютыхъ утѣсняема,
 Къ Богу дозопи, Въ крови мечъ свой
 утопи.

На Ляховъ гордыхъ ихъ ²⁾ Богъ возстави,
 Въ крѣпости Своей зѣло прослави:
 Сильнѣи и князи Въ сѣти смертнѣи
 угряди.

Россія паки совоюццается
 И всѣмъ ужасна врагомъ бываетъ:
 Царь бо въ ней царствуетъ, Иже въ вѣрѣ ся крѣ-
 суеть.

Но Кіевъ-градъ, многожды плѣненный,
 Отъ враговъ окрестныхъ опустошенный,
 Радостно ликуеть И поя торжествуетъ;
 Помози, Боже, нашему царю,
 Благовѣрному днесь государю,
 Противныхъ смирити И славно ся воцарити!

(Рукописный сборникъ И. Публичной Библиотеки и др. въ нашей собраніи).

*

¹⁾ Намекъ на Малую Русь.—²⁾ Малую Русь, Малороссіанъ.

**О гордыхъ и гнѣвливыхъ Дѣлахъ,
Како гордостію хотѣли Россію обладати
И Православіе въ ересь низложити.**

Кто хочетъ, прииди и узри,
 Чтѣ въ мѣрѣ ся дѣетъ,
 Брани днесъ умножѣшася
 Братъ брата убиваетъ,
 Ненависть междусобная,
 Точитъ кровемъ токи,
 Юноши млады и дѣвы,
 Охъ, охъ, вездѣ се слышимъ,
 Нѣкогда страна славная
 Паде, паде мечемъ,
 Окрестъ вси врази ликують,
 Зря сію обнаженну
 Славнии вся и княжата
 По рукамъ связаны
 Подѣлье стонетъ, рыдаетъ,
 Чадъ своихъ заколенныхъ
 Тысящи и тмы падоша,
 Земля стала пуста,
 Гради бо вси суть сожжени,
 Горе, горе оставшимъ:

О гордость, то твое дѣло,
 Се ты Богъ смиряетъ,

Очима своими воззри,
 Чтѣ въ насъ самихъ спѣетъ:
 И мечи изостришася;
 Кровь отца проливаетъ;
 Изреци неудобная,
 Падаютъ отроки,
 Матери бываютъ вдовы.
 Приидите, сія внушимъ!
 И врагомъ всемъ ужасная
 Междусобнымъ сѣчемъ ¹⁾;
 Веселятся, торжествуютъ,
 И въ конецъ опустошенну.
 Ведутся яко отрочата
 Во Скиескія ²⁾ страны.
 Волны плачеть, въздыхаетъ
 И вездѣ избѣенныхъ.
 Врази ³⁾ во пльнѣ отведоша,
 Предъ тымъ суци густа,
 Живоци внутрь сотрени.
 Блюдутъ ихъ къ бѣдамъ вя-
 щимъ!
 Еже отечество не цѣло!
 Гордыхъ низлагаетъ.

¹⁾ Муж. родъ: междусобною сѣчью.—²⁾ Турецкія: обычное имя у тогдашнихъ ученыхъ.—³⁾ „Въ разныя.“

Господствомъ бо ся вознесоете,

Ръсте бо: «Ихъ порубимъ
На Бога брань поднесоете,
Ересь умножѣсте,
На вѣру ополчистеся,
«Погубимъ православныхъ,

Но Богъ совѣтъ вашъ преврати
Ровъ бо ископасте,
Но вѣрныхъ Богъ сохраняетъ,
Не къ тому ихъ имѣйте ¹⁾,
О Ляхи горделивые,
Русь васъ не боится,
Есть бовънихъ ²⁾ царь православный,

Той ваши главы сотреть
Помози, Господи, царю,
Враговъ низложити,
Его же Самъ избралъ еси,
Да вси Тя восхваляемъ

Въ смиренныхъ ¹⁾ людѣхъ на-
лябосте. ²⁾

И радостно вострубимъ!»
Въ хулахъ уста отверстоете,
Вѣрныхъ оскорбите,
Клятвами утвердистеся:
Всегда намъ сопротив-
ныхъ ³⁾!»

И гордыхъ нынѣ укроти:
Сами въ оныя впадоете.
Въ едино ихъ сочетаетъ:
Едины погибайте!
Ярые и гнѣвлимые!
Вѣрою щититесь:
Благій, кроткій и смирен-
ный ⁴⁾.

И вѣру вашу потреть.
Великому государю,
Сильныхъ покорити!
Того рога славно вознеси,
И въ нѣсныхъ величаемъ!

(Оттуда же).

*

3.

Глаголетъ Полковъ о бывшей храбрости, и долготѣ
нѣ своихъ, и покореніи, ко благочестивѣйшему
царю и великому князю Алексію Михайловичу.

Въ жалости днесъ зѣло обомираю,
Слезы точащи, чадъ моихъ рыдаю,

¹⁾ „Къ смиреннымъ.“—²⁾ Напрягли вы лукъ.—³⁾ Все это говорится о верх-
нихъ слояхъ Малой Руси, избившихъ вѣрѣ, азизку, народности, католикамъ
и униатахъ.—⁴⁾ Теперь уже вамъ не имѣть простой народъ въ рукахъ.—⁵⁾
У нихъ, Русскихъ, въ Малой и Великой Руси.—⁶⁾ „Тышаиши“ Алексій,

Азъ, мати, лютъ опечалённая
 И всѣхъ радостей изомечённая.
 Бѣкъ бо нѣкогда тако украшённая,
 Яко надъ страны славно вознесённая,
 Копіе мое на вразѣхъ бывало
 И сердца сильныхъ въ бранехъ ужасало.
 Но нынѣ мечи и щиты державны
 Во мнѣ крѣпчайшихъ чадъ всѣхъ посмѣянны,
 Вои велики худыми бывають,
 Отъ Скисскихъ языкъ на земли падають.
 Сами бо въ себѣ мечъ свой угрызаша
 И мене, мать свою, уязвиша.
 Юношъ прекрасныхъ и дѣвъ удобрѣнныхъ
 Полны всѣ страны нынѣ суть плѣненныхъ.
 Азъ плачу, Полца, плачу неутѣшно,
 Рыдаю во слезахъ со кровію смѣсно:
 Чада во мнѣ вси вкупѣ пребывали,
 Всюду страхъ лютъ, гдѣ ся обращали,
 Вѣнецъ мой золотыи, въ Полцѣ положённый,
 Въ триехъ ни чадѣхъ славно улетѣнный,—
 Лихи, Русь, Литва,—то суть чада моя:
 Два возгордѣша ¹⁾, взяша меня своя,
 Юнаго брата ²⁾ убить совѣщаша,
 А мене, мать, зѣло обругаша;
 Юный языковъ себѣ умоляетъ ³⁾
 И, гордыню ихъ низложь ⁴⁾, покаряетъ.
 Азъ, мати, молихъ, ся ⁵⁾ паки згодити ⁶⁾:
 Но не хотѣна еъ собою емирити.
 Смиряше юный: не хотяху ⁷⁾,
 Мене ⁸⁾, мать свою, зѣло умерщвляху.

¹⁾ Возгордились Лихи и Литва.—²⁾ Малорусса.—³⁾ Малоруссы сложилась на
 свою сторону другіе народы.—⁴⁾ Низложилши гордыню другіхъ братьевъ.—
⁵⁾ «Скъ»,—⁶⁾ Чтобм они примирились.—⁷⁾ Другіе два брата.—⁸⁾ «Ма.»

Красоту мою лють увядиша
 И до срачицы даже обнажиша;
 На брата съ щиты, съ мечи наступаютъ,
 Низложитъ его вскорѣ усиляютъ.
 Юный такожде на нихъ ополчися,
 Въ мужествѣ своемъ въ нихъ возвеличися,
 Положи трупы—горь превысочае
 И, низложивъ ихъ, самъ паки смиряе.
 Много нань тыя ¹⁾, много наступаху:
 Въ руцѣ его вси крѣпцы падаху;
 Градове, села въ конецъ раскопаша,
 Мужіе, жены Скиномъ вся предаша.
 Азь же, мати, зѣло возрыдала,
 Златые власы исторгала
 И молихъ ²⁾ сына моего малаго,
 Ужалитися отечества своего:
 Послуша мене ве единою ³⁾,
 Показа милость надъ родительною;
 Но паки тые братія возсташа
 И мене, матеръ свою, обругаша.
 Азь же ⁴⁾ повелѣхъ тому уступати,
 Благовѣрному царю ся покарати:
 Но паки самъ вскорѣ сіе сотвори
 И великому цареви ся покори.
 Сама же его ⁵⁾ рада ожидати
 И власти его хощу ся предати ⁶⁾:
 Гряди, о царю, чадъ моихъ смиряя,
 Ни единою ⁷⁾ бо есть мнѣ ся покоряя ⁸⁾,
 Да паки мою наготу покрывешь,
 Когда моихъ чадъ ярость всю сокрывешь!

(Оттуда же).

*

¹⁾ Старшіе братья.—²⁾ „Молимъ,“ молю.—³⁾ Не разъ онъ меня слушался.—
⁴⁾ не?—⁵⁾ царя.—⁶⁾ „дати.“—⁷⁾ Ни единое (чадо)?—⁸⁾ Ибо ни одинъ изъ нихъ,
 ни однажды, мнѣ не покорился.

**Пѣснь Господеви о покореніи иноплеменныхъ языкъ
благочестивѣйшимъ царемъ нашимъ.**

Вси языци руками плещите,
Вси Іаковлю Богу воскликните
Гласомъ, гласомъ, гласомъ радованія,
Въ сыновство насъ къ Себѣ возванія ¹⁾.
А вѣмъ ²⁾ яко Господь есть превышній,
Надъ цари всѣми земными страшнѣйшій.
Сей люди намъ гордыя подъ нѳги
Покори и языки царемъ многи.
Избра Велий своимъ велимъ
Іоанну—Петру ³⁾ достояніемъ,
Льпотѣ—добротѣ Іаковлі,
Исполнивый уже, идѣже возлюби ⁴⁾.
Исполнивый—еще да исполнить,
Іоанна—Петра во всемъ умножить!
И вы съ нами вси сія изрецыте,
Ко Господу зъ сердца проглаголите
Гласомъ, гласомъ, и т. д.

(Оттуда же).

* * *

Это все—начало и переходъ, за которымъ слѣдуютъ уже приведенныя выше Канты о Петрѣ, а за тѣмъ слѣдующимъ пополнить образцы народнаго творчества, помѣщенныя въ выпускѣ 8-мъ.

¹⁾ Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—²⁾ Абовѣмъ, ибо, такъ какъ въ формѣ первоначальной,—«ибо знаю, ибо извѣстно.»—³⁾ Іоанна, Петра?—⁴⁾ Обычная чепуха въ прозведеніяхъ сего рода.

Часть III.

Выпускъ 8.

Добрыня Богатырскихъ Былинъ, именно когда онъ покидаетъ домъ свой и родную сторону, отправляется далеко въ отъездъ и горько жалуется на эту службу свою, послужилъ для творчества народнаго на долго типомъ или образцемъ лицъ и обстоятельствъ сего рода: это, мы видѣли, повторилось на Петрѣ, объ его дѣтствѣ, молодости и отъездѣ; это отозвалось даже на отъездѣ двухъ братьевъ изъ плѣна, «изъ Крыму изъ Нагаю,» хотя тутъ должна бы явиться радость свободы, но именно по причинѣ невзгодъ на дорогѣ и въ слѣдствіе постигшаго «безвременья,» —этой страшной, роковой силы, пугающей постоянно творческое воображеніе нашего народа (см. выпускъ 7-й, стр. 186, 187). Еще болѣе расцвѣлъ и разыгрался такой типъ въ нашихъ «Безвременныхъ Молодцахъ,» въ собственномъ смыслѣ ихъ, то есть потерявшихъ въ творествѣ историческое имя свое, а иногда вовсе и не имѣвшихъ его въ жизни, но по горькой участи какъ либо попавшихъ въ положеніе «безвременья.» Созданъ изъ этого, какъ извѣстно, цѣлый особый разрядъ Былинъ, который предстанетъ намъ въ своемъ мѣстѣ, въ числѣ пѣсней Безъимянныхъ Молодецкихъ. А пока здѣсь кстати привести пѣсню, которая соединяетъ собою и Добрыню, и Петра, и бѣглецовъ изъ Нагаю, повторяя не только творческія черты, но даже дословно самыя выраженія, нарочию для того отмѣчаемая у насъ въ печати курсивомъ:

**Безвременный Молодецъ,
молодость его, пора и время,
выступъ въ чужіе люди и безвременье.**

1.

*Соколы ли въ чистомъ полѣ не птица,—
Да и тотъ ли по чисту подю зуляя ¹⁾*

Болотную воду попиваетъ:

А я ли, Добрый Молодецъ, не удалый ²⁾?

5. *Когда было Молодцу пора и время,
Отецъ и мать меня любили,
Сестры-братья и родъ-племя хвалили,
Друзей у Молодца было много:
А какъ нынѣ Добру Молодцу безвременье,*
40. *Отецъ и мать дѣтинушку не взлюбили,
Весь родъ-племя удалою не узнали,
Друзья все и пріятели позабыли.
Ссылаютъ Добра Молодца со подворья.
Пошолъ я, Добрый Молодецъ,—самъ заплакалъ,*
45. *Въ слезахъ пути-дороженьки не взвидѣлъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвилъ.*

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за тѣмъ при Житии В. Кавна; подѣланы и Сахаровъ не перепечатавали, не прошло).

* * *

¹⁾ Пропущено „лѣшь“, а потому, вмѣсто „гуляеть“, книжникомъ поставлено невародное дѣвнрчаствіе.—²⁾ Прибавьте дажъ молоты, въ вынѣшнемъ нашемъ смыслѣ: да и на меня, какъ на сокола, пришло безвременье.

Сравненіе челоуѣка въ бѣдѣ съ „соколомъ въ мытѣхъ“, то есть собственно, по первоначальному смыслу, „въ передѣлкѣ“, въ мытарствѣ, начинается у насъ, даже въ самой письменности, весьма высоко,—со Святослава въ Словѣ о Поку Игоревѣ: „А чи диво ся, братіе, стару помолодити, коли соколъ въ мытѣхъ“

Выше у насъ замѣчено, что нѣтъ всѣхъ плачей по гоефдарямъ, Петру I-му собственно усвоена пѣсня съ граціознымъ началомъ о ранней гибели молодого дровца—Смородина; и нельзя не прибавить, что къ нему же привилась Былина о гибели во Москвѣ рѣкѣ—Смородинѣ. — Подобное же начало,—

бываетъ, (а потомъ, поправившись) высоко птицаъ возбиваетъ? Въ творчествѣ устноиъ эти образы и обороты видѣне перешли на Романа, Волинскаго Голицкаго, а послѣ Московскаго, тѣсно связаннѣкъ между собою (благодара имени), и отсюда на Никиту Романовича. Въ постигшемъ безвременнѣкъ, какъ и Святославъ, горько жалуются они на старость, вспоминають утраченную молодость, но образъ сокола, мелькнувши предъ ихъ взорами, тотчасъ воскрешаетъ ихъ бодрость и, страхиуиъ сядину какъ щель, встрахиуиши со дна молодиа свои силы, бросаются они на коня, въ дѣло:

„Ай же молодость ты, моя молодость,

„Улетѣла отъ меня да во чисто поле,

„Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!

„Ай же старость моя, старость глубокая,

„Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,

„Нѣтъ чиста поля налетѣла чернымъ ворономъ,

„Садилась на плечика могучіе!“

Становится Микита на рѣвы ноги,—

Паль Микита о кирничень мостъ,

Обвернулся Микита добрымъ молодецъ,—

Бралъ добра коня онъ богатырскаго,—

И садился Микита на добра коня,—

и—„повыѣхалъ битися.“—Или же:

Говорить князь Романъ Дмитревичъ:

„Ахъ ты молодость моя молодецкая!

„Канъ былъ я мастеръ въ молоду пору

„По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,—

„Но синица морякъ казалъ сѣрою утупною!

„Ахъ ты старость моя глубокая,

„Да не въ пору молодца старость состарила,—

„Сердце молодецкое сорганиѣла,

„Русы мудри посядѣтъ...

„Ай же сила моя—войско сорокъ тысячей!

„Сбѣдайте—уздайте добрымъ коней!

И пѣсня кончается:

«Земляничка ягодка, На полянѣхъ заросла, Подъ кусточкомъ выврыла,» отдано той пѣснѣ, гдѣ горюжанка дѣвушка безвременно выдана въ непривычную ей деревню, въ несогласную семью, на явное горе. — Но есть въ нашемъ творчествѣ еще третье такое же начало — «Ты рабинушка, ты кудрявая,» и

князь Романъ Дмитріевичъ

Старостью не старѣть,
Голова его не сѣдѣть.

Еще:

Старый Никита Романовичъ
Сталь по палатамъ похаживать,
Могучими плечами поворачивать:
„Молодость моя, молодость,
„Улетѣла моя молодость во чистое поле,
„Во чистое поле яснымъ соколомъ...
„Я слечу во чистое поле!“

Разъ даже, при слухахъ о постигшемъ безвременнѣй, Былина изображаетъ Романа точь въ точь какъ фигуру сокола, когда онъ ливлетъ и хохлется, уткнувъ голову между плечъ, и, оправившись, бросается потомъ на добычу:

А онъ кинулъ головушку между плечъ,
А утупить очи ясны въ вальцовъ мость,—
А хваталъ ножнице-нижнѣшце,
А ударилъ онъ во дубовый столъ,—
И взибалъ онъ, князь Романъ Дмитріевичъ,
Силушки сорокъ тысячъ,
И прѣхалъ на той рѣкѣ ко Смеродиву.

(ср. 1—4 томы собр. Рыбникова). Потому же и Святославъ обращается къ Роману: „А ты, буй Роминей!... Високо плаваши на дѣлѣ въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣхъ одолѣти.“ И кончается тѣмъ же рѣшеніемъ: „Вступитя, господина, въ злыя стрелны за обиду сего времени!“ Таково-то „Великій Святославъ зарече злато слово, слезами смѣшено,“ и это золотое слово пронесется снова въ народное творчество, отзываясь каждый разъ, какъ только начнется пера огибать слово со слезами, во всякомъ безвременнѣй; когда же Романъ и Никита, не Былинами, обычно выѣзжаютъ въ слѣдъ за словомъ своимъ на Смеродиву,—застъ еще новый предлогъ перенести всѣ ихъ черты и выраженія на Безвременнаго Молодца, ибо онъ, мы знаемъ, терпѣть бѣду черезъ „Москву рѣку—Смеродиву.“

объ этомъ должны мы сказать подробнѣе. Не разъ уже изъ нашихъ многочисленныхъ указаній немногочисленные наши читатели могли убѣдиться, какъ не рѣдко изъ Былинъ, посредствующимъ путемъ Побывальщины и Старины (женской), вообще изъ пѣсней Былевыхъ и Историческихъ, разламываются, снова слагаются мозаичными частями и возникаютъ пѣсни Безымянныя, Молодецкія, утратившія Историческое или Былево имя, обстоятельство и поприще дѣйствія, напротивъ замѣняющія весь этотъ пробѣлъ, въ незамѣтныхъ взгляду неопытному ешивкахъ, разнообразіемъ красокъ жизни частной, личной или семейной, внутренней, *всѣмъ* равно знакомой, *всякому* доступной и возможной. Бываетъ совсѣмъ на оборотъ,—и этому также у насъ приводились примѣры: когда позднѣйшая историческая пѣсня слагается на основахъ пѣсни древнѣйшей—не исторической, или, правильнѣе, событіе внѣшней жизни мотивируется творчествомъ по складу явленій жизни внутренней, а говоря языкомъ давней Греціи, эпическій приемъ вбираетъ въ себя соки и силы лиризма. Самыя старшія наши Богатырскія Былины и Былевыя Стихи суть ничто иное, какъ въ историческое время, или при выходѣ къ нему, воскресшій эпосъ на развалинахъ пѣсни доисторической, которая потеряла жизнь и вѣсть со смертью жизни доисторической, за то уступила въ наследство жизни новой свои краски, образы, черты и приемы. Но тамъ, чтобы усмотрѣть эту связь, потребно много свѣдѣній и опытности: гораздо виднѣе и осязательнѣе, когда позднѣйшая, говоримъ, историческая пѣсня создается изъ старшей не исторической, на примѣръ бытовой, семейной, обрядной и т. п. Особенно это совершается въ такъ называемыхъ «плачахъ» и въ пѣсняхъ отъ извѣстнаго «лица» изображающихъ судьбу его: какъ старое историческое имя не рѣдко здѣсь вытѣсняется новымъ и пѣсня о смерти Ивана Грознаго готова совсѣмъ для Петра, или же пѣсню сосланной жены Грознаго можетъ обозвать своимъ именемъ Лопухина, такъ, на оборотъ, любой образецъ старшаго творчества въ народѣ *каждому* свой,

и лицо, обставленное историческими признаками времени, встрѣтивъ какое либо сходство судьбы своей съ образами пѣсни старинной, примѣняетъ «образецъ» къ своему «образу,» окрашиваетъ собственными, ему лишь одному присными чертами и названіями, и—мы получаемъ пѣсню *историческую* изъ старшей *семейной, бытовой, обрядной*. Цѣлый народъ къ такому приему теперь не прибѣгаетъ; у него хранится, по возможности неизмѣнно, Былевая пѣсня—такъ Былевая, Историческая—такъ Историческая: но и онъ изъ рукъ отдѣльнаго, тѣмъ болѣе крупнаго историческаго лица, беретъ не рѣдко пѣсню, къ лицу саму примѣненную, беретъ или распѣваетъ ее въ лицѣ третьемъ, не отличая въ ней и даже забывая за нею исконную, всеобщую, коренную, совсѣмъ другаго рода пѣсню (ученая и учебная классификація возможна намъ, не народу). Такъ, мы имѣли случай замѣтить, что могла же Ксенія развить свой «Плачь» на основѣ старшихъ образовъ Купальскаго обряда, воспѣвающаго гибель дѣвушки; Лопухина могла же знать общую пѣсню — «Возлѣ рѣчки я хожу млада,» чтобы примѣнить ее къ себѣ; Разницы въ своей пѣснѣ формулировали очевидно старшую и общую поволжскую, разбойничью: то же самое случилось съ «Рябинушкой.» Не съ воздуха взята «Смородинка,» чтобы въ ней оплакать преждевременную кончину Петра, или, пожалуй, принеслась она съ того же воздуха, по коему носится *общая* народная пѣсня: ее *примѣнили къ Петру* изъ старшей, а въ старшей видимъ то же начало—сравненіе, ту же раннюю кончину,—но только *всякой* дѣвушки, оплаканной *всякимъ* молодцемъ, тѣ же вѣтры буйные, чтобы раскрыть гробовую доску, тотъ же послѣдній поклонъ. Вотъ она, старшая:

Плачь на раннюю смерть.

1:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
 Ты когда взошла ¹⁾, когда выросла,
 Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
 «Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
 5. «Я зарей цвѣла, въ полдень вызрѣла ²⁾»»

Подъ тобой ли подъ рябиною
 Что не макъ цвѣтеть, не огонь горить:
 Что горить сердце молодецкое
 По душѣ ли той красной дѣвицѣ.
 10. Красная ³⁾ дѣвица переставилась.

Ой вы вѣтры, вѣтры тёплые!
 Перестаньте дуть, вась не надобно.
 Потяните вы, вѣтры буйные,
 Что со той стороны сѣверной!
 15. Вы развѣйте мать сыру землю,
 Вы раскройте гробову доску,
 Вы пустите меня проститися
 И въ послѣдній разъ поклонитися.

(Пѣсенники Чулковскіа и Фришманскіа).

¹⁾ У Чулкова «вошла.»—²⁾ Чтобы выдержать сравненіе съ ранней смертью, надо дополнить стихами, которые конечно существовали въ старшихъ образцахъ и запятъ въ пѣсню о Петрѣ: „Распрекрасное мое дерево, Ты почто рязло позаложана, Во пучечки перевязана, По двкой степѣ поразбросана?“—

³⁾ Д. б. „Красна.“

Прибавьте сюда нѣсколько разъ печатанные у насъ «Плачи» и «Заплачки,» хоть изъ сборника Рыбникова, и посмотрите, какъ выбраны отсюда черты для Плача о смерти Петра Великаго. Это переходы—не искусственныя передѣлки; то не поддѣлка, не порча,—въ этомъ и состоитъ жизнь искусства, поддержка его послѣдовательнаго развитія.—А чтобы вамъ было яснѣе, вотъ и другая сторона,—какимъ путемъ вкрадывается дѣйствительная порча и что такое книжная искусственность. И. И. Дмитріевъ, Гурьяновъ, Сахаровъ, далеко опередивши производительность г. О. Миллера, возлюбившаго Илью Муромца и, подобно ему, возлюбивши пѣсню, такъ ее воздѣлали, что потрудитесь узнать ее въ нижеслѣдующей размалѣткѣ

2.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вырѣла?

5. «Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
«Я весной цвѣла, лѣтомъ вырѣла ¹⁾.»

Подъ тобою ли рябинушкой
Что не макъ цвѣтеть, не трава растетъ ²⁾,
Не трава растетъ, не огонь горить,
10. Не огонь горить—ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ ³⁾,

¹⁾ Искусники не замѣтили, что тутъ нѣтъ ничего преждевременнаго, если весной цвѣла, а лѣтомъ вырѣла.—²⁾ Въ старшемъ подлинникѣ—подъ стѣною рябины какъ маковъ цвѣтъ молодецъ, а въ немъ сердце какъ огонь горитъ; здѣсь напротивъ выходитъ, что ретивое сердце у молодца какъ трава растетъ. Очень метко и живописно.—³⁾ Послѣ этого, для изображенія тревоги сердца, недостаетъ только выраженія—„яко громъ гремитъ,“ какъ описываются сны у мучителей въ нашихъ духовныхъ Стихахъ.

- По душѣ ль, душѣ ¹⁾, по лебедушкѣ,
 По лебедушкѣ, по голубушкѣ ²⁾,
 15. По голубушкѣ красной дѣвицѣ.

- Ты душа ль, душа, красна дѣвица!
 На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ ³⁾ утренней,
 При восходѣ ли свѣтла солнышка,
 Не простившиися съ отцомъ, съ матерью,
 20. Не выдавшиися съ добрымъ молодцемъ ⁴⁾,
Жизнь оставила, скончалася ⁵⁾.

- Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
 Вѣтры теплые, вы осенніе ⁶⁾!
 Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно ⁷⁾.
 25. Прилетайте вы, вѣтры буйные,
 Что со сѣверной со сторонушки!
 Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
 И, *развѣвши ⁸⁾* по чисту полю,
 По чисту полю по широкому,
 30. Вы раскройте мнѣ гробову доску,
 Ужь и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
 Распрощатися съ моей милою,
 Съ моей милою, душой дѣвицей:
Окропивъ ее горючой слезой,
 35. *Я вздохну, умру подлѣ ней тогда ⁹⁾!*

(Достигло окончательнаго размѣщенія у Сахарова).

¹⁾ Горитъ сердце по душѣ.—²⁾ Изобрѣтатели не помнятъ, что она—,рыбина лудрава.—³⁾ Звучныя и неизбежныя повторенія.—⁴⁾ Умерла на зарѣ и при восходѣ солнца, за чѣмъ-то не простилась и даже не выдалась съ молодымъ, который однако сидѣлъ при этой рыбнѣ.—⁵⁾ Возможно это въ твердствѣ народномъ?—⁶⁾ Осенніе вѣтры—теплые.—⁷⁾ Въ подлинникѣ: мнѣ—вада весна, не пора уже теплымъ вѣтрамъ; у искусниковъ—дуите теплые осенніе вѣтры, гдѣ угодно, но здѣсь—не надобно, не дѣлайте разложенія трупу. Нязичю.—⁸⁾ Сообразили, что нужно прежде развѣять землю, потомъ уже открыть гробъ.—⁹⁾ Конечъ уже превосходить всякое вѣроятіе.

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ и нашихъ изданій, не легко будетъ справиться съ накопившимися многочисленными томами нашихъ «учебныхъ руководителей,» хрестоматиковъ и всякихъ ревнителей «общественной пользы,» усердно выбравшихъ изъ Сахарова образцы нашему бѣдному юношеству.

* * *

Выше приведенныя нами, по представленіямъ народнаго творчества, невзгоды, коимъ подвергался Петръ 1-й въ своемъ путешествіи по чужимъ краямъ, выражены *рѣдкою Смородиной* и олицетворяющею ее *дѣвицею*, потомъ, въ особыхъ пѣняхъ, опасности позднѣйшихъ поѣздокъ по морю, образъ той же губительницы — *дѣвицы, Шведской королевы*, которая ищетъ словить Петра, старанія о томъ ее приближенныхъ, во спасеніе государя—простымъ человѣкомъ, поѣздка съ нимъ домой и т. п.,—все это поддерживается въ народномъ творчествѣ еще двумя, однородными, *сказкамъ*:

Сказки о Петрѣ.

1.

704 года гулящій человѣкъ Никита Мининъ въ Преображенскомъ объявилъ,—дворцоваго повара Якова Чуркина жена при немъ говорила ¹⁾: «Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ, и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ,—а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица. И та дѣвица надъ государемъ, ругалась, ставила его на горячую сковороду, и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу.

¹⁾ Стало быть это преданіе, ходившее тогда въ народѣ: оно близко согласно съ вѣпечатанною у насъ пѣсней.

«И какъ та дѣвица была имянишница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: «Пожалуй, государыня, ради такого своего дни, выпусти его, государя!»» И она имъ сказала:—Подите, посмотрите; буде онъ валяется ¹⁾, и для вашего прощенія выпущу.—И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: «Томень ²⁾, государыня.»» И она имъ сказала:—Коли томень, и вы его выньте.—И они, его вынявъ, отпустили.

«И онъ пришелъ къ нашимъ бояромъ ³⁾, и бояре перекрестились, сдѣлали бочку, и въ ней набили гвоздя, и въ тоѣ бочку хотѣли его положить. И про то увѣдалъ стрѣлецъ ³⁾ и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ, и говорилъ:—Царь-государь, изволь встать и выйти! Ничего ты не знаешь, что надъ тобою чиница ⁴⁾.—И онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ, на его мѣсто: и бояре пришли, и того стрѣльца, съ постели схвата и положи въ тоѣ бочку, бросили въ море.»

(Сообщено С. М. Соловьевымъ въ „Чтеніа“ 1862, кн. 4, вѣроятно изъ „дѣлъ.“ Преображенскаго Приказа? Къ сожалѣнію, какъ въ „Исторіи Россіи“ не всегда по Брѣвѣтѣвскимъ можно усмотрѣть въ ясности источникъ показаній, такъ и здѣсь вовсе не сказано, откуда выписка).

*

Въ слѣдующемъ образцѣ выдается собственно *путь съ крестьяниномъ* (спасающимъ) *домой*, а разговоръ по пути принадлежитъ къ другимъ отдѣламъ народного творчества.

2.

(Пудожск. уѣздъ, Шальская волость).

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ему царь: «Божья ти помочь крестьянство-

¹⁾ Если еще живъ.—²⁾ Живъ, но истомленъ: обычный отвѣтъ въ нашихъ и Сербскихъ Былинахъ при такомъ случаѣ.—³⁾ Это конечно опять бояре *тамошніе*, а наши явились уже какъ порча сказанія, какъ вставка, отражающая известное злодѣяство противной Русской партіи; отъ того же вѣроятно явился и стрѣлецъ вмѣсто *крестьянина*.—⁴⁾ Обычное въ Былинахъ: „Спишь ты—прохлаждаешься, никакой невзгоды“ или „надъ собою погубели не вѣдаешь“, и т. п.

вати!»—Мни-ка надо Бога на́ помочь!—«А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?»—А семейство у меня двѣ дочери да два сына.—«Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?»—Кладу я деньги на три статьи: во первыхъ долгу плачу, а въ другихъ въ долгу даю, а въ третьихъ въ воду мечу.—Царь призадумался, что́ бь это значило, что старикъ и въ долгу даетъ, и долгу платитъ, и въ воду мечеть? И говоритъ ему старикъ:—Въ долгу даю, — двухъ сыновей кормлю; долгу плачу,—старого отца и мать кормлю; а въ воду мечу,—двухъ дочерей кручу ¹⁾.—«Ну,—говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣйка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю.»—Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.—«Этой я грамоты. — говоритъ царь, — не знаю. Ты меня сведи.»—А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. — «Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.»—А заплатишь, такъ поѣдемъ!—

Съли они на олюколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: «Далече ль, мужичокъ, бываеъ?»—Кое-куда бываеъ, сударь.—«А видалеъ ли царя?»—Царя не видалеъ, а набѣ ²⁾ посмотрѣть: согласился бы и помереть.—«Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.»—А какъ я царя узнаю?—«Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ приѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза; двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ:—Кто же царь?—Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «Видно, кто ни будь изъ насъ царь!»

(Отъ Шальскаго лодочника; ср. Рыбник. ч. II).

* * *

Конецъ пѣсней и прочихъ народныхъ памятниковъ въ Дополненіяхъ и Приложеніяхъ
8-го выпуска.

¹⁾ Наряжаю, къ замужеству.—²⁾ Надо бы.

II.

ЗАМѢТКА.

Въ 1869 году продолжалось печатаніемъ собраніе пѣсней Былевыхъ и Историческихъ, именно 8-й ихъ выпускъ. «Если появленіе его нѣсколько задержалось, виною того неожиданное богатство содержанія. Выпускъ весь посвященъ лицу и эпохѣ Петра I-го. Въ нашей литературѣ, въ дѣйствующихъ доселѣ руководствахъ Русской Словесности и Историческихъ Хрестоматіяхъ утвердилось господствующее мнѣніе, подкрѣплявшее себя разными соображеніями,—что Петръ Великій не оставилъ по себѣ никакого почти слѣда и отклика въ пѣснотворствѣ народномъ; точно, самый сборникъ П. В. Кирѣевского представлялъ тому лишь нѣсколько образцовъ: но, благодаря вкладамъ другихъ собирателей ¹⁾, редакція изданія удалось достигнуть до цифры *почти двухъ сотъ нумеровъ*, и всѣ они даютъ болѣе или менѣе живую картину — и высокаго лица, и обстоятельство его времени, притомъ, что особенно замѣчательно, въ выраженіяхъ искренняго сочувствія къ истинному смыслу великихъ событій той эпохи.—Дѣло потребовало усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій: за то, надѣмся, оно восполнитъ значительный пробѣлъ въ нашей наукѣ и литературѣ,

---

¹⁾ См. объ нихъ ниже.

II

съ точки зрѣнія совершенно уже безпристрастной и неподдѣльной, однимъ словомъ народной ²⁾.)»

Пѣснотворчество народное слѣдуетъ шагъ въ шагъ почти за всѣми важнѣйшими дѣйствіями и событіями жизни великаго государя, отъ минуты рожденія его до послѣдняго дыханія: величавый образъ носится всюду, даже въ тѣхъ былевыхъ пѣсняхъ, которыя единственно лишь современны своимъ происхожденіемъ и касаются случаевъ какъ будто постороннихъ; и здѣсь, если не дѣйствуетъ онъ, то онъ присутствуетъ, какъ зеркало, передъ коимъ совершается дѣйствіе, какъ духъ и характеръ, вызовъ къ творчеству и средоточіе фантазіи.—Есть много образцовъ, гдѣ, по народному представленію, дѣла рѣшались даже менѣе личностью Петра, чѣмъ было въ дѣйствительности, гораздо болѣе героями другаго имени и образа: но и эти герои—люди *окружавшіе царя, его близкіе. Это Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Атаманъ Флоръ Минлевичъ, Доморукій, Голицынъ, Семень Палій, и меньшіе — Рычковъ, Ефремовъ, даже безымянные—Драгунъ, Донской Козакъ, темничный Добрый Молодецъ, Крестьянинъ: имена, въ народѣ любимыя, образы, творчествомъ взлелѣанныя.*—Враги, недоброжелатели Петру,—*враги народу* по смыслу его пѣсней: старшій *Голицынъ, Некрасовъ, Маньцкой, Шведскій король, Шведская королева-дѣвица, Маіоръ земли Шведской, Шлиппенбахъ, Мазепа, Азовскій паша, Турецкій султанъ.*—Приближенные, испытавшіе справедливое безучастіе или прямое отвращеніе народа, но столь же явно обличенные самимъ государемъ, *Меншиковъ и Гагаринъ* нарочито выдѣляются изъ общаго состава и связи былинъ: творчество намѣренно выгораживаетъ изъ вины ихъ непричастнаго Петра.—Тамъ, гдѣ въ спорномъ дѣлѣ колеблется сочувствіе народа, какбы не зная, на чью сторону склониться, — *Стрѣлецкій Атаманушка и Боль-*

---

²⁾ Отчетъ Общества Л. Р. Словесности за 1869-й годъ, читанный въ годичномъ публичномъ засѣданіи 18-го Января 1870 года.

шой Бояринъ сами, выразительными словами, рѣшаютъ участь свою, сами послушно подчиняютъ себя роковому приговору, въ виду несостоятельности прежнихъ условій, въ виду новыхъ требованій жизни; *Евдокія Федоровна* не пѣняетъ, не жалуется, не ищетъ перерѣшенія судьбѣ своей, отвергаетъ возвратъ изъ кельи, молится за далекаго супруга и—«спасается.»—Есть особый пріемъ пѣсней Петровскихъ, почти неизвѣстный дотолѣ прежнему нашему творчеству: оцѣнка этому пріему должна быть въ самой области творческой, но нельзя также не видѣть въ немъ прямого отношенія къ дѣйствительности внѣшней, къ исторіи положительной. Именно, казни Стрѣльцовъ сопровождаются великодушнымъ прощеніемъ пытаннаго Молодца, во всемъ виновнаго, во всемъ сознавагося, во всемъ помилованнаго. Отверженное—ибо позднее—предложеніе жертвъ и услугъ стараго войска, укрощенная притязательность и сбитая надменность любимца Царевны—выводятъ за собою смѣлую борьбу и откровенное слово Драгуна, одобреннаго и пожалованнаго. Гроза на Донцовъ, стоны и жалобы Дона, отчаяніе бѣглецовъ, бросающихъ родину,—разрѣшаются любовнымъ образомъ влестителя, терпѣливо слушающаго нареканія заключенныхъ, свобождающаго ихъ, протянуваго имъ, тому или другому, руку помощи и пощады. «Выкатается ли онъ въ золотой каретѣ,» жадно ли «желаетъ себѣ бою да драки,»—онъ же ходитъ—гуляетъ по просту между простымъ народомъ, «въ одной сорочкѣ безъ пояса, въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.» Съ самыхъ первыхъ лѣтъ его, юноша, за похвалу и гордость гибнущій на чужой сторонѣ, въ переправахъ опасныхъ, сынъ, отшатнувшійся отца-матери, рода-племени, не слышитъ проклятій отчизны, имъ покинутой: ему во слѣдъ посылаются сожалѣнія, къ нему несутся вопли—«воротись, позабылъ ты два друга сердечные, два товарища надѣйные,» и, опутанный коварной сѣтью чужеземной королевны, царь вывозится на святую Русь спасающимъ крестьяниномъ. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ дѣлъ, и воспоминаній, для народа чорнаго, «рытьѣ каналовъ»

приходится однакоже въ срединѣ между отрадными событіями и очертаніями. При раздраженномъ Некрасовѣ — многія лѣта усердный Флоръ, изъ за ядовитаго Мазепы вырастаетъ въ цвѣтущихъ краскахъ удалой Краснощочковъ, даже изъ за могилы возвѣщается непрерывная жизнь: когда гробовая доска прикрыла собой, казалось, всѣ Русскія надежды, и тогда зоветъ творческое слово—«Встань, погляди на Россію свою, ждешь тебя войско, какъ живаго военачальника!» Такъ, въ семъ же порядкѣ слѣдуютъ у насъ самыя Былины: но то не намѣренный подборъ для печати,—онъ отвѣчаетъ ходу событій, естественному току лѣтосчисленія. Въ полномъ согласіи съ условіями творчества, но кромѣ нихъ и даже глубже ихъ, и первоначальнѣе,—здѣсь прямое отношеніе къ жизни дѣйствительной, здѣсь историческое самосознаніе народа. Не утаено зло, не молчатъ упреки, — громко говорить прощеніе; не беззавѣтная снисходительность прощенія,—явное оправданіе; не пристрастное оправданіе,—спокойное созерцаніе исторической правды; не холодная правда, — теплое сочувствіе; не бессознательное расположеніе чувства,—сознаніе истиннаго смысла и величія событій;—не одно настоящее, схваченное образомъ творчества въ данную минуту,—прозрѣніе будущаго, зрѣющихъ плодовъ исторіи; не одна Быль народнаго творчества, — сама Исторія въ народномъ сознаніи, представленіи, образѣ.

Не разъ говорили мы и всякой мыслящей изслѣдователь хорошо понимаетъ, что Быль народнаго творчества и Былина въ немъ по Были сложившаяся—совсѣмъ не то, что событіе дѣйствительности и внѣшняя, положительная Исторія, а тѣмъ менѣе исторія политическая, а еще менѣе историческая наука или наука исторіи. Исторія Петра остается *сама собою*, при всемъ народномъ Творествѣ объ немъ: наши историческія воззрѣнія могутъ пребывать неприкосновенными, наши взгляды и сложившіяся убѣжденія не склоняются и не преломляются сложенною пѣсней; приговоръ нашъ, даже неблагоприятный, сохраняетъ право на всю свою силу; наше сочувствіе, несочув-

ствіе и безучастіе не условливаются заявленіемъ Былины; мы въ состояніи признать заблужденіе самого творческаго воззрѣнія. Но никому нѣтъ права—не признавать сего воззрѣнія, нѣтъ справедливости—отзыватья объ немъ невѣдѣніемъ, съ той минуты, какъ стало оно извѣстно, слышано и записано изъ устъ народа въ творческомъ словѣ, собрано и общедоступно въ печати.

Исторія, повѣствуемая въ народномъ Творествѣ, есть исторія внутренняя, исторія — внутри народнаго сознанія; Быль его—событіе жизни внутренней; Былина—повѣсть о семъ событіи, выносимая на свѣтъ Божій и облеченная словомъ творческимъ. Тѣмъ не менѣе творчество *Былевое*, кипящее силами народнаго сердца, питающееся переливами внутренней жизни, обращено лицомъ къ событію всякой, и самой внѣшней, *Исторіи*: ростъ исторіи внѣшней, положительной и даже политической, привлекаетъ къ себѣ внутреннее вниманіе изъ среды народа, возбуждаетъ образъ, вызываетъ творческое слово, воспринимается творчествомъ, отражается въ немъ; по мѣрѣ роста внѣшней дѣйствительности и положительной исторіи, она усваивается въ родство и сродняется при посредствѣ творчества; ея дѣло, ея событіе постепенно становится народу своимъ собственнымъ, кровнымъ.—При выходѣ на поприще исторіи внѣшней, народъ по ея событіямъ мотивируетъ рассказъ событій своихъ внутреннихъ, или, что то же, временъ доисторическихъ; силы, нажитыя въ ту пору, когда слагался самъ народъ, приносятся въ краски новымъ образамъ начавшейся исторической дѣйствительности; Эпосъ входитъ первымъ словомъ въ Лѣтопись, первая лѣтопись повѣствуетъ по эпическимъ воззрѣніямъ; Былина сопровождаетъ Исторію, исторія находитъ въ ней творческій себѣ образъ народный. Тотъ же, всегда неизмѣнный, основной и коренной дѣятель всякой исторіи, равно и внутренней, и внѣшней положительной, народъ не скоро, но не менѣе рѣшительно, начинаетъ въ извѣстныя эпохи различать и эту внутреннюю, и эту внѣшнюю жизнь свою, признавать себя сре-

доточіемъ той и другой, совмѣщать ихъ сознательно, усматривать и допускать по праву двойство существованія своего, жить той и другой стороною въ единомъ существѣ своемъ. Въ сей-то постепенности и послѣдовательности развитія вся тайна переходу народа въ націю, народности въ національность,—понятія, не всегда еще и не всѣми у насъ различаемыя,—жизни народной въ государственную, исторія бытовой въ гражданскую, политическую. Здѣсь же разгадка тому: какъ эпосъ постепенно зрѣетъ до исторической повѣсти, исторія дѣлается народною былью; какъ внутренній, эпическій элементъ преобразуется въ историческій, историческое, какъ будто въ свою пору чуждое и внѣшнее, претворяется въ собственность существа народнаго; какъ это тѣло, при всемъ видимомъ отличіи отъ души, со временемъ сознается единымъ существомъ съ нею, звукъ голоса является словомъ души, природа раскрывается въ свободѣ историческаго развитія, свободная исторія совершается по законамъ природы. Тутъ и съ начала не было борьбы и противоположности: были только степени, послѣдовательность предшествующаго и наступившаго; двойство отзывалось лишь сознанию на его первобытной ступени; единство творится имъ же въ завершеніе поприща жизни народной. Не все предшествующее, то есть въ настоящемъ случаѣ внутреннее, доисторическое, природное, эпическое и еще шире—народное, есть непремѣнный законъ, исключительная роковая необходимость для всего послѣдующаго: тогда начало, не имѣющее другихъ правъ кромѣ начала, стѣснило бы свободу послѣдующаго, внѣшняго и положительнаго, историческаго, національнаго развитія; не все послѣдующее есть непремѣнный, единственно возможный отвѣтъ на задатки основные: тогда узаконилось бы дѣйствіе историческихъ случайностей и обстоятельствъ, тогда—вмѣсто свободы—всякой произволъ посягалъ бы на естество и природу. Тѣмъ не менѣе, въ жизни есть періодъ, есть срокъ личному бытію извѣстнаго организма. Послѣ одностороннаго

равнѣтїа разныхъ сторонъ, наступаетъ своя пора и цѣльному существу, и завершенію бытїа въ полнотѣ возможной, и даже неизбѣжному, обратному равложенію. Не всякой проживетъ, какъ бы долженъ прожить, долгъ остается неоплаченнымъ на каждомъ и уносится съ нимъ въ могилу: но, такъ ли, не такъ ли, хорошо или худо, только извѣстные періоды и въ извѣстной степени проживаетъ до конца человекъ, семья его, общество, цѣлый народъ, нація, государство. Расцѣпка доблести ихъ и недостаткамъ, успѣху и ошибкамъ, достоинству и заблужденїямъ, добру и злу — завѣщается какъ задача для рѣшенїя преемниковъ общей жизни, потомства. *Былевое* творчество, наше Русское, въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ и потому на глазахъ нашихъ, вынесло съ собою и въ себѣ всѣ силы, образы, преданїя, приемы и готовый языкъ свой изъ эпохи слагавшагося народа, эпохи до-исторической, въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ народной. Съ первыхъ же шаговъ своего развитїа, по ступенямъ послѣдовательнымъ, оно явилось и потому именовано *Кіевскимъ, Владиміровымъ, Болотырскимъ, Новгородскимъ, Княжескимъ, Суздальскимъ, Московскимъ*; въ Московскомъ оно предстало намъ какъ *Былево-Историческое*, съ историческимъ пошибомъ Былины, съ былевымъ характеромъ воспѣтой Исторїи: Былины Петровскїя — по преимуществу *Историческія*, это вѣрнѣе даже не Былины въ смыслѣ прежнемъ, тѣсномъ и собственномъ, это *Историческія Пѣсни*. Движеніе жизни тѣмъ не кончилось: мы еще увидимъ послѣ Петра, какъ постепенно въ творчествѣ стерлись и замерли черты самой исторїи, какъ исторїя потеряла себѣ выраженїе въ творческомъ народномъ словѣ, какъ наступила пора однихъ лишь повторенїй и воспоминанїй, какъ изсякли силы для всякого новаго созданїа творческаго въ прежнемъ родѣ, Былевымъ ли чисто, Историческомъ ли всецѣло. Мало и этого: *искаженныя Пѣсни Историческія* увидали рядомъ съ собою *ослабѣвшїя Пѣсни Былевыя*, — тѣ, кои потеряли всякое соотношенїе съ исторїей и восполнили историческую убыль сугубымъ оби-

ліємъ безотносительныхъ приѣмовъ эпическихъ, въ пѣсняхъ *Безымянныхъ* и *Молодецкихъ*. И этимъ еще не завершилось: и онѣ, пѣсни Безымянныя, остались въ одной памяти для повторенія, съ силою воспроизведенія, но безъ мощи производительной, съ удѣломъ замереть въ пѣсняхъ такъ называемыхъ «лирическихъ» или «женскихъ», въ той средѣ, въ той широкой области силъ и началъ внутреннихъ, изъ которой нѣкогда выросъ и въ которую возвращается организмъ, уже не для новой жизни, а чтобъ дожить здѣсь остатки бытія своего и передать новымъ будущимъ народамъ разложившіеся свои образы, расплывшіяся очертанія, какъ элементы и стихіи. Здѣсь ли, въ неотвратимомъ, постепенномъ умираніи, конецъ творчеству устному, *народному*? Да, оно будетъ отселѣ изучаться по памятникамъ, собраннымъ и записаннымъ для исторіи—какъ науки. Конецъ ли здѣсь всякому *творчеству*? Сохрани Богъ: начало и просторъ искусству личному, поэзіи письменной, художественному слову въ печати, чтобы, прошедши искусъ воспитанія и опытъ образцовъ народныхъ, подняться также до самостоятельнаго творчества; и дай Богъ быть преемнику, въ его дѣлѣ, такимъ же творцомъ и столь же народнымъ вторично, какимъ успѣлъ себя явить народъ нашъ въ произведеніяхъ устныхъ первоначально. Нація, государство, а быть можетъ даже національное государство—на долго обезпечать еще пригодную среду для успѣховъ развитія сего рода въ грядущемъ ³⁾).

Мы не пойдемъ теперь далеко въ періоды позднѣйшіе: на то впереди есть у насъ еще много будущихъ «выпусковъ» съ наглядными образцами. Мы возвратимся и остановимся на завершительномъ періодѣ нашего творчества Былеваго, когда явилось оно *Пѣснями Историческими Петрова времени*.

³⁾ Подробности о сихъ вопросахъ вложены нами въ публичныхъ Читаніяхъ объ исторіи Русскаго народнаго творчества, 1869 года, которыя надѣемся скоро предложить въ печати, если начало ихъ не задержится еще долѣе обстоятельствами.

IX

Это не исторія внѣшней дѣйствительности Петровской, какъ текла она сама въ себѣ и сама собою, не документы историческіе и акты Петровской эпохи, письменные или печатные съ самой минуты своего происхожденія, не тотъ матеріалъ для исторической науки, въ коемъ каждое показаніе отвѣчало бы внѣшнему событію, тѣмъ болѣе не плодъ историческаго личнаго сознанія или не историческая наука, въ родѣ безпристрастнаго изложенія Устряловскаго или увлеченнаго разсказа Соловьевскаго. Это исторія Петра, времени его, дѣятелей и дѣятельности эпохи, какъ протекла сія исторія *въ жизни народной*, отзываясь въ этой послѣдней изъ сферъ политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и, короче, всѣхъ тѣхъ, кои различны отъ собственнаго существа и бытія народнаго; если не противоположны ему, то однако не совпадаютъ съ нимъ, не замѣняютъ его и имъ не замѣняются. Не все здѣсь дошло до народа, народъ не пережилъ всего того, что имѣло мѣсто внѣ его, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ изъ той эпохи. Это исторія *существа и бытія народнаго* въ данный Петровскій періодъ общей Русской жизни. Если здѣсь есть что либо политическаго, общественнаго, религіознаго, то лишь на столько, на сколько въ эту пору самъ народъ жилъ политически, въ представителяхъ своихъ среди общества или въ области религіозной; и все это, обратно, нашло себѣ здѣсь мѣсто лишь по столько, по сколько было народно. Еще тѣснѣе: сюда не вошло вполнѣ даже всего того, что прожито было тогда самимъ народомъ во внѣшней его жизни и дѣйствительности: многое утекло съ потокомъ внѣшнихъ событий и въ числахъ времени, прошло и миновало оставляя слѣды въ самой внѣшней жизни, но не доходя до сознанія, не двигая мыслію и чувствомъ, не отвержаясь въ памяти, не творясь творческимъ образомъ, не оповѣщая себя творческимъ словомъ. Народъ не летопись, не актъ, не документъ, не перо и печать: не записываетъ подъ рядъ; не удерживаетъ

во внѣшнемъ памятникѣ сплошной полноты дѣйствительной; намѣренно не сочиняетъ, не пишетъ, не оставляетъ по себѣ исторію. Отпечатлѣлось здѣсь только то, что *дошло до народнаго сознанія*: въ немъ прожило, въ немъ отозвалось и удержалось, въ немъ оставило слѣдъ и изъ него воздвиглось особымъ памятникомъ, какъ памятью прожитаго и двигателемъ будущаго. Определенное явленіями жизни внѣшней, народное сознаніе сравнительно съ нею сосредоточеннѣе и такъ сказать гуще своими стихіями, экстрактнѣе, вторичнѣе: сколько частныхъ событій, случаевъ, жизней, лицъ, силъ, должно было пройти и миновать, чтобы изъ всего этого выработалось общее сознаніе народа, отпечатлѣвшее въ себѣ всю эпоху въ результатъ, въ извлеченіи, въ выводѣ! Масса элементовъ, слагающихъ народную жизнь, не вошла цѣликомъ въ народное сознаніе: вспомнимъ, что сюда не вошла разнообразная жизнь личная и даже семейная, сюда не поступили событія, случаи, мысли, чувства, внутреннія движенія и взгляды безчисленныхъ лицъ, многихъ тысячъ семействъ. Личное и семейное вошло только то, что было народно и только своею народною стороною; и не только что было народно, но лишь то, что удостоилось народнаго сознанія. Лица и семейства прожили эпоху не безъ сознанія же, самаго живаго, самаго разнообразнаго: весь и цѣлый, самъ народъ взялъ въ свое общее сознаніе отсюда только то, что было общимъ для цѣлаго народа. Сколько самыхъ высокихъ, самыхъ вліятельныхъ лицъ миновало, чтобы оставить въ народномъ сознаніи окрѣпшій образъ Шереметева, Палія, Флора, еще пять—шесть, еще съ десятковъ такихъ,—и только; сколько народнаго должны были имѣть въ себѣ, больше другихъ, эти именно лица, чтобы занять мѣсто въ сознанной народомъ исторіи; сколько семействъ пробыло—прожило жизнью, мыслью, чувствомъ и словомъ, чтобы опредѣлился предъ взглядомъ народа семейный вопросъ въ дѣлѣ Лопухиной или въ этомъ десяткѣ семействъ, то обрадованныхъ, то горюющихъ въ Петровской пѣснѣ по поводу Пет-

ровскихъ событій; сколько, говоримъ, широты и разнообразія этого семейнаго матеріала потребно было, чтобы выжать у цѣлаго народа эти двѣ-три «семейныхъ» слезы, просвѣтлѣть двумя-тремя улыбками «семейной» отрады! Тысячи безименныхъ слагателей, лицъ, кипѣвшихъ творческими силами, умерло, исчезло и забыто прежде, чѣмъ плодомъ ихъ дѣятельности и творчества явились десятки пѣсней, принятыхъ народомъ въ народное достояніе, признанныхъ присными и общими, запечатлѣнныхъ народною печатью, какъ собственность народа; личныя силы вошли элементами въ народное творчество только съ той стороны, съ которой онѣ были народны; и, теряя свой отпечатокъ личный, выражали собою уровень и характеръ общаго сознанія народнаго. Такъ, здѣсь явилась намъ *исторія народная, во сколько она сознана общимъ народнымъ сознаніемъ цѣлаю народа.* Но и этого мало, границы еще суживаются: не все, что было сознано симъ способомъ и на семъ пути, сдѣлалось *удѣломъ творчества*, поступило въ *творческій образъ* и воплощено въ немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху сознаніе народное со всею силою, со всѣмъ увлеченіемъ, вниманіемъ и соучастіемъ жило, питалось и развивалось, на примѣръ, на такихъ событіяхъ, какъ расколъ старообрядства или рѣзкое устраненіе земства изъ участія въ общихъ дѣлахъ, когда отправленія земскія замѣнены были коллегіями и разнороднымъ наборомъ чиновнической службы: и однако ничего подобнаго не нашло себѣ доли въ быломъ творествѣ народа. Измѣненія въ крестьянскихъ отношеніяхъ, потрясенія въ экономическомъ бытѣ, наплывъ иностранцевъ и тому подобныя явленія также точно не отозвались ни однимъ творческимъ словомъ, хотя весьма ясно сознавались и оставили по себѣ память, даже въ произведеніяхъ словесности, — только не устной творческой, а письменной. Далѣе, весьма многое, сознанное въ ту эпоху народомъ, жило и живетъ доселѣ не только въ памятникахъ письменности, но и въ устныхъ разсказахъ, преданіяхъ, утвердившихся обычаемъ выра-

женіяхъ, пословицахъ (на примѣръ—«не дорого Нарышкинѣхъ богатство—дорога Наталья Кириловна»), даже въ цѣлыхъ сказкахъ: не поднялось все это лишь до творчества «пѣсни,» до поэтического слова «былины,» или, лучше, поднялось на эту степень весьма ограниченное количество матеріала, избранное, именно «изящное.» Наконецъ, даже изъ сложенныхъ въ ту пору пѣсней, обличающихъ явные признаки того времени въ своемъ происхожденіи, не все возвысилось до пѣсни «Исторической,» а изъ ея сокровищъ дошло къ намъ, то есть уцѣлѣло въ народѣ, или, иначе, сбереглось цѣльнымъ достояніемъ цѣлаго народа количество еще меньшее, выборъ еще тѣснѣйшій: прочее улетѣло съ минутой или годами, не имѣло въ себѣ долговѣчности, не оказало непрерывности, не заключало въ себѣ этихъ свойствъ истинно-творческаго произведенія. Столь замѣтная во всемъ настоящемъ выпускѣ, усилія наши подобрать и связать осколки, самый успѣхъ этихъ усилій, вознаградившій насъ живою Петровскою картиной,—все это доказываетъ собою: во первыхъ обиліе творческихъ образцовъ, сопровождавшихъ жизнь эпохи и нерѣдко оставившихъ намъ одни лишь отрывки; во вторыхъ условія слабости или зародыши ранней смерти, во многихъ внутри лежавшія; и въ третьихъ строгій выборъ народа, сортировавшаго въ своемъ достояніи преходящее отъ существеннаго и вѣчнаго, мимолетное и обреченное гибели отъ достойнаго жизни и памяти. Въ концѣ концовъ, по всѣмъ признакамъ и по сличенію съ эпохами прежними, не сомнѣваемся еще и въ томъ, что въ періодъ Петровскій слагались многія произведенія вполнѣ творческія, даже лучшія, чѣмъ нынѣ имѣемъ въ рукахъ, но не дошедшія къ намъ по тому лишь, что сфера ихъ—устная область—слишкомъ непрочно и расплывчива въ дѣлѣ «памятниковъ,» коихъ намѣренно не ставитъ себѣ живой народъ, пока не думаетъ онъ о смерти, прямѣе сказать—потому, что, благодаря извѣстнымъ случаямъ и нашему невниманію, пѣсня не записана во время и изъ устъ лучшаго пѣвца, не попала на нашу бумагу,

ХІІІ

а это еще потому, что лучшіе, образованнѣйшіе слои народа переставали уже пѣть, пѣсня сходила въ нижшія массы, но и здѣсь гложла въ безвѣстности, ибо не интересовала высшихъ. Это подлинное несчастье, которому уже не причиненъ самъ народъ, но несчастье однако тѣмъ въ особенности поучительное, что, стало быть, съ той поры искусство письменное и художество книжное, забравши всю силу и весь передній планъ, игнорировало, закрыло бытіемъ своимъ бытіе творчества народнаго, однимъ словомъ за-было, а между тѣмъ рѣзко отдѣлилось отъ народнаго и признакъ «народности» остался лишь за стихіями самыми *простыми*, на которыя обратно разлагается цѣлый сложившійся народъ при концѣ народнаго бытія своего. Это также немаловажное знаменіе, это характеристическая черта эпохи.—И такъ вотъ съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло въ Историческихъ пѣсняхъ Петровскихъ и вотъ сколько для себя имѣемъ въ нихъ: слава Богу, что *не меньше*. Но, какъ скоро это имѣемъ, когда пѣсни сдѣлались передъ нами памятникомъ, когда записаны, собраны и лежатъ передъ нами въ печати, мы по счастью имѣемъ въ нихъ *больше*, чѣмъ бы казалось съ перваго взгляда, и въ этомъ сейчасъ убѣдимся: только мы пойдемъ другимъ, обратнымъ путемъ разсмотрѣнія и окинемъ взглядомъ предметъ нашъ уже не съ верху въ низъ, отъ положительной исторіи до уцѣлѣвшаго народнаго творчества, а съ низу въ верхъ—отъ пѣсней нашего простаго народа къ сложному, широкому и разнообразному ихъ матеріалу, къ воспѣтой въ нихъ исторической жизни и къ самой дѣйствительности Петровскаго времени.—Правда, въ настоящемъ случаѣ передъ нами свидѣтель—народъ простой: но тѣмъ проще, безыскусственнѣе, неподдѣльнѣе, надежнѣе и вѣрнѣе его показанія; послѣдствія невѣжества, незнанія или ошибки, какъ на примѣръ порчу именъ или *море Хвалынское* вмѣсто *Воряжскаю*, *Левмауптъ* вмѣсто *Ласси*, и т. п., гораздо легче замѣтить, отдѣлать или поправить, чѣмъ многія вещи, проистекавшія со-всѣмъ изъ другаго источника, у Голикова, Штелина, Проконо-

веча. Даже то, что въ этой области «не дошло» до насъ, несравненно возможно дополнить или представить себѣ, нежели то, что было намѣренно «скрыто.» Что бы ни говорили, лишь за нисшими слоями удержалось у насъ названіе «народа» въ собственномъ смыслѣ: это народъ «уцѣлѣвшій» и мы въ правѣ, мы обязаны понимать его какъ народъ «цѣлый,» по крайности за немѣніемъ другого «болѣе цѣлаго.» Какъ ни малы отрывки его пѣсней, какъ ни ослабѣло, можетъ статься, творчество въ сихъ образцахъ, никто не усумнится признать его творчествомъ «народнымъ:» между тѣмъ какъ не именуемъ же мы народнымъ творчествомъ произведенія Петровскихъ кантъ, Преображенскаго приказа, Кантемира или поэму Петръ Великій, даже Полтаву, какъ ни близко «возвращается» она путемъ своимъ къ народному творческому типу. Во всякомъ случаѣ, намъ представляется истинное «творчество:» гдѣ единый образъ часто замѣняетъ собою тысячи прозаическихъ реліцій, гдѣ силы народа свободно настроены и подняты къ созиданію, притомъ силы лучшія и высшія, гдѣ духъ крѣпнетъ и свѣтлѣетъ, гдѣ онъ имѣетъ въ виду одну только истину, красоту и благо, гнушается дразгами и случайностями обиходнаго житейскаго взгляда или личныхъ намѣренныхъ тенденцій, гдѣ устами движетъ не только предметное созерцаніе окружающаго міра, но съ тѣмъ видѣтъ высшее пѣснотворческое провидѣніе и прорицаніе. Къ созданію творческому привлекли здѣсь силы не одного узкаго или условнаго кругозора, обведеннаго тогдашнюю эпохой, но столько же прожитаго прошедшаго, силы всего прежняго творчества Былеваго и даже болѣе ранніе зачатки его, какъ элементы, сосредоточенные на любимомъ произведеніи: безъ любви къ созданію не были бы вызваны эти элементы изъ глубин прошлаго, а мы видимъ въ пѣсняхъ Петровскихъ и краски Слова о Полку Игоревѣ, и черты Былинъ Богатырскихъ, и приемы самыхъ старшихъ пѣсней — Обрядныхъ, на примѣръ Плачей или Заплачекъ. Не на искаженіе же дѣйствительности или истины исторической совер-

шенъ такой подъемъ творческаго духа: на оплодотвореніе и оживленіе, на вѣщую истину, красоту и правду. Средства и способы Былевы не уничтожаютъ, не ослабляютъ здѣсь Исторію: Исторія дѣйствительности только преломляется здѣсь въ творческомъ Былевомъ міросозерпаніи, подобно какъ одинъ и тотъ же бѣлый лучъ живетъ одинаково и въ разложеніи своемъ, и въ переливахъ цвѣтовъ радужныхъ. При всей свободѣ творческой, мы тѣмъ не менѣе усматриваемъ здѣсь исторію, мы встречаемъ историческія имена, мѣстности, года и событія; намъ удобно дополнять здѣсь творческія картины свидѣтельствомъ соответственныхъ показаній исторіи положительной и письменной. И съ этой, говоримъ, внѣшней творчеству, стороны, мы видимъ въ немъ за Петровское время гораздо болѣе *историческаго* въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ за всѣ эпохи предшествовавшія, даже Московскія. Отсюда же, восходя выше и раньше, мы постепенно теряемъ болѣе чертъ Историческихъ, встречаемъ болѣе Эпическихъ, Былевыхъ; отсюда, съ опредѣленной точки зрѣнія, выучиваемся мы признавать извѣстныя степени исторической дѣйствительности въ самыхъ старшихъ произведеніяхъ нашего народнаго эпоса и, нисколько не смѣшивая, сопоставлять съ исторіей *въ эпоху*—исторію *дѣйствительной* жизни. Только типическіе сочинители «происхожденія Русскихъ былинъ» способны въ этомъ сопоставленіи или взаимномъ дополненіи видѣть посягательство Исторіи на Эпосъ, вмѣсто правильного различенія усматривать здѣсь помѣсь враждебныхъ несродныхъ областей, или же, на оборотъ, неспособны замѣтить въ Былевомъ творествѣ своего рода народную Исторію. Они не постигаютъ, что такого рода исторія въ прямомъ соотвѣтствіи съ исторіей всякой, сколько бы ни выступала сія послѣдняя до крайнихъ предѣловъ внѣшности; они не постигаютъ, что это также совершенная дѣйствительность: но, дѣло въ томъ,—это исторія творческая, дѣйствительность творческихъ образовъ, творческая исторія исторіи. Такъ, не только пластика и живопись образовъ народныхъ, не только творческое слово

и неразрывная съ нимъ народная музыка, это живое, еще не распавшееся сочетаніе силъ въ творческомъ мірѣ народа, но даже и тѣ, порознь раздѣлившіяся позднѣе искусства, ваяніе, живопись, изящная литература и музыка воспроизводятъ передъ нами своеобразную исторію народа никакъ не менѣе лѣтописи, историческаго изслѣдованія и учебника. Рядъ греческихъ статуй, послѣдованіе нѣмецкихъ музыкальныхъ созданій—съ избыткомъ можетъ если не замѣнить, то конечно восполнить Геродота, Фукидида и Ксенофонта или трудолюбивыхъ историковъ Германіи. Когда же эта творческая повѣсть, обращенная лицомъ своимъ къ историческимъ событіямъ, вторично ихъ «претворившая» въ своемъ лонѣ и взлелѣявшая въ высшемъ духовномъ образѣ, другими словами—эта повѣсть народнаго историческаго самосознанія, рассказавшая поэтически, какъ созналъ себя самъ народъ въ извѣстную историческую эпоху, когда она, говоримъ, нынѣ предлежитъ намъ уже въ письменности, какъ письменный и даже печатный памятникъ: ни сколько не бѣднѣе она, не слабѣе, не молчаливѣе, не уже и не сомнительнѣе любаго, какого угодно, историческаго документа, напротивъ во многомъ богаче, живѣе, краснорѣчивѣе, осязательнѣе, открытѣе, чище, искреннѣе, неподкупнѣе, вліятельнѣе, вождѣннѣе. Всякой порядочный историкъ отнынѣ воспользуется симъ для исторіи Петра и Петровской эпохи: въ наукѣ восполнился громадный, значительно прежде ослаблявшій ее, пробѣлъ. А когда, наконецъ, въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа столь свѣжемъ еще памятникѣ видимъ мы явную любовь народа къ Петру и искреннее къ нему сочувствіе, когда встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ передъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву Русской жизни: мы отнынѣ, что бы ни говорила о Петрѣ и какая бы ни говорила намъ исторія, сошлемся всегда на творчество

XVII

народное. Ясный историческій взглядъ на эпоху не рѣдко подтвердимъ мы: да, то же самое и также точно говоритъ самъ народъ нашъ въ своихъ пѣсняхъ; самую обличительную тенденцію встрѣтимъ порою словами: однако же не такъ передается дѣло въ творческомъ образѣ самого народа. Историческую истину можно поздравить съ немаловажнымъ торжествомъ правды.

Не смотря на особыя отличія двухъ историческихъ эпохъ, въ самой личной жизни Петра, въ характерѣ его, положеніи и даже въ нѣкоторыхъ событіяхъ его времени давно замѣчено проницательными, хотя и немноготомными, историками разительное сходство съ Иваномъ Грознымъ: отношенія къ супругамъ и къ сыну дополняютъ собою параллель. Творчествомъ народнымъ развито это сближеніе почти до единства образовъ, до повторенія приѣмовъ и красокъ, до тождесловія выраженій. Казни Грознаго какъ будто оживаютъ и уясняются казнями Стрѣльцовъ и Большаго Боярина; умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое; Флоръ со своими товарищами отвѣчаетъ Ермаку; борьба императора съ Драгуномъ напоминаетъ собою живо борьбу Кастрюка, и если Грозный любитъся, какъ «Русакъ тѣшится,» то въ Петрѣ творчество ступило лишь далѣе, переведа эту потѣху на единоборство самого государя. Въ особенности же сопоставляетъ народъ того и другаго, выражая ясно свой сходный взглядъ на обоихъ, когда Монастырь Румянцевъ и Правежь повторяются тамъ и здѣсь; Плачь отверженной супруги до того роднится при обоихъ, что нужна большая опытность въ признакахъ творчества, дабы различить здѣсь эпохи, отстоящія на полтораста лѣтъ; покореніе Азова передается тѣми же почти образами и словами, что покореніе Казани; Плачь по умершемъ царѣ, начатый въ Былинахъ съ Ивана, прошедши промежутокъ годовъ, со всюю силою воскресаетъ при гробѣ Петра и лишь отсюда дѣлается первообразомъ для подобныхъ Плачей послѣдующихъ. Сопоставленіе это, разумѣется, нисколько не роняетъ Петра: оно

выясняетъ намъ образъ и дѣйствительное величіе Ивана. Для народа тотъ и другой стоятъ самыми знаменательными точками или, правильнѣе, образами во главѣ двухъ важнѣйшихъ періодовъ Московскаго, Былеваго-Историческаго творчества: первый собралъ и сосредоточилъ творчество вокругъ лица своего, впервые далъ жизнь, цвѣтность характера и полноту бытнамъ Московскимъ; второй, по минованіи промежутка, завершилъ ихъ и въ заключительной полнотѣ пронесъ ихъ съ именемъ своимъ по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ окраинъ. Только этими двумя образами возбуждено въ равной мѣрѣ творческое настроеніе народа, только на нихъ сосредоточилось до полноты и единства въ Московскомъ своемъ періодѣ, только къ нимъ отнеслось съ непрерывнымъ сочувствіемъ. Покойный П. В. Кирѣевскій замѣтилъ, что «въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православномъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды Татарскія; объ его любви къ Русскому народу и его радости, когда Русской удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, Черкаскаго князя: но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полное вниманіе историковъ ⁴⁾». Добродушный Ст. П. Шёвыревъ еще дальше развилъ мысль сего рода, въ сторону уже исключительную, и нѣсколько разъ повторялъ, что въ этомъ виднo исконное добродушіе нашего народа, его незлопамятство, его забвеніе и прощеніе злу. Такая прагматическая настроенность въ дѣлѣ исторіи и толкованіе событій благодушною нравственностью—если гдѣ возможны, то никакъ не прилагаются къ дѣлу творчества. Творчество искренне, ненамѣренно, вѣрно воспроизведенному творчески образу и себѣ самому, какъ вѣрно зеркало, а потому свободно отъ всякихъ тенденцій, хотя бы лучшихъ

⁴⁾ См. у насъ выпускъ 1.

XIX

и нравственнѣйшихъ. Творчество, отчасти уже видѣли мы, всѣмъ не думаетъ прощать: оно воспроизводитъ, по мѣрѣ своихъ силъ и интересовъ,—до послѣдней черты, не оставляя мѣста ничему скрытому и ни какихъ потаенныхъ закоулковъ, напротивъ усиленно стремясь проникнуть въ глубочайшіе тайники жизни; оно не живетъ воспоминаніемъ,—гдѣ воспоминаше, тамъ нѣтъ уже творческаго процесса; въ самомъ повтореніи Былинъ, однажды сложенныхъ, народъ твердитъ живое, отрекаясь отъ всего мертваго, и съ точностью держится созданнаго прежде. Забвенію здѣсь подвергается только отжившее—въ самомъ творествѣ, или замѣненное новыми его приемами, иногда лучшими, иногда искаженными: не общій предметъ, не внутренняя сущность, не главный образъ, не основное воззрѣніе. Если теперь не слышно былинъ Петровскихъ съ характеромъ и тономъ *другимъ, инаковымъ*, то смѣло говорить, что его не было и въ старь. По причинамъ, указаннымъ выше, могла не дойти къ намъ «цѣлая» Былина, могли утратиться въ иной—смотря по пѣвцу—начало, середина, конецъ: но, если что слышимъ теперь, хотя бы въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ, то здѣсь ничего существеннаго, кромѣ развѣ мелочей и подробностей, не забыто. Да и не могло существовать такого снисходительнаго забвенія,—и вотъ тому самое яркое доказательство, которое не должны мы опускать изъ взора ни на минуту: Былины поются такъ, какъ онѣ сложены въ началѣ, съ забвеніемъ лишь того, чего вовсе въ нихъ не поется за утратою, а слагались онѣ—если когда либо, то въ Петровское время всего болѣе—за одно съ событіями исторіи, *тотчасъ* въ слѣдъ за ними, безъ всякаго промежутка и, много-много, когда съ такимъ промежуткомъ, который лежитъ отъ событія внѣшняго до сознанія, отъ обиходной рѣчи до слова творческаго, отъ освѣщеннаго предмета до глаза, отъ впечатлѣнія предметнаго до образа въ воображеніи. Былины Петровскія научаютъ всю нашу интеллигенцію, что по тому же самому пути, только въ различной степени силы и съ разнообразіемъ приема, творче-

ство народное, во всемъ своемъ предъидущемъ развитіи, спѣшно и вѣрно отвѣчало окружавшей дѣйствительности, не медля творило изъ родниковъ одушевленія своего, вызванное массою предлежавшаго внѣшняго матеріала. Чѣмъ выше, чѣмъ дальше въ старину, до глубины доисторической, различіе въ этомъ дѣлѣ состояло не въ медленности, не въ косности, не въ глухотѣ къ событію, не въ искаженіи роднаго, не въ переемѣ чужаго,—а въ перевѣсѣ того или другаго элемента, о которыхъ говорили мы, Былеваго въ тѣсномъ смыслѣ, иначе Эпическаго, или же элемента тѣсно-Историческаго и внѣшне-Историческаго. При Петрѣ, убѣдились мы и сейчасъ еще болѣе убѣдимся, элементъ историческій въ семъ дѣлѣ окончательно восторжествовалъ, до той степени, что, правда, допустилъ еще длиться жизнь эпоса, но уже могъ подорвать ее, при малѣйшемъ неравновѣсіи, и дѣйствительно, мы знаемъ, позднѣе послѣ Петра подорвалъ ее. Потому же здѣсь, сравнительно съ прежними эпохами, всего ярче черты, доказывающія одновременное или по крайности спѣшное сложеніе Былины—вмѣстѣ съ внѣшнимъ явленіемъ событія Историческаго, съ дѣйствительною и даже лѣтописною Исторіей. Достаточно уже ясно изъ прежнихъ томовъ нашего изданія, какъ, въ теченіе многихъ столѣтій, Былевыя пѣсни, съ постепеннымъ переходомъ своимъ въ Историческія, сопровождаютъ всю (хотя и не во всемъ) Исторію нашу, — предметъ пѣснопѣнія, творческимъ своимъ изображеніемъ и отраженіемъ; за Петромъ же слѣдятъ онѣ уже шагъ за шагомъ; отъ того здѣсь встрѣчаемъ мы такія положительныя историческія событія, такія несомнѣнныя имена, мѣстности и черты, что развѣ только г. Стасовъ можетъ усмотрѣть, на примѣръ, Алтай и Борнео подъ Шлиссельбургомъ и Полтавой: но не объ этихъ историческихъ элементахъ теперь говоримъ мы. Далѣе, въ творествѣ не рѣдко видимъ подробности, доступныя лишь очевидцамъ, современникамъ, свидѣтелямъ и туземцамъ воспѣтой исторіи, на примѣръ о Кіевѣ съ его тогдашними улицами и древностями, о потѣшныхъ вняже-

скихъ лугахъ, о Новгородѣ съ его старинными слободами, селеніями, приходами, мостами, о Московскихъ древнихъ урочищахъ, о Красной Мызѣ, Орѣшкѣ, Колывани, Выборгѣ, Вереѣ, Ладожскомъ каналѣ, или хотъ о «потухшемъ мутномъ окѣ» Грознаго, о мелкихъ украшеніяхъ Гагаринскаго дома, и т. п.: опять только гг. Стасовы могутъ подозрѣвать здѣсь плутовство, лукаво скрывающее за собою подробности Киргизъ-кайсацкихъ орды; но опять не на этомъ мы здѣсь остановимся, — это понятно всякому здравому взгляду. Мы хотимъ здѣсь привести уже не то, что легко открывается *нашему взгляду*, а напротивъ тѣ свидѣтельства, которыми *сама пѣсня*, какъ бы перстомъ и указкой, *указываетъ намъ*, что она современна событію воспѣтому, что она говоритъ о *своемъ настоящемъ*, что даже *вымышленный пѣвецъ*, повторяя *тогдашнюю былинну*, становится *на ея точку зрѣнія*. Еще въ древнемъ нашемъ творчествѣ встрѣчаются нерѣдко такія выраженія, какъ на примѣръ при осадѣ Кіева отъ Татаръ, «А отъ пару было отъ конинаго А и мѣсяцъ — солнце померкнуло, А отъ духу Татарскаго не можно крещенымъ намъ живемъ быть.» Въ Новгородскихъ пѣсняхъ: «А и нѣтъ у насъ такой пѣснѣи Во славномъ Новѣгородѣ Сопротивъ Василья Буслаева.» При Былинахъ Московскихъ послѣ Ивана, мы имѣли уже случай замѣтить, даже по письменнымъ документамъ явно не прошло года между событіемъ и пѣсней о событіи (рукопись Ричарда Джемса); или, на примѣръ, однѣ лишь ближайшіе современники могли пѣть о Феодорѣ и Борисѣ: «Есть еще на Москвѣ православный царь, Пабъжалъ еси, собака, Крымской царь;» о Самозванцѣ: «За что на насъ Господь Богъ прогнѣвался, Сослалъ мамъ, Боже, прелестника, Уже ли онъ Разстрига на царство сълъ?» «Было у насъ въ Миколу во пятницу, — А Стрижка-ярышка у баню идѣть;» о приѣздѣ Филарета: «А что *окажутъ* (говорять), въѣхалъ батюшка, Государь Филаретъ Микитичъ;» о пожарѣ въ домѣ Шереметева: «Отчего наша каменна Москва загоралась (послѣ горѣла не разъ и отъ

другихъ причинъ);» о стоянкѣ подъ Рогою: «Что стоялъ Царь-Государь по три годы, Еще *бывшій* Алексѣй царь Михайловичь,» — разумѣется *недавно* бывшій; о Разинѣ и Разинцахъ пѣсня ихъ объ самихъ себѣ, вообще пѣсни самихъ героевъ и героинь — Ксенія, Шереметева, Евдокинъ и т. д. Въ пѣсняхъ Петровскихъ еще болѣе такого рода признаковъ современнаго сложенія пѣсни, на каждомъ шагу: «*Бывало*, де, православный царь Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ, *Нынче* государь на насъ *промычался* И хочетъ стрѣльцовъ казнить—вѣшати.» — «*Дотолва* зѣлень садъ зѣлень стоялъ, А *нынче* зѣлень садъ присохъ-приблѣкъ (о томъ же).» — «Бѣжить-то изъ Москвы скорый посоль, Держить во рукахъ грозный указъ, *чтобы* были мы *солдатушки* приубранные, — *Намъ* *завтра*, *солдатушкамъ*, въ *походъ* *итти*, Въ *походъ* *итти* подъ Азовъ городъ.» — «*Ахъ* *служили* мы на *границь* *три* *годочка*, *Намъ* ни вѣсточни, ни грамотки съ Дону *нѣту*, — На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.» — «Вечоръ-то *мнѣ*, матушка, малымъ-мало спалося, Что малымъ-мало спалося, много видѣлося,» — и разгадка сна — «Въль-горючь камень, — то *нашъ* Кремль-городъ, Сизой орель, — то *нашъ* Батюшка православный царь, *Побѣдитъ* *нашъ* *государь* *землю* *Шведскую*.» — «Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ, Что куда нашъ государь-царь снаряжается: Снаряжается государь-царь въ землю Шведскую, *Онъ*, *меня* *ли*, *добра* *молодца*, *съ* *собою* *береть*, *Ужъ* *какъ* *мнѣ* *ли*, *добрю* *молодцу*, *не* *хотѣлось*.» — «Какъ куды же нашъ православный царь собирается? Собирается православный царь во ины земли, Во ины земли во Шведскія.» — «Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году, Да и шестаго мѣсяца Юня, Какъ шестаго на десяти во числахъ, — Тамъ шелъ-прошелъ царскій Большой Бояринъ, Кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (до такихъ мелочей простирается точность вообще въ описаніи походовъ Шереметева).» — «Тутъ много мы Шведовъ порубили, А въ троѣ того въ полонъ ихъ взяли: Тѣмъ прибылъ государю учинили.» — «Во славномъ городѣ въ Орпшкѣ, По *нынѣшнему* *звѣ*

нію *Шлюшенбургъ*,—Идетъ тутъ царевъ Большой Бояринъ.»—
 «Ты злодѣй-злѣй, ретиво сердце, Ты бѣду мнѣ, молодцу,
 предвѣщало, Предвѣщало ты, а не сказало, Что быть ли мнѣ,
 молодцу, въ рекрутахъ, *А въ солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ*
Что подѣ славнымъ городомъ подѣ Орѣшкомъ, По нынѣшнему
званію Шлиссельбурюмъ.» — «Ахъ ты ноченька, ты ноченька
 осенняя, *Надо плати мнѣ, молодцу,—какучила, Стоючи, брат-*
цы, на караулѣ государевомъ, Что подѣ славнымъ ли подѣ
городомъ подѣ Выбурюмъ.» — «Въ тысяча семьсотъ первомъ
 годѣ, Во мѣсяцѣ было во Іюлѣ, Стояли солдаты на границѣ, А
 ни вѣстки, ни грамотки съ Руси вѣту, Въ три годочка перепала
 скоро вѣстка (объ утратахъ),—*Еще ли намъ, ребятушки, не*
тошно?» — «Выходила тутъ наша армія, наша армія государева,
Государя царя Бѣлаго, Царя Бѣлаго Петра Перваго... Въ
 барабаны-то пробилы по веселому, *Намъ указы прочитали по*
печальному... Какъ у насъ ли во ширинѣ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ помѣръ.» Наконецъ эти
 безпрестанныя строки въ началѣ пѣсней—«Какъ у насъ было
 на святой Руси, На святой Руси, въ каменной Москвѣ,» «У
 насъ было на Тихомъ Дону,» «А у насъ было на синѣмъ морѣ,
 На синѣмъ морѣ на Балтійскимъ,» и т. п.,—всего этого
 не перечесть. Очевидно, во всемъ этомъ, вполне современномъ,
 не могло быть мѣста ни *забвенію*, ни *процѣнію*: сочувственно
 къ Ивану, а еще болѣе къ Петру, отнесся народъ въ ихъ соб-
 ственную эпоху, какъ современникъ, съ полнѣмъ сознаніемъ
 дѣля ихъ творческіе образы, съ яснымъ прозрѣніемъ завіщаая
 внимательному потомству величавыя пѣсни какъ живыя ли-
 ца свидѣтелей. И если теперь поетъ народъ также, то, на обо-
 ротъ, значить,—*и теперь не забылъ* своего сочувствія, и те-
 перь живетъ *тою же мыслію и тѣмъ же сознаніемъ*.

Мы ниже рассмотримъ еще до мелочей эту *современность*
 Петровской пѣсни, типъ ея и складъ—*не мыслимый до Петра,*
не возмезный въ созданіи послѣ него.

Теперь же намъ любопытно подмѣтить нѣкоторое *несоответ-*

стѣе между сопоставленными творческими образами Ивана и Петра: оно такъ непременно и должно быть въ известной степени, по различію событій и обстоятельствъ, ушедшихъ далеко впередъ въ промежуткѣ полутора столѣтій. Намъ еще любопытнѣе: какими приёмами и оборотами выходитъ народъ изъ этого навязчиваго противорѣчія въ собственныхъ его творческихъ образахъ, какъ старается помирить ихъ единство или сходство, тогда какъ исторія дѣйствительности подсказываетъ рѣзкія отличія? Грозный казнилъ бояръ, высоко поставленныхъ лицъ и вообще имѣвшихъ несчастье быть приближенными: народу, въ смыслѣ цѣлой массы или хотя нисшихъ простыхъ слоевъ, онъ былъ хорошъ, легка была жизнь подъ его правленіемъ, и отъ того, между прочимъ, такое сочувствіе къ нему въ творчествѣ. Совсѣмъ напротивъ, народъ, и особенно простой, а еще болѣе чернъ, должны были почувствовать при Петрѣ многія неизвѣстныя дотола тѣготы жизни: это не измѣнило однако ни сочувствія, ни правды творчества. Народъ въ пѣсняхъ Петровскихъ подвергаетъ карѣ лица отборныя, — *Большаго Боярина*, атамана стрѣлцаго; самаго большаго — *князя Голицына*; самаго любимаго — *Меншикова*; самаго богатаго — *Гагарина*: онъ явно уравниваетъ очертанія Петра съ установившимся образомъ Ивана. Иванъ свирѣствовалъ *за измѣну*, и народъ нѣсколько разъ подтверждаетъ такую особенность, описывая, какъ *выводилъ онъ измѣннику*; но измѣна часто была только мнимая, и народъ опять не пропустилъ сей черты, напротивъ выставилъ ее ярко въ неожиданномъ спасеніи сына и восторженной радости отца: послѣ эпохи Смуть и еще болѣе при Петрѣ народъ имѣлъ случай убѣдиться, что гдѣ-то измѣны не мечта и съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію даже съ излишкомъ, сваливаетъ доселѣ всѣ бѣды свои на какую-то измѣну, тамъ — гдѣ-то; Петръ уже не рисуется подозрительнымъ, не ищетъ по примѣру Ивана усиленно какихъ ни будь поддоговъ, а между тѣмъ и внутри, въ Стрѣлцкихъ бунтахъ, и въ Донскихъ тревогахъ, и въ дѣлахъ Шведскихъ, и подъ Полта-

вой, сами событія убѣждаютъ безпрестанно въ намѣренныхъ продѣлкахъ враждебной силы; такъ и здѣсь народъ уравнившиваетъ и оправдываетъ событіями воспѣтыя нѣкогда подозрѣнія Ивана. Что въ представленіяхъ народныхъ, передъ творческимъ взглядомъ, носилась дѣйствительно параллель между тѣмъ и другимъ властителемъ, что однимъ образомъ пополнялся другой,—видно уже изъ того, что не только черты, самыя имена и лица переносятъ народъ отъ одного къ другому. Кроме упомянутыхъ примѣровъ, очень важно то, что въ былинахъ Грозный, жалуясь на измѣну и лукавыхъ заступниковъ зла, не щадившихъ однако лицо и семейство государя, съ негодованіемъ выводитъ—кого же?—Петровскаго Гагарина: «Грозный царь Иванъ Васильевичъ Всѣмъ князьямъ—боярамъ выговаривалъ: «По ворѣ по Гагаринѣ заступъ было, А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого (Рыбник. ч. 1)!»—Что же однако, забылъ ли дѣйствительно народъ о своихъ тяготахъ и нуждахъ при Петрѣ? Ни мало не забылъ, напротивъ творчески это выразилъ. Не говоримъ здѣсь о «разореніяхъ,» вымышленныхъ Сахаровымъ и разорившихъ подлинность его печатныхъ образцовъ; народъ влагаетъ Голицыну упрекъ противу Петра: «Ты за чѣмъ, государь—царь, черня-тъ разоряешь, Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь?» Но тутъ же рядомъ, въ пѣснѣ того же типа и происхожденія, народъ, проникнутый тактомъ историческаго самосознанія, такъ беспощадно характеризуетъ своего непрощенаго заступника: «Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно. Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ.» Послѣ «рыгтя каналовъ» самая дѣйствительная и реальная тяжесть народу при Петрѣ состояла въ обязательной и частой казенной «службѣ,» которой ото всѣхъ такъ настоятельно требовалъ Петръ, и о которой, при господствѣ земщины и выборныхъ началъ, не грезили еще при Грозномъ: и точно, почти на каждомъ шагу въ Петровскихъ пѣсняхъ выставлены—эта «Грозна служба государева, Что часты-дальны походушки,» «Голова ль моя послуживая,» «Бѣдныя головушки солдатскія,» «Еще ли намъ,

ребятушки, не тошно» и т. п. Но посмотрите опять, какимъ образомъ относится къ сему народъ: жалуется онъ на самую службу какъ на зло, видитъ въ ней обиду и неправду? Нисколько. Это прежде всего представляется какъ *личное и частное горе*, основанное на прежнихъ привычкахъ быта народнаго, быта семейнаго, религіознаго, общественнаго, пожалуй даже на привычкахъ благо порядка службы,—не больше: а личное и частное, разумѣется, всегда легче принести въ жертву требованіямъ высшимъ. Герой, часто въ пѣсняхъ появляющійся подъ разными образами, и любимѣйшее лицо народное, сосредоточившее въ себѣ героизмъ эпохи, Шереметевъ—наввно, задушевно, искренно горюетъ, что ему «не хотѣлось бы изъ Москвы итти, хотѣлось бы при Москвѣ пожить, во дворцѣ служить, Московскимъ чудотворцамъ молиться, есть у нихъ дома зеленый садъ, тамъ батюшка съ матушкой, молода жена, дѣтушки...» Сравните же при этомъ послѣдующія наши пѣсни «Рекрутскія,» при наборахъ: тамъ, совсѣмъ на оборотъ, нѣтъ уже на первомъ планѣ этихъ сожальнѣй, тамъ служба сама въ себѣ представляется роковой бѣдою и даже зломъ, при охлажденіи къ интересамъ государства или такъ называемаго, непонятнаго народу, «національнаго единства.» Послѣ пѣсеней Безъимянныхъ и Молодецкихъ мы еще будемъ имѣть случай, если Богъ дастъ, прослѣдить весь ходъ образовъ и представленій въ этихъ пѣсняхъ «о службѣ,» съ отдаленнѣйшихъ временъ ея до послѣднихъ: и тамъ еще болѣе убѣдимся мы, какъ государственные и народные интересы, высоко поднятые и поставленные Петромъ Великимъ, отозвались сознательнымъ высокимъ возбужденіемъ въ самихъ пѣсняхъ его поры, побуждая народъ при крупныхъ образахъ творчества опускаться изъ виду всѣ личности, частности и мелочи, или же допускать ихъ *только* въ качествѣ частныхъ и мелочей.

Мы видимъ такимъ образомъ, уже изъ нѣсколькихъ высказанныхъ замѣчаній, что творчество Петровскихъ пѣсеней связуется тѣсно съ предшествовавшимъ и въ особенности близко

примыкаетъ къ первому звѣну Былеваго творчества Московскаго, къ Былинамъ Иваца, а черезъ него уходитъ корнями своими въ глубь творчества еще старѣйшаго, отражая въ себѣ черты древнѣйшихъ Былинъ Богатырскихъ: подробности о сходствѣ образовъ, приѣмовъ и самыхъ выраженій по возможности указаны нами въ примѣчаніяхъ къ тексту и отчасти окажутся сами собою при разсмотрѣніи отдѣльныхъ образцовъ. Эта связь съ предшествующимъ и предшествующаго съ Петровскимъ, общая взаимная связь всѣхъ Былинъ старшихъ съ Былевыми и позднѣйшими Историческими Пѣснями, только что у насъ отпечатанными, выражается во первыхъ, всего нагляднѣе, *вышшимъ* творчеству *историческимъ элементомъ*, о которомъ уже говорили мы: тѣмъ, что Былины сопровождаютъ и отражаютъ теченіе всей нашей исторіи, положительной, дѣйствительной, документальной, письменной, отъ Владиміра и первыхъ историческихъ именъ, окружавшихъ его, до смерти Петра. Вторая связь или связь другаго рода усматривается съ той точки зрѣнія, какъ *Былины относятся къ Исторіи*: какъ Былево творчество, исходя изъ повѣсти о внутренней жизни слагавшагося и сложившагося народа, обращается съ извѣстными приѣмами къ лицу событій внѣшнихъ; какъ Былевыя пѣсни постепенно проникаются ходомъ исторіи дѣйствительной; какъ на самомъ дѣлѣ сживаются эти двѣ стороны въ одно существо, пѣсни *Былевыя* становятся *Историческими*, Исторія же положительная и даже лѣтописная отражается въ нихъ, находя себѣ существенное пополненіе и одежду творческую. Мы наблюдаемъ такую постепенность шагъ за шагомъ по памятникамъ, нами отпечатаннымъ, и, если въ образахъ эпоса Владимірова должны были *отыскивать* не всѣмъ замѣтныя черты историческія, заимствуя ихъ въ пополненіе, поясненіе и опору изъ источниковъ дѣянія; если черты эти приняли совершенно *частный*, хотя и крупный еще, обликъ въ *исключительномъ мѣстномъ* творствѣ Новгородскомъ, а при Князьяхъ разсыпались предъ нами по удѣламъ и по мелочамъ совершенно *област-*

ныхъ, семейныхъ или личныхъ событій: то въ Московскихъ Былинахъ предстала намъ *Исторія во вслахъ силахъ и правахъ своихъ*, въ цѣлости и единствѣ, въ документальности образовъ творчества, въ творческомъ изображеніи несомнѣнной внѣшней дѣйствительности; а наконецъ, при Петрѣ, намъ приходится уже не столько искать Исторію въ Пѣсни, сколько *Пѣсню въ сферахъ Исторіи*, творчество при лѣтописи, поэзію народную при книжной прозѣ. На сколько здѣсь, послѣ пройденныхъ эпохъ, измѣнилось само Былево творчество по отношенію къ Исторіи, достаточно для того, чтобъ убѣдиться, сравнить любую Богатырскую Былину круга Владимірова съ пѣснями на примѣръ о походахъ Шереметева. Предметъ, достойный изученія, и нельзя не пожалѣть, что имъ доселѣ не займется наши quasi-ученые и критики, вмѣсто праздныхъ разглагольствій о грубой Татарщинѣ или мизерномъ Мнѣѣ въ нашей творческой, столь ясной и наглядной образами, жизни. Проходя этотъ путь, то есть слѣдя за связью и преемствомъ Былинъ, мы вступаемъ уже отчасти въ *исторію самого творчества*, на сколько *былевыя* приемы его и способы измѣняются, развиваются или движутся впередъ *внутри ихъ самихъ*, хотя и по стороннему иногда поводу: однимъ словомъ, не отыскиваемъ уже *Историческій элементъ въ Былинѣ*, а напротивъ, въ Былинахъ, несомнѣнно отражающихъ Исторію, наблюдаемъ послѣдовательность и развитіе самихъ *былевыхъ приемовъ, способовъ, образовъ и выраженій*. Этими шагами, говоримъ, переходимъ мы къ связи третьяго ряда—къ *Исторіи самой народнаго творчества*, въ немъ самомъ, въ собственной его области: зависимо или независимо отъ всякой *другой* исторіи, только во всякомъ случаѣ это *исторія своя, собственная и особая*. Какъ на первыхъ порахъ творчества Былеваго, вынесеннаго на свѣтъ Божій изъ глубины доисторической, созерцаемъ мы образы и слышимъ повѣсть внутренняго бытія народнаго, внутреннюю исторію того, какъ самъ народъ слагался, сложился и явился на поприще исторіи народомъ; какъ

въ дальнѣйшемъ ходѣ по Былинамъ слѣдимъ Исторію дѣйствительную, во взаимныхъ соотношеніяхъ внѣшней дѣйствительности и творчества, событія и былаго слова: такъ, послѣ извѣстныхъ пройденныхъ стадій на поприщѣ развитія, *само* творчество даетъ намъ *свою собственную исторію*, гдѣ мы можемъ даже, на примѣръ, забыть историческія имена, мѣстности и событія, какъ внѣшнія, гдѣ историческая дѣйствительность принадлежитъ уже самой пѣснѣ, гдѣ событіе, исторически развившееся, есть сама Былина, гдѣ историческій фактъ есть — *созданіе, составъ, складъ, строй, размѣръ, видъ, стиль, напѣвъ, образъ, слово, звукъ* Былины. Эту *внутреннюю исторію самую Былаго и всякихъ родовъ, лишь бы народнаго устного, творчества*, — еще плохо отличаютъ у насъ отъ *Исторіи внѣ творчества* или отъ *историческихъ отношеній* его: всѣ несчастія сочинителей происхожденія Былинъ, беззавѣтныхъ любителей Ильи Муромца и вообще Петербургскихъ критиковъ происходятъ именно пока отсюда, изъ этого источника не-до-раз-умѣній и не-до-умѣній. Вся вина и все извиненіе ихъ неуспѣха состоитъ въ томъ, что они сами не слѣдятъ, не слышатъ, не собираютъ, не записываютъ въ народѣ, не издають въ связи его памятниковъ, а потому не держатся сихъ послѣднихъ какъ: природы и вмѣстѣ исторической жизни, однимъ словомъ не идутъ обычнымъ путемъ плодотворныхъ естественныхъ наукъ и талантливой исторіи, напротивъ налетаютъ на устное творчество съ высока, съ кабинетнаго воздуха, съ облаковъ сигарнаго дыма или Петербургской атмосферы, съ исторической мысли, выработанной совѣтъ инымъ путемъ, съ философскаго понятія о мнѣіи, представляющаго результатъ, а отнюдь не начало, съ насиженныхъ — почти геморoidalныхъ — припадковъ литературной — письменной — критики, даже прямо съ фантастическихъ рыцарскихъ замковъ своего отвлеченнаго воззрѣнія: то есть, строятъ зданіе науки съ крыши. Къ чему подобный пріемъ можетъ довести, — мы видѣли уже тому плоды въ печати: мы получили въ ученомъ ареопагѣ даже тако-

го одного критика, который, привыкши жизнь свою разбирать прианаки рукописей, приписки ихъ, буквы и бумагу или пергаминъ, при нахлынувшемъ вдругъ потокѣ памятниковъ устного творчества, при интересахъ, возбужденныхъ къ изданію ихъ, до сихъ поръ съ невозмутимой стойкостью продолжаетъ здѣсь искать бумаги, буквы, приписки и чернильнаго «признака,» а за неимѣніемъ того не стыдится даже печатно проговариваться, что всѣ эти Былины *сочинены издателями* или по крайности *присочинены*. Между тѣмъ каждый новый нашъ шагъ въ изданіяхъ прибавляетъ собою новый періодъ, новую область данныхъ, новую широкую полосу для *исторіи самого творчества*: Петровскія пѣсни *заключаютъ* собою исторію сего рода, не меньше какъ тысячелѣтнюю, и по крайности при нихъ уже имѣемъ мы достаточно данныхъ, чтобы уловить организмъ и развитіе, ходъ, послѣдовательность, поступаніе, признаки, особенности такой многовѣковой жизни. Что же приносятъ къ *этой* рода исторической связи пѣсни Петровскія, какимъ звѣномъ примыкаютъ къ предъидущему и связуютъ съ собою послѣдующее? За ограниченностью мѣста и времени, скажемъ о томъ пока хоть въ нѣсколькихъ словахъ.

При изданіи 7-го выпуска, на сколько позволятъ намъ доугъ,—ибо мы все-таки считаемъ «изданіе» памятниковъ, на насъ судьбою возложенное, пока вамъ же всякихъ «разсужденій» о семъ предметѣ,—успѣли мы въ краткихъ чертахъ обозначить связь Московскихъ Былинъ съ предъидущими и спеціальныя ихъ отличія, съ точки зрѣнія ихъ внутренней исторіи. Мы видѣли постепенность перехода старшихъ формъ Былинъ въ *Побывальщину* и *Старину*, разложеніе ихъ на Пѣсни другихъ отдѣловъ, даже въ Сказку и простое Сказаніе: но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Московскомъ періодѣ творчества мы усмотрѣли *возобновленіе* силъ, способовъ и средствъ, творчество *воспринявшее* и ознаменовавшее *новую жизнь свою* нѣкоторыми новыми формами, новыми приемами и путями.—Мы здѣсь замѣтили особенную *краткость, точность и законченность*,

въ опредѣленности *сжатую* могучую силу, въ характерѣ силы *драматизмъ* и его первые яркіе зачатки, хотя еще туго связанные узломъ эпическимъ. — Въ *размѣрѣ* стиха послѣдовательно наблюдали мы, начиная отъ доисторической основы въ 8 слоговъ, вступившее со временемъ, на поприщѣ исторіи и при первомъ цвѣтѣ собственнаго эпоса, господство 10 слоговъ, уклоненія къ 9, 11 и 12, черезъ 13 (любимыхъ) слоговъ переходъ въ размѣры новые, зарожденіе *строфъ* и *припѣва*, *разломъ* стиха *на двѣ* связныя половины, и т. п. — Въ *напѣвѣ* Былинъ, чѣмъ ближе къ намъ, въ Московскихъ отличили мы небывалое дотолъ *разнообразіе*, связь съ *лирикой*, рѣзкое дѣленіе *коленъ* или повтореніе одного въ *припѣвѣ* и т. п. ⁵⁾. — Разумѣется, все это совершалось въ связи съ исторіей *народныхъ инструментовъ*: XVII-й вѣкъ унесъ большинство ихъ съ лица нашей земли, даже тѣ средней поры инструменты, кои существовали у старшей Московской Руси: за то скоро замѣнилъ ихъ отчасти развитіемъ музыки полковой, военной, отчасти, въ самомъ народѣ, и преимущественно по окраинамъ или, что очень близко, по козацкимъ украинамъ, инструментами *запасными*, исключительно струнными и притомъ *многострунными*, съ широтою діапазона и крайнимъ разнообразіемъ *ладовъ* ⁶⁾. — Наконецъ, въ выраженіи и языкѣ не могли мы опустить безъ вниманія особенную *простоту*, *естественность*, *ясность*, близость къ нашему *современному обиходу рѣчи* и также точно *родство* съ языкомъ *Московской письменности*, съ языкомъ *исподствующимъ и установившимся въ литературѣ*,

⁵⁾ Подробнѣе развита нами съ тѣхъ поръ теорія народнаго нашего стихосложенія, съ полнотою примѣровъ, въ поманутыхъ „публичныхъ Читеніяхъ“, и особенно въ томъ, которое держали мы передъ Московскимъ Археологическимъ Съѣздомъ 26 Марта 1869 года. Оно еще не напечатано.

⁶⁾ Исторія и виды нашихъ народныхъ инструментовъ изложены нами въ публичномъ Читеніи передъ Московскимъ Археологическимъ Съѣздомъ, въ заведеніи Общества древне-русскаго искусства 25 Марта 1869 года. Кажется будетъ напечатано въ изданіи Общества.

даже вторженіе *оборотовъ чисто-нижнихъ* или выраженій изъ документовъ письменныхъ и актовъ, а отсюда *близость къ печати* и самый легкій, такъ-сказать, самъ напросившійся переходъ въ старшія *изданія* нашихъ Пѣсенниковъ.— Нечего прибавлять, что все это отличіе «Московское,» и въ мѣрѣ болѣшей, и съ рѣшительнымъ перевѣсомъ, оказывается въ пѣсняхъ Петровскихъ, достойно заключившихъ собою Былевой періодъ Московскаго творчества. Но здѣсь, кромѣ того, есть еще нѣсколько шаговъ *впередъ*.— Пѣсня весьма часто выдерживаетъ старшій строй еще строгой, типической *Былины*; рѣдко ослабляетъ его до *Побывальщины* и вовсе не представляетъ примѣровъ, развѣ въ мелочахъ, — *Старины*, той формы, которая однако же господствуетъ въ уцѣлѣвшихъ до насъ образцахъ о Грозномъ. Въ Сказку, кромѣ двухъ-трехъ примѣровъ, нами приведенныхъ, Былины эти не переходили, и очень понятно: чѣмъ болѣе раскидывается здѣсь міръ историческій, тѣмъ менѣе сказочный, и, въ обратномъ отношеніи, чѣмъ выше восходимъ въ періодахъ Былеваго нашего творчества, тѣмъ болѣе тамъ элементовъ Сказки, пока, видимъ, совсѣмъ не завладѣла она нашимъ эпосомъ Доисторическимъ, разложивши его въ тысячи образцовъ своихъ. За то, напротивъ, пѣсня Петровская обыкновенно что ни будь одно: или строгая Былина, или уже *всякая* обычная *Пѣсня*, такъ называемая Лирическая, то есть Женская, — семейная, бесѣдная, тягольная и т. д.; другими словами, Былина, потерявши черты Былевыя и Историческія, вершла здѣсь не въ промежуточные формы (*Побывальщины*, *Старины*) и не въ Сказку, а въ простыя обиходныя Пѣсни, смѣшалась съ ними и часто въ нихъ затерялась. Въ этой растеряности она берегаетъ намъ порою только прежній *строй* и *размѣръ*, типически заданный Былиною, да еще нѣкоторыя мелкія черты, иногда по видимому даже однѣ лишь случайныя выраженія, и по симъ-то признакамъ, доступнымъ только опытному взгляду, вынимали мы часто изъ разнородной массы творчества пѣсню Петровскаго *происхожденія* и *харак-*

тера, или дополняли ею пѣсню чисто-историческую. Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ Былина еще уцѣлѣла, составъ ея и строй опять поражаетъ насъ характеромъ силы возобновившейся и воспринявшей, яркою *возбужденностью* творчества, о которой, и даже причинахъ ея, мы упоминали выше. Какъ первыя собственно-Московскія Былины объ Иванѣ относятся къ періоду предшествовавшаго ослабленія и разложенія, къ періоду Княжескому и Областному, почти также Петровскія относятся къ Былинамъ, Побывальщинамъ, Старинамъ и всякимъ сего рода пѣснямъ XVII вѣка, у насъ прежде отпечатаннымъ (въ 7-мъ выпускѣ): творчество возстало *вновь* и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда либо прежде, отличается законченностью, точностию, краткостию, опредѣленностию, сжатостию и сдержанностию силы. Единство Московское, въ основѣ народное, на вершинѣ общественное, во внѣшности государственное, единство царства и патриархата не прошло даромъ для творчества или, лучше, послужило и для сего послѣдняго замѣчательнымъ даромъ: имперія, новое войско, флотъ, преобразованія Петровскія и побѣды,—все это еще выше напрягло настроенность къ сознанию или по крайности чувству единства, цѣльности, опредѣленности, какой-то державной власти — во всемъ, даже въ творчествѣ и въ его словѣ. Строй творчества не могъ не отвѣтить сей общей настроенности: такъ называемая «конценція» Петровскихъ Былинъ нерѣдко удивляетъ своею искусною *выдержкой*, художественной *строюстью*, *цѣльностью*, *единствомъ*. Особенно, если попробуете это сравнить съ широтою, плодотворностию, цвѣтнестостию, расплывчивостию, склонностию къ эпизодамъ и тому подобными отличіями въ старшихъ, Богатырскихъ Былинахъ, на другомъ, Южномъ и старшемъ концѣ нашего творчества. Драматизмъ, о которомъ мы говорили прежде, такъ уже силенъ теперь, что сказывается въ самой внѣшней формѣ выраженія: Былина безпрестанно выводитъ *разговоры* лицъ дѣйствующихъ; въ рассказъ входитъ съ рѣчами *самъ народъ отъ себя* (особенно въ пѣснѣ о Голыцынѣ); вступи-

леніе къ Шведскимъ войнамъ цѣликомъ излагается въ діалогѣ и репликѣ; говоритъ отъ себя *Москва-ръка-Смородина*, говоритъ *Земля* (о Ладожскомъ каналѣ), говоритъ и жалуется *Домъ*... И это все тѣмъ замѣчательнѣе, что для Былины Петровской представлялось гораздо больше искушеній сойти съ подобнаго пути, тѣмъ во всѣхъ періодахъ предшествовавшихъ: обогъ съ нею, возникшее еще прежде, развилось теперь, окрѣпло и обозначилось всѣми особенностями *творчество Окраинъ* или, что почти то же для тогдашней эпохи, *Козацкиихъ украинъ*. Не Маллороссія могла вліять здѣсь, объ ней рѣчь еще впереди: наше ближайшее, наше присное козачество, хотя родомъ оттуда же, но въ новыхъ, «Московскихъ» формахъ, заиграло роль дотолѣ небывалую. Начавшееся для насъ собственно съ Ермака, оживленное Разиннымъ, *творчество Козацкое* теперь было уже и полно, и обширно, и своеобразно. Между тѣмъ по характеру, какъ и сама дѣйствительность, оно отличалось рѣзко отъ обрисованнаго нами творчества Московскаго, тѣмъ болѣе Императорскаго и Петровскаго. По славнымъ рѣкамъ своимъ, которыя несли славу козачества до моря, по двумъ морямъ, Черному и Синему—Хвалынскому, а иногда и по третьему, Бѣлому—Средиземному, по прилежащимъ берегамъ и сотнямъ острововъ, въ тысячѣ мелкихъ, тѣмъ не меньше геройскихъ походовъ, слѣдомъ за подвижными дружинами и за подвигами многихъ тысячъ удалыхъ личностей, творчество козачье по преимуществу расплывчиво и почти безкрайно въ содержаніи своемъ, составѣ и строѣ; народныя инструменты жителей осѣдлыхъ скоро совсѣмъ здѣсь исчезли, получили господство струнные, большею частію заносныя и даже многострунные, бандура и кобза, потомъ торбанъ; въ прямомъ соотвѣтствіи съ симъ, стихъ растянулся, возросъ даже до 16 слоговъ, то есть вдвое противъ основныхъ восьми, переломился отъ такой длинноты на двѣ половинны, разбился на части и отрѣзки, въ особый запѣвъ и разнородныя припѣвы; запѣвъ козачій то растянуть до безконечности, то дробится на по-

вторяющіяся колѣна. Невозможно здѣсь, какъ и въ прочихъ Петровскихъ рѣдко, типическое перерожденіе Былины въ Старину и Побывальщину: напротивъ Былина поется дѣйствующимъ лицомъ и дѣйствующими лицами, это—*Пѣсня извѣстныхъ лицъ*, и мы видѣли много примѣровъ, какъ безпрестанно переходитъ она отъ лирической пѣсни лица къ эпическому разсказу о лицѣ и обратно. Высшій пунктъ такого развитія въ XVII вѣкѣ—пѣсни Разинскія. Къ этой-то области и эпохѣ относится своимъ происхожденіемъ большинство нашихъ пѣсеней о Волгѣ и по Волгѣ, о Донѣ и по Дону, по Синему морю Хвалынскому, Степь — Царицынская, Моздоцкая, Саратовская, знаменитая «Молодость» и т. д., гдѣ стихъ и даже часто одно слово, одинъ слогъ и звукъ гуляетъ по нѣсколькимъ гаммамъ и регистрамъ. Когда не знали исторіи нашего пѣснотворчества,—а такое невѣдѣніе къ сожалѣнію длится съ рѣдкими исключеніями доселѣ,—въ этихъ пѣсняхъ видѣли древнѣйшій, исконный типъ Великорусскій, восторгались безконечною ширью и удалюю, дивились неуловимости, умилялись тономъ протяжнымъ и заунывнымъ: тутъ нѣтъ іоты правды, все это сравнительно позднѣйшее, все — порожденіе окраинъ. Чѣмъ старше пѣсня наша вообще, тѣмъ,—развѣ отдѣляя порчу и новизну, строже и опредѣленнѣе складъ, короче составъ, сосредоточеннѣе художественность, размѣреннѣе и точнѣе стихъ, проще, яснѣе и уловимѣе напѣвъ, въ прямомъ соотвѣтствіи съ болѣе древними народными инструментами, обыкновенно разнообразными по количеству, но простѣйшими по качеству и строю, спеціальными по особымъ отдѣламъ пѣсни. Уже старинный и южный нашъ эпосъ, сравнительно позднѣйшій послѣ исконныхъ не-эпическихъ пѣсеней, нѣсколько выступилъ отсюда, какъ мы видѣли выше и въ Замѣткахъ 7-го выпуска: расширялъ вышнюю предметность содержаніе, пораставилъ складъ, строй, стихъ, напѣвъ, и въ этомъ ея ступень, въ этомъ особенности эпическаго творчества, историческое его отличие и развитіе. Сюда-то, на извѣстной степени дальнѣйшей,

какъ убѣдимся еще ниже, примыкають Малорусскія, — Козацкія Южныя Думы, такъ сказать вторичныя Былины Русскаго Юга на частномъ нарѣчій Украйны; сюда же, еще того далѣе, подходятъ наши Великорусскія пѣсни Козацкія отъ Сибири и Урала до Кубани, отъ Каспійскаго, Чернаго, Азовскаго моря и устья Дона до верхней половины Волги. Былево творчество собственно-Московское, напротивъ, мы знаемъ, прямо наслѣдовало старшей Былины типичееской, во всей цѣлости ея состава, склада, стиха и напѣва: но, мало того, — восполнило убыль промежутка Княжескаго или Областнаго и воспрянуло вновь къ вящей и особой, назовемъ ее — *Сѣверовосточной* художественности. Петровскими пѣснями это завершилось: за то, въ ихъ эпоху, повторяемъ, не только достигло зрѣлости творчество Козацкое, но даже исторически, мѣстно и территориально, вмѣстѣ съ самими козаками, подвинулось съ Юга въ верхъ, къ Воронежу и Москвѣ, отсюда разошлось по всему лицу земли Русской, обогнуло окраины самыя Сѣверныя и Западныя, прошло по морю Варяжскому, до Пскова, Двины, Нѣмана, а отсюда спустилось къ Полтавѣ и слилось навсегда съ творчествомъ Козацкимъ-Малорусскимъ. То есть, оно вернулось къ тому же южному началу, откуда нѣкогда вышло, но зрѣлое, обогащенное длиннымъ путемъ опытовъ, наложило свое господство и вліяніе на Украйну: съ тѣхъ поръ Малорусскія пѣсни отличаемъ лишь по нарѣчію; сколько въ нихъ есть еще Былеваго, сколько остатка отъ старшей Думы и сколько связи съ козацкою «Московскою», — это все уже не особый отдѣлъ, въ родѣ прежнихъ Думъ, напротивъ это *одна и та же общія пѣсни Козацкія*. Разумѣется, всѣ эти явленія должны были потрясти Былевою строй творчества Московскаго: и однако оно еще устояло крѣпко въ пѣсняхъ *Петровскихъ*, за *Петровское время*. Новое, что принесли съ собою въ поступательную исторію развитія Былины Петровскія, — это, кромѣ упомянутыхъ выше отлнчій, — дальнѣйшее, рѣшительное образованіе *строфы*: при стихѣ въ *десять или около того слоговъ*, образуется стихъ

второй, добавочный, больше краткий; это уже не столько повторение второй половины стиха или второго колѣна, даже не второе, надломившееся и отдѣляющееся колѣно, какъ мы видѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ старшихъ и откуда *зараждалась* строфа, выдѣлялся *припѣвъ*; нѣтъ, это уже большею частію стихъ *особый*, также опредѣленный, только кратчайшій, и, чѣмъ обильнѣе онъ попадаетъ въ общемъ складѣ, тѣмъ рѣзче выдается особенность «Петровская.» Именно, если сямъ неминуемо прервано однообразное теченіе эпоса, то самое разнообразіе, стихъ — такъ сказать — пестрый не можетъ уже повторяться въ сямъ видѣ *однообразно*: теченіе дѣлится на группы, каждая группа представляется изъ нѣсколькихъ сочетаній стиха — то длиннѣе, то короче, являются обороты и повороты склада, однимъ словомъ — стрѣфы. Сравнительно съ классическою древностью, это почти то же, что сначала переходъ отъ гексаметра къ пентаметру, а далѣе, черезъ пентаметръ, до тѣхъ размѣровъ и стрѣфъ, кои видимъ уже, на примѣръ, въ господствѣ у Горація. Разумѣется, такое явленіе есть уже одною ногою близкій шагъ къ паденію эпоса, это переходъ ко всякой прочей пѣснѣ, такъ называемой «Женской:» здѣсь отчасти дѣйствовало вліяніе пѣсней Козацкихъ, скоро слившихся съ Солдатскими. Въ музыкѣ инструментальной отвѣчало сему — не какое ни будь развитіе прежнихъ народныхъ инструментовъ, — они совсѣмъ пали и въ XVIII вѣдѣ немногіе остались лишь на долю пѣсней не-былевыхъ, особенно, всего долѣе, Хоровыхъ и Обрядныхъ; не было и расширеній инструмента, и заимствованій, какія съ чужи привились къ нему у козаковъ: напротивъ взяла силу музыка *военная*, скоро совсѣмъ смѣнившая и замѣнившая народную, хотя при Петрѣ она отчасти держалась еще старыхъ формъ народныхъ и гораздо меньше, чѣмъ послѣ, наполнялась инструментами Нѣмецкими или Итальянскими. Многія пѣсни Петровскія, на примѣръ о походахъ Шереметева, — такъ и слышно въ складѣ, — слѣдуютъ военному маршу, въ тактъ не народному уже выступу и не пляскѣ на-

родной, а военному шагу или вычурной искусственной выпас-
кѣ: родоначаліе послѣдующихъ формъ Солдатскихъ. — Чтобы не
осталось это для многихъ одной отвлеченностью, вотъ, пока до
будущаго печатанія подробностей, нѣсколько наглядныхъ образ-
цовъ:

а) Господствующій размѣръ старшихъ Былинъ:

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь,

Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Развившійся далѣе, но еще любимый:

Что не бѣлая берѣза къ землѣ клонится.

Съ надломомъ, дѣленіемъ неровныхъ колѣнъ, зародышемъ
строфы:

Какъ изъ далеча далеча

Изъ чиста поля.

Съ зачаткомъ припѣва:

Сослалъ ты намъ, Боже, прелестника,

Прелестника.

Съ повтореніями другаго свойства:

Вы скажите мнѣ про старое,

Про старое, про бываеое.

Побывальщины можно видѣть на каждомъ шагу, Старинны
особенно въ Ивановыхъ (выпускъ 6-й), строгія Московскія въ
7-мъ выпускѣ.

б) Козацкія и особенно Разинскія (выпускъ 7-й), растя-
нутыя:

Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,

Не муравая ко сырой землѣ приклонялась.

—

Внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,

Супротивъ то было устьяца Самары рѣки.

—

Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ.

—

XXXIX

Тихохоньто снне море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося.

Достиженіе 16 слоговъ:

Еще внизъ то было по матушкѣ Камышениѣ рѣкѣ,
Легкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка,
Хорошо-больно легкая лодочка изукрашена.

Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки.
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!»

Черезъ надломъ сей крайней длинноты стиха по поламъ, воз-
вращеніе къ основнымъ 8 слогамъ:

Какъ по матушкѣ по Волгѣ | легка(я) лодочка плыветъ.

Еще яснѣе:

Ужь вы горы мои, горы, | прикажите-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти, | намъ не годъ-то годовати.

Или:

Ужь вы горы мои, горы,
Прикажете-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти,
Намъ не годъ-то годовати.

Зарожденіе припѣва:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ высокою!

(при пѣніи растягивается 10 слоговъ до 16-ти).

Подобно нѣкоторымъ старшимъ и въ переходѣ къ Петров-
скимъ, съ образованіемъ строфы:

Собирался князь Никита
Сынъ Федоровичъ,
Онъ во путь во дороженьку,
Въ Астрахань городъ.

XI

в) Изъ Петровскихъ, ближайшя къ старшему типическому складу Былинъ, въ особенности Стрѣлецкя, о казняхъ и всякой «грозѣ:»

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади.

Во далечѣ, во далечѣ во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ во раздольцѣ,
Тутъ не красное солнышко выкаталоя.

Или:

Во далечѣ, во далечѣ
Во чистомъ полѣ,
А еще того подалѣ
Во раздольцѣ.

На зорѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Государь-царь по дворцу гулялъ.

Возлѣ рѣченьки хожу млада,
Меня рѣченька стопить хочеть.

Ахъ ты батюшка, свѣтѣль мѣсяць,
Что ты свѣтишь не по старому?

(Последнй размѣръ черезъ 9 слоговъ особенно рѣзко переходитъ къ лиризму и потому всего болѣе любимъ у насъ въ пѣсняхъ заунывныхъ, — это своего рода элегя послѣ эпоса).

Преимущественно возобновленные въ размѣрѣ Московскомъ
всего виднѣе въ Шереметевскихъ походахъ, и здѣсь же отзвукъ
военный:

Не грозная туча возставала,
Не часть—крупень дождикъ выпадаетъ.

Идетъ тутъ царёвъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Ни въ умѣ то было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьицѣ того не было.

Ты злодѣй—злодѣй, ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое!

Графъ Борисъ сударь Петровичъ Шереметевъ,
Не дошедши Красной Мызы становился,
Хорошо—добрѣ полками приполчился.

Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда нашъ православный царь снаряжается.

То же съ отломомъ:

Какъ никто-то про то не знаетъ,
Не вѣдаетъ,
Что куда нашъ православный царь
Снаряжается.

Но и въ другихъ отдѣлахъ:

Злата труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ.

По морю морю по Вережскому.

XLII

Охъ ты ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо...
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ...
Воздыхаетъ онъ словно лѣсъ шумить,
Возрыдаетъ онъ ровно громъ гремитъ:
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйныя!

—
Ахъ ты ночанька, ты ичченька осеция,
Надоѣла ты мнѣ, молодцу, наскучила.

—
Что подъ славнымъ было городомъ подъ Шлюшеномъ,
Ахъ не люта змѣя, братцы, извивалася.

—
То же, въ другомъ лишь способѣ размѣщенія:
Ахъ не люта змѣя, братцы,
Извивалася.

И т. п.

Связь Петровскихъ пѣсней съ предыдущими жъ Козацкими
въ переходѣ къ строю:

Охъ вы гой естя, Азовскіи (ски)
Караульщички,
Доложите во Азовѣ свымъ
Начальничкамъ.

—
Что со вечера солдатамъ
Приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты
Ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты
Во строю стоятъ.

г) Отличіе Петровскихъ пѣсней, особенно частое въ нихъ и
потому закрѣпленное ими въ творчествѣ:

Со тремя со тѣми со малыми
Съ пригородками,

XLIII

А и со славною со Кубаньей,
Съ крѣпкимъ Лютикомъ.

Перекинулся собака
Ко Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша
Сталъ его спрашивать:
Ты скажи, скажи, пріятель,
Правду истинную.

Малые малолѣточки
Перепужались,
По темнымъ лѣсамъ
Разбѣжались,
Одинъ у нихъ стоитъ,
Не побѣдится:
Стойте, малы малолѣточки,
Не пужайтесь!

Да никто къ этой избушечкѣ
Съ роду не захаживалъ,
Съ роду не заѣзживалъ.
Случилось ѣхать самому-то царю,
Петру Первому.
Захватили въ этой избушечкѣ
Добра молодца.

Распросилъ бы меня батюшка
Православный царь,
Я сказалъ бы ему, батюшкѣ,
Правду истинную.

XLIV

Вечоръ-то мнѣ, матушка,
Малымъ-мало спалося,
Что малымъ-мало спалося,
Много видѣлося....
Какъ на кустикѣ сидитъ птица,
Младъ сизой орель,
Во когтяхъ своихъ онъ держитъ
Черна ворона.

Ты дорожка ли моя, дорожка,
Торна-широкая!
Долиною ты, дорожка,
Конца-краю нѣту...
Закричалъ ли король Шведскій
Громкимъ голосочкомъ:
Поглядите вы, ребята,
На свою сторонку!

Какъ по крутому по красному
Бережку,
Какъ по желтому-сыпучему
Песочку,
Тутъ ходилъ-гулялъ батюшко
Православный царь.

И т. п.

Просимъ однако не злоупотреблять сими примѣрами и не слишкомъ далеко простирать выводы: мы, для краткости, рассматриваемъ только число *словъ*; по количеству, протяженію голоса и удареніямъ — открываются *советы*: другія стороны и отличія. Здѣсь, для незнакомыхъ съ дѣломъ, нарочно беремъ только самый внѣшній и наглядный примѣръ: но по удареніямъ, на примѣръ, даже десяти-сложные стихи Московскіе, и

особенно Петровскіе, существенно рознятся порою отъ древнѣйшихъ. Объ этомъ у насъ въ своемъ мѣстѣ.

Равнымъ образомъ, въ теченіе всего изданія, бѣглыми при случаѣ замѣтками старались мы обозначить послѣдовательность въ періодахъ Былеваго творчества. Но мы не имѣли времени хорошенько остановиться на существенномъ вопросѣ и рѣшить: что именно слѣдуетъ считать здѣсь поступательнымъ развитіемъ впередъ, къ лучшему, и что искаженіемъ творчества? Оставляемъ этотъ вопросъ пока открытымъ и думаемъ только, что имъ полезнѣе было бы заняться разнымъ современнымъ у насъ критикамъ, чѣмъ пустымъ ихъ разглагольствіемъ съ отвлеченными выводами о Былинахъ. Одно только слѣдуетъ здѣсь замѣтить всего ближе къ настоящему дѣлу: пѣсни Петровскія, составляя высшій, завершительный пунктъ Былеваго творчества Московскаго, въ то же время и даже тѣмъ самымъ готовятъ ослабленіе эпоса и пророчать очевидно его паденіе. Въ этомъ мы сходимся съ мнѣніемъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго: «Царствованіе Петрово можно назвать и границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ.... Правда, что поются въ народѣ пѣсни о Семилѣтней войнѣ, о Турецкихъ и Шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 года и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ: онѣ лишены всякаго поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени ⁷⁾». Явную порчу мы часто отмѣчали при печатаніи самого текста; увидимъ еще пути ея при частномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ образцовъ; особенно же будемъ поучаться, когда предъ нашими глазами возстанутъ въ своемъ собственномъ видѣ, то есть во всемъ своемъ уродствѣ, произведенія съ половины XVIII вѣка. Теперь для насъ достаточны пока и разбросанныя выше бѣглыя черты: это—драматизмъ, самъ по себѣ прекрасный и двинувшій творчество впе-

⁷⁾ См. у насъ выпускъ 1-й.

редъ, но вмѣстѣ разрушившій спокойное и ровное теченіе эпоса; вліяніе пѣсней Козацкихъ, а вмѣстѣ съ ними всѣхъ рѣчныхъ и степныхъ, бурлацкихъ и даже чумацкихъ, разбойничьихъ, темничныхъ, лихихъ и разудалыхъ, самихъ по себѣ весьма замѣчательныхъ, но ставшихъ въ разрѣзъ опредѣлившемуся Московскому складу; вторженіе военного строя въ смыслъ новѣйшемъ—рекрутчины и солдатчины; подрывъ музыкѣ народной и отсутствіе ея поддержки для стиха; размѣръ, узаконившій пестрые стихи—разныхъ величинъ—и строфу; наконецъ, при краткости состава, природной и художественной, совсѣмъ иное—по обстоятельствамъ—историческое дробленіе и мельчаніе образцовъ, неудержимая связь ихъ съ прочими «женскими» пѣснями и понятная затерянность въ огромной массѣ сихъ послѣднихъ. Прибавьте сюда новизну многихъ явленій жизни, прозванныхъ словомъ иностраннымъ, и значительнѣйшую, чѣмъ прежде, близость творчества устнаго къ письму, къ литературѣ, гдѣ воцарился тогда павлиный языкъ: и вотъ выдаются признаки, возможные въ народномъ творествѣ только *со время Петра. Сенатъ, фельдмаршалъ, графъ, гвардія, драгуны, армія, генералы, солдаты, кавалеры, сенаторы, бомбардиры, капитаны, офицеры, кареты, квартиры, и т. д.*; во всемъ этомъ, разумѣется, нѣтъ еще большой бѣды и это нисколько не хуже десятка словъ Татарскихъ, зашедшихъ въ наши старшія Былины; но на этомъ не остановилось. Народный устный языкъ, созданный, воспитанный, поддержанный, облагороженный и воздѣланный творчествомъ, постепенно уступилъ письменному, и не старому конечно, а ходячему тогда новому, то есть болѣе или менѣе безобразному. Это замѣтно въ пѣсняхъ еще лучшихъ, при Петрѣ: «Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца За измѣну противъ царскаго Величества;» — «Ахъ не выслужила головушка Ни корысти себѣ, ни радости, Какъ ни слова себѣ добраго И ни рангу себѣ высокаго;» «Ай что взгѣворить Турецкой царь, Что султанское Величество, Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ (прежде гораздо проще его назвали бы «со-

бакою,» а свиту его — «дивьими, затылками бритыми» и т. п.);» «Тутъ много мы Шведовъ порубили, А въ трое того въ полонъ ихъ взяли, Тѣмъ прибыль государю учинили;» «Побѣдили силу Шведскую, Покорили городъ надобной;» «Хорошо Ярославль городъ построенъ, Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки (въ устахъ любимца Софьи!);» и т. п. Все это сильно отзывается пунктами новыхъ законовъ, регламентомъ, табелью о рангахъ, куртизанствомъ иностранныхъ дѣлъ, реляціями и курантами, даже зачаткомъ романсовъ и романовъ. Близость къ новой письменности и печатѣ была виною явленій, не возможныхъ и не виданныхъ прежде: произведенія устнаго творчества носились въ старину изъ устъ въ уста—въ письма; если что *записывалось*, оно оставалось по корню устнымъ, хотя бы и *на письмѣ*; если это вставляли куда либо, на примѣръ въ лѣтопись, то именно *вставляли*, какъ разнородное, и оно легко здѣсь выдается, и не трудно для насъ выкраивается изъ страницы; если оно *пораждало* собою письменныя сказанія, то само оставалось неприкосновеннымъ источникомъ. Совсѣмъ напротивъ, съ эпохи Петра, распространившіеся «Пѣсенники» намѣренно соединяютъ и непрерывно записываютъ, а скоро и печатаютъ ходячія пѣсни: здѣсь, сверхъ письменныхъ особенностей, проникшихъ въ самую пѣсню среди народа, составители особо еще дополняютъ—то или другое слово, выраженіе, даже образъ и цѣлую картину, за тѣмъ выправляютъ, а скоро *поддѣлываютъ* и *передѣлываютъ*; мало того, являются лица, и даровитыя, которыя священнымъ долгомъ своимъ поставляютъ *воздѣлать* пѣсню или даже вновь *сочинить* ее,—за народъ, вмѣсто народа, даже для самого народа; издатели позднѣйшіе соревнуютъ симъ поэтамъ, выбираютъ себѣ только воздѣланное и сами помогаютъ улучшенію, по крайнему своему разумнію. И на этомъ-то самомъ внѣшнемъ, доступномъ и наглядномъ отличіи всего болѣе пока мы останавливались, частію—чтобы вскрыть дѣйствительное искаженіе, частію чтобы очистить дѣйствительный или предпола-

гаемый подлинникъ: мы видѣли ясно покушенія Чулкова, пассивность перепечатавшаго Новикова, удачи Дмитриева, неудачи Попова и Львова, утонченныя уловки Сахарова, ревностныя труды г. Костомарова съ г-жею Мордовцевою. Прибавьте къ тому, что скоро за эпохою Петра народная жизнь съ ея исконнымъ творчествомъ или по крайности съ творческой способностью—отдѣлилась рѣзко отъ всякой прочей; что событіе, то есть предметъ, вызовъ и содержаніе эпоса, сдѣлалось не народнымъ всецѣло, а исключительно общественнымъ, клерикальнымъ и всего чаще политическимъ; что политическая жизнь, на первомъ планѣ, явилась по преимуществу военною; что въ военной области первымъ обрисовался солдатъ: и вы поймете, что эпосъ вскорѣ сдѣлался солдатскимъ, а солдатскія пѣсни остались единственно съ характеромъ былевымъ; народъ устраненъ или самъ устранился отъ участія въ семъ новомъ мірѣ и благополучно замѣненъ формою «націи»; народныя, новыя пѣсни о новѣйшихъ событіяхъ—вовсе не зараждались. Разумѣется, этимъ выдвигалось впередъ творчество или, правильнѣе, искусство и художество личное, письменное, книжное: оно вступило законнымъ наследникомъ творчеству народному, и это еще слава Богу, лучше, чѣмъ ничего, ибо въ творествѣ народномъ оставалось только старое или именно ничего. Это предуготовило намъ Пушкина съ Борисомъ Годуновымъ, Полтавой и общественнымъ Онѣгиннымъ: но этимъ же, и въ этомъ, рухнуло до основанія эпосъ народный.—Такъ Петровскія пѣсни, кромѣ вѣдшихъ историческихъ обстоятельствъ, сами въ себѣ, въ собственной исторіи, несли зародышъ разложенія и паденія: онѣ только въ послѣдній разъ отпраздновали торжество творчества народнаго, онѣ же окончательно и *отпѣли*.

Теперь повятно, что такое дѣло, какъ изданіе настоящаго выпуска, потребовало помянутаго «усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій:» намъ понадобились разнородныя приемы, которые вовсе были не нужны и о которыхъ потому не говорили мы прежде. Здѣсь мѣсто разъяснить ихъ въ подробно-

сти.—Прежде намъ предстояло только *привести въ порядокъ и издать* готовое, собранное и записанное замѣчательными дѣателями или нами самими, а при изданіи *пояснить явныя замѣтками*, необходимыми для правильного разумѣнія; *выводы и указанія* наши, которымъ мы впрочемъ никогда не придавали особеннаго значенія, были потребны только по новости дѣла, ибо оно вводилось въ литературу и науку съ подобающимъ мѣстомъ и значеніемъ *смервые*. Понятіе и отличія творчества Былеваго, исключительно пока занимающаго половину нашихъ главныхъ изданій, отношенія его къ Исторіи и переходъ самого въ Историческое, равно какъ Исторія сего рода творчества въ самомъ себѣ, — вотъ задача и содержаніе нашихъ, правда, многочисленныхъ, но далеко еще не полныхъ выводовъ, указаній и указателей. Мы только ставили вопросы, предлагали задачи, указывали, на что слѣдуетъ обратить свое вниманіе наукъ: не можемъ не пожалѣть одного, — что, сдѣлавши свое дѣло, работы наши остаются на Руси до сихъ поръ единственными въ этой области и, кромѣ праздныхъ разглагольствій, доселѣ не дополнены и въ существенныхъ вопросахъ не рѣшены со стороны другихъ дѣателей серьезными, положительными, научными изслѣдованіями. Такъ на примѣръ *Ө. И. Буслаевъ*, отъ котораго одного ожидалось бы прямо ближайшее содѣйствіе въ семъ родѣ, до *последнихъ* дней печатно не сказалъ по поводу нашихъ изданій ни слова. — Главное же дѣло, *издѣліе* наше — состояло въ слѣдующемъ. Всѣмъ извѣстенъ подвигъ *Ц. В. Кирѣевскаго*: ему первому вся честь и слава съ такимъ рвеніемъ, умѣньемъ и успѣхомъ въ обмѣнъ записать и еще болѣе собрать записанные другими памятники народнаго творчества. Еще при жизни его, въ близкихъ сношеніяхъ, приглашенные къ участию въ участіи его Сборника, мы учились изъ частыхъ бесѣдъ *Петра Васильевича* приемамъ записыванья и собранія, способу обращенія съ памятниками, пониманію ихъ и оцѣнкѣ. Къ сожалѣнію, сами занятые тогда больше процессомъ собственной работы, соби-

раніемъ Духовныхъ Стиховъ (послѣ изданныхъ нами и издаваемыхъ), мы спѣшили приложить все это къ нашей личной практикѣ, и многое, касавшееся самого Сборника Кирѣевскаго, предоставляли будущему или памяти живыхъ нашихъ разговоровъ. Самъ Петръ Васильевичъ, какъ извѣстно, подготовлялъ къ изданію только имѣвшійся тогда подъ рукою отдѣлъ *Пѣсней Свадебныхъ*, до сихъ поръ хранящійся въ рукописи, да *Стиховъ*, коихъ часть напечатана, но значительная часть въ тетратки затеряна и до сихъ поръ не отыскана. Смерть его оставила дѣло въ нашихъ рукахъ и въ такомъ видѣ: куча съ тысячею листочковъ и сотнею тетратей, большею частію разнородныхъ рукъ, гдѣ только мы одни, по памяти нашихъ бесѣдъ, въ состояніи отличить мѣста и лица, гдѣ и кѣмъ что либо записано; доля ихъ переписана наемнымъ писцомъ, обыкновенно съ ошибками; лучшая доля перебѣлена, съ отличнымъ знаніемъ дѣла, сестрою покойнаго, Марьей Васильевной, также вскорѣ скончавшейся; наконецъ — переписанное или проверенное для изданія нами самими, еще при покойномъ. Все это помѣщалось въ знакомомъ для всѣхъ «желтомъ чемоданѣ», который обыкновенно П. В. возилъ всюду съ собою и который также точно долго послѣ сопровождалъ всюду наши переездки, пока недавно С. А. Соболевскій сдѣлалъ для того прекрасный шкафъ и помѣстилъ его уже въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ для храненія. Кромѣ листковъ съ пѣснями, кои записалъ самъ П. В., другихъ письменныхъ замѣтокъ его, для руководства изданію, не осталось здѣсь *никакихъ*: то есть объ отдѣлахъ пѣсней и родахъ, о лучшихъ образцахъ, о выборѣ отсюда, о послѣдовательности, въ какой нужно бы издавать, объ исторіи сихъ памятниковъ, выраженіяхъ и мѣстахъ, требующихъ поясненія, размѣрахъ, напѣвахъ и т. п. Если что либо въ семъ родѣ нынѣ есть на листочкахъ и тетраткахъ Сборника, то это принадлежитъ уже нашей рукѣ и сдѣлано послѣ смерти Собрателя, въ ту пору, какъ готовилось и велось настоящее изданіе. Когда, благодаря энергіи К. С. Аксакова, жертвованію

II

В. А. Едагина, уступившаго завѣщанное ему наслѣдство, и, средствамъ, предложеннымъ отъ Общества Словесности, дѣло изданія наконецъ пущено въ ходъ, Коммиссія, собиравшаяся для того на первыхъ порахъ, и такія почтенныя, опытные или свѣдущія лица, какъ В. И. Даль и К. С. Аксаковъ, не мало имѣли труда для рѣшенія возникавшихъ недоразумѣній и споровъ: съ чего именно начать печатаніе, что помѣститъ въ избранномъ, первомъ Былевомъ отдѣлѣ, какому порядку здѣсь слѣдовать и какихъ приемовъ держаться. По долгомъ соображеніи, планъ, порядокъ размѣщенія для 1-го выпуска и всѣхъ послѣдующихъ, основанія сего порядка, примѣненіе основаній и вообще приемы изданія «установлены по мысли нашей⁸⁾». Практиковались же они исключительно собственнымъ нашимъ трудомъ: К. С. Аксаковъ скоро за тѣмъ скончался; не дождав- шись даже печати 1-го выпуска; В. И. Даль отвлеченъ былъ главнымъ, монументальнымъ трудомъ своего Словаря; Коммиссія распалась и перестала собираться. Остались мы одни, чтобы личными своими силами вынести все дѣло: къ намъ единственно, съ довѣріемъ и надеждою обращались въ семъ случаѣ родственники покойнаго, Общество Словесности и Русское общество, въ образованныхъ своихъ представителяхъ. Дальнѣйшія вѣщанія судьбы изданія извѣстны по печати: внутреннія, кажется, не совсѣмъ. Не разъ мы чувствовали всю тяжесть и неподсильность такого одиночнаго труда, гдѣ, кромѣ внутрен- нихъ условій, самая подборка листочковъ, провѣрка и рамѣтка ихъ для печати, хлопоты по типографіи и продажѣ, корректура и всѣ прочія обстоятельства матеріальной работы и экономическаго расхода трудовому времени ложились на одно лицо; не разъ заявляли о томъ, напрасно привлекая въ пособіе или смѣну молодыя силы желающихъ, даже прямо отказывались отъ чести продолженія; не говоримъ уже о напряженіи мыслей, примѣненіи знанія и опыта: но именно эти-то обстоятельства

---

⁸⁾ Вып. I, стр. I—IV, «Замѣтка» стр. XXIII, XXIV—XXVIII.

ЛП

постоянно и возвращали все дѣло снова въ наши руки. Намъ порою тяжело было видѣть, что, благодаря этому, безъ движенія остается наше собственное собраніе, въ нѣсколькихъ сундукахъ съ записанными лично или полученными отъ другихъ многочисленными памятниками, со спеціальностью нашей работы—Духовными Стихами, Пѣснями Дѣтскими, Хороводными, Бѣлорусскими, изслѣдованіями о Калѣкахъ Перехожихъ, объ исторіи народнаго творчества, музыкѣ, нагѣвахъ и народнѣхъ инструментахъ: привязанность къ Петру Васильевичу и его завѣты, воспоминаніе убѣжденій И. В. и М. В. Кирѣевскихъ, любовь къ дѣлу сего рода, представленіе всей его важности и, увы, сознание, что пока *некому здѣсь дѣйствовать безъ насъ*,— все это давало намъ силы. Мы довольствовались по крайности, что при этомъ былъ случай добавлять образцы изъ собственнаго нашего собранія, дѣлиться опытомъ, предлагать—для будущаго—указанія, по мѣрѣ надобности сообщать подробности изъ другихъ, спеціальныхъ областей нашего знанія въ томъ же родѣ. Оцѣнка Обществомъ Словесности, сочувствіе всего образованнаго общества Русскаго, мѣсто, завоеванное нами для народа и его творчества во всей литературѣ и наукѣ, интересъ, повсюду съ тѣхъ поръ возбужденный къ памятникамъ народнымъ, признаніе со стороны прочихъ Славянъ, одобренныхъ не совсѣмъ ожидаемымъ успѣхомъ эпоса Русскаго,— все это достаточно наградило насъ. Размѣры успѣховъ расширились даже сверхъ нашего ожиданія и внѣ серьезнаго разсчета: казенныя программы «заведеній» грозно потребовали отъ воспитанниковъ знанія народнаго творчества, именно отпечатаннаго—Былеваго, а учебники и хрестоматіи, съ разнузданною у насъ безконтрольностью и достойнымъ нестыдливѣемъ, на перехватъ перепечатавали плоды нашего труда, даже безъ нашего имени. Наконецъ, по обычаю нашему опираться на отзывы иностранцевъ,— и нельзя же серьезно не дорожить мнѣніями людей образованныхъ и трудами истинной науки,—иноземное одобреніе нашихъ работъ, пользованіе выводами, ряды статей, появив-

шихся тамъ о внезапномъ «открытіи» Русскаго творчества, провозглашеннаго собратомъ Гомеру, капитальные филологическіе труды, возникшіе за границей по разработкѣ изданныхъ нами памятниковъ, вниманіе Я. Гримма и Штайнталя, известность въ литературѣ Англійской, Французской и Нѣмецкой⁹⁾, — нельзя не признаться, мы этимъ гордимся, хоть, конечно, передаемъ главный успѣхъ и славу — не намъ, а имени Д. В. Кирѣевскаго и за нимъ, еще болѣе, всецѣло, — нашему народу, для котораго не пожалѣемъ никакого труда. Наши свѣдѣнія, опытность, силы, сюда привнесенныя, разумѣется, какъ дѣло личное и притомъ одного лица, не могутъ обольщать нашего самомнѣнія; онѣ только лишь «вызываютъ» собою лучшее, только ищутъ, кому бы уступить достойнѣйшее поприще и заслуженный успѣхъ въ будущемъ: но вмѣстѣ онѣ же выводятъ собою и впереди себя цѣлое дѣло, цѣлую область, цѣлый міръ, — а этотъ міръ — великій міръ народа, эта область — въковѣчной народности, это дѣло — лучшихъ, высшихъ силъ человѣка, силъ творческихъ. Если имѣемъ мы какой поводъ о чемъ либо сожалѣть здѣсь, если сожалѣемъ потому, что очевидно со стороны нашей вкрался какой либо промахъ и мы не бѣгаемъ вины въ собственномъ дѣлѣ: это то, что труды наши не вызвали доселѣ продолжателей и послѣдователей, работы стоятъ на точкѣ, гдѣ мы оставляемъ ихъ во всей бѣглости и слабости, наша Русская наука не сдѣлала здѣсь впередъ ни одного подшага рядомъ съ нами и послѣ насъ, не возникло хоть бы одной ученической работы — въ родѣ указателей, словарей или офъ-

⁹⁾ *Revue des deux mondes*, 1866, *La nationalité Bulgare d'après les chants populaires*, p. M-me. Dora d'Jstria (Кольцова-Мосальская). — *The fortnightly review*, 1869, *Russian Popular Legends*, by Ralston. — *Revue Britannique*, 1869, *Légendes populaires Russes*. — *Zeitschrift für Psychologie u. Sprachwissenschaft*, v. Lazarus u. H. Steinthal, 1867—68, *Das russische Volkseros*, v. Bietrom. — *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung*, v. A. Kuhn, 1869, *Ueber den dialekt Der russischen Volkslieder*, v. A. Leskien (въ Гёттингенѣ), подробное излѣзованіе творческаго языка по всемъ грамматическимъ формамъ. — *Archiv f. d. Studium d. neueren Sprachen u. Liter.* v. Herrig, *Das russische Helden-Epos*, и друг.

ясненій текста, напротивъ, вѣсть съ другими плодами, породили мы—огорѣ!—г. Стасова и его непримиримыхъ, немолчныхъ критиковъ, на немъ же, г. Стасовѣ, круговращающихся, а на другомъ экстремѣ имѣли бѣдствіе увидать нѣжныхъ любителей Ильи Муромца и пожарную критику, прохлаждающую распаленный восторгъ ихъ... Оба явленія, судьбою своей одинаково горемычныя.

Взявшись за изданіе и печатаніе Сборника Кирѣевскаго, мы, говоримъ, имѣли въ рукахъ своихъ съ одной стороны сырой матеріалъ, никѣмъ еще не разобранный, не определенный, не подобранный и даже не названный собственнымъ именемъ; съ другой никакого почти руководства къ изданію изъ прежней Русской литературы и науки, кромѣ собственнаго знанія и опыта, а въ наследство отъ Петра Васильевича, для Былевыхъ Писней, единственно только завѣтную «мысль» его или, лучше, «идеаль», чтобы этотъ отдѣлъ при изданіи не ограничивался одними, весьма недостаточными, образцами изъ его Сборника и былъ бы по возможности пополненъ изъ всѣхъ другихъ источниковъ, въ цѣльную картину нашей творческой народной Были ¹⁰⁾. Удовлетворить такой мысли можно было только при достаточномъ знаніи всей прежней нашей литературы и исторіи сего рода: но эта работа поисковъ, справокъ и выписокъ — скорѣе работа механическая и она затруднила насъ единственно перепискою (переписчика и никакихъ подобныхъ средствъ мы до сихъ поръ не имѣли отъ Общества, выполняя все собственными силами и руками); частная наша бібліотека, вмѣщающая въ себя значительнѣйшую долю всего, что только касается народнаго творчества, въ спискахъ и печатныхъ экземплярахъ, для Россіи и Славянства, отчасти для Европейскаго Запада и Азіатскаго Востока, въ семъ отношеніи превышающая обиліемъ рѣдкостей С.-Петербургскую Публичную, крайне облегчала нашъ трудъ и дала готовыя сред-

¹⁰⁾ Вып. 1-я, „Предувѣдомленіе,“ стр. 1.

ства ¹¹⁾. За то самый строй внутренней и порядок внешний, уловимый складъ и наглядный видъ, въ которомъ народное творчество предстало съ тѣхъ поръ свѣту на страницахъ нашего последовательнаго изданія; эти Отдѣлы и Области творчества Былеваго, съ постепеннымъ переходомъ въ Историческое, Южный, Киевскій, Владиміровъ Кругъ, за нимъ Новгородскій, потомъ Княжескій и Московскій; эти разряды Богатырей-героевъ и воспитыкъ Былевыкъ данныхъ или Событій, съ той или другой Степенью, занятой ими въ разрядѣ; тотъ или другой Выборъ пѣсней, группированіе Образцовъ, опредѣленіе подлинности ихъ, старшинства, порчи и искаженія; факты изъ Исторіи самого Творчества, Термины, самыя Именованія, заимствы изъ источниковъ, и чаще изъ живыхъ устныхъ, изъ народнаго употребленія, намъ лично по опыту известнаго; эти Виды—Былины, Побывальщины, Старины, Пѣсни Безъ-имянной Молодежкой, Тягольной, Женской и т. д.; отдѣленіе составныхъ Частей образца, раздѣленіе Стиха, условія Напѣва, сопровожденіе Орудіемъ—Инструментомъ, значеніе Лицъ, славащихъ и пѣвшихъ въ древности, пѣвшихъ или говорившихъ для записи недавней, Мѣсть, гдѣ записано, и Лицъ собиравшихъ; условныя Приемы, отъ сего зависѣвшіе и въ текстѣ отражающіеся; разнообразныя вопросы Текста и рѣшеніе ихъ съ точки зрѣнія творчества, особенно же вопросовъ Языка, въ смыслѣ отдѣльныхъ словъ, въ словообразованіи и словосочиненіи, въ словоупотребленіи творческомъ и нетворческомъ, народномъ устномъ и письменномъ или недавнѣйшемъ литературномъ; Объясненія и Примѣчанія, для сего къ тексту прибавленныя; соотношенія творчества Былеваго съ остальнымъ творчествомъ Народнымъ, по содержанию, изображенію, наложению, ямкѣ; наконецъ отношенія къ Исторіи самой вышней, положительной

¹¹⁾ Она была представлена общему вниманію на Московскій Этнографическій Выставкѣ 1967 года и только часть доклертована была нами послѣ въ Чешскій Музей Прага.

и дѣйствительной, Лѣтописной и Литературной, въ соотвѣтствіе, разъясненіе или подтвержденіе творческой, устной и народной, и т. д.: вотъ въ чемъ состояло собственно доселѣ наше *Изданіе* и все это совершено трудомъ нашимъ личнымъ. Полное вниманіе къ показаніямъ самого народа, какъ онъ ихъ передалъ намъ въ лучшемъ дѣлѣ его интеллектуальной жизни, въ творческомъ образѣ и словѣ, довѣріе къ этому, говоримъ, первѣйшему и живому источнику въ занимавшемъ насъ дѣлѣ; повѣрка данныхъ не личными воззрѣніями, а личнымъ опытомъ, добытымъ въ соучастіи съ жизнью народа, въ долгомъ обращеніи съ нимъ, въ интересѣ къ его произведеніямъ съ дѣтскихъ лѣтъ, въ двадцатилѣтнемъ собственномъ собраніи и столь же неспѣшномъ изученіи собраннаго; свѣрка и критическое сопоставленіе источниковъ другаго рода, внѣшнихъ творчеству, оцѣнка ихъ не выводами историковъ и не частными взглядами, а тою мѣрою, какою они вторили творчеству народному или же въ немъ вторились и отзывались; увѣренность въ правильности и примѣнимости извѣстныхъ приѣмовъ изданія, основанная не въ самоувѣренной бойкости мысли, а въ довѣрчивомъ воспитаніи народными образцами классической древности, особливо Греческой, и въ предварительной практикѣ на памятникахъ Славянскихъ ¹²⁾; ученіе Буслаева, отличною излагавшаго выводы науки изъ произведеній Западной народности и проложившаго намъ путь къ собственному знанію съ сею областью; указанія Каткова и Леонтьева, когда, въ блестящую пору ихъ ученой дѣятельности, ревностно способствовали они мелодымъ ушамъ проникнуть въ великую мысль величайшаго современнаго знатока интеллектуальной жизни народовъ—Шеллинга; курсъ свѣдѣній по литературѣ народовъ Восточныхъ, для которыхъ не имѣли мы нужды, подобно по-

¹²⁾ Прежде, чѣмъ рѣшились мы издать что либо народное наше, мы не читали уже объ эпосѣ и общемъ пѣснотворствѣ Славянъ, напр. Болгаръ и Сербовъ въ изданіи „Болгарскихъ пѣсней“ 1855 года.

вѣйшимъ сочинителямъ «происхожденія Былинъ» бѣгать по-
 минутно за справкою къ Академику на Васильевскій Островъ,
 напротивъ выдержали пять лѣтъ серьезной студіи у П. Я. Пет-
 рова и съ тѣхъ поръ пользовались въ семь дѣлѣ частыми и
 оживленными его бесѣдами; наконецъ такой учитель, какимъ
 былъ для насъ П. В. Кирѣевскій, и такая школа, какъ Мос-
 ковскихъ—минувшихъ—Славянофиловъ: вотъ что помогло намъ
 и чему благодарность изданія, въ той или другой степени.
 Потому, на сколько въ нашихъ, говоримъ мы, выводахъ и со-
 ображеніяхъ участвовала личная ошибка или оказалось непра-
 вильное уклоненіе частныхъ силъ, во столько терпѣло самое
 дѣло и во столько нуждается оно со временемъ въ лучшей по-
 становкѣ: но на сколько личные усилія и частные труды основыва-
 вались здѣсь на талантѣ лучшихъ умовъ эпохи, на вѣчныхъ
 памятникахъ народовъ, на ихъ собственной жизни, на живомъ
 показаніи народа Русскаго, письменномъ и устномъ его завѣ-
 тѣ,—во столько же дѣло наше становилось дѣломъ народнымъ.
 Прочность мѣряется здѣсь не современнымъ успѣхомъ и не
 случайною его долею: пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ успѣ-
 ютъ отъ существеннаго отдѣлится здѣсь заблужденія личные,
 нерѣдко впрочемъ намъ самимъ извѣстныя и отнюдь не защи-
 щаемыя съ упорствомъ; потребуется еще больше лѣтъ, чтобы
 воспользоваться нашими указаніями и за ними подвинуть дѣ-
 ло дальше; никогда не настанетъ той поры, когда бы развѣдаю-
 щими мелочами придирокъ и соблазнами разувѣренія смогли
 бы сдвинуть монументальный памятникъ, отнынѣ воздвигнутый
 народу собственными его силами и обезпеченный за его вѣч-
 нымъ владѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ личномъ трудѣ, на это положен-
 номъ, мы имѣли по крайности до извѣстной степени *готовый*
материалъ, требовавшій работы, но ее вызывавшій яснымъ
 требованіемъ, если не всегда опредѣленный, то легче подда-
 вавшійся опредѣленію: запросъ на содѣйствіе личной силы былъ
 громокъ и внятенъ, стоило только вслушаться, чтобы ее при-

ложить, и закипало дѣло само собственной жизнью. Не могло же явиться, на примѣръ, дикихъ сомнѣній въ подлинности Былины, предъ вами изметавшей изъ устъ народа, не могла зародиться блажь повѣрять слово творческое пергаминоу, кинварью и припиской. Сибирской язвы, поразившей Петербургскихъ критиковъ, мы на себѣ не испытали и потому не могло прійти въ душу чахоточное желаніе, нельзя ли богатый нашъ эпосъ перевести съ нарѣчія Алтайскихъ дикарей. Подобныя проказы, возможныя только на Васильевскихъ островахъ, гдѣ, словами пѣсни, «молодой матросъ корабли снастилъ,» не развлекали насъ. Очень важно, что предметы старшаго нашего эпоса безъ особеннаго труда отдѣлялись передъ взоромъ отъ письменности или же скоро отыскивались въ ней—если какъ ни будь туда заходила: Добрыню не уносилъ народъ тихонько въ свою Былину изъ Лѣтописи; Новгородецъ въ списокѣ посадниковъ и въ своемъ спѣшномъ разсказѣ о торговой общинѣ не поддѣлывалъ похищенныхъ изъ пѣсни именъ Буслаева и Садки, а говорилъ правду искреннюю, не предчувствуя даже самаго существованія г. Стасова; Ивана Грознаго трудно было бы вычеркнуть изъ Московскаго дѣписанія и положительной исторіи; Ксенія, хотя заняла крови Татарской отъ предковъ, но пѣла чистымъ языкомъ Русскимъ и Англичанинъ, увезшій къ себѣ свѣжую еще пѣсню ея, не думалъ, кажется, перейти въ Православіе и подслужиться под дѣлкою Русскимъ патриотамъ. Былины, нами издававшіяся, тѣмъ старше происхожденіемъ, содержаніемъ и строемъ, тѣмъ меньше зависѣли отъ литературы книжной, сохраняя съ нею только равноправную параллель, тѣмъ прочнѣе уцѣлѣли въ памяти и устахъ народа живаго, тѣмъ слабѣе интересовали книжныхъ трудолюбцевъ XVIII вѣка, тѣмъ труднѣе были для поддѣлокъ Сахарова съ братіей, тѣмъ вѣрнѣе записаны въ старыхъ рукописяхъ или изданы были новыми издателями, такими, какъ Калайдовичъ. Вызванное связію съ сими вопросами, наше изслѣдова-

ніе о жизни и изданіяхъ Калайдовича ¹³⁾, знакомство съ ранними трудами и владѣніе бумагами старшаго собирателя, Ки. Н. А. Церетелева, сближеніе, кромѣ Кирѣевскаго, съ такими почтенными авторитетами въ области народнаго творчества, какъ М. А. Максимовичъ и В. И. Даль, сотоварищество по работамъ съ Рыбниковымъ и сношенія со всѣми почти новѣйшими дѣателями сего поприща, наконецъ постоянный интересъ ко всѣмъ обстоятельствамъ литературы, сюда примыкающимъ, отъ блаженной памяти Чулкова, Попова, Трутовскаго, Новикова и Дмитріева до забывчивости гг. Костомарова съ Мордовцевой, перепечатавшихъ старые пѣсенники новою печатью Саратовской, — все это раскрыло, разоблачило или разъяснило намъ въ подробности процессы и ходъ занимавшаго насъ дѣла. Кромѣ того, какъ извѣстно, Южное поприще старшей Былины не мѣняется съ Сѣвернымъ, Быль Кіевская не забываетъ въ Новгородскую, Терентище не служитъ Владимиру, Садко не споритъ съ Дюкомъ, Буслаевъ не водится съ Суровцами Суздальцами, Москва, принимая наслѣдство творчества, быстро поднимаетъ господскую свою голову, ни съ кѣмъ не дѣлится, сама собою управляетъ въ эпосъ, собственными силами спасаетъ старину и достигаетъ вѣщихъ новыхъ успѣховъ. Смѣшать то, или другое и третье нѣтъ никакой возможности; потеряться въ сходствѣ — негдѣ. Различны лица, территоріи, событія, данныя; ярко замѣтна взгляду внутренняя постепенность и послѣдовательность въ ходѣ самого творчества и въ приемахъ его, въ стихѣ и въ самомъ дробномъ — въ числѣ слоговъ, въ языкѣ и въ выраженіяхъ. Есть всюду связь, но есть и рѣзкія спеціальныя отличія. Змѣняющимися связями указываются періоды времени, временемъ постепенность, постепенностью особенности. — Послѣ изготовленія къ изданію первыхъ выпусковъ Сборника Кирѣевскаго, еще легче намъ было съ Рыбниковскимъ: всѣ Былины здѣсь изъ одной нынѣшней

¹³⁾ Оно два раза отпечатано, второй разъ со всѣми подробностями 1862 года.

мѣстности, записаны по большей части однимъ лицомъ отъ однихъ и тѣхъ же гѣвцовъ; получая черновыя тетрадки и листы прямо изъ подъ пера, изъ подъ свѣжаго дыханія пѣвшихъ живыхъ устъ, мы только приводили матеріалъ въ порядокъ, только прилагали къ нему приемы изданія начатаго прежде, опредѣлившагося съ именемъ Кирѣвскаго, только *продолжали* ту же, прежде обозначившуюся, нить, только встрѣчали старыхъ намъ знакомыхъ или встрѣчали ихъ готовою обстановкой. У Кирѣвскаго, къ образцамъ его, мы многое прибавляли еще *сами*, разысканіемъ, заимствованіемъ изъ другихъ собраній, вставкою собраннаго нами лично: извѣстно, что, до 7-го выпуска, образцовъ, собранныхъ П. В.—чемъ (хотя и не всегда имъ записанныхъ), приходится почти ровно на половину сравнительно съ прочими, у насъ отпечатанными (Кирѣвскаго 147, другихъ 148); съ 7-го даже дѣлается перевѣсъ и слагается Кирѣвскаго 196 образцовъ, остальные же 222 дополнены нашимъ трудомъ ¹⁴⁾. Но при изданіи сборника Рыбниковскаго мы не имѣли даже и этого труда: мы получали матеріалъ отъ одного лица, хоть и разныхъ рукъ, и только: впоследствии, отчасти самимъ Собирателемъ, обозначено было, что сюда вошло довольно вкладовъ отъ другихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, цѣльность всего того, что сообщалъ намъ для изданія Рыбниковъ, заставляла забывать дробныя особенности и онѣ не увеличивали намъ затрудненій. Изданія, тогда же рядомъ или вслѣдъ за симъ начатыя нами изъ личныхъ нашихъ сборниковъ и по частямъ спеціальнымъ, какъ-то Духовные Стихи, вводившіе насъ въ область исключительную и мало другимъ извѣстную, а потому требовавшіе совершенно особыхъ приемовъ, многихъ толкованій и разъясненій; Дѣтскія Пѣсни, кои собирали мы почти по словечку, а всего болѣе почерпнули изъ собственной памяти, по наслѣдству отъ на-

¹⁴⁾ Это замѣчено нами еще при изданіи 1-го выпуска, стр. XXVIII, какъ исполненіе, „почти подавляющее долю самого Сборника“ Кирѣвскаго.

шей кормилицы, — издание первое въ семь родѣ на Руси и у всѣхъ Славянъ, подготовленное совершенно новою работою; наконецъ Пѣсни Бѣлорусскія, печатающіяся доселѣ и стоившія значительныхъ хлопотъ, ибо собирались на огромномъ пространствѣ, въ сторонѣ, недостаточно намъ знакомой и родной (хотя — увѣряютъ — совершенно Русской), притомъ чаще въ мелкихъ отрывкахъ: все это однако, при издававшихся нами Пѣсняхъ *Былевыхъ* Великорусскихъ, не только не мѣшало симъ послѣднимъ, но даже, можно сказать, помогало сравненіемъ разнородныхъ отдѣловъ творчества. Однимъ словомъ, *материалъ* творчества Былеваго, въ прежнихъ выпускахъ, самъ по себѣ, какъ только былъ нами собранъ во едино, представлялъ способность и удобство къ обнародованію въ печати, легче поддавался приему издаванія, самъ вызывалъ вопросы и отчасти самъ же отвѣчалъ на нихъ. Только одинъ Отдѣлъ здѣсь, по матеріалу, приносилъ съ собою наиболѣе затрудненій: это, какъ могли конечно замѣтить читатели, Былевыя пѣсни — такъ названныя нами — *Княжескія*, *впервые* съ этимъ именемъ указанныя нами въ области творчества и введенныя въ науку, никѣмъ другимъ прежде не отмѣченныя и никогда особо не выдѣлявшіяся, но ясно обозначившіяся предъ нашимъ взглядомъ, когда опредѣлились другіе отдѣлы Эпоса. Онѣ занимаютъ средину между старшимъ періодомъ, Южнымъ, Кіевскимъ, Владиміровымъ, а съ другой стороны между Московскимъ: и по времени ихъ процвѣтанія, и по содержанію, по складу и составу, по частности событій воспѣтыхъ, по личности интересовъ, по дробности образцовъ, по особенностямъ въ самомъ даже стихѣ, по отличію ихъ употребленія, даже лицъ, ихъ пѣвшихъ, даже инструментовъ сопровождавшихъ. Ихъ слѣдовало выдѣлать изъ массы другихъ отдѣловъ, изъ пѣсеней схожихъ, но не однородныхъ, что мы и выполнили, отпечатавъ текстъ нѣсколькихъ образцовъ: но за этимъ, и гораздо больше, оставалось обозначить древній первообразъ ихъ, уцѣлѣвшій во многихъ Молодецкихъ и Безъимянныхъ, куда перешли онѣ потерявъ историческое имя

Княжеское, а также вскрыть слѣды ихъ употребленія во всей нашей древней словесности. Такая задача и работа трудна: мы ее общали читателямъ, мы съ своей стороны и выполнили, но именно по запутанности и важности вопросовъ не рѣшались пока отпечатать, продолжая до сихъ поръ пополненія и исправленія. Въ послѣднее время впрочемъ мы очень утѣшены, получивъ удостовѣреніе, что за насъ предпринять сей трудъ уже другими: сотрудникъ «Зари (1870, № 1),» коего не имѣемъ мы чести знать, г. К. Б. Р. замѣчаетъ, что «критика почти не открываетъ слѣдовъ удѣльности въ народномъ эпосѣ,»—въ чемъ мы совершенно согласны, ибо дѣйствительно эпосъ самъ въ себѣ не дѣлился на политическіе княжескіе удѣлы, а за тѣмъ прибавляетъ, что «пѣсни, относимыя г. Безсоновымъ къ этому періоду, подлежатъ еще разсмотрѣнію.» Мы не сомнѣваемся въ специальныхъ свѣдѣніяхъ автора по этому вопросу и съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидаемъ отъ него обещаннаго разсмотрѣнія. Такимъ образомъ и съ этой стороны облегчилось наше дѣло; а все остальное въ народномъ Быломъ творествѣ представляется, до конца XVII вѣка, по материалу достаточно яснымъ, цѣльнымъ, единымъ и полнымъ.

Совсѣмъ не то встрѣтили мы, какъ скоро дошли до Пѣсней Петровскихъ, занялись ими съ привычнымъ вниманіемъ, а по величію лицъ и эпохи сочли своей обязанностью посвятить изданію всѣ свои силы. Во первыхъ, насъ уже встрѣчала и оставливая здѣсь тенденціозность разныхъ взглядовъ: вся предшествующая литература или увѣряла Россію, что народъ въ своемъ творествѣ *пропустилъ* величавую эпоху, или хвалила его за то, что онъ отъ души *простилъ* ее, а потому—наибренно и усиленно—*забылъ*. Нельзя же было догадаться съ разу, что въ основѣ сихъ увѣреній лежитъ совершенное невѣдѣніе, а что напротивъ вѣдѣнію и наукѣ открывается здѣсь благодарнѣйшее поприще и обильнѣйшій матеріалъ. За тѣмъ, всѣ обстоятельства и черты, извлеченныя нами выше для характеристики Петровскаго періода пѣсней, прежде *уѣмъ* были еще нами

извлечены, — казались почти неодолимою преградой, манили наше любопытство, но вмѣстѣ являлись намъ въ формѣ дѣйствительныхъ и крайнихъ затрудненій. Великія событія эпохи, въ слѣдъ за двигавшимъ ихъ лицомъ, вмѣстѣ съ подвигами главныхъ лицъ, прошли по всему лицу земли Русской и покрыли его до крайнихъ предѣловъ; они переступили далеко за предѣлы прежняго Московскаго государства, проникли до окраинъ Польши и странъ Европы Западной, вступили въ Бѣлую Русь и Малую, достигли отдаленнаго Славянства на Югѣ. Съ событіями и лицами шли вмѣстѣ, шагъ за шагомъ, и пѣсни, питаясь возбужденіемъ интересовъ, отражая все, подлежащее народному сознанию, возводя въ поэтическій образъ, отвѣчая творческимъ словомъ: полнота небывалая, разнообразіе невиданное, единство съ трудомъ уловимое, подробности легко на семь пространствъ теряющіяся. Вы переноситесь изъ Москвы за границу съ первыхъ же шаговъ Былины; потомъ идете на Югъ до Воронежа, Черкаска, Азова, Дуная; со всѣмъ, здѣсь приобретеннымъ, спѣшите отсюда на самый отдаленный Сѣверъ и Западъ, пускаетесь по Варяжскому морю и вдоль береговъ его; изъ Пскова движетесь въ Бѣлую Русь и Польшу; оттуда снова вдаетесь на Югъ, въ Малороссію до Запорожской Сѣчи; вашъ взоръ достигаетъ уже Бендеръ, вамъ рисуется въ сторонѣ и Хвалынское море, и Дербентъ, а предстоитъ вернуться опять въ новый Петербургъ и въ сенатъ, гдѣ замышляются новые «бои да драки,» откуда, ради Прута, вамъ слѣдуетъ еще прибыть въ Черную Гору и, не минуя же въ промежуткахъ сего перехода ни разнообразныхъ личныхъ характеровъ и обстоятельствъ, ни мелкихъ семейныхъ дѣлъ и частнаго лиризма, вы, утомленные слишкомъ разнородными встречами долгаго пути, отдыхаете отъ тревоги охватившаго васъ роковаго движенія только при гробовой доскѣ «во соборѣ Петропавловскомъ;» но и тутъ еще замогильная тишина прерывается громомъ обстоящаго войска, стонами осиротѣвшей земли Русской, казню двухъ вельможъ, которыхъ караетъ народъ.

въ своемъ творествѣ какъ искупительную жертву славы Петровой. Опуститься ли съ этой поверхности въ глубь, и, разумѣется, тѣ же судьбы отражаются во внутренней исторіи самого творчества, въ смѣнѣ и передвижкѣ его образовъ, то юныхъ, то сѣдыхъ древностью, то близкихъ вамъ, то уходящихъ въ туманную даль прошлаго, то чисто-историческихъ, то еще чисто-былевыхъ. Едва лишь коснулись вы пѣсни, на первой развернувшейся вамъ страницѣ эпического разсказа, какъ Петръ воскрешаетъ уже Добрыню, ѣздившаго съ молоду въ далекіе края и возвращавшагося «въ платьѣ Латынскомъ:» вы переноситесь въ представленія Владимірова круга, а васъ сдерживаетъ при Петрѣ ревнивая Москва—Смородина. Только что за сямъ освоились вы съ картинами Стрѣльцовъ, Правежа и смѣлаго Драгуна, представителя новому войску, съ картинами, куда переносить васъ живое творческое слово какъ будто это случилось вчера и сегодня, — и предъ вами возстаетъ образъ Грознаго Ивана, и вы за триста лѣтъ отъ сегодня. По Москвѣ возитъ васъ Голицынъ точь въ точь и съ тѣми же подробностями, какъ ѣздилъ онъ въ Троицкую Лавру и, даже больше, какъ ходилъ онъ въ своихъ пресловутыхъ Крымскихъ походахъ, въ той же обстановкѣ полчищъ, съ тѣмъ же яркимъ комизмомъ важности и неудачи. Но вотъ раздается приказъ къ Азову: ѣдетъ по Окѣ Шереметевъ, движеніе въ Воронежъ, чистятъ ружья солдаты, поднимается самъ царь, стелется небывалая жизнь по Тихому Дону, вы уже въ средѣ чисто-козацкой, при осадѣ Азова: просыпаются видѣнія Бояновы, расцвѣли засохшія временемъ краски Слова о полку Игоревѣ. Невольно увлекаемся сферою козачества: любопытные, знакомимся то съ дѣйствительными, то съ баснословными образами мѣстныхъ героевъ, съ этимъ Флоромъ, Некрасовымъ, Ефремомъ и Ефремовымъ, Маныцкимъ, Иваномъ Заморяниномъ, Федоромъ Ивановичемъ, Скорлыгинымъ, Голымъ. Есть тутъ и коварная смута, есть и великодушная милость государя, является и казнь, и прощеніе: Козацкія черты въ творествѣ совпадаютъ со Стрѣ-

лепкими, и сцена снова двойтся; не освоившись съ приемами, вы не рѣшите, гдѣ это ходить самъ царь,—въ Черкасскѣ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ; Козакъ ли въ тюрьмѣ передъ нимъ, или старый Стрѣлецъ и новобранный Гвардеецъ; какая Царица, Историческая старая, или новая, или вовсе небывалая и Былевая молитъ царя о пощадѣ. Чувствуете наступившій водоворотъ и среди громадныхъ волнъ его личный эпизодъ Евдокии уже не волнуетъ вашего чувства, какъ бы ожидалось, — онъ успокоиваетъ; послѣ Тихаго Дона, неожиданно огласившагося трескомъ и громомъ, вы дѣйствительно рады очутиться въ тихомъ пристанищѣ заточенной, предъ словами ея прощенья и молитвы: но, столь же неожиданно, образъ ея будитъ снова Грозную тѣнь Ивана, творчество вводитъ васъ въ старыя картины Старой Руси, движутся Старцы Перехожіе, подслушиваютъ вздохи у дверей кельи, пѣсни въ прорубленныхъ окнахъ, и—тѣсная ограда монастырская готовитъ повѣсть всему народу, разнесется Былина Лопухиной отъ края до края. Эта ожившая дѣйствительность Древней Руси сопровождается въ слѣдующихъ пѣсняхъ — столь же свойственными ей древними снами и видѣніями: Гроза Шведская носится въ воздухѣ образами Слова о Полку Игоревѣ и Мамаева Побойца, снова воскресшими, снова обещающими повторить на приморьѣ Варяжскомъ сцены недавно помутившагося Тихаго Дона и осажденнаго Азова. И точно, въ слѣдъ за пророческими видѣніями, наступаютъ сборы козаковъ, сборы новаго войска, сборы полководцевъ, прощальныя и семейныя сцены: а за ними — «не грозная туча возставала, не часть—крупенъ дождикъ выпадаетъ,» и какъ звонкія капли ливня спѣшать по землѣ шаги войска при звукахъ оружія, тучею несутся полки съ грозою на сѣверъ и западъ. Тамъ очутились знакомцы ваши — Донскіе козаки, тамъ соединились одною задачею остатки стараго и кадры новаго войска: съ тѣхъ поръ море Верейское-Варяжское безпрестанно сливается съ Азовскимъ, Чернымъ и Хвалынскимъ; безъ умѣнья не различишь часто именъ ихъ, не

признаешь, гдѣ же собственно идетъ теперь дѣло. Прежде, чѣмъ опредѣлишь колеблющіеся признаки, сомнѣваешься нерѣдко, — по какому это морю несется въ кораблѣ самъ царь, на какомъ морѣ воспѣтъ подвигъ Рычкова, на какомъ доносится вѣсти съ Дона къ сыновьямъ Флоровымъ, какимъ каналомъ, подъ землею, или изъ подъ земли и лѣтъ позднѣйшихъ, всплылъ Краснощочковъ передъ лицо Лёвенгаупта; въ довершеніе, Вереискія морскія стоянки чередуются съ сухопутными квартирами солдатъ въ городѣ Вереюшкѣ. Еще болѣе: Шведская королева маскируется рѣкою Смородиной и миенческая рѣка-дѣва губительница возсѣдаетъ на Шведскомъ престолѣ, чтобы сгубить благо Молодца, а теперь созрѣвшаго лѣтами и опытомъ Государя. Тогда опять, и еще выше въ древность поднимаются народные образы творчества: старшій Селяниновичъ, нѣкогда встрѣтившій и удивившій пріѣзжаго Олега, загонявшій его на своей соловой кобылкѣ, не умеръ и подоспѣваетъ въ XVIII вѣкѣ, чтобы вывезти на Русь государя, возвратитъ его изъ обаяній и лукавствъ Шведскихъ къ дѣйствительности Русской; благодаря этой связи мѣта, эпоса и исторіи, «Исторія» случившаяся на Шведскомъ поморѣ, повторяется слово въ слово среди Москвы, въ «Сказкѣ» среди «розысковъ» Преображенскаго Приказа. Но мало по малу чисто-историческія событія и имена даютъ однакоже возможность освоиться въ пѣсни съ поприщемъ Шведскихъ дѣяній; вы привыкаете къ нему и слышите въ *третій разъ*, какъ Петровская повѣсть заключается словами пѣвца «трудныхъ повѣстей» XII-го вѣка:

Распахана Шведская пашня

Солдатской бѣлой грудью;

Орана Шведская пашня

Солдатскими ногами;

Посѣяна новая пашня

Солдатскими головами;

Поливана новая пашня

Горячей солдатской кровью.

Такимъ заключеніемъ готовы бы повершить мы сами, какъ вдругъ, непосредственно за симъ, далекое и безучастное до-толѣ творчество Малорусское на полѣ Полтавскомъ дружится съ Московскимъ. Совершенно новый элементъ, новыя стихіи, усложняющія очеркъ. Предчувствіе Лебединаго поля, вызвавшее среди Москвы, при выходѣ изъ Успенскаго собора, задумевшую пѣсню Шереметева, сбывается въ дѣйствительности среди города «Лебедина,» въ раздумьѣ военнаго совѣта передъ труднымъ «поединкомъ» съ королемъ Шведскимъ, подъ стѣнами Полтавы: и Малорусская пѣсня сберегла намъ нарочныя черты этого дѣла въ отвѣтъ на вѣщее слово Шереметевской пѣсни. «Царь Бѣлый,» герой творчества Московскаго, явился съ Петромъ и для Украинскаго. Дружатъ ему Искра съ Кочубеемъ, измѣняетъ ему Мазепа, совпадаетъ съ нимъ Палій въ одинакихъ очертаніяхъ Богатырскаго образа. Безъ займа и подражанія, пѣсня Черкасовъ вторитъ выраженіямъ пѣсни Московской. Съ этихъ поръ, сверхъ другихъ побужденій, вы *обязаны* уже знать нарѣчіе Малой-Руси: безъ того не полны Великорусскія пѣсни, творческіе памятники Руси общей; на оборотъ, крайній любитель Украйны взглянетъ теперь по неволѣ изъ Кіева въ Москву и—въ наши изданія. Пѣсня Петровская, пронесшаяся по вѣсѣмъ краямъ Русскихъ нарѣчій и живущая съ оттѣнками любаго областнаго нарѣчія, даетъ намъ слышать ихъ вмѣстѣ, обязываетъ вѣдать ихъ въ общемъ цѣломъ. Чтó же, когда рѣчь наша раздается еще среди Сербовъ и повѣсть Мазепы, пѣсня Полтавы вступитъ въ эпосъ Черногорскій? Сила Петрова и туда простерлась: отнынѣ Сербскую пѣсню непременно видите вы рядомъ на страницѣ съ Московскою, и Петербургскій критикъ убѣждается промѣнять Академическую справку о нарѣчіяхъ Тюркскихъ на смиренную азбуку Южнаго Славянства. Сѣтованія Сербовъ, оставленныхъ Туркамъ, вторятся и у насъ на Югѣ, при неудачахъ Прутскихъ; бѣды Сѣчи связываются съ Полтавою; выгонъ Украинцевъ на казенныя работы сливается со стопами на Ладожскомъ каналѣ; воли двоятся и троются

въ пѣснопѣніи о вернувшихся съ ратнаго поля, умирающихъ одинаково и на торговой площади Московской, и на Дону въ семьѣ козацкой. Вотъ смертный одръ и самого государя; но такую же пѣснею завершается цѣлый рядъ воспѣтыхъ подвиговъ начиная съ Грознаго: что же истекаетъ оттуда, что принадлежитъ Петру, чѣмъ отличенъ Плачь по немъ отъ всѣхъ другихъ Плачей обрядныхъ? Это столько же требуетъ счетовъ на сотни лѣтъ творчества, сколько пѣсня о Меншиковѣ и Гагаринѣ отводитъ насъ къ Репнину въ XVII вѣкѣ: творчество заставляеть самого Ивана смѣшивать Малюту съ Сибирскимъ губернаторомъ и обязываетъ по крайности насъ отличить специальность сподвижниковъ Петровыхъ. «Сподвижниковъ:» и готовая прежняя тенденція, вставивши эти пѣсни куда ни будь въ Швецію или Полтаву, заглавила бы «Сподвижники» и сказала бы—«вотъ какъ понималъ и рисуетъ народъ эпоху Петрову!» Но то же творческое слово, заимствуя черты и краски изъ XVII вѣка отъ Репнина, надѣлая наслѣдствомъ симъ заблудившихся любимцевъ Петровыхъ, то же слово однимъ, но меткимъ, стихомъ выгораживаетъ Петра изъ вины и отвѣта: обличителя Меншикова и Гагарина «хвалятъ—величаютъ императора Петра.» И осторожный издатель, если онъ вѣренъ исторіи, возарніямъ народнымъ и провѣреннымъ даннымъ творчества, не сомнѣвается «вынести» объ эти пѣсни за предѣлъ «общихъ» Пѣсней Петровскихъ.—Такой-то, широко раскинувшійся, разнородный и разнообразный матеріалъ подлежатъ намъ: понятны трудности при его изданіи и совершенно особья условія для пріемовъ издательскихъ.

Историческій элементъ, осилившій въ Петровское время и столь ярко представляющійся взорамъ при сличеніи съ отдѣлами Быднѣ предшествовавшихъ, убѣдилъ насъ держаться въ расположеніи и порядкѣ пѣсней—*нѣти исторической*, той связи, которая явно дается въ руки для изданія пѣсней Петровскихъ *въ условій самою творчествомъ*, то есть не по идѣи и сущности сего послѣдняго, а по исторической жизни и дѣй-

ствительности. Не насиловали мы эту связь и не натягивали последовательность пѣсней въ настоящемъ выпускѣ: всякій видитъ, что она истекаетъ изъ самихъ данныхъ, изъ самого материала, и всякому легко понимается, какъ только всмотрится онъ въ ряды образцовъ отпечатанныхъ. Но каждый читатель столько же ошибется, если подумаетъ, что эта связь, во всякомъ случаѣ болѣе внѣшняя, прикрываетъ собою внутреннюю безсвязицу или безпорядокъ въ самомъ творчествѣ, смѣшеніе образовъ различныхъ, разнородныхъ и разновременныхъ, разединеніе тождественныхъ и связанныхъ. Нѣтъ, мы не утаивали особенностей сего рода и вездѣ, гдѣ только было можно и нужно, при текстѣ указали нарочито это несоответствіе Были творческой теченію и ходу, явленію и имени действительности Исторической. Напротивъ, нигдѣ, какъ въ пѣсняхъ Петровскихъ, нельзя такъ ясно усмотрѣть рѣзкаго отличія въ Творчествѣ Былевома отъ Историческаго показанія и факта; нигдѣ, говоримъ: ибо здѣсь только, и впервые, образъ творческій во всей выработанной его ясности и опредѣленности встрѣчается лицомъ къ лицу съ ясною, документальною историческою дѣйствительностью, намъ столь доселѣ близкою, намъ еще свѣжо памятною. Здѣсь-то и усмотрите все различіе приемовъ того и другаго: и съ этой-то именно точки зрѣнія убѣдитесь, что смѣшенія и противорѣчія открываются только тогда, когда мы сравниваемъ, а сравнивая, сами неосторожно смѣшиваемъ Творческую Быль съ Исторіей и отъ одной требуемъ того, что лишь возможно для другой. Точно, оно есть, это несоответствіе: для Исторіи со стороны творческой, для Творчества со стороны исторической. Но—въ самомъ творчествѣ, съ точки зрѣнія его собственной, тамъ, гдѣ мы, казалось, усмотрѣли присутствіе,—на самомъ дѣлѣ нѣтъ—ни смѣшеній, ни противорѣчій: тамъ управляетъ свое единство, тамъ руководитъ своя связь, тамъ властвуетъ своя цѣльность и ведетъ впередъ своя цѣль. Замѣтить и даже вездѣ указать это единство, эту связь, цѣль и цѣльность,—было нашей задачей, и мы, по жрѣбъ силъ, ее вы-

полнили: свойства и особенности творчества отмѣчены всюду въ нашемъ изданіи, *параллельныя* особенностямъ историческимъ, но своимъ путемъ *самобытныя*, *не нарушающія* исторіи въ ея специальности, но *вѣрныя самимъ собой*, изъ основъ своихъ истекающія, себя происхожденіемъ оправдывающія, въ себя самихъ опредѣляющіяся и разрѣшающіяся. Петръ и Грозный, Селяниновичъ и прибрежный Балтійскій крестьянинъ, Дѣва Смородина и дѣва Шведская Королевна, слова реляцій и вѣщанія Слова о Полку Игоревѣ, море Азовское и Варяжское, Стрѣльцы и Донцы, Донцы и Гвардія, Репнинъ и Меншиковъ, Гагаринъ и Малюта, Москва и Полтава, и такъ далѣе, до всѣхъ подробностей, — эти образы и краски, имена и выраженія, при всемъ сопоставленіи разницъ и при всей разницѣ своего совмѣстнаго жительствова, *въ самомъ творчествѣ* нисколько не подрываютъ единства, цѣлости и связи, напротивъ вызываютъ собою силу объединяющую и цѣлесообразную, напрягаютъ ее къ дѣйствию въ созданіи творческомъ, выражаютъ ее на практикѣ. Нить Былевая—Творческая и Историческая: даже не двѣ нити въ розѣ, — это нить, обвивающая одна другую; то одна подымается верхней волною, то другая спускается нижними волокнами; а въ концѣ концовъ — единая нить цѣльнаго созданія народнаго, Былеваго-Историческаго міровоззрѣнія. Различіе въ сходствѣ, сходство въ различіи, — усмотрѣть, — дѣло остроумія: не претендуя на даръ сей, завѣщанный, кажется, одному лишь современному ученому Петербургу, прибавимъ, что усмотрѣніе здѣсь — еще не все дѣло; важнѣе самый предметъ усмотрѣнія, а этотъ предметъ въ рукахъ народа, и цѣлому народу, въ лучшихъ его созданіяхъ — въ творчествѣ, — никто не откажетъ въ долѣ остроумія, по крайности на столько, не меньше, сколько доступна она сочинителямъ «происхожденія Былинъ.» Однимъ словомъ, связь творческая свободно здѣсь сошлась съ историческою, и послѣдованіе Былинъ въ нашей печати являлось продуктомъ той и другой, въ действительномъ осуществленіи обидѣхъ. — Но, если въ действительности существовала эта

единая связь неизмѣнно, съ перваго звука, когда раздавались только что сложенные Петровскія пѣсни; если легко опредѣляется она нашимъ взорамъ теперь, пробѣгая звѣнками по ряду размѣщенныхъ и отпечатанныхъ пѣсней: не такъ легко было усмотрѣть ее первому издающему, не такъ скоро удавалось вывести ее изъ матеріала и указать какъ готовую для усмотрѣнія всякому. Широта развлекала, разнообразіе путало, противорѣчія не были еще «видимыми,» а казались «дѣйствительными,» смѣшеніе долго представлялось цѣльною массою, не давая различать элементовъ и началъ, его слагавшихъ. Опредѣлить точки зрѣнія, соединявшія порядокъ, и пункты, различавшіе степень послѣдовательности, стоило порядочныхъ личныхъ усилій. Ориентироваться въ дѣлѣ, совершенно новомъ для литературы и науки, притомъ въ природной области не науки и литературы, а въ живой природѣ самобытнаго творчества народнаго, для коего еще нова и литература наша, и наука,—ориентироваться было труднѣе, чѣмъ на примѣръ нашимъ ориенталистамъ при объясненіи Былины изъ Азіатскаго Востока. Не разъ готовы мы были отказаться отъ начатой работы. Легче казалось намъ, какъ это ни трудно, вмѣстѣ съ писателями Петербурга, которые среди тумановъ своихъ рѣдко выдаютъ солнце, доказать «лѣтнее солнце» послѣ густыхъ «тучъ» въ образѣ Ильи Муромца, или «вѣроисповѣдное людоѣдство,» или даже «плодоносную лѣтнюю бабу,» чѣмъ успѣть въ трудѣ предстоящемъ. Мы говоримъ теперь о распорядкѣ матеріала, о размѣщеніи и сопоставленіи образцовъ или данныхъ; это предполагаетъ собою матеріалъ *готовый*, данныя дѣйствительно къмъ либо *данныя*: но таковыхъ данныхъ и такового матеріала, вспомнимъ, намъ не было дано и никѣмъ не было съ разу изготовлено. *Есть* ли еще въ самомъ дѣлѣ какія либо пѣсни *Петровскія*? Предшественники наши отвѣчали—«нѣту;» Петръ Васильевичъ не отдѣлялъ ихъ въ своемъ Сборникѣ, какъ не успѣлъ отдѣлать и всей группы Былевой, къ которой бы принадлежали онѣ; онъ даже намъ *не оставилъ* всѣхъ Пѣсней

Петровскихъ; послѣ него осталась только *четвертая доля* ихъ, въ кучѣ разнородныхъ листковъ и тетраей. Чѣмъ же убѣдились мы, что онѣ есть и отыскать ихъ можно? Убѣдились бѣдою: не возложить же, какъ дѣлали другіе, на народъ нашъ, и безъ того бѣдный, послѣднюю бѣду—отсутствіе творчества за цѣлую, и великую, эпоху, прощенье Петру—до забвенія собственныхъ пѣсней, забвеніе пѣсней до послѣдней простоты невѣжества, и безъ того порядкомъ обуревающей простой народъ нашъ. Онѣ *должны быть*, эти пѣсни, сказали мы себѣ, зная—и сколько мы знали—народъ нашъ: бѣдою куплена по-бѣда, и результатомъ явилось почти 200 образцовъ пѣсней Петровскихъ.—Откуда же?

Изъ собранія собственно Кирѣевского на весь выпускъ приходится только 53 №№. Намъ помогло нѣсколько вкладовъ послѣдующаго времени: пополненія отъ *В. И. Дала*, покойнаго *кн. В. Ѳ. Одоевскаго*, *С. М. Любецкаго*, сообщившаго намъ часть любопытныхъ остатковъ стариннаго своего сборника, и отъ покойнаго *кн. Н. А. Церетелева*, который въ прошломъ году, какъ только узналъ о начавшихся публичныхъ нашихъ Читеніяхъ и прочелъ программу нашу по предмету народной Словесности, немедленно и беззавѣтно вручилъ намъ всѣ бумаги свои за пятьдесятъ лѣтъ ревностныхъ занятій тѣмъ же предметомъ¹³⁾.

---

¹³⁾ При письмѣ отъ 12 Марта 1869 г. „Прочитавъ программу начатыхъ Вами публичныхъ чтеній, *О развитіи и современномъ положеніи Русскаго народнаго пѣснотворчества*, я искренно порадовался, что наконецъ скуднымъ свѣдѣніямъ объ этомъ предметѣ, въ высшей степени интересномъ для Русскаго человѣка, будутъ пополнены компетентнымъ судьею этого дѣла. Давнымъ давно, за полвѣка предъ этимъ, когда у насъ весьма немногіе обращали вниманіе на Русское народное пѣснотворчество, я усердно собиралъ Русскія сказки и пѣсни, въ особенности же послѣднія... Въ 1865 году, поселился въ Москвѣ, въ этомъ центрѣ Русской народной дѣятельности, я вспомнилъ и о моемъ сборникѣ... Пожалѣлъ было, — но и утѣшился тѣмъ, что молодые, бодрые энергическіе собиратели сдѣлали то, чего я не сдѣлалъ, и сдѣлали лучше, чѣмъ бы я могъ сдѣлать... Препровождалъ къ Вамъ брѣнные остатки моего покойнаго сборника, радъ буду, если они пригодятся Вамъ хотя какъ

Все это оказалось однако недостаточно и значительнѣйшая доля дополнена была собственнымъ нашимъ собираніемъ и трудомъ розысковъ. Трудъ сей, примѣнительно къ Петровскому періоду, начали мы еще съ 1863 года: уже въ 6-мъ нашемъ выпускѣ, при Иванѣ Грозномъ, читатели встрѣчали сноски на сравненіе съ пѣснями Петровскими. При подготовкѣ 8-го выпуска намъ приходилось пересмотрѣть нѣсколько тысячъ различныхъ образцовъ, въ рукописи и въ печати. Въ этой громадѣ, кромѣ нѣсколькихъ историческихъ названій, опредѣлявшихъ эпоху Петра, не было собственно указаній на пѣсни Петровскія и онѣ вовсе не были такъ названы: разумѣется, если бы прежніе собиратели или издатели поняли и знали бы ихъ въ семъ смыслѣ, они бы не преминули выставить такой важный матеріалъ для Петровской Исторіи, воспользовался бы имъ конечно г. Пекарскій въ своей замѣчательной монографіи и не попали бы въ литературу увѣренія объ отсутствіи пѣсней Петровскихъ ¹⁶⁾.

варианты." Письмо это прочтено было въ Общ. Л. Р. Сл. и, такъ какъ мы все, даже наше собственное, касавшееся Былицъ, пріобщали постоянно къ изданію Кирѣевского, то заявили желаніе предъ Обществомъ сюда же присоединить и подарокъ к. Церетелева. Въ немъ большею частію оказались списки съ печатныхъ, разбросанныхъ прежде, пѣсней: но нашлось нѣсколько и замѣчательныхъ новыхъ, записанныхъ А. Хр. Востоковымъ и Н. А. Полевымъ.

¹⁶⁾ Пекарскаго „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ," 2 тома, С.П.Б. 1862: сюда не вошли даже значительнѣйшіе „сочиненные" Стихи или канты о Петрѣ.—Не вошли пѣсни о Петрѣ и въ хрестоматіи Буслаева и Галахова, ни въ какія либо Исторіи нашей словесности, напротивъ, въ прекрасномъ трудѣ сего послѣдняго, въ „Исторіи Р. литературы," читаемъ такой отзывъ, результатъ всего тогдашняго положенія науки въ данномъ вопросѣ: „Могучая личность Петра не нашла достойнаго себѣ выраженія въ народной поэзіи: скудость пѣсней, отмѣтившихъ нѣкоторыя событія его царствованія, можетъ быть объяснена различно. Во первыхъ, время государственнаго устройства всего менѣе покровительствовало народному творчеству: напротивъ, указами и другими мѣрами оно преслѣдовало все то, чѣмъ питалось суевѣріе, но подъ вліяніемъ чего возникали памятники двоерѣчной литературы. Во вторыхъ, стоя въ сторонѣ отъ реформы, народъ не питалъ сочувствія къ преобразователю и не имѣлъ слѣдовательно охоты воспѣвать

Напротив, признаки сихъ пѣсней только что начинали опредѣляться на нашихъ глазахъ и въ нашу пору. Такъ, на примѣръ, Былина, рисовавшая Голицына, долго неизвѣстно было, къ какому Голицыну относилась, и лишь «Воронежская Бесѣда» 1861 года, въ записанномъ для нея образцѣ вывода на сцену Софью Алексѣвну, окончательно рѣшила сомнѣніе. «Возлѣ рѣченки хожу млада» извѣстна была издавна въ числѣ пѣсней Безъимянныхъ, пока въ 1861 году сообщенный намъ вариантъ отъ В. И. Даля и записанный кн. В. Ѳ. Одоевскимъ образецъ 1862 года указали здѣсь несомнѣнно пѣсню Евдокии Лопухиной.—Съ упорнымъ трудомъ, подвигаясь медленно шагъ за шагомъ, мы нѣсколько лѣтъ подбирали скудные образцы одинъ за другимъ: краткость Московскихъ Былинъ вообще, по ихъ природному составу и отличію, созданіе пѣсней Петровскихъ въ періодъ перелома, послѣ котораго творчество Былевое склонилось къ упадку, а потому быстрое ихъ разложеніе въ Безъимянные и Молодецкія, близкая связь со всѣми прочими пѣснями, небылевыми, переходъ на нисшую ступень пѣсни Женской и Бесѣдной, отсюда отрывочность, разбросанность, затерянность въ массѣ произведеній совсѣмъ иного рода,—особенности эти, неизвѣстныя прежнему нашему изданію кромѣ развѣ періода Княжескаго, вызывали крайнюю напряженность поисковъ. То одна прекрасная пѣсня Петровская вскрывалась нашему взору подъ покровомъ многихъ наносныхъ слоевъ, то въ пѣсняхъ совершенно обыденныхъ усматривали мы искаженіе и передѣлку образовъ Былевыхъ съ конца XVII и изъ начала XVIII вѣка,

---

его въ своихъ пѣсняхъ, какъ онъ воспѣвалъ, на примѣръ, Грознаго: замѣна стараго новымъ, введеніе европейскаго образа жизни въ ущербъ роднымъ обычаямъ способѣе были вызвать сатиру, нежели хвалебные гимны. Наконецъ, въ третьихъ, развитіе книжнаго стихотворчества нанесло также сильные удары безъискусственной поэзіи, мало по малу затихавшей въ своемъ эпическомъ движеніи.“ Сочинитель, при всемъ его — извѣстномъ — знаніи и стараніи, отыскалъ только *три лѣски*, касавшіяся Петра, двѣ у Кириши и одну изъ матеріаловъ Географич. Общ. (см. ихъ у насъ въ текстѣ).

то характерную черту творчества Петровскаго долго теряли мы изъ виду въ обстановкѣ, многословно и плодovито затемняющей, то принуждены были часто отсѣкать прочь всю суть пѣсни современной и ходячей, начало, конецъ, середину, главные лица и обстоятельства, дабы выручить отсюда слабый отгѣнокъ, не подходящій къ современности и очевидно истекающій изъ періода Петровскаго. Дѣло въ томъ, что *признаки пѣсней Петровскихъ*, постепенно опредѣлявшіеся для нашей критики и теперь явные въ изданіи, представшіе нынѣ критикѣ всеобщей какъ готовый и полный матеріалъ, вовсе *не были даны самимъ матеріаломъ въ началѣ*, въ эпоху его собиранія, не были никѣмъ для насъ и до насъ указаны: они *добыты только нашимъ трудомъ*. Еслибы мы ихъ имѣли и знали сначала, намъ легче было бы по нимъ отобрать и отдѣлить все Петровское: напротивъ, мы прежде перебирали все, подходившее къ Былевому творчеству, и постепенно уже, въ параллель самому собиранію и пересмотру, обозначались признаки однородные, въ послѣдствіи, своею цѣлостью, указавшіе связь и послѣдовательность пѣсней Петровскихъ. Кто, на примѣръ, въ началѣ догадался бы, что «теремъ» боярыни въ известной пѣснѣ передѣланъ изъ «таволжаной избушки», что эта избушка по другимъ образцамъ однородна съ земляной «тюрьмою», что «эта самая» тюрьма является въ Черкасскѣ, что освободитель изъ нея есть «царь» и что этотъ царь — «Петръ», наконецъ что всѣ эти варианты постепенно переводятъ насъ въ Москву, къ милости, эпически воспѣтой въ другихъ Былинахъ и исторически оказанной Петромъ Донскому козаку, Стрѣльцу, Молодцу на Правежѣ? Кто, услыхавъ пѣсню о томъ, какъ мать убивалась надъ растерзаннымъ сыномъ при кружалѣ государевомъ, обратилъ бы здѣсь вниманіе на черту «площади», отправился бы отсюда искать площадь «Красную», а на ней нашелъ бы дѣйствительно казнь Петровскаго Стрѣльца и Боярина, выведеннаго изъ Кремля города? Читавшіе Сахарова узнали ли прежде насъ въ «воеводѣ», столь часто тамъ встрѣчающемъ

ся, замаскированного Петра? Приходило ли какому ни будь прежнему издателю на умъ, что подъ «Петербургомъ» во многихъ нынѣшнихъ искаженныхъ пѣсняхъ слѣдуетъ разумѣть «Шлиссельбургъ» и обстоятельства его осады? «Бѣлый Царь,» прозвище, трудомъ нашимъ и изданіемъ теперь специально утвержденное за Петромъ и въ самомъ дѣлѣ усвоенное ему народомъ по преимуществу, даже въ Малой Руси и у Сербовъ, помогло ли прежде кому либо выдѣлать по сему признаку пѣсни Петровскія и не скорѣй ли, на оборотъ, встрѣчавшимъ это имя рисовался прежде «Царь Древней Руси?» И такихъ подробностей, по видимому мелочей, и отчасти точно мелочныхъ, множество: всѣ онѣ теперь у насъ собраны, большею частію указаны при изданіи, всѣ вмѣстѣ сложили характеристику эпохи Петровской и народного ея творчества. — Тѣмъ же путемъ, уже подобравши пѣсни однородныя, опредѣливши ихъ признаки, а по признакамъ связь и послѣдовательность, цѣлость и единство Былеваго круга Петровскаго, мы успѣли замѣтить и отчасти обозначить читателямъ особенности Петровскаго склада въ пѣсняхъ, размѣра, стиха, послѣдовательности стиховъ, отношенія къ напѣву и къ музыкѣ, языка ихъ и слововыраженія. — Упомянемъ также, что мы первые, случая эти пѣсни со всѣми другими Былевыми и только черезъ это выдѣляя, обратились къ пѣснотворчеству Малорусскому, сопоставили его съ Московскимъ, а далѣе къ Славянскому, именно Сербскому, гдѣ нашли тѣ же соотвѣтственныя черты. — Между тѣмъ Малорусское творчество обратило насъ къ сочиненнымъ, книжнымъ Стихамъ, Псалмамъ или Кантамъ, этому первому шагу, который послужилъ переходомъ отъ нашей народной устной словесности къ литературѣ книжной, къ поэзіи художественной и искусственной: самое названіе *Стиха*, а отсюда *Стихотворенія*, занято, какъ извѣстно, для нашей письменности изъ сей именно области, а первыя наши Стихотворенія содержаніемъ, складомъ, приѣмомъ, рифмой и языкомъ вышли прямо изъ показаннаго источника Стиховъ, Псалмъ и Кантъ. Собственное

собрание наше, обильнѣйшее и специально для сей области назначенное, дало готовый матеріалъ для Кантъ о Петрѣ, доселѣ неизвѣстныхъ въ печати; съ тою же цѣлю испросили мы, часто при текстѣ цитованную, рукопись у *Θ. И. Булаева*, много пособившую въ семъ дѣлѣ, такъ какъ она современна эпохѣ и произведенія записаны въ ней съ особой отчетливостью.— Отсюда, дальше, перешли мы къ прочей обще-русской письменности, и, какъ усмотрѣли связь пѣсней Петровскихъ съ ходячимъ языкомъ того времени, даже реляцій, такъ еще болѣе остановились вниманіемъ на зачаткахъ нашего книжнаго, письменнаго искусства словесности въ XVIII вѣкѣ. Стремленіе «творить стихотворенія» въ народномъ духѣ, способѣ и стилѣ, а за неумѣньемъ того—«поправлять» готовре, а за трудностью сего «передѣлывать и поддѣлывать,» яснѣе всѣхъ прежнихъ періодовъ предстало намъ въ періодъ послѣ Петра, забравшій себя въ пользованіе Петровскія пѣсни: труды въ семъ родѣ Попова и Дмитріева, отъ Львова до Сахарова, отъ Сахарова до гг. Костомарова и Мордовцевой, какъ уже поминали мы, предстаютъ теперь читателямъ въ достаточномъ разоблаченіи. Кое-что *новаго*, или, лучше, вѣрнаго народной *старинѣ*, удалось намъ отыскать и въ семъ искаженіи: еще успѣшнѣе опредѣляли мы самое *искаженіе* и *пути* его. Если же прибавить сюда искаженія, вторгнувшіяся *въ само творчество народное*, путемъ его наступившаго разложенія, ослабленія, мельчанія и раздробленія послѣ Петра, то мы получимъ еще новую задачу, предстоящую нашему труду: отличить искаженія *дѣйствительныя*, возникшія симъ историческимъ способомъ, отъ мнимыхъ или кажущихся *противорѣчій* и *смѣшеній*, въ сущности только обособлявшихъ Былевое творчество отъ Истории, не нарушавшихъ, напротивъ своеобразно созидавшихъ его самостоятельность. И такого рода, совершенно розныя, стороны и точки зрѣнія также нашли разъясненіе въ нашемъ изданіи.— Вотъ бѣглыя черты поставленной нами и выполненной задачи, вотъ объясненіе «усиленному труду и напряженнымъ разъиска-

ніямъ,» которые потребовались для настоящаго 8-го выпуска. Чередовавшійся съ прочими занятіями, но почти ежедневный трудъ изданія сего выпуска, не считая прежнихъ подготовокъ, взялъ у насъ цѣлыхъ *полтора юда*.

* * *

Наши изданія народныхъ памятниковъ ведутся непрерывно уже цѣлыхъ десять лѣтъ и, представляя собою главное средоточіе Русской литературы сего рода, обыкновенно съ послѣдовательностью отмѣчаютъ все то, что при нихъ вокругъ появляется новаго и важнѣйшаго въ той же области.—За недавнее время мы относимъ сюда съ особеннымъ удовольствіемъ два явленія замѣчательныхъ. Это, во первыхъ, продолжающееся печатаніе обильнаго сборника пѣсней, составленнаго *П. В. Шейномъ*, который, во вниманіе къ симъ трудамъ, единогласно избранъ въ Члены-соревнователи Общества Л. Р. Сл. ¹⁷⁾: къ сожалѣнію, нужно только прибавить, что, по спѣшности ли работы самого собирателя, или по винѣ взявшихъ издавать, только до сихъ поръ не видно здѣсь приемовъ, отличающихъ собственно порядочное и толковое *изданіе*, а между тѣмъ, кажется, довольно уже представлено нами образцовъ для руководства и успѣховъ въ семь случаевъ; самый внѣшній видъ *печатанія*, сколько знаемъ — заглазнаго, вдали отъ собирателя, безобразенъ и очень много вредитъ своими корректурными ошибками. Впрочемъ матеріалъ собранный, на сколько онъ этимъ не испорченъ, все-таки сохраняетъ за собою неотъемлемое достоинство и значеніе.—Еще утѣшительнѣе другое дѣло, получившее недавно извѣстность: это собраніе «Олонецкихъ народныхъ причитаній,» составленное *Е. В. Барсовымъ*. Въ своемъ родѣ оно не уступаетъ дѣлу Рыбникова и, также точно, для Россіи и Славянства, вмѣстѣ съ тѣмъ частію для Европейской

¹⁷⁾ Въ засѣданіи 3-го января сего года.

литературы, есть подлинно радостное событие, которое вызовет конечно собою живѣйшее вниманіе и принесетъ неоспоримо много полезныхъ плодовъ. Избранный немедленно Дѣйствительнымъ Членомъ Общества ¹⁸⁾, собиратель, весьма естественно, но вмѣстѣ однако къ чести его, связалъ судьбу своего предстоящаго изданія съ прочими трудами этой области, изданными отъ имени Общества или ему посвященными. Такое расположеніе самого владѣльца матеріаловъ, встрѣченное радушнымъ содѣйствіемъ, и содѣйствіе Общества, принятое со всѣмъ серьезнымъ вниманіемъ издателя, какъ мы близко знаемъ, ручается, что успешныя условія изданія совершенно отвѣтятъ замѣчательному достоинству собранныхъ памятниковъ. — Совсѣмъ иное, обратное, значеніе получила по обстоятельствамъ въ кругѣ предметовъ, насъ соприкасающихся, пресловутая статья г. *Стасова* «О происхожденіи Русскихъ Былинъ ¹⁹⁾». Какъ извѣстно, она встрѣчена была въ нашей наукѣ неблагоприятными отзывами ближайшихъ спеціалистовъ: но частныя мнѣнія автора объ интересующемъ его, хотя и мало знакомомъ для него, вопросѣ, отъ того конечно не теряли свойственной особенности, то есть оставались въ ряду обиходныхъ произведеній нашей литературы, не выдаваясь рѣзко впередъ, и самому дѣлу народныхъ памятниковъ, собиранію ихъ, изданію, пониманію и выводамъ, отъ того не было ни тепло, ни холодно. Послѣдовавшее за тѣмъ представленіе статьи на соисканіе и самая выдача меньшей Академической Уваровской преміи также были явленіемъ совершенно обыкновеннымъ, на которое никто не обратилъ бы серьезнаго вниманія. Но оно сопровождалось и завершилось, на позорищѣ Русской литературы и науки, пассажами отчасти грустнаго, отчасти потѣшнаго свойства, хотя не измѣнившими существенно, однако причудливо окрасившими тененіе нашихъ дѣлъ, такъ что не лишне будетъ сказать о томъ нѣсколько словъ.

¹⁸⁾ Въ засѣд. 21 Марта с. г.

¹⁹⁾ Печаталась нѣсколькими приемами въ „Вѣстникѣ Европы.“

Участовавшіе въ Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ прошлую весною, члены Петербургскихъ кружковъ не скрывали своего удивленія передъ отвагою г. Стасова и, увѣренные въ безуспѣшности его исканія, возлагали надежду на Ѳ. И. Буслаява, которому отъ Академіи порученъ былъ разборъ Стасовской статьи. Съ своей стороны, вполне равнодушные къ тому вопросу, получить авторъ какую либо сумму или не получить, мы возражали только, что по нашему убѣжденію непременно получить, и основывали свое мнѣніе на самой непреложной послыжкѣ: всѣ наши изданія въ сферѣ памятниковъ народнаго творчества, начиная съ «Болгарскихъ пѣсней (1855 г.),» въ теченіе пятнадцати лѣтъ и въ количествѣ до восемнадцати томовъ различнаго содержанія, пользовались постоянными, усиленными дурными отзывами Академіи Наукъ, по извѣстному ея Отдѣленію, не снискали никогда никакихъ «премій,» «поощреній» и тому подобныхъ знаковъ расположенія. Исключеніе было лишь за изданіемъ Рыбникова, и то потому, что премія передавалась цѣликомъ собирателю, а не намъ—издателямъ, и самъ П. Н. Рыбниковъ, сколько знаемъ, лично хлопоталъ о томъ въ Петербургѣ²⁰⁾. Но и при всемъ этомъ, безъ всякихъ уже изысканій, Академическіе отзывы нѣкоторыхъ секцій самымъ рѣзкимъ образомъ порицали наши труды, набрасывая, какъ говорили мы выше, тѣмъ сомнѣнія на «подлинность» печатанныхъ у насъ образцовъ и отыскивая, какъ мы знаемъ также, твердые «признаки» въ устномъ творествѣ народа, то есть приписки, кинварь, годъ, вообще палеографическія данныя. Разумѣется, если симъ же способомъ Нѣмцы старались нѣкогда заподозрить знаменитую Чешскую Краледворскую Рукопись, безсмертное открытіе Ганки, то тѣмъ худшаго должны мы были ожидать отъ нашихъ доморощенныхъ господъ, въ под-

²⁰⁾ Надержки труда и матеріальныхъ расходовъ, понесенныя нами съ Хомяковымъ при изданіи двухъ первыхъ томовъ сборника Рыбникова, за выдачею сему послѣднему еще предварительной суммы, доселѣ не вознаграждены крайне-тугою распродажею экземпляровъ.

твержденіе ихъ меткаго такта и тонкаго чутья къ творчеству народному. Но по тому же самому, естественно, статья г. Стасова, не имѣвшая прямаго отношенія къ памятникамъ пѣсно-творческимъ, ни къ изданіямъ ихъ, ни къ наукѣ, ими вызванной или возбужденной, непременно должна была разсчитывать на побѣду своего «подвига» въ ристаніи и наградный вѣнокъ изъ листовъ кредитныхъ.—Скоро сдѣлался извѣстенъ и отзывъ г. Буслаева, сопровождаемый то серьезнымъ научнымъ обличеніемъ несостоятельности, то неудержимымъ гомерическимъ смѣхомъ предъ открытіями сочинителя «происхожденія Былинъ.»—Другой Академикъ, на котораго возложена была оцѣнка искательной статьи, г. Шифнеръ, не смотря на то, что статья своими заявленіями неоднократно воздвигала ему памятникъ, чертала рельефно его имя и безпрестанно, личными сносками на его личный авторитетъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ и разговорахъ, связывала тѣсно судьбу свою съ репутаціей Академика, г. Шифнеръ, говоримъ, не смотря на все это, какъ сказано печатно отъ Академіи, «доказалъ, что въ нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній по этому предмету, не только *нельзя соласиться съ главнымъ выводомъ* г. Стасова, о томъ, что всѣ наши былины заимствованы отъ Тюрковъ и Монголовъ, но что *напротивъ* Русскіе разсказы, вмѣстѣ съ чужими элементами Скандинавскаго сѣвера, занесены къ Тюркскимъ и Монгольскимъ племенамъ посредствомъ Новгородскихъ промышленниковъ и удалыхъ козаковъ,» т. е. изъ Россіи и русскаго народнаго творчества. «Въ заключеніе своей рецензіи, г. Шифнеръ замѣчаетъ,» сказано далѣе отъ Академіи, что «г. Стасовъ *не успѣлъ доказать восточное происхожденіе Русскихъ былинъ*, совершившееся, будто бы, въ сравнительно довольно позднее время, т. е. начиная съ XIII вѣка» и «должно напротивъ признать, что буддійская редакція (творчества) древнѣе другихъ редакцій и ближе къ древне-арійскимъ первообразамъ, такъ что уже *этимъ самымъ можно бы объяснить то большое сходство*, которое г. Стасовъ находитъ въ нихъ съ нѣкоторыми чертами Русскихъ

былинъ ²¹⁾,» то есть именно одно только *сходство*, общее Арийцамъ съ отдаленной древности, на что и указывали г. Стасову прежніе рецензенты, отвергая *заимствование* и *передѣлки цѣликомъ* съ позднѣйшей редакціи дикарей. Такимъ образомъ, спеціальныи оріенталистъ, на коего возлагала всѣ надежды статья г. Стасова и которому на половину довѣряла сама Академія, отозвался рѣшительно, что главный выводъ г. Стасова не выдерживаетъ критики, противенъ положенію современной науки и ставитъ прочнѣе совсѣмъ обратныя начала воззрѣній, выраженные прежде того изслѣдователями другими: а вся статья г. Стасова состоитъ въ *выводахъ*, кои сходятся въ одномъ упомянутомъ «главномъ,» и болѣе того нѣтъ ничего другаго, ни труда и умѣнья въ собираніи или отысканіи народныхъ памятниковъ устнаго творчества, ни изданія ихъ съ какими ни будь приѣмами науки и свѣдущаго опыта, ни современной общей науки «въ нынѣшнемъ положеніи знаній,» какъ выразилась Шиферовская рецензія. Матеріалъ «собранный» не изъ прямыхъ источниковъ, а изъ вторыхъ—третьихъ рукъ, именно изъ переводовъ съ языка Востока, и даже языка Славянскаго, котораго, доказали г. Стасову, онъ не знаетъ; Русскій матеріалъ изъ нашихъ изданій—однѣ выписки; подлинная дѣятельность общей науки нашей, Славянскои, Европейскои, невнятная автору, замѣнена причудливостью кабинетнаго соображенія, во всей личной и частной исключительности, такъ что не затронуть даже, а подавно не рѣшентъ, относительно устныхъ произведеній нашего творчества, ни одинъ вопросъ ни текста, ни склада и строя, ни стиха, напѣва и музыки, ни языка, ни вообще хоть бы одной черты изъ внутренней творческой исторіи или изъ отношеній ея къ исторіи внѣшней. Два Академика, особо довѣренныя учрежденіемъ и компетентныя по всѣмъ отзывамъ самого г. Стасова или его защитниковъ, высказались противъ

---

²¹⁾ „Записки И. Акад. Н.“ т. XVI, кн. I, 1869 г. Изложеніе принадлежитъ Академической редакціи.

внутренняго достоинства статьи гораздо рѣзче и неумолимѣе, чѣмъ до того бѣгло и мимоходомъ отзывались рецензенты, «не официальные.» «Тѣмъ не менѣе,» отнесся г. Шифнеръ ²²⁾, «трудъ г. Стасова весьма замѣчательнъ,» а Ѳ. И. Буслаевъ заключилъ, что онъ «заслуживаетъ вниманія ²³⁾,» и предлагалъ Академіи дать «почетный отзывъ» «за новостъ взгляда и обширность *собранныя* матеріала.» Очевидно, это была извѣстнаго рода вѣжливость, принятая въ литературныхъ сношеніяхъ и ни къ чему необязательная, кромѣ ласковаго слова. Тѣмъ не менѣе опять, хотя и «меньшая,» г. Стасову присуждена премія. Члены, составлявшіе Академическую Коммиссію, были гг. *Устряловъ, Срезневскій, Гротъ, Куникъ, Никитенко, и Бычковъ*, а за отсутствіемъ по нездоровью *Пекарскаго, Броссе* ²⁴⁾.—Понятно, это не могло сдѣлаться или явиться «событіемъ» и никого бы не смутило, тѣмъ больше, что въ концѣ концовъ, послѣ того какъ опредѣлена степень «достоинства,» въ настоящемъ случаѣ не оказавшагося, здѣсь былъ вопросъ просто о денежной ссудѣ въ извѣстное «поощреніе,» и тѣмъ естественнѣе, что въ той же Коммиссіи назначена такая же премія г. Хрущову, не смотря на отзывъ довѣреннаго отъ Академіи рецензента, К. И. Невоструева. Профессоръ Невоструевъ подобнымъ же образомъ изъ деликатности отнесся, что разбираемый трудъ «заслуживалъ бы поощрительную премію,» прибавивши однако въ заключеніе: «но съ такимъ направленіемъ и съ тѣми недостатками, какіе замѣчены въ 3-мъ пунктѣ, поощрять сочиненіе... считаю неприличнымъ и не совѣмъ справедливымъ, подѣ тѣмъ развѣ условіемъ, если авторъ признаетъ и исправитъ замѣченные въ этомъ отношеніи недостатки ²⁵⁾.» То, что здѣсь высказалъ уважаемый всѣми рецензентъ *въ концѣ*, съ одинакимъ

²²⁾ Тамъ же.

²³⁾ Тамъ же в „Вѣстникъ Европы“ февр. 1870, стр. 898, 899.

²⁴⁾ „Зап. А. Н.“

²⁵⁾ „Разсмотрѣніе книги Н. Хрущева“ и проч. стр. 82.

смысломъ выразили гг. Шюнеръ и Буслаевъ *въ началъ* отзыва. Никому, разумѣется, не прійдетъ въ голову вторгаться, относительно денежныхъ вопросовъ, въ права Академіи, уведенныя ей официально. Если бы даже приговоръ ея, по вышшимъ соображеніямъ, не сходилса съ рѣшеніемъ избранныхъ рецензентовъ или заключалъ бы въ себѣ ошибку и заблужденіе, и въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность передъ судомъ общественнымъ лежитъ на самомъ учрежденіи, а рецензентамъ и всякому стороннему зрителю, въ литературѣ и наукѣ, остается во всей силѣ не право оспаривать казенныя права, а известное право общества, право личнаго или частнаго мнѣнія и слова. Конечно, желаніе людей свѣдущихъ могло бы допустить, чтобы капиталъ, во всякомъ случаѣ составляющій неотъемлемое народное достояніе, помѣщенъ былъ гораздо производительнѣе на вопіющія нужды самого народа: то есть на собраніе гибнущихъ съ каждымъ часомъ неоцѣненныхъ памятниковъ его творчества; на порядочное изданіе ихъ, для котораго, изъ за матеріальныхъ средствъ, бьются пока всѣ еще собиратели и тѣмъ не менѣе, по тѣмъ же причинамъ, лежатъ неизданными цѣлыя громады собраннаго; далѣе на серьезную обработку такого незамѣнимаго ничѣмъ матеріала, на спеціальныя выводы науки сего рода или даже хоть на популярное изложеніе всего того, что касается народнаго творчества и въ чемъ такъ нуждаются наши среднія учебныя заведенія, домашнее воспитаніе, подростки молодежи. Стороннее личное мнѣніе не можетъ также не пожалѣть, что учрежденія, отъ коихъ сверху долженъ бы задаваться тонъ, начиная съ исторіи Ломоносова не принимаютъ на себя такую высокую роль въ дѣлѣ народномъ и пропускаютъ нерѣдко удобный случай стать дѣйствительно во главѣ столь замѣчательнаго явленія нашихъ дней, охватившаго интересомъ всѣ великіе умы и крайнія вершины науки въ Европѣ,—мы говоримъ о народномъ творествѣ, которое, даже при слабыхъ трудахъ частныхъ, успѣло занять у насъ видное мѣсто и самостоятельную область вѣдѣнія, къ чести и славѣ самого

творца—народа, къ пользѣ и поученію его будущимъ потомкамъ. Но, какъ бы то ни было, повторяемъ, все это только голосъ общественный, частное или личное мнѣніе и скромное слово, столь же необязательныя для власти и оффиціи, какъ противоположныя мнѣнія и многія слова г. Стасова. Ни право преміи, ни фактъ самой преміи не могли въ обществѣ возбудить спора или показаться неестественными въ нашемъ привычномъ теченіи дѣлъ.

Но къ прискорбію, уже самый печатный докладъ о преміи, который Коммиссія, какъ говорить, «имѣла честь довести до всеобщаго свѣдѣнія ²⁶⁾», то есть, другими словами, до вниманія и обсуждения общества Русскаго, намекнулъ намъ, необычнымъ способомъ, что въ этомъ дѣлѣ запутаны какіе-то вопросы *кромя* вопроса о преміи и объ оцѣнкѣ статьи. «Литературные споры» по ея поводу, увѣряетъ насъ Коммиссія, «ясно показали, что сочиненіе—г. Стасова—высказываемыми въ немъ взглядами затронуваетъ не одни чисто научные интересы. Это обстоятельство налагало на Коммиссію обязанность приложить особенную заботу о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія были устранены всѣ другія соображенія, *кромя ученыхъ*. Коммиссія полагаетъ, что она исполнила эту обязанность, избравъ въ рецензенты — Акад. Ѳ. И. Буслаева и А. А. Шифнера ²⁷⁾». Не посвященные въ эту закулисную тайну, ни мы, ни кто либо въ Русскомъ обществѣ, конечно не въ состояніи были проникнуть въ тонкость намека. Если тутъ разумѣется соревнованіе и даже зависть касательно суммы 500 р. сер., то литературнымъ спорщикамъ во время споровъ вовсе еще не извѣстно было ни о представленіи къ наградѣ, ни объ ея выдачѣ. Литературно спорившіе, и даже не спорившіе, ибо споръ предполагаетъ обмѣнъ, котораго не было, а только отозвавшіеся прежде о статьѣ г.

²⁶⁾ Тамъ же въ Зап. А. Н.

²⁷⁾ Тамъ же.

Стасова, единственно были лишь мы, гг. Гильфердингъ, Миллеръ, Веселовскій и Некрасовъ: но здѣсь не затронуто, не могло быть и даже нельзя предположить иного интереса, кромѣ научнаго и отношенія статьи г. Стасова къ наукѣ. Разумѣется, само творчество народное не есть наука, и мы думали было, его-то и разумѣть Академія: но самый способъ и умѣнье собирать народные памятники, а тѣмъ болѣе издавать и объяснять, а тѣмъ паче дѣлать изъ нихъ выводы и совершать по нимъ изслѣдованіе, конечно принадлежать уже чисто къ области науки. Довѣренные рецензенты Академическіе слѣдовали совершенно тому же пути; самый способъ возраженія, если бы прежде точно не были соблюдены въ немъ условія науки, явился однакоже въ устахъ гг. Шенера и Буслаева, особенно послѣдняго, такимъ же продолженіемъ прежняго, даже, какъ мы видѣли, съ вѣщею еще неумолимостью, рѣзкостью и даже насмѣшливостью, вовсе не нарушающею предѣловъ живой науки между живыми людьми. Какимъ же образомъ, избраніемъ сихъ лицъ и отзывами ихъ «устранены всѣ другія соображенія, кромѣ ученыхъ,» и что это за соображенія или «не одни чисто научные интересы?»

Дѣло оставалось и такъ бы осталось на всегда для всѣхъ загадкою, не весьма впрочемъ интересною, такъ что скорѣе видѣли бы въ ней случайную обмолвку и легко забыли бы ее, если бы «Вѣстникъ Европы,» гдѣ прежде печаталась статья г. Стасова, въ Декабрьской книжкѣ 1869 г. не успѣвши «растолковать» всѣмъ, на что намекала загадка и каковъ подлинный смыслъ ея. Похваливъ «приличное безпристрастіе» Академіи, журналъ продолжаетъ: «Благопріятный отзывъ Академической Коммиссіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ черезъ мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ, которые успѣшили произнести отлученіе надъ г. Стасовымъ, обвинивъ его какъ въ недостатокъ *патріотической гордости*, такъ и въ отсутствіи всякаго ученаго значенія въ его трудѣ. Послѣднее, т. е. ученое значеніе, признано отзывомъ Академи-

ческой Комиссiи; перваго, т. е. недостатка *патріотизма*, Комиссiя вовсе и не касалась, и конечно прекрасно одѣлала, по тому что дѣйствительно ничто не можетъ до такой степени опощить науки, какъ подобныя полицейскія розысканія о количествѣ *патріотизма* у писателя, и, главное, какого *патріотизма*?—того самаго, который зиждется на невыносимо глупомъ самохвальствѣ и кисло-сладкой сентиментальности ²⁸⁾.» И такъ, разгадка всѣхъ этихъ «не научныхъ интересовъ» и «не ученыхъ соображеній»—въ *патріотизмъ*. Но, если патріотизмъ разумѣть какой угодно, обыкновенный и всюду существующій, то ему конечно все равно, выводить ли наука происхождение Былинъ и даже цѣлой Руси съ Востока, откуда, съ прародины, и дѣйствительно всѣ мы нѣкогда пришли вслѣдъ за старшими братьями Европейцами, или откуда ни будь иначе, даже изъ Сибири, съ Алтая и Борнео, о чемъ хлопочетъ г. Стасовъ. Скажите, чѣмъ же отъ того меньше будетъ всякій любить настоящее свое отечество, чѣмъ тутъ смущаться патріоту, чѣмъ уявляется здѣсь народная гордость? Наука можетъ отвѣтить, что это вздоръ: но патріотъ въ чувствѣ своемъ даже и не справится съ нею. — Если же здѣсь понимать тотъ, описанный въ «Вѣстникѣ» тотъ полицейскій, самохвалный и кислосладкій патріотизмъ, проще фальшивый, недавно у насъ, съ Петербургской зры, объявившійся и точно противный честному чувству, а еще болѣе несостоятельный въ наукѣ, то солидному журвалу съ его редакціей и сотрудниками, а вмѣстѣ и цѣлому Русскому обществу должно быть очень хорошо извѣстно, что такимъ «патріотизмомъ» вовсе не пользуется у насъ народное дѣло, а потому и народное творчество: не ищетъ оно успѣховъ у такого «патріота», не пользуется здѣсь фаворомъ, даже не привлекаетъ къ себѣ подобнаго «патріотическаго» вниманія, не вѣдается въ такого рода сферахъ, обойдено въ оффиціальной области,

---

²⁸⁾ „В. Евр.“ стр. 104—108.

обдѣлено всякого рода преміями, не осчастливлено наградами, не поощрено чинами, степенями или орденами. Не забѣгаетъ оно въ душу писателей съ допросомъ, по той простой причинѣ, что, кромѣ двухъ—трехъ, много если десятка, писатели и не знаютъ его, не пишутъ объ немъ и его не касаются, состоя въ народѣ и его дѣла, снаружи. Существуетъ оно, кое-какъ уцѣлѣвши, въ уголкѣ въ сихъ «патріотическихъ» сферахъ, въ массѣ народа «простаго:» тамъ допѣваются и послѣднія пѣсни, тамъ работаютъ немногіе самоотверженные собиратели и оттуда выносятся сокровища—драгоценныя по ихъ мнѣнію, но совершенно безобидныя, оттуда выходятъ издатели и изслѣдователи съ однимъ лишь трудомъ и затрудненіемъ, на нихъ падающимъ, съ недостаткомъ всякихъ средствъ матеріальныхъ, почти безъ всякаго нравственнаго содѣйствія въ обществѣ, и только ихъ упорному убѣжденію въ достоинствѣ предпріятій обязано само дѣло нѣкоторымъ успѣхомъ, болѣе внутреннимъ и существеннымъ, чѣмъ внѣшнимъ, а уже давно не патріотическимъ полицейскимъ, ибо извѣстны напротивъ случаи направленнаго сюда «полицейскаго надзора.» Вотъ почему и дѣятели сего рода, а вмѣстѣ отчасти и прежніе возражатели г. Стасову, какъ сами уже нисколько не принадлежать къ описаннымъ «патріотамъ,» и усвоивать имъ подобное свойство было бы напрасною клеветою, такъ, сколько знаемъ, за исключеніемъ развѣ интимныхъ объясненій г. Миллера, ребячество которыхъ никому не вмѣнено кромѣ самого г. Миллера и участника ихъ г. Стасова, не вторгались въ душу автора «происхожденія былинъ» ни съ какимъ вопросомъ о патріотизмѣ и даже, помнится, вовсе не употребляли этого слова.—Остается только одно: подъ именемъ «патріотизма» разумѣть здѣсь само народное творчество, а такъ какъ это одинъ изъ главныхъ членовъ и выразительнѣйшихъ представителей, то понимать вмѣстѣ «цѣлое—вообще—все народное Русское дѣло.» Дѣйствительно, его нѣтъ, оно не затронуто ни одной чертою, не воспособлено, не двинуто и не рѣшено ни малѣйше въ подвигѣ

и статьѣ г. Стасова. Съ этой точки зрѣнія, обязательно растолкованной журналомъ, разъясняются всѣ намеки и обстоятельства самымъ лучшимъ способомъ; отсюда и возражатели усматривали въ статьѣ *недостатокъ*, ибо ей точно *недостаетъ* народного творчества и воспитанной на немъ или устремленной къ нему науки; отсюда Академическая Коммиссія нашла, что сочиненіе г. Стасова *затрогивало* не одни чисто-научные интересы, т. е. затрогивало народное творчество и дѣло, но такъ, что это послѣднее не вошло въ науку г. Стасова, а осталось цѣликомъ внѣ, на долю его возражателей; отсюда же «особенная забота» Коммисіи устранить эти «всѣ другія соображенія,» какъ не-ученыя, ибо дѣйствительно Академія съ постоянствомъ вычеркивала эту область изъ своихъ наукъ, изданій, вниманій и премій; отсюда же не принятъ былъ «къ исполненію» приговоръ Буслаева, ибо онъ оказался на сторонѣ народного творчества и «другихъ соображеній,» т. е. науки, связанной съ вопросомъ народнымъ; отсюда наконецъ и изъ отзыва г. Шифнера взять къ соображенію только кончикъ «тѣмъ не менѣе,» а все начало «хотя» отнесено къ «соображеніямъ другимъ,» то есть къ самому дѣлу творчества и выводамъ его науки.—Что дѣлать! Насильно милъ не будешь: остается помириться съ фактомъ и народу нашему не привыкать стать къ подобному терпѣнію, — онъ, какъ извѣстно, не въ авантажѣ, особенно въ сферахъ Петербургскихъ. По неволѣ утверждаемся на томъ, что по господствующему мнѣнію С. Петербурга творчество народное и связи его съ дѣломъ народа суть ничто иное, какъ глупый, самохвальный, кислосладкій и сантиментальный патріотизмъ, а разысканія въ области этого рода суть «полицейскія разысканія о количествѣ патріотизма.» Оставалось только рукоплескать такому послѣдовательному и меткому выводу, а съ другой стороны устыдить противниковъ: что съ усердіемъ и совершенно С. Петербургскимъ журналомъ.

Правда, журналъ въ томъ же самомъ отзывѣ выразился: «Оказывается такимъ образомъ, что изслѣдованіе (г. Стасова)—вѣрно

или невѣрно въ своихъ выводахъ, *все равно*;> правда, что этому же «все равно» въ точности слѣдовали учрежденія, покинувши въ сторонѣ показанія своихъ рецензентовъ о непригодности главнаго вывода или существенныхъ выводовъ. Но по крайности равнодушіе, столь громко заявленное, требовало бы, кажется, дальнѣйшаго хладнокровнаго безпристрастія и, одинъ разъ сдѣлавши промахъ, помѣстивши у себя статью, внушившую ученымъ ужасъ или смѣхъ передъ монстромъ, журналу изъ простаго приличія не дурно было бы промолчать о послѣдствіяхъ и не сопровождать прежней ошибки новымъ неловкимъ упорствомъ. Единственный плодъ сочиненія, который объявляется журналомъ съ дѣтскою радостью послѣ его мужественнаго «все равно,» это: оно, говорятъ, по крайности «поставило вопросъ такъ, что привело ученую археологію въ нѣкоторое затрудненіе, и она не вдругъ нашлась, что отвѣчать.» Но столь же извѣстна пословица, что дѣйствительно десятокъ умныхъ не справится иногда съ тяжелымъ камнемъ, брошеннымъ съ маху въ воду. Это еще не заслуга смѣльчака, и не вина умному труду. Къ сожалѣнію, какъ ученая Коммиссія, не удовлетворившись фактомъ, противъ коего никто бы съ нею не спорилъ, и чувствуя неоправданнымъ кое-какое внутреннее требованіе, поспѣшила прибавить увѣсистую хулу на «не-ученые интересы» и «не-ученыя соображенія,» такъ и «Вѣстникъ Европы» не остановился на официальномъ успѣхѣ, котораго никто не отнималъ у него святотатственною рукою, напротивъ постарался «растолковать» его, порицая тѣхъ, кто вытаскивалъ камень. Признаться, мы всегда прежде склонны были уважать солидность и степенность сего журнала, болѣе, говоримъ, чѣмъ другія современныя явленія въ періодической литературѣ. Но при этомъ уваженіи насъ неволью смутило неожиданное отсутствіе всякаго такта: какъ можно съ такой узкостью защищать случайную печать прежнихъ страницъ своихъ, очевидно проскользнувшую въ свѣтъ благодаря отсутствію, въ ближайшемъ кружкѣ, компетентныхъ, предварительныхъ критиковъ?

Какъ можно *продолжать* случайную ненормальность новыми рѣшительными и бездоказательными обвиненіями на возражателей; и какими еще обвиненіями? Какова бы ни была форма, въ которой они высказаны, но только самыя обвиненія свойства отнюдь не деликатнаго. Г. Стасову возражали или о статьѣ его отозвались ученые, *какіе имъ есть у насъ*, но только единственно спеціальныя въ данномъ случаѣ, по вопросу народнаго творчества, Русскаго, или Обще-славянскаго, или Западнаго Европейскаго, ученые, раздѣленные въ то время огромными пространствами Россіи, отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Одессы, частію даже вовсе не знакомые между собою лично, какъ на примѣръ мы съ г. Миллеромъ, и во всякомъ случаѣ безъ сношеній и предварительныхъ объясненій, а отозвались почти въ одно время и въ одинъ голосъ. Мало того: мы, на примѣръ, по преимуществу заняты нынѣ областью творчества Русскаго, г. Гильфердингъ исключительно Славянскаго, г. Веселовскій Западно-Европейскаго; съ нами діаметрально противоположенъ въ своихъ работахъ и выводахъ г. Миллеръ²⁹⁾, мы не сочувствуемъ приемамъ его послѣдующей дѣтской полемики; намъ непріятна и неумѣстна казалась «обличительная» параллель, проведенная г. Гильфердингомъ между Стасовымъ и Духинскимъ (ибо конечно отъ нея нисколько не проигралъ бы первый, еслибы оба были правы въ наукѣ). И однако же въ главномъ, на статьѣ г. Стасова, всё сошлись: откуда такое единодушіе? Не ужели въ самомъ дѣлѣ заговоръ или общая полоса невѣдѣнія? Не ужели тутъ нѣтъ доли правды, по крайности въ силу явнаго безкорыстія, не прибѣгавшаго ни къ какимъ преміямъ, и въ силу искренности, явной до того, что она въ своемъ негодованіи не избѣгла даже рѣз-

²⁹⁾ У котораго, какъ извѣстно, собственно только то и заслуживаетъ вниманія, что взято имъ изъ нашихъ изданій, у г. Бусласва или изъ Западной литературы и не слишкомъ затемнено его собственнымъ способомъ выводовъ.

кости выражений? Отвергнуть ли за то всякую спеціальность знанія или вложить усиленно корыстное намѣреніе и полицейскій разсчетъ? Понятно, къ этому способу могъ обратиться г. Стасовъ, въ отчаяніи узрѣвши вокругъ, какъ l'homme qui rit въ палатѣ, изумленные безобразіемъ взоры или расхохотавшіяся лица: но журналу, солиднѣйшему изъ прочихъ, то есть — излишне бы говорить — органу мнѣнія общественнаго и цѣлой конгрегаціи людей науки или литературы, слѣдовало бы, кажется, оцѣнить, хоть частью, мнѣніе возражателей, не прямыхъ своихъ, а косвенныхъ противниковъ случайнаго сотрудника. Между тѣмъ вотъ какою широкою и крупною кистью маляра журналъ обводитъ ихъ подъ одинъ цвѣтъ и въ одну краску. «Наука, говорятъ, имѣетъ свойство *очищать и возвышать понятія и цивилизовать нравы*: наши ученые не рѣдко блистательно это опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что такое благотворное дѣйствіе оказываетъ только настоящая наука, которая ставитъ себѣ цѣлю только излѣдованіе истины, какова бы она ни была, пріятна для насъ лично или непріятна, *соответственна полицейскимъ вкусамъ или несоответственна*, — а не такая ученость, которая занимается только формальностями науки, или же мнимо ученымъ фантазерствомъ, и *ношеніемъ ученою мундира*. Поэтому такіе ученые и не могутъ выносить никакой свободы чужаго мнѣнія, никакого противорѣчія понятіяцамъ ихъ собственнаго изобрѣтенія или той рутинѣ, которой они служатъ учеными представителями: сколько они ни окружаютъ себя учеными атрибутами, изъ за этихъ атрибутовъ выглядываетъ все тотъ же «ветхій человѣкъ», тотъ же не совсѣмъ образованный человѣкъ, *не рѣдко со всеми дикими понятіями и замашками*, какого до сихъ поръ за частую производитъ наша жизнь. Поэтому въ нашемъ ученомъ быту и встрѣчаются такъ часто *уродливыя явленія* въ родѣ тѣхъ нападеній, которыя дѣлались противъ г. Стасова... Нападеніе на г. Стасова сдѣлано было *совершенно въ духъ этихъ нравовъ*. Прежде всего нашли нужнымъ дать понять *о недостаткѣ*

ХСІІІ

патріотизма, (а потомъ?) отвергали всякое научное значеніе труда ³⁰⁾.» О патріотизмѣ, котораго не требовали отъ г. Стасова, сказано нами уже выше. Отвергать научное значеніе ничтожнаго труда на основаніи спеціальной, какой ни есть, науки, значить по этимъ словамъ держаться полицейскаго вкуса, то есть впадать въ тотъ же полицейскій патріотизмъ, лишаться чистыхъ и возвышенныхъ понятій, не имѣть цивилизованныхъ нравовъ, отличатся дикими замашками и т. д.,—свойства по преимуществу «личныя», которыхъ не ставили въ упрекъ даже г. Стасову и которыя счелъ приличнымъ солидный журналъ приписать возражателямъ. Не говоримъ уже объ этой мягкости выраженія; ни объ изяществѣ пріемовъ: мы только отмѣтимъ здѣсь *ношеніе ученаю мундира*. Надѣмся, что его вовсе не стыдно носить тѣмъ, кто состоитъ на Русской службѣ ученаго или учебнаго вѣдомства, и не знаемъ, на сколько уничтожаетъ противниковъ это тяжелое обвиненіе. Не извѣстно также намъ, носить ли свой мундиръ профессоръ Миллеръ: но г. Веселовскій, нынѣ профессоръ всеобщей литературы, не занималъ еще никакой кафедръ, когда возражалъ г. Стасову; г. Некрасовъ, также теперь профессоръ Русской словесности, сколько намъ извѣстно, произнесъ рѣчь, гдѣ коснулся выводовъ г. Стасова (даже не называя его), только что прибывши въ Одессу, заготовивши матеріалы въ Москвѣ и едва ли успѣвши изготовить мундиръ, столь ненавистный для редакціи журнала; мы вовсе не принадлежимъ къ профессурѣ; а г. Гильфердингъ никогда и не носилъ синяго мундира. Страхи, которымъ всюду мерещится полиція на яву, скрываютъ за собою не рѣдко полицію другую: есть мундиры, которыхъ не надѣваютъ при появленіи въ публику; есть равно обличители мундировъ, которые при первомъ случаѣ прячутся подъ такой же мундиръ, и такого же цвѣта, только чужой. Достоинство статьи г. Стасова журналъ считаетъ

---

³⁰⁾ Тамъ же, стр. 1005, 1006.

рѣшеннымъ и рѣшаетъ неопровержимымъ потому только, что ему дана премія отъ Академіи. «Благопріятный отзывъ Академической Коммиссіи нельзя не счесть хорошимъ уровнемъ для тѣхъ черезъ мѣру пылакихъ и торопливыхъ критиковъ.... Ученое значеніе признано отзывомъ Академической Коммиссіи,» и т. д. ³¹⁾. Самъ г. Стасовъ въ томъ же журналѣ простирается еще далѣе: «Съ искренней благодарностью принялъ я отъ Академіи Наукъ приговоръ ея, признавшій, что мое изслѣдованіе о происх. Русск. был. имѣеть нѣкоторое значеніе не только для нашей публики, но и для ученыхъ, и для науки. Теперь, *когда дѣло уже кончено*, я признаюсь, что не совсѣмъ былъ увѣренъ въ томъ... Тѣмъ поразительнѣе и дороже было для меня извѣстіе, что не только Академія Наукъ нашла нѣкоторое значеніе въ моемъ изслѣдованіи, но что *даже премія* за него присуждена мнѣ ею едва ли не единогласно.» Онъ доходитъ до того, что, разбирая отзывы *оффиціальныя*, игнорируетъ и глубоко презираетъ другихъ *не-оффиціальныя* рецензентовъ, возражавшихъ *по собственному желанію*: «Кромѣ двухъ Академиковъ, разсматривавшихъ мой трудъ по порученію Академіи Наукъ, и при этомъ представившихъ свои возраженія, у меня было еще нѣсколько другихъ возражателей, разсматривавшихъ мое изслѣдованіе по собственному своему желанію. Я не стану излагать ихъ мнѣній.... ³²⁾» Намъ просто не вѣрится, ужели серьезные органы общественнаго мнѣнія серьезно думаютъ утвердить или видятъ достоинство статьи на основаніи данной преміи; намъ даже совѣстно предположить, что они въ рѣшеніи извѣстнаго «учрежденія,» хотя бы и спеціальнаго, усматриваютъ непогрѣшимость папы, невозможность заблужденія, ошибокъ и тому подобныхъ явленій, именно то, чего не видитъ въ себѣ само учрежденіе и чего избѣгаетъ, предлагая въ печати на общественный судъ свои акты къ отчету.

³¹⁾ Тамъ же и см. выше.

³²⁾ Тамъ же, кн. 2 и 3-я 1870 г. стр. 897, 390.

При всемъ нашемъ уваженіи къ правамъ и общему достоинству всякаго официального учрежденія, мы хорошо знаемъ, со всею Россіей, что официальность не ограждаетъ еще отъ ошибокъ и случайныхъ мотивовъ рѣшенія: имаче не было бы права апелляцій въ области той же самой системы и не нужна была бы періодическая литература, излагающая свои мнѣнія о совершенныхъ актахъ. Мы помнимъ: во всякомъ учрежденіи Русскомъ, даже въ избранной отъ него Комиссіи, легко случится, на примѣръ, что по вопросамъ, касающимся народнаго дѣла или спеціальнаго Русскаго народнаго творчества, могутъ участвовать люди, вовсе его не признающіе и, по отсутствію палеографическихъ признаковъ, отвергающіе подлинность самаго его существованія; могутъ присутствовать, какъ у насъ въ Россіи за частую, иностранцы, весьма достойные, но безъ всякаго живаго интереса къ подобнымъ вопросамъ; могутъ быть даже отличные спеціалисты, только не по той спеціальности, которая требуется въ данномъ случаѣ. Такъ ориенталисты, болѣе или менѣе официальные по своей профессіи, на которыхъ постоянно ссылается г. Стасовъ, поелику статья его фигурируетъ «восточною страной,» даже ориенталисты Академики, могутъ легко не имѣть никакого правильнаго понятія о пѣснотворствѣ Русскомъ, къ суду котораго привлекъ ихъ г. Стасовъ, а по тому самому и тѣмъ болѣе поводовъ имъ ошибаться, еслибы захотѣли они примѣнять къ предмету незнакому выводы собственной своей ориентальной области. Мы позволимъ себѣ привести примѣры изъ того времени, когда, при выходѣ «Областнаго Словаря» Русскаго, Академики и прочіе официалисты ориентальныхъ знаній сообщали свои мнѣнія о происхожденіи, именно заимствованіи многихъ словъ Русскихъ съ поздняго Востока Азіатскаго. Г. Григорьевъ, на примѣръ, выводилъ слово «болобанъ (перегласовка «болванъ»)» съ *Татарскаю*; оттуда же «буять;» «жупанъ (исконное Славянское, своего стариннаго, сложнаго словообразованія)» отъ *Татарскаю*, а у Татаръ «изъ языка Персіянъ;» «озарной, озарничать» отъ *Персидскаю*; «отава

(видъ травы)» съ *Тюрскаю*; «зѣриться» «въ связи съ Персидскимъ корнемъ;» «таланъ (талантъ)» — *Персидское*. Г. Казембекъ: «бабай, бабайка (въ той же почти формѣ у Сербовъ и Болгарь—старшій въ родѣ, отецъ, прамать и т. п.)» отыскивалъ въ *Персидскомъ* и *Тюркскомъ*; «бажатка (божатка, крестіная мать)» въ *Адербиджанскомъ Тюркскомъ языкъ*; «боровчакъ (заборовѣвшій, заматорѣвшій, взрослый теленокъ)» въ *Тюркскомъ* «бозовъ (съ переменною з въ р),» а «что касается до окончанія чакъ или сакъ, то оно чисто *Тюркское*;» «буйный (о хлѣбѣ; ср. Польск.)» и «буять (рости на волѣ)» изъ *Тюрскаю*; «витвина (вѣтвина)» — «въ нѣкоторыхъ *Тюркскихъ нарѣчіяхъ*;» «вица (вѣтвь, свитое, пруть и прутья, розги)» въ *Персидскомъ*; при выраженіи «въ назирку» поставлено «восточное слово, которое, по наружной формѣ, имѣеть здѣсь болѣе право на родоначалье, *Араб.* гл. *незерэ*;» «выбрякать (выбрякнуть, слово)» — «заимствовано изъ *Тат.* глагола *бришамек*;» «вытаращиться,» при чемъ, въ смыслѣ страха, хоть бы вспомнить греч. «Тарассо,» послѣ Рейфа, искавшаго въ *Персидскомъ*, — «въ *Тюркскомъ* *диришмек*;» «вбюнь» — «можно подозрѣвать въ *Тюркскомъ*.» Г. Березинъ: «водерень (въ одерень, въ разрѣзъ, въ разъ, совсѣмъ)» изъ *Татар.* «ботара;» «дробина» — *Персид.* «мердебан» и т. д. Самъ г. Шифнеръ, въ знаніяхъ коего не имѣемъ мы повода сомнѣваться, опровергшій хранину главнаго вывода у г. Стасова и постоянно имѣющій несчастье пользоваться его ссылками или благоволеніемъ, г. Шифнеръ, сообщившій привязчивому почитателю, по увѣренію сего послѣдняго, существенныя оріентальныя объясненія, по неволѣ несетъ вину за производство словъ, которыя г. Стасовъ съ триумфомъ ведетъ съ Востока: *артель* (перегласовка и дальнѣйшая форма отъ «роты»), *буеракъ* (буй яругъ, заросшій или дикій оврагъ), *жупанъ* и *зипунъ*, *товаръ* (общее Индо-европейское), даже *упырь* (вампиръ) и т. п. ³³⁾ Никто не за-

³³⁾ Тамъ же, кн. 3, стр. 389.

подозрѣть спеціальныхъ свѣдѣній упомянутыхъ ориенталистовъ, но никто также изъ Русскихъ, Славянъ или вообще Европейцевъ, сколько ни будь образованныхъ филологически въ «своей спеціальности,» не удержится отъ улыбки, читая приведенныя словопроизводства и сближенія: какъ же не ошибиться послѣ этого въ высшей еще функціи народнаго слова, въ пѣснотворчествѣ устномъ, которое, помимо всего прочаго, мало извѣстно въ подробностяхъ даже многимъ ученымъ спеціалистамъ литературы Русской? Не удивительно, если бы излюбленные ученые погрѣшили здѣсь невѣдѣніемъ и даже, по невѣдѣнію, отнесли сочувственно къ статьѣ г. Стасова. Притомъ можно очень сочувствовать чувствомъ сердца, но, какъ мы видѣли, въ то же время критикою ума отвергать главные выводы и по человѣческой слабости грѣшить въ дѣлѣ спеціального знанія. Степенному журналу очень хорошо извѣстно, что въ подобномъ вопросѣ не застрахованы Академики отъ заблужденій прочихъ своихъ собратьевъ ученыхъ и не имѣютъ предъ ними въ дѣлѣ науки никакого преимущества, кромѣ официальнаго положенія и—связаннаго съ нимъ мундира. Журналъ, ратующій чуть не въ каждой книжкѣ за свободу литературы и науки противъ монополіи учреждений, официальнойности и мундира, журналъ, ради либеральности своей, которой мы не могли бы не сочувствовать въ истинномъ смыслѣ, подвизающійся противъ Министерства Просвѣщенія и особенно Университетовъ, въ настоящемъ случаѣ, купно съ прикрытымъ уже достаточно сотрудникомъ, укрылся самъ также точно *подъ мундиръ*, и развѣ только, при синемъ цвѣтѣ и прочихъ форменныхъ отличкахъ, измѣнилъ пуговицамъ и шитью воротника. Мы всегда были убѣждены, что либерализмъ Петербургскій въ сущности, подъ покровомъ, есть постоянно жесточайшій деспотизмъ, именно въ дѣлѣ литературы и науки.

Журналъ, разумѣется, рассыпается вмѣстѣ съ тѣмъ въ похвалахъ рецензентамъ, Академикамъ Буслаеву и Шионеру, признавая ихъ вполне компетентными судьями въ интересующемъ

вопросъ. «Выбраны были дѣйствительно компетентные люди: г. Буслаевъ доселѣ есть самый заслуженный специалистъ по древней Русской поэзіи; г. Шифнеръ извѣстенъ своими трудами о сказочномъ эпосѣ и могъ наилучшимъ образомъ судить о восточныхъ элементахъ вопроса ³⁴⁾.» Мы готовы совершенно раздѣлить это мнѣніе, особенно относительно г. Буслаева, который намъ столько же знакомъ почтенными трудами и вліяніемъ благотворнымъ, сколько неизвѣстенъ лично, и однако ничѣмъ еще не оказалъ противнаго г. Шифнеръ.

Но, дѣло въ томъ, что все это писалось въ журналѣ, когда, по увѣренію его, «подробный отчетъ Академической Коммисіи, гдѣ будутъ напечатаны вполнѣ и самыя рецензіи, еще не вышелъ въ свѣтъ ³⁵⁾.» Намъ нѣтъ возможности проникать въ закулисныя тайны или предполагать, что журналу не были хорошо извѣстны тогда же, до печати, и отзывъ Коммисіи, и рецензіи гг. Шифнера съ Буслаевымъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ-то прямо и основывается журналъ торжество статьи г. Стасова.

Вскорѣ однако, если не въ одно время съ выходомъ Декабрьской книжки «Вѣстника Европы,» отпечатано и то, и другое, и третье. «Отчетъ» рассказалъ о составѣ Коммисіи и о «другихъ соображеніяхъ,» ею устраненныхъ, а рецензія одного Академика опровергла въ статьѣ все существенное, другой же Академикъ превзошелъ всѣхъ прежнихъ возражателей неумолимымъ обличеніемъ, рѣзкостью приговора въ дурную сторону и элементомъ комизма, или, лучше, неудержимаго смѣха. И вотъ на страницахъ того же самаго журнала, въ слѣдующей же февральской книжкѣ, тотъ же самый компетентный судья и самый заслуженный специалистъ оказался просто нигде не пригоднымъ и ниже всякой критики. Нѣтъ мѣры ярости противъ г. Буслаева со стороны г. Стасова; рецензія Академика

³⁴⁾ Тамъ же, Декабрь 1869, стр. 1004.

³⁵⁾ Тамъ же, стр. 1008.

«крайне изумительна по своей непоследовательности,» «онъ совершаетъ нѣсколько эволюцій, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго,» и т. д. Какъ вы думаете, впрочемъ, какой выставляется здѣсь первый предлогъ гнѣва? Трудно повѣрить этому въ печати: за чѣмъ г. Буслаевъ присуждалъ за статью *почетный отзывъ* (а не *премію*). Другими словами, но въ томъ же самомъ смыслѣ, авторъ даетъ разумѣть, что еслибы Буслаеву быть последовательнымъ, то ему непременно должно бы или отозваться хорошо и приговорить премію, или уже не предлагать почетнаго отзыва, а рѣшительно осудить или уничтожить статью. «Я всего болѣе желалъ, чтобъ моимъ критикомъ сдѣлался этотъ ученый (и Академія, уничтожая стороннія соображенія, мы видѣли, исполнила это желаніе)... Я былъ твердо убѣжденъ, что если правда не на моей сторонѣ, то пусть же все ложное и слабое такъ сразу и погибнетъ подъ ударами, науки, знанія, глубокихъ соображеній и могучей силы (Буслаевъ это и исполнилъ, какъ убѣдимся еще ниже, а предложеніе почетнаго отзыва не въ состояніи воздвигнуть падшаго подъ ударами «могучей силы»); но за то, если правъ я, тогда въ самомъ настоящемъ свѣтѣ выступитъ значеніе высказанныхъ мною положеній (и воспослѣдуетъ, заключаемъ мы отъ себя, согласіе на премію).... Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его рецензіи, ожидалъ отъ нея *горы пользы* и поученія для себя. Но, прочитавъ ее, я былъ удивленъ *только однимъ*: какимъ образомъ послѣ всего, что профессоръ Буслаевъ нашелъ въ моемъ изслѣдованіи, онъ *могъ еще* предложить Академіи наукъ, чтобы она присудила мнѣ *почетный свой отзывъ* (и такъ вся бѣда въ почетномъ отзывѣ: онъ-то и обиденъ). Почти нѣтъ ни единой страницы въ критикѣ профессора Буслаева, гдѣ бы не было говорено о моей непростительной точкѣ зрѣнія на факты и такомъ же способѣ обращенія съ ними, о моихъ приемахъ, не относящихся къ серьезной наукѣ, о моемъ насильственномъ приравниваніи былинъ къ иностраннымъ оригиналамъ, объ уклоненіи отъ открытія дѣйствительнаго сходства между

тѣми и другими, о затеряніи мною того «*кое-что*,» которое безъ сомнѣнія есть между былинами и восточными сказаніями, о моихъ натяжкахъ, о моихъ ухищренныхъ натяжкахъ, о моей методѣ храбрыхъ натяжекъ, о моемъ навязываніи былинамъ безсмысленности, пошлыхъ урѣзокъ и недомолвокъ, о капризной случайности моихъ болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій, о моихъ многочисленныхъ запутанностяхъ, и т. д. (канцелярскимъ слогомъ, но безпристрастно авторъ по Буслаеву высчитываетъ всѣ свои недостатки: кажется, Буслаевъ выполнилъ все свое дѣло? Но—или премія, или ничего! Все сводится къ тому: за чѣмъ почетный отзывъ, столь бесполезный и не правый?)... Не почетнаго отзыва, а самаго рѣшительнаго осужденія и самаго строгаго порицанія заслуживаютъ они (пріемы и выводы г. Стасова), и, конечно обязанность Академіи Наукъ состояла именно въ томъ, чтобъ еще съ *большею рѣшительностію*, чѣмъ ея рецензентъ, дать отпоръ нехорошимъ вещамъ, имѣющимъ претензію проникнуть въ святилище науки; вѣдь Академія должна быть самымъ вѣрнымъ стражемъ этой послѣдней.» Сравните выше понятіе г. Стасова и журнала объ официальномъ положеніи Академіи; продолжая безпристрастіе свое, авторъ обвиняетъ и ее за непослѣдовательность въ присужденіи преміи. Но, раздѣляя съ г. Стасовымъ мнѣніе о свободѣ критики вообще и относительно сужденій Академіи, мы однако же, въ данномъ случаѣ, обязаны въ защиту ея замѣтить, что, обращаясь къ «отпору нехорошихъ вещей,» она уклонилась бы въ стороннія соображенія не-ученыя и въ интересы не-научные: для устраненія ихъ, какъ сказано, и выбранъ былъ г. Буслаевъ, а потому нужно же было дать свободу его мнѣніямъ и отзывамъ. Куда однако, среди этихъ упрековъ, затерялись похвалы журнала безпристрастію Академической Коммисіи? Другими словами: если бы не дана была премія, тогда, по логикѣ журнала, восторжествовали бы стороннія соображенія и полицейскій патріотизмъ, а между тѣмъ обличенія Буслаева все-таки остались бы въ «могучей силѣ,» да

удѣлялъ бы и ненавистный «почетный отзывъ.» Развѣ это было бы пріятнѣе г. Стасову? «Правда, проф. Буслаевъ предлагалъ дать мнѣ почетный отзывъ—за *новость взгляда*» и за *обширный матеріалъ*»; но, безъ сомнѣнія, такіе мотивы не могутъ имѣть равно никакого значенія для Академіи Наукъ, и «новость взгляда,» никуда негодящагося, и «обширность матеріала,» употребленнаго во зло или искаженнаго, все это не достоинства, а пороки, требующіе кары.» Надо признаться, намъ рѣдко случилось видать столь спокойныя, столь безпристрастныя обличенія, направленные на себя самого и на всѣ свои труды до послѣдней подробности. Авторъ признается, что не стоить даже почетнаго отзыва. Авторъ ставитъ вѣрному стражу святилища науки противу вторженія вещей нехорошихъ суровую дилемму: или будь послѣдователемъ, вѣренъ довѣреннымъ рецензентамъ и, устраняя всякіе не научные интересы и не ученые соображенія, осуди меня, лиши даже деликатнаго почетнаго отзыва;—или же будь непослѣдователемъ, войди въ соображенія стороннія и дай нехорошимъ вещамъ премію къ полному ихъ торжеству. Какъ ни рѣзко здѣсь исканіе правды, всегда весьма почтенное, мы можемъ только замѣтить автору, что онъ слишкомъ натянулъ отношенія, что онъ черезъ чуръ напрягъ соображенія, кои не входятъ въ науку спокойную и только раздражаютъ, да и въ жизни такой способъ дѣйствій доводитъ иногда до крайности преступленій и во избѣжаніе ихъ именно улаживается мягче какими ни будь компромиссами. Не возможно же быть такимъ строгимъ, особенно въ отношенія нашихъ учрежденій, иногда затрудненныхъ въ своемъ официальномъ признаніи разными неотвратимыми случайностями. Однако не довольно еще того: сочинитель, выступивъ совсѣмъ изъ области литературы и науки, обратился къ собственному лицу и предназначталъ себя нравственный подвигъ. «Награды тутъ немыслимы, и, если бы, какимъ нибудь чудомъ, по какой-то невообразимой оплошности, Академія присудила что ни будь за вещь негодную, всякому автору, сколько ни будь раз-

мысляющему и сознающему свое достоинство, следовало бы отказаться от столь странной награды ³⁶⁾» Мало удавалось намъ встрѣчать такую неподкупную искренность или высоту въ сознаниі нравственныхъ требованій, и, хотя они конечно уже удаляются отъ сферы науки въ соображенія стороннія, моральныя и этическія, но по нашему вовсе нѣтъ бѣды въ родствѣ и связи такихъ двухъ важныхъ областей человѣческой жизни. Можно сказать, вспоминая слова Журнала, этимъ данъ хорошій урокъ тѣмъ черезъ мѣру пылкимъ и торопливымъ критикамъ, которые отдѣляютъ рѣзко вопросъ науки отъ жизненныхъ соображеній, яко бы стороннихъ, требующихъ заботливаго исключенія. Можно не соглашаться съ авторомъ, становясь на практическую точку зрѣнія и допуская неизбежныя—увы—компромиссы; но послѣдняя дилемма его, по логикѣ ума и чуткю нравственному, остается въ могучей силѣ: или премія присуждена за вещь негодную, не естественнымъ путемъ, чудомъ, даже невообразимую оплошностью, и въ такомъ случаѣ судъ послѣдователенъ отзыву компетентнаго, довѣреннаго Академика, а награжденный, если онъ мыслить и сознаетъ свое достоинство, немедленно обязанъ отказаться отъ странной награды; — или же Академія неослѣдовательна, Буслевъ негоденъ, прочь его почетный отзывъ, а годна только самая вещь, и естественно, не чудомъ и не по оплошности, напротивъ совершенно послѣдовательный, авторъ долженъ принять премію.

Прекративъ однако же свои нападки на Академію, прибавимъ—несправедливыя, авторъ предпочелъ въ сей дилеммѣ не отказаться отъ преміи, сознавъ свою вещь годною и только обрушился на негодность профессора Буслева. Но этотъ послѣдній подвигъ, если онъ совершенъ, какъ изъ всего оказывается, главнымъ образомъ за «почетный отзывъ» также намъ кажется несправедливымъ, ибо выступаетъ *исключительно* въ сферу нравственныхъ требованій, уже не въ родствѣ и въ связи,

³⁶⁾ Тамъ же, Февраль 1870, стр. 898, 899.

а во враждѣ и въ противоположности съ наукою. Конечно, можно требовать: но вѣдь можно же ошибаться въ самыхъ—кажется—нравственныхъ требованіяхъ, а главное, *нашлись* требованій не всегда въ состояніи исполнить *другіе*. Можетъ статья правда, Буслаевъ былъ непослѣдователенъ, допустивши «почетный отзывъ» послѣ того, какъ уничтожилъ все научное значеніе статьи: тѣмъ не менѣе, уничтожая, вѣдь онъ дѣйствовалъ во имя науки, ея средствами, столь у него богатыми, со всею искренностью научнаго убѣжденія, столь извѣстнаго въ почтенномъ профессорѣ. *Со стороны науки* онъ правъ и совершенно послѣдователенъ: и вотъ почему, между прочимъ, ничего не возражала и не нашла ему возразить Академія, вполне довѣрчивая къ своему достойному сочлену и хорошо понимающая его достоинства. Переходя отсюда къ «почетному отзыву,» профессоръ вступалъ въ область *нравственныхъ вопросовъ*: можетъ быть онъ хотѣлъ только поощрить къ добру, поднять челоуѣка, пособить ему выйти изъ заблужденія, чтобы не совсѣмъ оттолкнуть, чтобы не отбить впередъ охоты отъ всякихъ уже занятій отечественной словесностью? Допустимъ, что здѣсь оказался онъ нравственную непослѣдовательность и слабость: вѣдь это уже переходитъ въ свойства моральныя; а кто же имѣетъ право пробираться сюда, вкрадываться, какъ говорить «Вѣстникъ Европы,» въ душу писателя съ полицейскими разысканіями, о количествѣ патріотизма или направленіи нравственномъ? Статься можетъ, ваше требованіе черезъ чуръ уже строго; статься можетъ, ему и не могли удовлетворить въ данномъ случаѣ. Да и какіе же мы судьи нравственныхъ побужденій! Сами вполне готовые изъ за нихъ отречься отъ прямой выгоды, бросимъ ли камень въ тѣхъ, кто, положимъ по слабости, желалъ намъ дать хоть почетный отзывъ? Вспомните, что даже Академія, выслушавъ Буслаева съ полнымъ вниманіемъ и довѣряя вполне его серьезному научному обличенію, съ другой стороны имѣя отзывъ г. Шифнера, также уничтожившій суть статьи, не колебалась однако и, почти едино-

гласно, какъ увѣряетъ г. Стасовъ, дала ему премію: конечно, не съ дурною же, не съ злобною цѣлю и коварнымъ намѣреніемъ, не по оплошности, не въ насмѣшку, а именно въ опощеніе, въ вящее побужденіе трудиться впередъ и совершенствоваться, принимая къ сердцу отпечатанныя строгія рецензіи и высвобождаясь отъ заблужденій. Вотъ что и значило подлинно *устранить* всякія *иныя, внѣ науки, соображенія*, вынести ихъ за предѣлы критики: то есть, мы не имѣемъ теперь права и входить въ нихъ; другое дѣло отзывы науки,— ихъ можно критиковать, а совсѣмъ другое область нравственная, куда простираться нѣтъ намъ никакого права ни относительно высшихъ учреждений, какъ состоящихъ изъ человѣческихъ лицъ, ни относительно рецензентовъ, также лицъ въ положеніи человѣческомъ. Тутъ нужно уже съ нѣкоторою деликатностію понимать личныя *положенія*. Чего, на примѣръ, вы можете требовать и даже ожидать отъ г. Невоструева, келейнаго труженика, отдавшаго всю жизнь и силы своей наукѣ, среди Славянскихъ рукописей, священныхъ текстовъ, богослужебныхъ книгъ или церковной исторіи, умѣвшаго въ своемъ уединеніи возвыситься изъ сферы кропотливаго труда до замѣчательнаго творчества мысли, вкусившаго этой свободы знанія и его освобождающей силы, никакой внѣшности не ищущаго, не связаннаго разсчетами званія, мѣста, чина, степени, дохода, преміи, какого угодно журнала, однимъ словомъ того г. Невоструева, котораго всѣ знаютъ,—и онъ этому требованію отвѣтилъ, онъ правдиво—по своему убѣжденію—отвергъ всякое приличіе преміи за книгу г. Хрущова: того же, говоримъ, и въ той же мѣрѣ, несправедливо, черезъ чуръ сурово, насильственно было бы домогаться и непремѣнно то самое выматывать у лицъ совсѣмъ инаго положенія, лицъ хотя бы единичныхъ, въ какомъ ни будь профессорѣ и академикѣ, хотя бы коллективныхъ, въ сложной Академической Коммисіи или въ цѣлой Академіи. Притомъ, къ чему же привелъ научный и тѣсно соединившійся нравственный подвигъ г. Невоструева, конечно,

какъ слѣдуетъ предполагать, стѣившій ему не мало раздумья, не мало нравственныхъ колебаній, не мало споровъ съ собственнымъ личнымъ, столь же извѣстнымъ, добродушіемъ? Сочиненіе г. Хрущова, не смотря на отзывъ довѣреннаго рецензента, не склонившагося на частныя инсинуаціи, говорятъ, ему предпосылавшіяся, было увѣнчано наградою: и вопросъ возвращается съ тою же, прежнею силою, и если бы даже Буслаевъ, слѣдуя примѣру Невоструева и внушеніямъ г. Стасова, взявъ назадъ свой почетный отзывъ, и тогда г. Стасовъ всё-таки не избѣгъ бы непріятнаго положенія получить премию. Наконецъ нельзя же не принять въ расчетъ личнаго характера, отъ котораго не имѣетъ возможности вполнѣ высвободиться писатель и куда мы не имѣемъ права вторгаться съ преобразованіями. У иного кажущаяся слабость или видимая неустойчивость условливается и даже объясняется на самомъ дѣлѣ природнымъ добродушіемъ, врожденною деликатностью и постоянною привычкою къ мягкости отношеній, такъ что человекъ, видя даже ничтожество произведеній другаго, просто не въ силахъ произнести рѣзкаго заключенія и, хоть къ концу, да всё-таки похвалить непременно. Этого, къ величайшему сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ, также не оцѣнилъ г. Стасовъ: минуя правдивую сторону рецензіи и разборъ серьезныхъ аргументовъ, безъ всякой лести уничтожившихъ всю статью г. Стасова, онъ опять, за почетный отзывъ, устремился въ другую крайность, на личную характеристику г. Буслаева. Здѣсь онъ превзошелъ всякую мѣру и, если мы выпишемъ хоть нѣсколько строкъ его заключенія, то единственно лишь въ примѣръ, какъ, по словамъ Академіи, легко можно избѣгнуть науки и впасть совсѣмъ въ инныя, стороннія соображенія.

«Проф. Буслаевъ, какъ истый старовѣръ въ литературѣ, всегда восхищался самыми невообразимыми, самыми удивительными вещами въ древней русской литературѣ и исторіи, приводя лишь тѣмъ въ удивленіе своихъ читателей. Всякій обскурантизмъ, всякое нелѣпое ханжество, всякая чепуха старин-

ныхъ легендъ и сказаній находили въ немъ постоянно наивнаго энтузіаста; всякое наибезобразнѣйшее произведеніе древняго русскаго искусства находило въ немъ себѣ набожнаго поклонника и пропагандиста, лишь бы только оно было древнее и русское. Однимъ словомъ, хотя онъ отъ времени до времени и подсмѣивается надъ Славянофилами, но онъ тотъ же Славянофилъ, только въ новомъ видѣ и образѣ, отчасти за новопрошпигованный кое-какими европейскими диссертаціями и трактатами. Ему и Европейцемъ-то быть хочется (даже, если возможно, современнымъ), да и русскихъ-то всѣхъ предразсудковъ уступать нѣтъ охоты. Вотъ, труся и того другаго (отъ того до другаго?), шатаясь постоянно отъ одного берега къ другому, онъ никогда не достигаетъ ничего опредѣленнаго. Спрашивается, легко ли при такой натурѣ и тенденціяхъ вдругъ отказаться отъ стародавняго убѣжденія на счетъ самостоятельности цѣлаго отдѣла старой русской поэзіи ²⁷⁾? Мы удивляемся только, какъ солидный журналъ, за мѣсяцъ говорившій съ увлеченіемъ о г. Буслаевѣ, какъ судья «компетентномъ и самомъ заслуженномъ специалистѣ по древней Русской поэзіи,» то есть когда нужно было, до напечатанія рецензіи, выставить торжество г. Стасова, теперь, ради одного упорства въ прежней ошибкѣ, допустившей статью г. Стасова, соизволилъ еще новую и вѣщую, не опасаясь, что это можетъ компрометировать всякую репутацію степеннаго органа общественнаго мнѣнія. Если даже предположить, что г. Буслаевъ дѣйствительно оказалъ какую ни будь слабость, то это уже слишкомъ незаслуженная кара. Давно и глубоко уважая почтеннаго нашего профессора, мы не можемъ скрыть живѣйшаго негодованія на такое «личное» обращеніе среди вопросовъ науки. Самому г. Стасову, ни прежніе рецензенты, ни гг. Шифнеръ и Буслаевъ, такихъ вещей не высказывали и не согласятся сказать даже теперь. Напротивъ, не имѣя чести знать лично г. Стасова, мы,

²⁷⁾ Тамъ же, кн. 2. стр. 935.

СѢІ

на основаніи его прежнихъ статей и брошюркъ, всегда были увѣрены по крайности въ его талантѣ, остроуміи, находчивости соображеній и, не ощущая ни нужды, ни права, ни охоты обращаться къ «натурѣ» и тому подобнымъ личнымъ свойствамъ, видѣли въ немъ постоянно полезнаго въ литературѣ любителя, въ наукѣ диллетанта. Даже знаменитая статья «о происхожденіи Русскихъ былинъ» не совсѣмъ поколебала наши заочныя убѣжденія: мы усматривали только, и откровенно это высказали въ своемъ мѣстѣ, что г. Стасовъ взялся за дѣло, которое ему вовсе не подѣ силу, такъ какъ онъ очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о Русскомъ народномъ пѣснотворествѣ, не знаетъ и Славянскаго—по незнанію языковъ и литературъ Славянскихъ, съ прочимъ народнымъ пѣснотворчествомъ Европы знакомъ только по переводамъ, популярнымъ изложеніямъ и учебникамъ, а Восточнаго не вѣдаетъ и подавно, ни въ оригиналахъ, ни въ критическихъ изданіяхъ текста, замѣняя все это поминутными справками у окружающихъ—болѣе или менѣе — специалистовъ, урывками прихватывая, случайно пользуясь, на обумъ цитуя, по догадкѣ растолковывая, то не договаривая, то переговаривая, то оговариваясь. Трудность такой задачи—повѣствовать о томъ, и печатно, чего не знаешь, заставляла автора на неблагодарную работу тратить непроизводительно, по мелочамъ, свойственное остроуміе, напряженность дивинаціи, ловкость приѣмовъ, нѣкоторую художественность въ построении статей изъ непрочнаго матеріала и замѣтный всѣтаки литературный талантъ вообще. Узнавъ о преміи, мы радовались искренно этому поощренію, ибо снисходительность одной стороны побуждаетъ другую, если она сколько ни будь правильно развита, восходить выше и подниматься, освобождаясь отъ недостатковъ. Не принадлежа нисколько къ противникамъ г. Стасова и къ массѣ его неустающихъ ратоборцевъ, мы готовились, напротивъ, при случаѣ пособить г. Стасову и сообщать ему, разумѣется пріятный, но конечно неизвѣстный по незнанію Славянскихъ литературъ, отзывъ почтеннаго За-

CVIII

гребскаго ученаго В. Ягича, который въ отвѣтъ нѣкоторымъ Русскимъ сомнѣніямъ призналъ статьи г. Стасова статьями «резвыми ³⁸⁾». Прискорбныя послѣдствія злополучной преміи, т. е. статьи, за ней появившіяся и особенно самого г. Стасова, а всего больше отношенія его къ рецензіи г. Буслаева, совершенно измѣнили, доселѣ достаточно прямое, дѣло и вопросы чистой науки, не совсѣмъ еще прежде обойденные.

Обстановка журнальная, сопровождавшая естественное при- сужденіе преміи, бросила обратно какой-то странный свѣтъ на все теченіе дѣла. Эти предварительныя, никому собственно не- нужныя, оправданія и «особенныя заботы» объ устраненіи ка- кихъ-то «другихъ соображеній.» Это довѣріе къ Академикамъ, позднѣе не оправданное примѣненіемъ ихъ приговора; эти по- хвалы рецензентамъ до напечатанія рецензій и страшныя хулы по напечатаніи тотчасъ же; это нравственное отвращеніе отъ почетнаго отзыва и отъявленная готовность къ подвигу отка- за отъ преміи; эти хлопоты ссылокъ на составъ Комиссіи и суровая ссылка цѣлому составу ученыхъ критиковъ; эти не- однократныя пополненія вѣнчаемаго труда новыми справками и приписками, честь пополняющимъ, горе не выдавшимъ то- го; эти бѣганья, забѣганья и убѣганья... А тутъ еще проно- сится вѣсть громкаго «Голоса» о томъ, какъ забалотированъ почтенный ученый г. Гильфердингъ: обстоятельство весьма странное намъ, и по самому желанію или расчету балоти- роваться, и по чернотѣ шаровъ. Можетъ статья, мы ошиб- лись, но только взору нашему предстали слишкомъ явныя зна- менія времени: времени, неблагопріятнаго успѣхамъ Русскаго и всего Славянскаго народнаго творчества, собиранію, изданію, оцѣнкѣ памятниковъ, выводамъ науки въ сей области и вооб- ще движенію, въ семъ смыслѣ, общаго народнаго дѣла.

Случайно этотъ «тонъ дѣлающей музыки» заданъ былъ въ ту

---

³⁸⁾ „Труды“ Югославянской Академіи, кн. VIII, 1869; г. Ягичъ называетъ „резво писанными чланица од В. Стасова.“

именно пору, когда послѣ нѣсколькихъ неудачъ предъ высшимъ судилищемъ, но послѣ десятилѣтнихъ удачъ изданія, известнаго подъ именемъ Кирѣвскаго, мы рѣшили было представить трудъ свой на соисканіе Уваровской преміи, съ цѣлю, матеріальными ея средствами ускорить продолженіе того же или двинуть впередъ ходъ другихъ подготовленныхъ изданій народнаго Русскаго пѣснотворчества. Намъ въ семъ случаѣ отнюдь не отталкивалъ успѣхъ г. Стасова въ соисканіи, напротивъ именно эта, неожиданно объявившаяся, склонность поощрять подъ рядъ всѣ труды, направленные въ народную область, всего болѣе вызвала и обнадеживала. Документы Общества Л. Р. Слов. всего яснѣе раскроютъ ходъ этого дѣла. «По докладѣ секретаря о томъ, что въ виду оказаннаго недавно вниманія И. Академіи Наукъ къ сочиненіямъ о памятникахъ нашей народной словесности, удостоеннымъ Уваровской преміи, благо- временно было бы представить къ тому же соисканію законченныя нынѣ *дѣль части* изданія «Пѣсенъ, собр. П. В. Кир.,» обнимающія былевое творчество всей Древней Руси до Петра I-го и снабженныя, при текстѣ пѣсенъ, многочисленными примѣчаніями, нѣсколькими указателями и измѣдованіями, г. предсѣдатель выразилъ желаніе слышать о семъ мнѣніе В. А. и Н. А. Елагиныхъ, родственниковъ покойнаго собирателя, кои вмѣстѣ состоятъ дѣйств. членами Общества, но въ настоящее время отсутствуютъ³⁹⁾.» В. А. Елагинъ, которому вручено было покойнымъ П. В. Кирѣвскимъ распоряженіе его сборникомъ по смерти и который передалъ намъ пѣсни, а Обществу право изданія, отвѣтомъ своимъ, какъ и слѣдовало ожидать, подтвердилъ: «Вы конечно и безъ моего отвѣта знаете мое мнѣніе о Вашемъ предложеніи Обществу: съ Вашей стороны обращеніе къ Обществу было только одною учтивостью, потому что Вы имѣли полное право представить Вашъ почтенный трудъ

³⁹⁾ Протокол. О. Л. Р. Ст. 265 засѣд. 1869 года; печатаются протоколы въ „Моск. Вѣдом.“ и „Журн. Мин. Нар. Просв.“

на премію ни съ кѣмъ не спрашиваясь, и я не понимаю. почему бы хотя малѣйшая частица преміи могла принадлежать, по всѣмъ правамъ, кому *либо кромѣ Васъ* ⁴⁰⁾.» Тѣмъ не менѣе издатель, въ виду новыхъ, означенныхъ выше, неблагоприятныхъ обстоятельствъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія, выжидая въ будущемъ лучшей перемѣны господствующаго тона. «Общество, выслушавъ отвѣтъ д. ч. В. А. Елагина по вопросу о представленіи изданія «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кир.,» на соисканіе Академической преміи и выразивъ вновь полное сочувствіе издателю д. ч. П. А. Безсонову, предоставило его собственному усмотрѣнію распорядится впредь по сему предмету; при чемъ издатель прочтенною докладною запиской заявилъ, что въ виду нѣкоторыхъ современныхъ обстоятельствъ онъ отлагаетъ съ своей стороны соисканіе преміи.... ⁴¹⁾» По-

⁴⁰⁾ Письмо при дѣлахъ Общества.

⁴¹⁾ Проток. 266-го засѣд. Докладная записка при дѣлахъ Общества: «Побужденія и права, руководившія издателемъ къ соисканію преміи, достаточно разъяснились.—Между тѣмъ мнѣніе самого издателя о соисканіи Академической преміи совершенно измѣнилось.—Произведеніе г. Стасова, удостоенное отъ Академіи Уваровской награды, входитъ въ область Русскихъ памятниковъ народнаго творчества, которыхъ сочинитель никогда не собиралъ, не издавалъ и по видимому даже не читалъ какъ слѣдуетъ, ибо выводы его касаются гораздо болѣе Агтая, Борнео и Ореноко. Посему, специалисты наши по предмету народнаго творчества и народной исторической жизни у Славянъ вообще, а у Русскихъ въ особенности, какъ-то гг. Миллеръ (весьма впрочемъ намъ несочувственный), А. Ф. Гильфердингъ, А. Н. Веселовскій, Ф. И. Буслаевъ, коего печать по справедливости признаетъ «самымъ заслуженнымъ специалистомъ по древней Русской поэзіи,» и нѣкоторые другіе сочлены нашего Общества—не открыли въ изслѣдованіи г. Стасова * слѣдовъ успѣшнаго обращенія съ предметомъ.—Тѣмъ не менѣе лестное вниманіе Академіи Наукъ удостовѣрило готовность ея—поощрять всякой трудъ, касавшійся народнаго творчества, особенно же, если бы встрѣтилось

слѣдствія еще дальнѣйшія доказали, что по крайности относительно господствующаго нынѣ тона въ литературѣ и наукѣ даннаго предмета издатель не ошибся, воздержавшись вступить на арену немножко странную и въ сообщество не весьма вожделѣнное.

Премія, данная г. Стасову, сама по себѣ безобидная, вмѣстѣ съ рецензіями официальныхъ критиковъ и антирецензіями авто-

изданіе или сочиненіе дѣйствительно порядочное. Въ этихъ видахъ и сдѣлано было представленіе Обществу Любителей Россійской Словесности, дабы итти на встрѣчу заявленному расположенію Академіи и дабы суммы, очевидно составляющія излишекъ въ оборотѣ народнаго капитала, посвященнаго поддержкѣ наукъ, получили бы прямое назначеніе, то есть съ ихъ помощью могло бы отпечататься и разъясниться еще нѣсколько памятниковъ, составляющихъ неотъемлемое духовное достояніе народа, для пользы его же самого и потомства.—Къ сожалѣнію, въ настоящее время журналы, пользующіеся нѣкоторымъ удѣльнымъ вѣсомъ, усмотрѣли напротивъ и провозгласили въ поощрительномъ дѣйствіи Академіи, своеобразно толкуя его, какое-то знамя свѣжей партіи, смѣняющей Русскаго «вѣхаго человѣка,» и торжество началъ новѣйшихъ, олимпетворенныхъ статью «о происхожденіи Русскихъ Былинъ.» Слѣдовательно возможный успѣхъ соисканія преміи по тому же предмету набросилъ бы нынѣ на труды испытанные и долготѣніе невыгодную тѣнь, поставивши ихъ на ступень равную съ дѣтскими играми юнѣйшихъ началъ, а *вѣроятный неуспѣхъ* придалъ бы искателямъ вовсе ненужный блескъ достоинства, которымъ неблагонамѣренныя могли бы воспользоваться для незаслуженнаго укора ученому учрежденію. — Потому, ММГГ., впредь до измѣненія обстоятельствъ, издатель, удерживая за собою право, ему принадлежащее, соисканіе преміи означеннымъ путемъ облагаетъ.»

*

Послѣ этого въ сочиненіяхъ г. Миллера встрѣтили мы совершенно излишнюю и бесполезную шутку, будто въ предлагаемомъ изданіи или прочихъ трудахъ моихъ «взято» мною все главнѣйшее у

ра, подала сигналъ еще далѣе къ безконечному пролитію чернилъ и къ появленію статей, статей, цѣлыхъ толстыхъ книгъ, излюбившихъ предметомъ своимъ частію Нлю Муромца, частію г. Стасова, литературныхъ преній просто или даже официальныхъ диспутовъ въ университетѣ, и т. д.; на двухъ оконечностяхъ, раздѣленные барьеромъ, стали г. Стасовъ и г.

старшихъ Славянофиловъ: изъ собранія Бирѣвскаго мнѣ по смерти его переданъ только «матеріалъ;» статьи и примѣчанія покойнаго или Б. С. Аксакова, немногочисленныя и также посмертныя, отпечатаны вездѣ съ подписью ихъ. Остальное все въ изданіи и самое «изданіе,» въ тѣхъ условіяхъ, которыя темны взору, непривычному въ сихъ дѣлахъ, и пояснены нами выше, принадлежитъ исключительно мнѣ. Дядюшка г. Миллера, по трогательному разсказу сего послѣдняго, положилъ ему, дитяти, на рабочій столъ въ первыхъ выпускахъ Бирѣвскаго труда *мой*, безъ котораго вынѣнный обильный авторъ, взявшій изъ моего изданія «рѣшеніе собственной жизненной задачи,» долго, можетъ быть никогда, не зналъ бы текста, содержанія, языка, отличій, самаго имени нашего эпоса, въ томъ видѣ, въ какомъ это извѣстно стало теперь, а подавно не пришелъ бы къ блестящимъ своимъ выводамъ и высшимъ степенямъ. Ему неизвѣстны, умалчивая уже объ А. Ст. Хомяковѣ, связи мои съ Бирѣвскими, ни постепенный ростъ Славянофильства, въ которомъ былъ я ближайшимъ сверстникомъ (немного позже) Б. С. Аксакова. При всемъ моемъ уваженіи къ памяти ихъ, ради котораго я и несу на себя долгъ, завѣщанный пріязнию высшихъ друзей моихъ, едва ли кто въ состояніи заподозрить независимость и самостоятельность моихъ изданій или прочихъ трудовъ, сколько бы ни нашелъ въ нихъ недостатковъ. Г. Миллеръ не можетъ уразумѣть при семъ даже тотъ смыслъ, который имѣетъ у меня употребленіе названій «собраніе, Общество Л. Р. Сл., Коммиссія» и т. д.: совсѣмъ обратнымъ путемъ поднимаясь на свои, недостижимыя мнѣ, степени, привыкъ онъ открывать Америку безъ предшественниковъ и не скрываетъ «единственныхъ» заслугъ своихъ подъ названіями, кои намекали бы на общество и содѣйствіе.

Миллеръ, по бомамъ свидѣтели, вокругъ толпа сторонниковъ того или другаго; не только прочесть, даже перечесть всѣхъ перипетій отчаянной борьбы нѣтъ никакой возможности. Одинъ противникъ называетъ другаго «любезнѣйшій Владиміръ Васильевичъ,» «сѣдовласый мужъ,» «доблестный мужъ:» другой отвѣчаетъ эпитетами «кропотливаго крота,» чловѣка «Молчалинскихъ принциповъ,» который «не надѣленъ даромъ остроумія,» или прозвищемъ Русскаго «Менцеля.» Говорится о «гнѣздѣ» г. Миллера и о томъ, что «ничего другаго не знаютъ и не вѣдаютъ слѣпые его глаза,» особенно «послѣ трудовъ проф. Буслаева, стоящихъ на столько же выше трудовъ г. Миллера, на сколько трудъ мастера стоитъ выше ковырянья ученика, которому суждено никогда изъ учениковъ не выйти.» Ставится вопросъ о статьяхъ: «честно ли это?» Обзываются литературныя мнѣнія то «штучками,» то «завывающимъ тономъ анафемы, обличительною буллою, непогрѣшимостью папы.» Докладывается Русскою публикѣ, что одинъ другаго «отлучилъ отъ общества умныхъ людей» и что пожалуй «книга моя невыразимо глупа.» Смылаются на то, что одинъ соперникъ говорилъ «при свидѣтеляхъ» и какъ ему данъ былъ «отъ рукописи (статья) послѣдній листокъ,» но листкомъ злоупотребили. По поводу вѣщанія, одна сторона намекаетъ на «закулисныя сдѣлки» съ кѣмъ-то и разбираетъ, дѣйствительно ли «трудъ независимъ отъ какого либо Нѣмецкаго наважденія;» другая сторона спѣшитъ предупредить, кого сіе касается, чтобы толстая книга врага, эта «плодоносная лѣтняя баба,» не получила также успѣха въ совсканіи: «Сотни страницъ, употребленныя лишь на подобныя кривыя толкованія, становятся, не възрая ни на какой трудъ, ничтожными и ни на что негодными, и таковой книгѣ нельзя желать успѣха. Русскій народъ имѣетъ за собою столько дѣйствительныхъ качествъ заслугъ и значительныхъ историческихъ фактовъ, что не требуетъ себѣ на помощь славянофильской реторикки и размазни.» Выводится какое-то учрежденное Общество, въ коемъ про-

исходили личныя объясненія, а компрометирующіе факты «выпущены изъ жалости (къ тому-то) въ печатномъ протоколѣ за сѣданія.» Сцена переносится въ университетъ, на оффиціальныи диспутъ; печатается, что противнику «немедленно» доставлена была диссертация «для диспута,» а онъ явился только чтобы «просидѣть;» увѣряютъ, чему мы впрочемъ продолжаемъ не вѣрить, будто какіе-то «писатели» на диспутѣ возражали, что «мужичье преобладаетъ и господствуетъ въ жизни Славянской,» но что «словесность этого мужичья составляетъ предметъ совершенно чуждыи какимъ либо живымъ вопросамъ,» и т. д., и т. д. Какъ ни прискорбно намъ, что въ этой передрагѣ одинъ роняетъ видимый литературный талантъ свой, другой незамѣтно самому себѣ дѣлаетъ слишкомъ замѣтнымъ свое безсиліе, однако и тутъ еще не конецъ. Тотъ и другой главный супостаты, въ свѣтѣ сторонниковъ, попеременно при бѣгаетъ — печатно — къ посредству г. Ламанскаго и называетъ его — одинъ — «добрѣйшій, многоуважаемый, любезный Владиміръ Ивановичь,» другой — «мой старинный пріятель В. И. Ламанскій,» или за одно — «нашъ общій старинный пріятель.» Только что нашъ извѣстный любитель Славянства въ Европѣ, Азій и Африкѣ, успѣлъ произнести «объединяющую» «Русскую» рѣчь среди Славянъ въ Прагѣ; только что мы получили въ иллюстрированныхъ Чешскихъ изданіяхъ прекрасный портретъ его; только что задалъ онъ въ оффиціальномъ журналѣ «непорѣшенный вопросъ» и не рѣшилъ его до такой степени, что открылъ и подробно описалъ новоболгарскую рукопись «XVI—XVII вѣковъ,» «не позже первой половины XVII и едва ли раньше второй половины XVI вѣка,» выразивъ догадку о памятникѣ, «что онъ писалъ до 1666 года,» а въ самомъ дѣлѣ онъ по письму и языку XVIII-го, если еще не XIX вѣка; только что, при разборѣ и описаніи, минуя разстояніе двѣнадцати вѣковъ, смѣшалъ здѣсь Никомидійскаго Великомученика Георгія съ мученикомъ Георгіемъ, такъ называемымъ Сербскимъ или, правильнѣе, Болгарскимъ, и очень удивился, что при по-

слѣднемъ является, въ Болгарской Софіи, въ замѣнъ Діоклитіана султанъ съ пашами, кадіями, спахіями, съ диваномъ и съ шерманами ⁴²⁾; только что выразилъ сожалѣніе относительно найденной рукописи, что ни изъ покойниковъ, «ни другой кто изъ Славистовъ не употребили ея для своихъ грамматическихъ изслѣдованій, не представили хотя краткаго ея описанія и не сообщили даже отрывковъ изъ нея,» а самъ въ обиліи пополнилъ сей недостатокъ и, умолчавши о своихъ предшественникахъ въ изученіи новоболгарскаго языка, заплатилъ за свою забывчивость, прочитавъ въ рукописи и напечатавъ изъ нея «легома» вмѣсто «голема (большой, великій),» а особенно оотановившись на курьезномъ словѣ «псаха» и приведя выраженіе «или псаха,» то есть вмѣсто «и липсаха,» прошедшее отъ глагола «липсамъ» ⁴³⁾; наконецъ, только что коснулся здѣсь споровъ гг. Стасова и Миллера, назвавши перваго «старымъ и добрымъ пріателемъ,» а втораго «столь же старымъ и добрымъ пріателемъ:» только что, — говоримъ, — какъ оба подхватили его на третейскій судъ въ свои посредники и пронесли нынѣ имя его въ качествѣ «легома злѣ» по мытарствамъ своей литературной размолвки. Голосъ, Вѣстникъ Европы, С.-Петербургскія Вѣдомости, Журналъ Мин. Нар. Просв., Заря и кажется еще два-три «органа общественнаго мнѣнія» приняли на свои страницы и, кажется, еще не кончили всей перипетіи этой драмы. — Вопросъ локализовался въ С.-Петербургѣ: кромѣ Академій, Университетовъ, учрежденныхъ Обществъ, органовъ общественнаго мнѣнія, литераторовъ и ученыхъ, есть тамъ теперь цѣлыя стѣнки: одни за народное пѣснотворчество, другіе противъ, одни за г. Миллера, другіе за г. Стасова, одни за вмѣняемость приговора г. Ламанскаго, другіе за невмѣня-

⁴²⁾ Славистъ нашъ долженъ бы знать по крайности, кѣмъ и когда писано по Славянски житіе этого мученика.

⁴³⁾ Это послѣднее такой уже курьезъ въ дѣлѣ „Слависта,“ что близко роднитъ его со многими „Ориенталистами.“

емость. Справедливо общественное мнѣніе негодуетъ на разныя Московскія «исторіи,» ему надоѣвшія: но онѣ ограничиваются обычно своимъ «мѣстнымъ» поприщемъ и, не претендуя на «общее» значеніе, оставляютъ общее и серьезное дѣло итти послѣдовательно въ прежнемъ, болѣе или менѣе правильномъ, теченіи поступающей впередъ жизни. Только лишь провинціализмъ Петербургскій одинъ въ состояніи забирать вопросы Русской науки въ свою карманную собственность и, забывая объ остальной Россіи, Славянствѣ, Европѣ, выдавать свои бюрократическія рѣшенія за всеобщія. Мы всегда боялись за вопросъ ученый, какъ скоро онѣ туда переходить; оставалось, въ дѣлѣ народномъ, только одно нетронутое — пѣснотворчество: но пришла пора и ему. Нельзя было не радоваться, пока тамъ учились сему дѣлу по указкѣ Москвы, какъ нельзя равно не желать, чтобы дѣятельность интересующей насъ области покинула исключительную — по обстоятельствамъ — сферу Московскую и децентрализовалась по нашимъ провинціямъ къ лучшему преуспѣванію: но Петербургъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать столичному образу дѣйствій, по обычаю и здѣсь вдался въ свой узкій — и однако же — импонирующій провинціализмъ. Можно сказать теперь о народѣ нашемъ, что послѣднія, дотогѣ по крайности неприкосновенныя, рязы его раздѣлены и о послѣдней великолѣпной одеждѣ его, а иногда пожалуй и о простой послѣдней сорочкѣ его, простѣйшей пѣснѣ, метали жребій. И все это, кажется, ради профессорскаго мѣста, ученой степени, удачи диспута или преміи, журнальнаго гонорарія и своего рода славы. . . .

Мы безъ вины здѣсь виноваты. Наши изданія, наши труды подали поводъ къ трагикомической локализациі вопроса въ С.-Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, наше дѣло само въ себѣ и по существу своему, сколько бы ни было привнесено сюда частныхъ и личныхъ ошибокъ, не причастно подобной провинціальной суматохѣ. Вотъ почему мы обязаны были по крайности въ нѣсколькихъ словахъ выгородить его на будущее и высво-

СКVII

бодить на всегда отъ грезъ, надавленныхъ на Русскій мозгъ туманами прибалтійскаго Сѣвера. Наше дѣло, на сколько оно народно и посвящено цѣлому народу, поступаетъ въ развитіи неуклонно: свидѣтельствомъ уже предлежащій выпускъ. Общество Любителей Россійской Словесности, какъ ни скудно оно матеріальными средствами, существуя и дѣйствуя безъ казенныхъ субсидій, безъ видовъ на мѣста, степени, преміи и гонораріи, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ вопроса приняло его горячо къ своему сердцу и продолжаетъ отстаивать со всѣмъ рвеніемъ, не словами, а самимъ дѣломъ. Пожертванія Д. Чл. А. И. Кошелева, нынѣ—недавно—предсѣдателя, дали возможность пустить въ печать Словарь Даля. Обществу посвящены первые выпуски «Калѣкъ Перехожихъ:» теперь на тѣ же средства печатается 7, 8 и 9-й выпускъ. Обществу поднесены были первые томы коллекціи Рыбниковской, издавашіеся расходами его сочленовъ: нынѣ, могли мы порадовать Русскихъ, рѣшено съ пособіемъ тѣхъ же суммъ Общества печатаніе замѣчательныхъ Олоонецкихъ Причитаній. На тѣ же издержки печатается громадный сборникъ пѣсней Бѣлорусскихъ, куда вошелъ вкладъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго: а присный сборникъ послѣдняго, съ дополненіями, изготовленъ нынѣ въ матеріалахъ къ 9-му выпуску Пѣсней Историческихъ, отъ Петра 1-го до Александра 1-го. Если прибавить сюда еще нѣкоторые одновременные труды сочленовъ Общества по изданію памятниковъ и рѣшенію разныхъ вопросовъ народнаго пѣснотворчества, да двѣ-три статьи, хотя бы въ Петербургскихъ журналахъ, но внѣ помянутой злополучной локализациі, то мы въ правѣ сказать, что само дѣло далеко еще не проиграно, последнее время не прошло для него даромъ и будущее судить намъ еще новые существенные успѣхи.

* * *

Послѣ общаго обзора тому, что вошло содержаніемъ въ выпускъ 8-й, намъ по плану остается перейти къ частностямъ, къ Отдѣламъ и отдѣльнымъ Образцамъ.—Пѣсни о Петрѣ или, правильнѣе, Пѣсни Петровскія,—ибо онѣ далеко не всѣ выводятъ на сцену лицо государя, хотя и всѣ почти связаны съ нимъ такъ или иначе, — въ настоящемъ видѣ своемъ, когда собраны и послѣдовательно размѣщены согласно съ нитью исторической и вѣрно единству взгляда творческаго, распадаются видимо на *два Отдѣла главныхъ*: первый начинается рожденіемъ Петра и молодостью, простираясь до Войны Сѣверной и Походовъ Шведскихъ, второй идетъ до смерти государя и заканчивается нѣсколькими лицами, поставленными внѣ общаго хода дѣйствій. Въ первомъ народъ, какъ было съ нимъ и въ дѣйствительности, не успѣлъ еще и не смогъ въ умопредставленіяхъ и въ своей творческой фантазіи овладѣть слишкомъ крупною фигурою Петровою, ясно различить черты этого героя, возвести ихъ въ свой цѣльный образъ и опредѣлять здѣсь творческимъ однороднымъ способомъ. Народъ видимо раскидывается и даже какъ будто растерявается: то хватается за черты жизни личной и частной, то развлекается отношеніями и сценами семейными. Съ другой стороны, хорошенько не справившись здѣсь и чувствуя, что это почва не подобающая строгому творчеству, то прибѣгаетъ народъ къ наслѣдству Руси Древней и пробуетъ пустить на полотно ея краски, не будутъ ли онѣ приличнѣе, то принаравливается къ выступающимъ гордо явленіямъ жизни совершенно новой и пытается говорить ея языкомъ; то держится завѣщаннаго стариною склада, то туткимъ ухомъ слышитъ и даетъ слышать первые аккорды музыки со всѣмъ иной, не бывалой; то рисуетъ Петра по своему, въ крайне незатѣшливомъ нарядѣ, въ обиходной обстановкѣ, то какъ будто внезапно замѣчаетъ и приглашаетъ насъ замѣтить неожиданный ростъ державнаго исполина, а потому, увлекаясь имъ, вдается въ область древняго богатырства и не прочь искать пособія своему изображенію въ миеологическихъ

цѣтахъ и очеркахъ. Это, какъ и слѣдуетъ ожидать, всего чувствительнѣй отзывается и всего яснѣе выражается въ первой же Былевой пѣснѣ—*о рожденіи и молодости Петра*, потомъ въ повтореніи тѣхъ же почти мотивовъ, но уже въ другой половинѣ и во второмъ Отдѣлѣ, гдѣ историческое положительное міросозерцаніе взяло перевѣсъ и гдѣ самый образъ Петра достаточно опредѣлился передъ творческимъ взглядомъ, такъ что мѣсто Дѣвы-Рѣки Смородины заняла полумифическая, полусторическая Шведская Королева. — Однако подробности образцовъ въ томъ и другомъ Отдѣлѣ, взаимное сличеніе ихъ и частныя отличія отняли бы теперь у насъ много мѣста и мы ихъ отлагаемъ до «Замѣтки» слѣдующаго выпуска. Тамъ ихъ еще удобнѣе будетъ рассмотретьъ, между прочимъ и потому, что онѣ связаны съ остальными Историческими Пѣснями XVIII вѣка. И такъ, до будущаго.

П. Бѣзсоновъ.

Конецъ 8-го выпуска.

ЦѢНА 1 Р. 50 КОП. СЕР.

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢВИЧЪ

ЦАРЬ БѢЛЫЙ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ ПО ЗЕМЛѢ

8

THE HISTORY OF THE

ROYAL SOCIETY OF LONDON

FROM ITS INSTITUTION

THE STATE OF TEXAS

COUNTY OF ...

Know all men by these presents that ...

WITNESSETH

That the above and foregoing is the true and correct ...

Цѣна 1 р. 50 коп.

*

Изъ Пѣсней, собр. П. В. Кир., въ продажѣ:

	Руб.	Коп.
Выпускъ 1, 2, 3 и 6-й.	по	— 50
— 4, 5 и 7-й.	„	1 —
Всѣ съ 8-мъ.	„	6 50

Прочія изданія Общества:

Кирило-Меодіевскій Сборникъ	„	2 —
Письма Карамзина и Грибоѣдова.	„	— 50
Сочиненія Мерзлякова, 2 тома.	„	3 —
Бесѣды въ Общ. Л. Р. Сл. вып. 1 и 2-й.	„	1 —
Всѣ изданія Общества.	„	14 —

Уступка не менѣе какъ при 10-ти экз.

—

При Обществѣ:

Калѣки Перехожіе, сборникъ народныхъ духовныхъ Стиховъ, вып. 1—6.	„	1 —
Рыбникова, сборникъ пѣсней, т. 1 и 2-й.	„	2 —
Дѣтскія Пѣсни, кн. 1 съ рисунками.	„	1 50
То же на обыкновенной бумагѣ	„	— 80

За всѣми изданіями вмѣстѣ обращаться (пересылка безплатно) къ Секретарю О., П. А. Безсонову, въ Университетѣ.

—

T 4524

